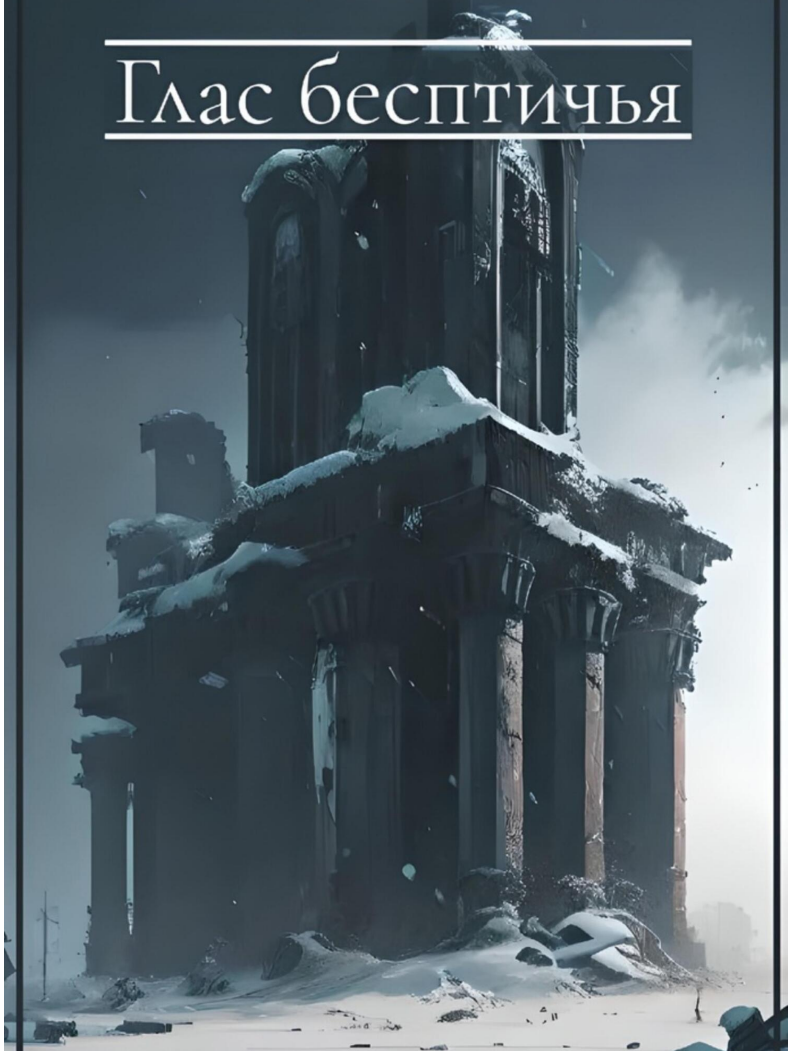

Константин Миг

Глас бесптичьа

Константин Миг

Глас бесптичья

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69691879
SelfPub; 2024*

Аннотация

Гротеск, хаос, овладевший умами и сердцами людей, боль, стремление любить, поиск равновесия и мысли о будущем человечества – основные составляющие данного романа. Альтернативная реальность «Гласа бесптичья» – это мир, где солнце скрывается за свинцовыми облаками, мир, где бал правят безумные правители и скрытые силы, желающие поставить человечество против его воли на новую ступень развития. Повествование затрагивает нескольких совершенно разных героев, которые по воле судьбы вынуждены нести общее бремя – бремя поиска равновесия, положения, в котором чёрное не будет доминировать над белым.

Содержание

Часть 1 – «Центр равновесия»	5
I	5
II	24
III	44
IV	61
V	79
VI	104
VII	122
VIII	130
Часть 2 – «Пустоши»	143
I	143
II	164
III	166
IV	180
V	184
VI	199
VII	207
VIII	224
IX	242
X	247
XI	257
XII	283
XIII	291

XIV	300
XV	318
XVI	331
XVII	353
Часть 3 – «Битва при Лайде»	359
I	359
II	369
III	376
IV	383
V	392
VI	406
VII	417
VIII	430
IX	438
X	476
Часть 4 – «Чудовища»	478
I	478
II	489
III	496
IV	510
V	517
VI	523
VII	529
VIII	535
IX	540

Константин Миг

Глас бесптичьа

Часть 1 – «Центр равновесия»

I

Он вошёл в комнаты уверенный и тихий. Оглядел собравшихся, поклонился, не обращаясь ни к кому лично, и поспешил отойти в сторону. Множество взглядов устремились ему вслед, и Эовин это почувствовал. Позже заметив, что кресла у камина пустуют, он сел в одно из них и, осмотревшись, подумал: «Остаётся лишь ждать».

Бальный зал располагался в бельэтаже дома семейства Хауссвольф, являясь серединой анфилады из семи комнат. Танцы ещё не начались, было слишком рано, но гости уже сновали от стола к столу, пили вино, беседовали. Их голоса наполняли пространство шелестящим шумом, который, словно волна, сначала медленно и лениво тянулся, колеблясь в привычном диапазоне, но затем, словно по чьему-то велению, усиливался и через мгновение обрушивался на зал каскадами смеха и радостных возгласов.

Появление Раапхорста заставило шум поутихнуть: присутствие Эовина многим не понравилось. Однако, через пару минут о мужчине забыли, ведь гостей, в первую очередь, волновал не он, а виновница торжества – Елена Хауссвольф. Пока в зале не было ни её, ни её отца – Арвида, что, впрочем, не мешало гостям говорить о них.

Молодые девицы, разряженные, словно для последнего танца, злые и гордые, замирали от одной лишь мысли о платье, которое выберет Елена. Её вкус считался безукоризненным, хотя она и жила когда-то в Арпсохоре, стране дикой и невежественной, чьи нравы, по мнению дексардцев, были поистине первобытными. Взрослые же, как правило, касались в разговорах состояния семейства Хауссвольф. Им не давал покоя тот факт, что наследницей столь внушительного капитала станет какая-то девчонка, а потому часто предпринимали попытки сосватать ей своих сыновей. Эти люди знали, её отец с радостью примет предложение, так как, несмотря на богатство, он не являлся равным членом высшего света. Его представители воспринимали Арвида как забавную зверушку, арпсохорца, неуклюжего медведя, и тот, как любой честолюбивый богач, хотел войти в высшее общество, словно к себе домой.

Вечер, тем временем, продолжал вступать в силу, и в армию гостей с каждым часом вливалась новая кровь. К восьми прибыл банкир с супругой, через полчаса – граф Верде, в девять явилась чета министра обороны, Теофил Арбрайт –

заместитель главы ЦНИ (центрального научного института), и так вплоть до десяти. В последний момент, считающийся приличным, в комнаты вошли сёстры Девильман – молодые барышни Кларисса и Александра.

Гости не могли не заметить сестёр, облачённых в массивные платья, красное – у Клариссы и голубое – у Александры, но более всех не в состоянии проигнорировать девушек был Евгений. Он оглянулся и помрачнел, его высокий лоб перерезала тёмная морщина.

«Чудесные создания, – подумал он, – и такие разные...»

Кларисса посмотрела на него и презрительно хмыкнула, Александра хотела было подойти, но что-то удержало её, словно в девушке шевельнулась гордость. Она издали кивнула Раапхорсту, улыбнулась старичку-банкиру, стоявшему рядом, поклонилась его жене и тотчас стала частью вечера.

«Не подошла, – про себя усмехнулся Евгений. – Что ж, возможно, это к лучшему. И для неё, и для Елены».

Как только в его мыслях мелькнуло дорогое имя, тотчас, повинувшись странному капризу судьбы, двери восточного коридора открылись, и к гостям вышли хозяева вечера – отец и дочь. Арвид был одет в чёрный праздничный костюм, придававший его и без того суровому виду мрачную торжественность. Елена, ко всеобщему разочарованию, выбрала довольно простой наряд – на ней было платье голубого цвета, ничем не выделяющееся, разве что элегантно покроем. Подобная скромность была воспринята молодыми кокетками как сла-

бость, но у Елены имелось особое мнение на этот счёт. Девушка не хотела выступать диковинным зверем на собственном празднике.

– Ах, Арвид! – раздалось приветственное эхо. – Какой вечер! Поздравляем, Елена! Прекрасно выглядишь, дорогая.

Хозяин дома улыбнулся и что-то сказал в ответ. Елена поклонилась гостям и исподтишка оглядела зал. Евгения рядом не было, но девушка знала, что не явиться он не мог. Когда отец отошёл от дочери, углубившись в ряды гостей, к Елене приблизился невысокий седой старец, граф Верде, поздравил и передал каменную шкатулку, с лукавым прищуром добавив:

– Откроешь, когда будешь одна. Отцу не нужно знать, о цене этой милой мелочи. Мой сын не сможет нас посетить, так позволь вручить подарок от его имени.

– Но могу ли я принять это? Приличия... – зардевшись, спросила Елена, но граф промолчал, подмигнул и отошёл, перепоручив именинницу другим гостям.

«Невозможный старик», – подумала девушка, но вскоре забыла и о шкатулке, и о Верде.

К ней подходили гости. Каждый хотел засвидетельствовать почтение, поздравить, показать, что он значим. Елена соглашалась с этим замаскированным проявлением эго, стоя на небольшом возвышении у восточной стены и покорно принимая поцелуи в руку и тёплые, но пустые слова. Подарки скапливались на просторном столе, поставленном за-

ранее, и гора коробок, флаконов и шкатулок росла с каждой минутой. Гости приближались, поздравляли, улыбались и исчезали, сливаясь с пёстрым океаном платьев, вееров, электрических огней. То был ураган цветов, запахов и движения, вызванный в честь дня рождения наследницы Хаусвольфа. По мнению Арвида, это действо могло позабавить его дочь, оставить в её душе приятный отпечаток. Елене не хотелось разочаровывать отца, и она играла уготованную ей роль, однако, его воля была не единственной причиной, заставлявшей Елену стоять здесь. Помимо этого, существовал Евгений Раапхорст, которого именинница к своему ужасу не видела среди разряженных в пух и прах гостей.

«Он должен прийти... Должен! Иначе, это была бы самая глупая и пустая ложь!» – мысленно восклицала девушка, принимая очередной поцелуй. С невидимым отвращением посмотрев кому-то в лицо, Елена поблагодарила и снова окинула взглядом бальный зал. Музыканты играли уже час, столы вынесли, и когда поздравления закончились, многие из мужчин пожелали ангажировать виновницу торжества на танец. Елена пришла в ужас, получив первое приглашение, но отказать не могла. Девушка неохотно подала руку партнёру и вместе с ним вскоре рассекала зал, не переставая наблюдать за толпой гостей. Где-то среди этих пустоголовых франтов она желала увидеть его – черноволосого мрачного мужчину, тихого, как тень.

Минуло четверть часа, первый танец завершился, но за

ним следовал ещё один, а затем ещё и ещё. Представив вереницу малознакомых мужчин, которые будут весь вечер назойливо лезть в глаза, Елена вздрогнула и почувствовала, как ей становится плохо. Окружающий мир превратился в белесый туман, несущий отвратительный сладкий запах. Этот приторный аромат девушка готова была променять на могильную сырость, на самый страшный склеп, лишь бы находиться там рядом с ним, но не здесь, среди изнеженных мальчишек. Но это был лишь крик души. Перед Еленой предстал очередной партнёр, она вымученно улыбнулась, положила руку ему на плечо и медленно зашагала к центру зала. Музыканты вновь заиграли, и пространство наполнилось звуками скрипки, фортепиано, виолончели и альты. Начался новый танец, и именинница отчётливо поняла, что в его продолжение чуда не случится. Улыбка её партнёра злила её, его рука на спине приводила в бессильное бешенство, а Раапхорст не появлялся.

Наконец, эта пытка завершилась, и именинница, уставшая, будто танцевала несколько вечеров кряду, села в кресло у западной стены и закрыла глаза. Надежда таяла, и сердце жалобно сжималось. Девушка больше не хотела никого видеть, ей не были нужны подарки и поздравления, теперь она нуждалась только в покое.

– Странно, отчего он не идёт к ней? – приблизившись к сестре, спросила Александра. Она уже поменяла нескольких партнёров и во время небольшого перерыва решила погово-

ритель с Клариссой. Та ухмыльнулась.

– Какая разница? В любом случае, тебе он больше не принадлежит.

– Тише! – шикнула Александра. – Думай, что говоришь!

– Посмотрите, как она боится! Но не стоит, я не буду шуметь, если, конечно, ты меня не задушишь. Видимо, эта тайна так страшна, что даже ты способна потерять самообладание, – рассмеялась Кларисса, послав взгляд в сторону каминна. Евгения там уже не было.

«Он и девчонка Хауссвольф сами ведут себя в могилу», – подумала она, не переставая улыбаться.

– Прости, – Александра потупилась. – Но ещё раз прошу, тише. Никто не должен знать. Даже ты...

– Забавно, ведь ты всё рассказала по собственной воле. Ты была так очарована, так раздавлена его обаянием, что сама выложила тайну. Без принуждения, – напомнила сестра.

– И теперь искренне жалею об этом! Если бы можно было всё предотвратить... Для чего существует эта проклятая влюблённость! – в сердцах воскликнула Александра и тотчас огляделась, испугавшись, что своим возгласом привлекла чьё-нибудь внимание. Но гости, увлечённые вечером, беседой, вином и шампанским, даже не посмотрели на забывшуюся младшую сестру Девильман.

– Любовь – чувство спорное, – изрекла Кларисса, – но наделённое великой силой. В ней слиты гармония и хаос...

– И что? – недовольно прошептала её сестра. – Пофилло-

софствовать решила?

– Подумай, ведь это странная забава высших сил, если они есть, конечно, наделить нас взрывоопасной натурой и наблюдать за тем, как совершенно разные естества притягиваются друг к другу и в лучшем случае – остаются скованы чувством на какое-то время, а в худшем – растворяются в ненависти с дырой в груди. Ты должна понимать, ты ни первая и не последняя. Таких идиотов тысячи и сотни тысяч...

– Но разве я виновата?

– Не в этом, так в другом, – Кларисса нехорошо сощурилась. – Надеюсь, Раапхорст и ты своё ещё получите...

– О чём ты? – воскликнула Александра. Ей не понравились слова сестры и более того – они её напугали.

– Увидишь, – шепнула Кларисса и отошла. Её наконец-то кто-то пригласил в зал, и младшая сестра осталась в одиночестве. Лишь когда начался третий танец, заставивший её отвлечься от тревожных мыслей, она оправилась и вернулась в круг танцующих.

В это время Арвид стоял в компании банкира и ещё троих мужчин. Он рассказывал что-то о финансовой политике Арпсохора, совершенно забыв о дочери. Общество знати, которого мужчина так искал, опьянило его, и он, сам того не заметив, потерял бдительность.

На третьей минуте с момента, когда раздался новый музыкальный пассаж, Елена встала. Вздохнув, она в последний раз бросила взгляд в толпу без всякой надежды, но миг и

тоска рухнула. Девушку кто-то взял за руку, сердце Елены оборвалось, она обернулась, и...

Перед ней стоял он. Евгений Раапхорст.

– Здравствуй, – негромко сказал он. Его хриплый голос был спокоен, будто эовин не боялся, что их заметят.

– Отпусти, – спохватилась дочь Хауссвольфа, но мужчина крепко держал её ладонь в своей.

– Не волнуйся, твой отец и остальные нас не заметят. Пока что они слепы.

– И... Долго ты так можешь? – округлив глаза, прошептала Елена.

– Пару минут.

– Немедленно за мной! – тотчас приказала девушка и вместе с Раапхорстом зашагала к двери. Выйдя из бального зала, залитого огнями, и стремительно пробежав по освещённой анфиладе, почти невидимые для гостей, они оказались у винтовой лестницы, ведущей на третий этаж. Взбежав по каменным ступеням, они вышли в коридор. Лунный свет проник сюда сквозь громадные окна и падал на противоположную стену, гул гостей внизу стал едва слышен, и влюблённые, словно призраки, проникли в зимний сад под гигантским стеклянным куполом. Здесь царил синий сумрак, в котором чёрными лапами выступали ветви кустарников и деревьев, тонкими линиями выделялись стебли цветов. Некоторые из них занимали горшки, другие были высажены в землю, окаймлённую белыми квадратами бордюра. Тропин-

ки, покрытые серыми коврами, вели в центр сада, где на небольшом возвышении, в окружности, образованной живой стеной, находились диваны. Сидя на них, можно было любоваться миниатюрным фонтаном, выполненным в виде чаши, в которой стояла влюблённая пара. Мраморные человечки держали друг друга в объятиях; над их головами танцевала тонкая струйка воды, подвижная и живая.

Не оглядываясь, Елена и Евгений проследовали к диванам и сели. Мужчина легко поцеловал девушку, после чего отодвинулся, давая ей прийти в себя. Она сидела не в силах что-либо сказать.

После минуты тишины Елена заплакала.

– Не надо, – попросил Евгений. – Я не достоин слёз, тем более, твоих. Ты прекрасно знаешь, я подлец... Моё присутствие может принести тебе большой вред.

– Нет, не смей так говорить, – перестав плакать, промолвила Елена. – Если бы ты не пришёл, я сегодня, наверное, умерла... Если бы ты знал, как я страдала, пока танцевала с этими... Этими... Я очень испугалась.

– В этом-то и дело. Ты говоришь «наверное», подразумевая «может быть», но со мной ты погибнешь наверняка. Ты плачешь, я полагаю, от радости, но подумай, мы нарушаем волю твоего отца и, кроме того... – промолвил Эовин, и его скрипучий голос вдруг стал чистым.

Мужчина говорил искренне, и это встревожило девушку.

– К чему ты ведёшь? – она замерла. – Ведь вместе нам

хорошо. Нам позволено обвенчаться, и если закон на нашей стороне, то мой отец мне не указ!

– Надеюсь, ты передумаешь... Впрочем, ты весьма упорна, – усмехнулся мужчина и вновь поцеловал Елену, готовую было снова что-то сказать. Она в сердцах ударила Евгения в грудь своим маленьким кулачком, но позже ответила на повторный поцелуй и на минуту перестала думать о словах Эовина.

– Мне всё равно, что ты волнуешься о моей судьбе. Не смей отталкивать меня, даже если думаешь, что с другими мне будет проще, безопаснее. Мне не нужна никакая безопасность, если я лишусь тебя... Ну же, скажи, ты думаешь, без тебя я буду счастлива? – позже вновь заговорила девушка, не зная, как выразить то, что накопилось в её душе. Она порывисто вздохнула и приготовилась слушать.

– Нет, – ответил Раапхорст, – без меня тебе не будет хорошо. И я говорю это не потому, что тщеславие застилает мой взор, нет... Просто я знаю тебя, знаю твои мысли. Ты любишь, а против этого ничего сделать не способен даже Эовин.

Через пару секунд он добавил:

– Да, это весьма непростая задача, соблюсти равновесие между нашими интересами и интересами твоего отца, представлениями общества...

– Разве нас должно это волновать? – наивно спросила девушка. – Мы вместе и на этом всё!

Сейчас она едва ли думала об общественном одобрении.

Её собеседник неопределённо мотнул головой, не найдя, что сказать. Столь важное для них свидание они начали не с самой приятной темы, но Раапхорст знал, что горькую пилюлю лучше получить в самом начале, пока есть возможность повлиять на ход болезни.

Елена, решив, что осталась права, улыбнулась и ощутила прилив тепла от осознания мнимой победы.

– Мне интересно, – шутливо сказала она, почувствовав на плече руку Евгения, – а что если моя любовь ненастоящая? Вдруг она вызвана твоей волей? Ведь такое может быть?

Раапхорст улыбнулся.

– На такую глупость я бы не решился. Вызвать любовь, всё равно, что изобрести машину. Она будет выполнять только то, что ты в неё заложил. Стоит лишь залить в неё бензин или дизель, и она начнёт работу. Но в этом устройстве нет души, а потому она напоминает мне о безумии. Она не остановится, не почувствует боли или радости, она просто будет работать и, словно в приступе забытья, шаг за шагом выполнять свою функцию, невзирая ни на что. Создать такую машину в тебе и завести я не смог бы.

– Да, потому-то ты и не любишь машин, – ни с того ни с сего изрекла Елена, решив, что это умно.

– Не люблю, – согласился Евгений и, ничего не добавив, вновь обнял девушку.

Он чувствовал, что в ней заключается нечто ценное. Были то покой, надежда на грядущие счастливые дни или иное,

но что-то пробуждало его, ломало привычную холодность, заставляло любить нелёгкую жизнь. Раапхорст не знал точно, любовь это или мимолётный мираж, но, тем не менее, одновременно боялся, и потерять Елену, и причинить ей вред своим присутствием, своими ухаживаниями, слабостью, которой она его наделила.

Стрелки старых напольных часов, стоявших в одном из помещений бельэтажа, постепенно приближались к полуночи. Гости как ни в чём не бывало приступили к ужину, забыв о виновнице торжества. Лишь один человек в особняке Хауссвольф не потерял Елену из виду – особа, повлиять на которую сполна Раапхорст не смог. Дождавшись минуты, когда хозяин дома останется один, Кларисса Девильман подошла к нему и попросила уделить ей немного внимания. Мужчина, больше всего на свете дороживший своей репутацией, ответил отказом, но девица не отступала. Она придвинулась к Хауссвольфу и прошептала: «Это касается Елены».

Арвиду пришлось уступить. Он встал и вместе с девушкой отошёл от стола. Девильман, довольная собой, дождалась подходящего момента и заговорила. В следующие несколько минут мужчина смотрел на Клариссу с мрачной злобой, более всего на свете желая, чтобы её слова оказались ложью.

Когда Девильман замолчала, Арвид взял её за руку и прохрипел:

– Ты лжёшь...

– Ах, вот как? – усмехнулась девушка. – Значит, пойдите и посмотрите сами. Они поднялись на третий этаж. Думаю, вы знаете, где там можно уединиться...

– Молчи, – сдавленно приказал Хауссвольф. – Молчи. Если кто-то услышит, ты...

Его сомкнутые губы побелели. Ещё секунда, и мужчина мог сорваться, но сообразительная Кларисса поклонилась и негромко позвала Александру, которая проходила мимо, возвращаясь из уборной. Увидев её, высокую, длинноволосую, статную – официальную наследницу одного из влиятельнейших домов Дексарда, Арвид успокоился. Он отпустил Клариссу и, совладав с собой, попросил её и Александру занять места за столом.

Оглянувшись и тем самым удостоверившись, что недавняя сцена оказалась незамеченной, мужчина немного подождал и позвал лакея. Незамедлительно к Арвиду приблизился юноша в белой рубашке, и хозяин дома негромко сказал: «Приведи его... Он должен быть у себя, во флигеле. Пусть ждёт в вестибюле, есть дело».

Слуга послушно удалился.

«Ну, только попробуй обмануть меня, глупая девчонка!» – мрачно проговорил Хуассвольф.

Немного позже он извинился перед гостями и направился на первый этаж. Никого особо это не удивило. Все настолько увлеклись трапезой, что и виновница торжества, и её отец

отошли на второй план. Теперь на первом месте для собравшихся была вкусная пища, весёлый разговор и возможность хотя бы на один вечер забыть о вездесущих проблемах.

Вскоре Хауссвольф стоял в вестибюле. Там ему пришлось подождать несколько минут, после чего входная дверь с грохотом отворилась, и в дом вошёл приземистый бородатый человек, одетый в поношенный кожаный плащ. Сапоги старика оказались вымазаны в грязи, седые волосы всклокочены, под грубыми ногтями скопилась грязь, и, кроме того, не самое приятное впечатление усиливали красные слезящиеся глаза на пожелтевшем лице, смотревшие так, будто старик искал добычу. Приведя этого страшного человека, лакей тотчас убежал.

Арвид недовольно повёл носом и изрёк:

– Омерзительно! Свиньи и то лучше пахнут.

– Куда уж нам до вашей живности, – проворчал пришедший и вдруг страшно раскашлялся, будто в горло ему залетел комар.

– Молчи, дурак, гостей распугаешь, – сказал Арвид. – Сейчас мы поднимемся на третий этаж. Вопросов не задавай и не вздумай кашлять. Если нас услышат...

– А, дочка шалит, – блеснув глазами, усмехнулся старик. – Как же, понимаем, понимаем. Раапхорст, говоришь... Что ж, посмотрим, что за птица такая.

– Не ори, идиот! – приказал хозяин. – Помни, дело строжайшей секретности, и ни одна душа про это не должна

знать.

– И не будет, – согласился пришедший, лишившись всякой весёлости.

Теперь старик не шутил.

За пару минут они преодолели несколько лестничных пролётов и вышли в коридор, по которому не так давно бежали влюблённые. Арвид жестом остановил пожилого Эвина и прислушался. Здесь было тихо, только внизу раздавались голоса гостей.

«Возможно, Кларисса обманула», – с яростью подумал мужчина, но его спутник отрицательно покачал головой.

– Они здесь, – сказал он, и последняя надежда Хауссвольфа рухнула в тартарары. Он шёл вперёд, и каждый новый шаг давался тяжелее предыдущего. Наконец, до уха Арвида донёсся звук, напомнивший голос дочери, и тотчас исчез, канув в безызвестность.

– А! – вскричал старик. – Почувствовал. Вздумал бежать, паршивец!

С неожиданной для его лет скоростью он ринулся вперёд и остановился у входа в зимний сад. Хауссвольф оказался тут же через пару секунд, что-то выкрикнул и бросился к возвышению. Он чувствовал – Елена рядом.

– Ну, делай своё дело, старый чёрт! Делай и не мешкай! – не обнаружив никого ни на диванах, ни на скамьях, возопил Арвид. Он метался из стороны в сторону, словно сумасшедший, никого не видя и не слыша. Его охватил ужас: «Если

это выльется в свет, случится скандал».

Старик кивнул и окинул недобрым взглядом округлую площадку. Его глаза, кажется, почернели, губы искривились в отвратительной усмешке, частично обнажив зубы, источенные гнилью, и впалые дёсны. Этот человек знал, как искать врагов, как различать малейший признак их присутствия, улавливать их мысли и нападать. Он был уверен, что его жертвы находятся где-то здесь, ведь недавно он слышал их разговор, ощущал волнение, исходящее от девушки, лёгкий страх, любовь. Так продолжалось около минуты, но ничего не происходило. Хауссвольф вновь начал ободрять себя, но его спутник был непреклонен. Бросив прожигать взглядом зимний сад, он обернулся к хозяину и прохрипел:

– Что же вы стоите, как истукан? Правды знать не хотите?! А она тут, перед вами!

– И где? – взорвался Арвид. – Мне нужна дочь! Найди её... Делай, что положено.

– Позовите её, устыдите, и она сама к вам явится, – пообещал старец и снова принялся сверлить взглядом комнату.

Хауссвольф огрызнулся и из последних сил торопливо и сбивчиво закричал:

– Елена, имей совесть! Я волнуюсь за тебя... Помнишь наш разговор? Я просил, чтобы ты постаралась и не ранила мои отцовские чувства... Что бы сказала твоя мать, если бы оказалась здесь?! Умирая, она вверила тебя мне, и что стало? Ты не слушаешь меня, плюёшь в душу... Наглая девчонка!

– Наконец-то, – удовлетворённо прохрипел слуга. Дело было сделано. Где-то в пространстве послышался скрежет, низкий вибрирующий гул волнами окутал воздух, и Арвид, пошатнувшись, упал на колени. Пелена спала с его глаз.

– Папа! – раздался женский голос, и из тьмы перед ним возникла дочь. Она стояла у второго выхода, белой каменной арки, рядом с Раапхорстом и испуганно глядела на хозяина дома. Влюблённые себя обнаружили.

– Вон... – в страшном изумлении глядя на Евгения, прошептал Арвид. – Вон! – уже рявкнул он, почувствовав, как колени предательски дрожат и стучат об пол.

– Отец! – вновь крикнула Елена, будто одним этим словом желая оправдаться, но Хауссвольф не слышал. Евгений отпустил её и подошёл к хозяину дома. Рядом с ним стоял приземистый старик и довольно потирал толстые мозолистые ладони.

– Что, молодчик, выкусил! – рассмеялся эовин, поглядывая на фигуру неудачливого любовника.

– Хватит! – приказал Арвид, с трудом поднявшись на ноги. – Убирайся... – сдавленно прошептал он, глядя на черноволосого эовина.

– Вы выгоняете меня за то, что я остался с вашей дочерью наедине? – безэмоционально уточнил Евгений.

– За то, что ты пытался скрыть это от меня. Благо, я вовремя спохватился, – грозно ответил Арвид и тотчас добавил, надеясь, что Евгений струсит:

– Ходят слухи, что для тебя родительское слово имеет значение. За это тебя можно уважать, но Эовин не станет мужем моей дочери, так и знай.

Раапхорст стоял на месте, будто только что прозвучавшие слова его совсем не касались.

– Ваш страх понятен, – негромко сказал он. – Хорошо, мы подождём, пока вас напугает что-то ещё. Прощай, Елена. Ни о чём не думай, это пустое. Сейчас я уйду, но вернусь позже, даже если этот дом будет оцеплен.

– Только попробуй, – просипел Арвид.

Евгений, не обратив на это внимания, поклонился, снова взглянул на девушку, державшуюся во время этой сцены весьма стойко, и двинулся к выходу из сада. Вскоре Эовин был за пределами дома, сидел в старомодной служебной машине и слушал гуд мотора – единственный механический звук, не отталкивающий Евгения. Поглядывая сквозь мутное окно на серые столичные улицы, укрытые осенней мглой, Раапхорст желал лишь одного – как можно скорее вернуться домой.

II

Через несколько минут автомобиль остановился. Евгений, слегка задремавший, потянулся, посмотрел в окно и, заметив трёхэтажную громаду дома, поёжился. Приказав водителю заехать за ним завтра в девять, мужчина вышел на улицу. Он вдохнул полной грудью холодный осенний воздух, подошёл к парадной, два раза постучал в дверь, после чего её отворил швейцар. Человек в ливрее выглянул наружу, и из его рта вырвалось облачко пара.

– А, господин Раапхорст. Здравствуйте, проходите, – добродушно промолвил старик, и Евгений, кивнув, вошёл. Решив не заводить разговоров на ночь глядя, он молча миновал парадную и по лестнице поднялся на второй этаж. Свернув направо, эовин заметил нужную дверь и сверкающую на стене кнопку-звонок. Достав ключи, Евгений отпер квартиру и тотчас ощутил приятный домашний аромат. В прихожей мужчина разулся и начал снимать с себя пальто, как вдруг до его слуха донеслись шаги Арнет – женщины, некогда заменившей Евгению и его брату мать. Теперь же она, как и много лет назад, выполняла обязанности экономки, радея о чистоте и порядке в доме. Заметив появление хозяина квартиры, пожилая женщина вышла к нему и наградила мужчину неласковым взглядом, будто спрашивая, отчего он так рано.

Она догадалась, что что-то произошло.

– Здравствуй, – сказал Евгений.

– Ну, привет, мальчик, привет, – отозвалась женщина, скрестив руки на груди. Перебирая пальцами в ожидании, пока он снимет верхнюю одежду, она невольно слепила его отблеском от металлического перстня.

Раздевшись и снова взглянув на Арнет, Евгений усмехнулся: она не изменяла себе и была так же строга, как и пару десятков лет назад, когда он только познакомился с ней. Возраст не касался её характера – в душе женщина оставалась молодой, благовоспитанной и по-военному дисциплинированной служанкой, которой хозяева доверили самое важное в жизни родителей – детей.

– Ты рано, – проскрипела седовласая женщина.

– Я помешал? – улыбнулся Эовин, закрывая громоздкий шкаф, стоявший рядом.

– Старикам всегда кто-то мешает, такова наша особенность, – Арнет покачала головой. – Проходи, я скоро подам ужин.

– Разве ты могла знать, что на балу я не съем и крошки? – спросил мужчина, взглянув на дверь с правой стороны коридора, за которой находилась столовая. Эовину показалось, что оттуда доносятся звуки, но мысленный фон был чист.

– Всё-таки ты не лгал, когда обещал не лезть в мою голову. Спасибо тебе за это. Иди, он ждёт, – в ответ сказала Арнет и, ничего не объяснив, зашагала по направлению к кухне.

Мужчина, оставшись один, нахмурился. Позже машинально посмотрев на северную стену, он заметил щит с изображением фамильного герба – чёрного двуглавого орла, будто наблюдавшего за каждым вошедшим. Обычно изображение этого создания, чьи когти сжимали серую треснувшую сферу, символизирующую мир после Последнего взрыва, успокаивало Евгения, но не сейчас. Простояв в нерешительности пару секунд, мужчина, наконец, отмер и направился в столовую, искренне жалея о своём обещании. Неизвестность, даже небольшая, действовала ему на нервы, но к счастью для Евгения, опасения, которые он успел смутно почувствовать, не оправдались, и за дверью его встретил аккуратно накрытый стол и сидящий за ним у противоположной стороны молодой мужчина, брат – Максим Раапхорст.

– А, явился всё-таки! – радостно вскричал тот и встал. Подойдя ближе, хозяин дома удивлённо взглянул на гостя, будто не понимая, отчего он находится здесь, но через секунду улыбнулся – они не виделись два года.

Обнявшись в знак приветствия и что-то сказав друг другу, братья сели за стол.

– Ты внезапен, – констатировал Евгений, собрав пальцы в замок. – Я думал, что не увижу тебя ещё год.

– Работа – не смысл моей жизни. Я подумал, что могу навестить тебя. Надеюсь, ты рад, – пробасил Максим. Черно-волосый мужчина растерянно посмотрел на брата. Что и говорить, после столь длительной разлуки к виду и голосу да-

же родного человека приходилось привыкать заново.

– Разумеется, – Евгений кивнул. – Тебя здесь всегда рады видеть, ведь это и твой дом, однако, в следующий раз предупреждай. Я говорю так, потому что сегодня тебе, по-видимому, пришлось ждать моего возвращения, что не слишком вежливо.

– Мелочи, – отмахнулся Максим. – Не думай о вежливости. Тебя я готов ждать, сколько потребуется и... Ах, Арнет, вот и ты. Наконец-то! Я так проголодался. Ну, что тут у нас?

Через пару минут женщина в несколько заходов расставила на столе блюда, пожелала мужчинам приятного аппетита и удалилась. Максим жадно набросился на еду, и следующие полчаса ел с большим аппетитом, Евгений же приступил к ужину неохотно, не переставая думать о случившемся в особняке Хауссвольф.

Во время размышлений он ни разу не усомнился в том, что к финалу нынешнего вечера, так или иначе, вели все пути. По-другому, думал Евгений, быть не могло, и данная развязка стала лишь закономерным финалом неудачной связи, возникшей без предварительных намерений, без тщательного анализа. Раапхорст думал, что он человек разума, а не плоти, и теперь, увязнув в любви – амбивалентном, спорном и сложном чувстве, ощущал себя слабым и беспомощным. Мужчина спрашивал себя, любит ли он и отвечал утвердительно. Спрашивал, нужна ли ему эта любовь, и здесь возникали сложности. Разум, прибегая к многочисленным до-

водам, отвечал отрицательно, но какая-то сторона человеческой природы, сторона, желающая нежности, любви, потакания слабостям и смирения, глодала его и утверждала, что нужна. Воевать с ней, мужчина знал, бесполезно, и единственное, что можно было сделать – без конца рационализировать то, что не поддаётся рационализации, облекать чувственный хаос в строгие формы логики, пытаться объяснить необъяснимое, даже если это заденет эго. Такой подход помогал на некоторое время – буря успокаивалась, но если моральные противоречия можно было хоть как-то укротить, то внешние факторы были прочнее.

Во-первых, Евгений понимал, что создаёт трудности для Елены. Это волновало его и волновало настолько, что мужчина даже думал порвать с девушкой, о чём пытался намекать сегодня вечером, впрочем, едва ли веря в то, что сможет это сделать. Нет, если мысль о расставании и посещала Раапхорста, то она не занимала его всего, а находила отклик лишь у чувства порядочности, лишь у идеальных представлений об устройстве человеческих взаимоотношений. Но, так или иначе, желание ошибки, желание продлить обжигающую связь было сильнее, поэтому Евгений не особо настаивал, хотя порой серьёзно задумывался об уходе.

Во-вторых, он ощущал ненависть её отца, неприязнь общества и невольно проклинал своё происхождение. Но данность оставалась данностью, и мужчине приходилось ломать голову над тем, как наиболее ловко и безболезненно унять

не только тревогу за Елену, но и недовольство общества, к чьему мнению её отец прислушивался, как некогда пророки прислушивались к мнимому голосу неба. Размышлять об этом можно было бесконечно долго, но что делать здесь и сейчас мужчина не знал. Он понимал, не в его силах изменить людей и не в его силах преобразить себя. Единственное, к чему пришёл Раапхорст: так продолжаться больше не может. Ни расставание, ни любовь, влекущая за собой горести для Елены, не удовлетворяли Евгения. Ему требовалось равновесие, и за ним он решил обратиться к вышестоящим.

Найдя условный выход, он принялся размышлять над тем, как именно Арвид заметил отсутствие дочери и как догадался позвать боевого эовина. Мужчине захотелось сконцентрироваться на этих мыслях, но тут Максим, прикончивший последнее блюдо, сказал:

– Признаться, я приехал на пару дней. Дольше не задержусь, можешь не волноваться. Мне поручили работу на одном из заводов «Кригард» в Лейтриге, впрочем, я ещё не решил, братья за неё или нет...

– Ты можешь оставаться здесь, сколько потребуется, – ответил Евгений. – Как я и сказал, это и твой дом тоже...

Он пристально посмотрел на брата, неожиданно для самого себя уловив в его голосе скрытое напряжение.

– Спасибо, – Максим кивнул и криво улыбнулся. – Но даже если бы я захотел, то не смог бы. Не хочу оставаться в столице, когда всё начнётся... И, кроме того...

Мужчина осёкся и тяжело вздохнул. Вмиг от его недавнего веселья и живости не осталось и следа.

– Что с тобой? – спросил Евгений. – Тебя что-то взволновало? Если так, скажи, что. Я помогу...

Теперь он слушал, забыв о своих терзаниях; смена настроения брата показалась ему странной.

– Я не хотел говорить об этом сегодня, но... Ты прав. Я, действительно, взволнован. Тем, что грядёт. Ты ведь, думаю, знаешь, скоро правительство, следуя непостижимому графику, объявит новую Веху, а это значит только одно – война. Об этом уже шепчутся по всей стране. Известно, что многие поддерживают Концепцию развития, но есть и несогласные. На заводе нас убеждают в том, что их надлежит убрать, пока они не спровоцировали гражданскую войну... – заговорил Максим, и его грудь под лёгкой серой рубашкой вздулась буграми мышц. Брат Евгения был огромен.

– И ты, по-видимому, разрабатываешь оружие для этих целей, – предположил мужчина.

– Я делал это, – мрачно ответил Максим.

– Неудивительно. Было бы странно, если бы, работая в отвлении военной компании, ты занимался чем-то другим. Должен сказать, ты большой талант.

Максим невесело ухмыльнулся.

– Кроме того, – произнёс Евгений. – Тайный дар, которым ты обладаешь, уникален. Жаль, что ты используешь его для таких дел... Впрочем, спасибо за помощь. Без тебя я бы ни-

когда не смог исполнить задуманное.

– Мой дар тоже тяготит меня, но я не о том. Война...

– Что с ней?

– Ты помнишь, чем завершилось восстание отца, когда в прошлый раз Император решился на новую Веху? – спросил Эовин. Его лицо посерело, и взгляд наполнился туманом, среди пепельных завихрений которого проносились образы далёкого детства. Евгений тоже почувствовал это, однако, решил не поддаваться призракам прошлого и спокойно ответил:

– Такое не забывается. К чему ты клонишь?

– Мне важно знать... Если Император пойдёт на это, какую сторону выберешь ты? И в целом, ты согласен с основным положением Концепции? – нервно дёрнувшись, спросил Макс. Теперь он смотрел на брата странным взглядом, в котором смешивались мольба и скрытое напряжение.

Хозяин квартиры на минуту задумался, после чего ответил:

– Всякая борьба есть развитие? Ты об этом? Положение прекрасное и верное, ведь сама эволюция диктует его, но то, как его интерпретирует правительство, отвратительно. Эти люди не понимают, что между борьбой и бессмысленным кровопролитием существует разница. Сражаясь с силами природы, цепляясь за жизнь, мы действительно развиваемся, но разжигая войны, мы едва ли идём вперёд. Конечно, любой в Дексарде возразит мне на это, что мы живём в мире,

где просто немыслима борьба с первозданным хаосом, ведь нас защищает высокоразвитая цивилизация со всеми благами и преимуществами. Однако, я считаю, не настолько она развита, чтобы мы могли искать стимул дальнейшего развития во внешних распрях. Мы вовсе не исчерпали потенциал роста, просто кому-то выгодно создать иллюзию этого, чтобы оправдать военные действия.

– А как же стремительный рост Дексарда после объявления очередной Вехи и победы? – вновь спросил Максим, не отрывая взгляд от лица говорившего.

– Да, это удивительно, если не знать определённых закономерностей. Дело не в том, что власть имущие пустили кровь ожиревшему государству и оздоровили его, как выражаются в газетах, а лишь в перераспределении ресурсов и пополнении казны за счёт контрибуций. Конечно, идеологически выгодно создать видимость быстрого роста, и политики пользуются этим. Правительство направляет денежные токи во имя масштабного строительства дворцов, парков, театров и прочей красоты, которая хоть и полезна, но, в первую очередь, призвана выполнять тайную функцию – пускать обывателям пыль в глаза, чтобы те пищали о преимуществах войн, о чудесной идеологии и прочем. А тем временем, люди на периферии едва сводят концы с концами.

– Но ты не ответил на первый вопрос, – напомнил Макс.

– На чьей я стороне? О, прошу, не спрашивай. Я полон сомнений. Позволь мне, пока не отвечать. Что же до тебя?

– Вот в этом-то и дело, – заметил брат Евгения. – Ты не можешь определиться, я же, кажется, знаю, чего хочу. Сопротивление... Мысли об этом посещают меня всё чаще, кроме того, я уже виделся с некоторыми людьми, которые могут провести меня в штаб и сделать частью их движения.

– Значит, «Кригард» останется с носом, и в Лейтриг ты не поедешь? Того и гляди, за тобой пошлют Ключника, брат. Зачем же было обманывать меня? – улыбнувшись, промолвил Евгений. Теперь он понял, что весь этот разговор был затеян с намерением объясниться, признаться, максимально чётко определить положение между ним и братом. Это понравилось ему – он ценил искренность почти так же сильно, как преданность.

– Но ведь я ещё не решился, – стыдливо заметил Максим.

– Отчего же? Отговаривать тебя я не стану, хотя и считаю, что всякая революционная деятельность глупа и опасна, но тебя же не переубедить. Кроме того, сейчас ты говорил так, словно почти готов пойти против власти. В чём же проблема? В страхе? Не лги, ты не труслив. Нет, причина в чём-то ещё...

– Ты сам недавно сказал, что между борьбой и кровопролитием существует разница, и я согласен с тобой как никогда. Я чувствую это всем сердцем, просто не знаю, как выразить. С одной стороны, я понимаю, что поступаю правильно, противясь новой войне, но с другой... Ведь мне придётся убивать, я буду приносить смерть и разрушение, пусть и во

имя цели, по-моему мнению, благой и правильной. Конечно, этим я искуплю вину за создание оружия, но... Что мне делать? Как поступить? – вдруг встав из-за стола и отвернувшись от брата, воскликнул Максим. Евгений на секунду задумался, тоже поднялся и подошёл к собеседнику. Встав рядом, он дотронулся рукой до его плеча и промолвил:

– Сядь, я тебе кое-что расскажу.

Максим в удивлении обернулся и похолодел, заметив в глазах брата только что возникшую решимость, словно тот хотел поделиться чем-то, коснувшемся его в прошлом или тем, что, по его мнению, может случиться в будущем. Казалось, в подтверждение этого, во внешнем виде Евгения произошли изменения. Для простого человека они были едва ли заметны, но Максим как эовин почувствовал это ясно, как чувствуют зимний холод или как чувствуют кожей капли дождя. В серых глазах хозяина квартиры неожиданно появилась боль. Она распространилась чёрными жилами, оплела тонкую шею и придала худощавому лицу выражение праведного гнева. Чёрные брови мужчины слегка опустились, превратив человеческие глаза в глаза хищной птицы.

Не дожидаясь, пока брат сядет, Евгений начал:

– Давно где-то на Западе, разделённом между несколькими воинственными государствами, начался мор, который за пару лет унёс несметные количества жизней. Невыразимая боль пришла вместе с отравленным воздухом, и люди возроптали. Они посылали небу мольбы и проклятия, но не по-

дозревали, что их спасителем станет не бог, а человек. В то же время, в одном из государств, в разных городах, жили два врача, два великих учёных, похожих друг на друга призванием, но отличающиеся всем остальным, а главное – моралью. Когда случилась беда, они, как один, начали поиск лекарства, поставив наперед цель не получить мировую известность, а спасти людей, не дать болезни сеять хаос.

Первый приступил к делу с чрезвычайным рвением. Он принялся штудировать многотомные трактаты, разрабатывать формулы и испытывать полученные несовершенные составы на животных, которых, благо, было в достаточном количестве, чтобы обеспечить необходимым материалом врача, обуянного жадной деятельностью. Второй же был осторожен и милосерден: он боялся причинять боль живым существам даже ради науки. Закономерно, что к цели он продвигался медленнее, чем его собрат по медицине.

Тот же после ряда испытаний на животных перешёл к людям. Он понимал, что его состав далёк от идеала, но ему казалось, что жертва в две или три сотни человек гораздо меньше, чем последствия в виде гибели тысяч и сотен тысяч сограждан. В итоге, к умершим животным присоединились люди. Забавно, что обе эти группы подопытных оказались схожи между собой, так как и зверю, и человеку состав вводился без их ведома и согласия. Впрочем, едва ли это важно.

Изыскания продолжались около года, и финалом работы Первого стала проба вакцины на своей семье, отчего почти

все её члены отправились в мир иной, однако подарив учёному ключ к усовершенствованию лекарства. Второй же врач так ничего и не достиг. Его семья чудом осталась в живых, но именно Первый запомнился истории, как человек, пусть и погубивший немало жизней, но спасший несоизмеримо больше.

– Ты хочешь натолкнуть меня на мысль о том, что моя судьба может повторить судьбу первого врача? Я тоже многим пожертвую, умерщвлю сотни, но во благо тысяч? – подняв глаза, спросил Максим. Его красивое лицо, обычно пышущее здоровьем и энергией, резко побледнело. Мужчина снова сидел за столом, глядя, как его брат медленно прохаживается по столовой, иногда подходит к резным столикам и буфетам, стоящим вдоль стен, прикасается к ним, задумчиво всматривается в пространство. Евгений, услышав это, улыбнулся и кивнул. Его речь достигла цели.

– И более того, – тихо добавил хозяин квартиры, захлёстнутый эмоциями от собственного рассказа, – теперь, после всего произнесённого в этих стенах, мне кажется, и я отчасти разделю твою судьбу... Но более об этом ни слова! Вечером мы становимся слишком откровенными, такова наша особенность. Между тем, прошло всего около часа с момента нашей встречи, а сказано было достаточно и даже излишне много. Нам надо отдохнуть. Арнет покажет тебе комнату.

Максим молчал. Усталость, скопившаяся за день, не позволила ему возразить. Действительно, говорить было больше

не о чем, так что он кивнул и встал из-за стола.

Евгений позвал экономку, попросил показать комнату брату и, попрощавшись, вышел в коридор. Через полминуты оказавшись в своём кабинете, он запер дверь и сел за стол в надежде пару часов поработать. За делом мужчина рассчитывал отвлечься от мыслей, что теперь несмолкаемо выли в его голове.

Елена, Арвид, брат... Война, новая вежа, революция... Врачи, птицы, Александра...

Образы возникали в сознании, как возникают круги на воде: импульс, пара троек коротких и длинных волн, исходящих из центра, и тишина, которая в свою очередь будет прервана новым импульсом и так далее, до известных пределов.

Это продолжалось около получаса, по истечению которого Евгений понял, работать в полную силу не получится. Спать в таком состоянии тоже не хотелось, но мужчина убедил себя в том, что немного сил и отдыха ему не повредит. Он неспешно убрал рабочие бумаги в ящик стола, не забыв запереть его, выключил настольную лампу, скрытую под тяжёлым зелёным абажуром, и только сейчас встал и проследовал в центр комнаты. Было темно, но мужчина знал, сейчас его, как всегда, окружают многочисленные книжные шкафы, чьи обитатели содержат сведения об анатомии и физиологии птиц, их жизненных циклах, повадках и иных аспектах.

В этих тяжёлых томах в последние несколько лет сосредоточилась вся жизнь Раапхорста. Он помнил наизусть боль-

шинство из них, со многими авторами готов был согласиться, но с ещё большими – поспорить. Кроме того, иногда его посещала идея создать собственный труд, посвящённый семейству врановых (Corvidae), их анатомии и строению мозга. Последняя тема особенно интересовала Евгения и являлась краеугольным камнем сложнейшей научной работы.

Невидящим взглядом для чего-то осмотрев кабинет, мужчина, наконец, разделся, лёг на диван у окна и укрылся пледом. Мысли не отпустили его, но Евгений знал, стоит лишь слегка забыться, и они исчезнут сами собой. В кабинете было тепло, и Раапхорст скоро почувствовал приятную расслабляющую тяжесть дрёмы. Могучий разум эовина засыпал, повседневная суета забывалась, а на смену ей приходили странные, едва ли связанные между собой образы. Некоторые из них были родом из дальнего детства и вызывали чувство ностальгии, ощущение чего-то родного и знакомого, другие являлись обрывками поздних воспоминаний и приносили с собой смутный страх. Однако, сейчас перед мысленным взором Евгения проплывали его детские годы, которые он провёл вместе с матерью, отцом и братом далеко за пределами столицы, в сельской благотворной глуши, у городка под названием Нервен.

Лёжа в постели, Евгений невольно вспомнил мужественное лицо отца – Александра Раапхорста, его строгие глаза, его улыбку и прикосновение чуть грубоватое, по-отечески сильное. Рядом с воспоминаниями об отце следовал образ

матери, точно такой же милый и приятный, впрочем, сплетённый больше из ощущений, чем из зримых отпечатков. Жилище тех лет тоже давало о себе знать, возникая в сознании в виде опрятного фермерского домика в два этажа посреди зелёного луга. Его белые стены, когда солнце выступало из-за облаков, слепили глаза, дверь была открыта, будто зазывая уставшего путника вернуться и снова оказаться в лоне семьи, ощутить тепло и покой. Раапхорст желал этого всем сердцем, но его мозг, привыкший к строгой последовательности, не позволил войти в полутёмные комнаты, а нёс Евгения дальше, к переломному моменту. Правда, перед тем как показать трагедию, он всё-таки зацепил и отчасти доброе, несомненно, важное воспоминание, неуничтожимым знаком отпечатавшееся в сознании эовина.

Это был тёплый летний день, один из тех, которыми славится юг Дексарда. Сын и отец гуляли в лесу, держась за руки. Они были одни. Максим занимался с домашним учителем, а мать – Елезавета Раапхорст, в девичестве Рахель, отказалась от прогулки, решив посвятить время домашним делам.

С самого утра Евгений, полный радости и сил, всем видом выказывал желание резвиться, играть среди луговых трав или прохаживаться под сосновыми лапами, и отец, видя этот милый детский порыв, захотел показать сыну кое-что интересное, так что мальчик вскоре оказавшись за пределами дома, едва сдерживался, чтобы не побежать. Он ощущал тёп-

люю сухую ладонь отца, вдыхал нагретый воздух, напоённый смоловыми ароматами соснового бора, и едва ли понимал, что в этот момент счастлив как никогда. Конечно, осознание этого приходит гораздо позже. Счастье раскрывается и познаётся в сравнении с нынешним моментом, и в этом, возможно, заключается прелюбопытное свойство мозга, прибегающего к светлым воспоминаниям, чтобы дать им настояться, и чтобы мы в особенно тяжёлое время могли обратиться к ним для поддержки.

Итак, они шли по песчаным тропам, изредка замечая ящериц и мелких жучков, шурились от солнечного света, проникающего в лесные чертоги, о чём-то разговаривали, улыбались. Отец вёл маленького Евгения к месту, именуемому Мири, где располагалась заводь, некогда бывшая прудом, а теперь больше напоминавшая болото. Там, в небольшой низменности, среди малых плакучих ив, кривых и тонких, Александр рассчитывал найти нечто интересное вроде лягушек или болотных жуков. Он не собирался лезть в воду и не позволил бы сыну сделать это, а потому полагался на силу эвонинов: болотную живность сподручнее выуживать из воды, не прикасаясь к ней – силой мысли.

– Красиво, – продолжая идти по песчаной тропе, теперь расстелившейся на отлогом возвышении, сказал Александр. Евгений готов был ответить восторженный возгласом, как вдруг отец помрачнел и, будто испугавшись чего-то, крепче сжал руку мальчика. Сын вопросительно посмотрел на него,

но через мгновение всё прояснилось. Послышался громкий шелест травы, словно кто-то бежал, громкий загнанный олений рёв и хищное волчье дыхание. Мальчик не успел вскрикнуть, как прямо перед ним два волка, выскочившие из-за деревьев вслед за самкой оленя, настигли свою жертву, вцепились зубами в её бок, повалили наземь и принялись рвать. Эвоинов они не заметили, но виновны в этом были не только охотничий азарт или животная жажда крови, но и Александр Раапхорст, заранее почувствовавший опасность и скрывший себя и сына от звериных глаз. Пока волки добивали оленя, мужчина взял Евгения на руки и бросился бежать. Мири было позабыто: теперь Раапхорст желал добраться до дома, убедиться, что Евгений и вся его семья в безопасности, если надо – защитить. Мальчик же, прижимаясь лицом к груди отца, едва ли понимал, что случилось. Он был напуган и взволнован, но ещё больше заинтересован, ведь впервые в жизни ему довелось наблюдать за чем-то столь естественным, но отчего-то таким страшным и диким.

Следующие сутки изгладились из памяти Евгения, но разговор с отцом, случившийся через день после этих событий, остался в ней навсегда. Мальчик находился в своей комнате. Он сидел на полу и смотрел через открытое окно на потемневшее небо, набухшее и готовое с минуты на минуту разродиться дождём. Страхи и волнения предыдущего дня миновали, однако, мальчик не переставал о чём-то думать, словно до конца не изжив потрясения.

Вдруг в коридоре послышались шаги, скрипнули половицы, дверь открылась, и в комнату вошёл отец. Он не знал, для чего именно пришёл, но чувствовал, что Евгений нуждается в нём. Мужчина приблизился к ребёнку, дотронулся до его головы и слегка потрепал. Тот повернулся и странно улыбнулся, как бы извиняясь за беспокойство, доставляемое им.

– О чём ты думаешь? – спросил отец, и Евгений, посерьезнев, ответил:

– Они убили оленя. Когда мы шли... Всё было так хорошо! А потом кровь... Я не ожидал...

– Не удивительно, мальчик, – Александр сел рядом и понимающе кивнул. – Но не переживай. Я думаю, тебя напугала та сторона природы, которая большинством людей по незнанию зовётся плохой или злой. Действительно, некоторые проявления этого мира могут испугать, но поверь, во всей вселенной нет ничего плохого или хорошего, она нейтральна. Только люди наделяют те или иные события каким-то смыслом, только они думают о естественных вещах «плохо» или «хорошо».

– То есть олень и волки, убившие его – это не плохо? – удивлённо пролепетал мальчик.

– Именно, – подтвердил отец. – Пусть твои чувства тебя не обманывают. Более того, я думаю, всё, что есть плохого на этой земле, создали люди. Они наделены свободой выбора и живут, не составляя единства с природой, а потому их поступки не могут быть нейтральными. Они или хорошие или

нет.

– А мы? – Евгений взволнованно заглянул в отцовские глаза.

Александр задумался. Что он мог сказать... Он положил всю жизнь, чтобы найти ответ на этот вопрос, чтобы определить место, которое эвины занимают в мире людей. Их цель.

– Мы должны быть центром равновесия, – задумчиво произнёс он, – удерживать человека от непростительных ошибок. В этом я вижу наше предназначение...

Евгений нахмурился и больше ничего не сказал.

Воспоминание оборвалось. Далее следовали дни безрадостные, дни тяжёлые и гнетущие. Именно эти моменты прошлого Раапхорст хотел бы забыть, но не мог, ведь едва ли столь старые шрамы были способны исчезнуть.

Как только трагичные образы прошли, Евгений заснул и проспал до семи утра, более не увидев ни единого сна или иного мыслеобраза.

Ш

«Интересно, что случится, если лишить его глаз... Следует отклик, или я всего-навсего искалечу материал? Хм... Мозговой отдел, скорее всего, будет активен, но, если бы можно было предугадать...» – Вальдольф Тод, высокий нервный старик, отошёл от операционного стола, где растянутый с помощью иглообразных фиксаторов лежал обнажённый до пояса человек. Он был неестественно бледен, будто мертвец, однако, его с трудом вздымавшаяся грудь свидетельствовала о том, что жизнь ещё не покинула это тело. К обритой голове несчастного были присоединены чёрные провода, ведущие к странному шарообразному прибору, возвышающемуся у восточной стены. Этот предмет, усеянный техническими гнёздами и разнообразными огоньками анализаторов, издавал едва различимые вибрации и иногда урчал, словно живое существо. Профессор сновал по лаборатории, бросая взгляд то на подопытного, то на ряды технических панелей, гудящих и жужжащих, под действием проносающегося по ним тока.

– Неэтично! – проскрежетал Тод, вспомнив недавний разговор с научным советом. – Неэтично, я вам доложу, людей гробить! Странно, что этого никто не понимает. Отправляя мальчишек на войну, вы обрекаете их на смерть, и их род-

ные доставляют вам в отместку тысячу неудобств. Интересно, что вы скажите, если я предложу решение...

Учёный Эовин встрепнулся. Ему показалось, что лабораторный материал пришёл в себя.

«Надо поторопиться», – подумал Тод и подошёл к столу.

Взяв шприц с прозрачной жидкостью, он повернул голову подопытного и вколол вещество тому в нижнюю часть затылка. Человек вздрогнул, но глаз не открыл. Вальдольф, удовлетворённый результатом, кивнул. Через секунду в руках учёного возник блокнот (видимо, он лежал во внутреннем кармане халата), в котором Тод наскоро записал:

«Если окажется, что экспериментальный состав, именуемый «дизерэйнштал», способен вызывать определённый отклик, влекущий за собой пробуждение отделов мозга, активных у эовинов с рождения, это будет величайшим открытием нашего времени. Одно дело, пользоваться силами, дарованными природой, и совсем другое – привить их существу, от рождения лишённому какого бы то ни было потенциала».

Карандаш царапал бумагу, старик улыбался, чувствуя, как его руки дрожат. Он походил на безумного, но был так же адекватен, как и большинство коллег-учёных. Его поведение обуславливалось лишь возбуждением, не покидавшим его с прошлого утра. Эовин чувствовал, ещё немного, и исследования, коим он посвятил так много времени, увенчаются успехом, а это, в свою очередь, повлечёт признание, финансовые потоки и вернёт утраченные области научного зна-

ния, о которых могли догадываться разве что люди, жившие до Последнего Взрыва. Это не могло не волновать.

– Даже Раапхорсту такое не снилось. Пусть дальше возит-ся со своими врановыми... Орнитолог чёртов! – гневно произнёс старик, вспомнив ненавистное лицо Евгения. – Как же он смог тогда устоять... Один процент – такая редкость, и вот он случай в моей практике. Ах, если бы получилось. Ещё шаг, и он был бы не так самоуверен... А? Кто там?

Неожиданно раздался громкий голос, и старику пришлось прервать бормотание.

– Что-то случилось? Я рассчитывал застать вас в вашем кабинете, господин Тод.

Профессор обернулся и, сощурившись, заметил в дверном проёме своего заместителя – Теофила Арбрайта. Светловолосый мужчина, явившийся в столь поздний час, поклонился и подошёл к Вальдольфу. Старик усмехнулся: подчинённый выглядел так, будто отлично выспавшись и проведя пару часов у цирюльника, кутюрье и чёрт ещё знает кого, явился напрямик сюда для того, чтобы поражать воображение сотрудниц вверенного во власть Тода центрального научного института.

Не дожидаясь, когда старик задаст вопрос, Арбрайт произнёс:

– Я еду на вечер, в дом Хауссвольфа. У его дочери день рождения. Чудесный праздник, пока тебе не стукнет 30, не так ли?

– Да-да, возможно. Правда, меня это не волнует. Зачем приехали? – торопливо ответил Вальдольф.

– Приехал? Ах да, дело вот в чём, я... А вы знаете семью Девильман?

– Допустим, знаю. Конечно, чёрт возьми, их весь Дексард знает! Что с ними? – проскрежетал Тод.

– Их средняя дочь – Александра, работает на...

– Раапхорста, – мрачно закончил учёный.

О, эта фамилия была ему знакома, как никому другому. Профессор помнил Евгения ещё ребёнком, неразумным и слабым, ограничить силы которого ему так и не удалось. Мальчик оказался причастен к проценту «невосприимчивых», на чьё сознание нельзя было повлиять никаким гипнозом. За эту неудачу старик ненавидел себя, ведь не выполнив приказ, он подвесил над собой меч, выкованный из перманентного недовольства правительства. Впрочем, это можно было стерпеть, если бы по прошествии многих лет этот мальчишка, многократно выросший и поумневший, не вернулся в ЦНИ и не стал тем, кем стал.

После неудачной процедуры он, как и брат, получил показательное помилование, с отличием окончил академию и, по странному стечению обстоятельств миновав утверждение Вальдольфа, устроился на работу в центральный институт. Раапхорст оказался независим и, вскоре дослужившись до начальника отдела биологии, пожелал заниматься собственными проектами, чего в итоге и добился. Вальдольф не мог

этого стерпеть и попытался выслать Евгения из столицы, но безуспешно: правительство желало держать того на виду. Увольнения тоже не случилось, и всё это послужило топливом для слухов о некоем могущественном покровителе Раапхорста, который якобы продвигал его на служебном поприще и защищал от начальства. В итоге, под напором многих факторов, старику пришлось уступить и даже пообещать, не вмешиваться в дела подчинённого, однако в душе Вальдольф лелеял надежду, во что бы то ни стало избавиться от сына погибшего революционера.

Арбrait кивнул и посмотрел на Тода с лукавым прищуром.

– У меня есть сведения, касающиеся его. Это вас заинтересовало? Я мог преспокойно ехать на бал, но проезжая мимо института, решил, что должен передать информацию. Сиюминутный порыв, знаете ли...

– Говори, – поторопил старик, с досадой подумав, что эксперимент придётся отменить.

– Может быть, пройдем в кабинет? Разговор не займёт много времени, но потребует максимального внимания, – заметил Теофил, отчего Вальдольф поморщился. Сегодня ему не придётся вскрывать, резать и шить – плоть подопытного останется цела. Пока что...

– Хорошо, идём, – буркнул старик.

Несколькими минутами позже учёный и его заместитель оказались в просторном помещении и с удобством располо-

жились на тёмном кожаном диване, рядом с которым стояли два кресла, стол и затейливый резной шкафчик, занятый графинами с алкогольными, по большей части, напитками.

Арбрайт, пусть и добившийся немалых успехов для своего возраста, с завистью осматривал кабинет. Старик с радостью отметил это, ведь он как умудрённый жизненным опытом человек понимал, что управлять людьми, чьи интересы завязаны на материальных благах, гораздо проще, чем мечтателями, готовыми бросить всё к чёртовой матери ради туманных идеалов. Дав подчинённому вдоволь насмотреться на плоды высокого, пусть и ненадёжного, положения, Тод кашлянул, словно желая напомнить Теофилу о неотложном деле. Мужчина, до этого чувствующавший себя хозяином мира, вдруг сник и без особого энтузиазма сказал:

– Эта информация для вас. Ко мне она попала третьего дня.

– Третьего дня – это... Позавчера? – недовольно переспросил профессор. – Ну, что за манера говорить. Выражайся человеческим языком, чёрт возьми!

Его собеседник сделал вид, будто не заметил последнего восклицания, и продолжил.

– Я узнал об этом от особы по имени Кларисса Девильман. Да, от той самой, что... Впрочем, незачем поливать грязью столь известную фамилию. Эта девушка рассказала мне любопытную историю о вашем друге – Евгении Раапхорсте. Да, именно о нём, господин Тод. Но, наперёд я хочу, чтобы вы...

Как бы это сказать... Словом, надеюсь, вы запомните, что я пришёл к вам, а не присвоил всё себе.

– Карьерист, – Вальдольф усмехнулся. – Не переживай, не забуду. Говори.

Губы Арбрайта искривились в улыбке. Это обещание вернуло Теофилу приподнятое настроение.

– Вчера я ужинал на углу Стоппенберг и Малой Дворцовой. Чудесный ресторанчик, меню потрясающее. Напитки, форшмак, вино, закуски – пальчики оближешь!

– Мне кажется, ты говорил, что много времени это не займёт. Не забывай, из-за тебя я бросил важное дело, так что поспеши. Кроме того, ты вроде упоминал о бале в доме Хауссвольфов. Не хорошо заставлять именинницу ждать.

– Хорошо, я кратко, – пообещал Арбрайт. – Во время ужина, ближе к девятому часу, ко мне за стол подседа девушка, явно благородного происхождения, это я сразу понял. Таких манер не встретишь на улице. Впрочем, не буду отрицать, что до того момента, как она назвала своё имя, на прощание, так сказать, я и не подозревал, с кем именно имел честь говорить. Хотя, если подумать, какая там честь... Ладно-ладно, я продолжаю. Она как-то, скорее всего, от сестры, узнала обо мне и во время беседы пояснила, что явилась лишь с тем, чтобы рассказать о Раапхорсте. Чёрт возьми! Какой удар по моему мужскому самолюбию... Не кричите, профессор, вы мешаете мне сосредоточиться. О чём я? Ах да! Дело в том, что сестра этой девицы работает на Раапхорста

и потому видит и знает, всё, что происходит в его лаборатории, в оранжерее на отшибе.

– Эка невидаль! – иронично рассмеялся Тод. – Можно подумать, там есть что-то кроме птиц и старых секвенц-проекторов, которые для чего-то понадобились этому идиоту! Вот если бы ещё узнать, для чего...

– Полагаю, в конце моего рассказа, многократно прерываемого, вы сможете выдвинуть предположение, – сердито отчеканил Арбрайт.

Вальдольф замолчал. Ему надоело спорить с сотрудником, который всё равно не успокоился бы, не изложив случившегося без украшения рассказа словесными бирюльками. Тод сидел, скрежеща зубами, пока заместитель распинаялся, блистая мастерством плести словеса, но когда его рассказ коснулся сути, старик насторожился. На долю секунды ему показалось, что перед ним из небытия возник ключ к решению проблемы, исчезновения которой старик желал всем естеством. Когда карьерист кончил, Эовин встал и строго спросил:

– Всё это чудесно, мальчик, но откуда ты знаешь, что она не лгала или не ошиблась? Зачем ей это нужно? Едва ли Раапхорст может её раздражать так же, как меня.

Арбрайт усмехнулся.

– Как знать, профессор, как знать... Возможно, у неё есть причины.

– Ты можешь предположить? – настаивал старик.

– Мы с ней очень похожи, – заметил Теофил. – Она попросила меня о том же, о чём недавно я просил вас. «Не забудьте меня, если решитесь воспользоваться этой информацией», – прозвучало тем вечером.

– Что я могу ей предложить? Я лишь учёный...

– Возможно, она рассчитывает, что дело получит в дальнейшем огласку и её заметят. Это логично, ведь в нашем случае нельзя ограничиваться самодеятельностью... Ведь так?

– Ну, разумеется. Потенциально это очень интересные сведения, но, к сожалению непроверенные и зыбкие, – Вальдольф презрительно усмехнулся. – Для начала, нам нужны доказательства, а потом уже можно будет говорить об огласке, ведь обвинения, не сложно догадаться, весьма серьёзные! Как только сама Кларисса дерзнула пойти к тебе с такими туманными сведениями? Неужели она так глупа? Не понимаю...

– Повторюсь, её причины нам неизвестны. Моя задача заключалась лишь в том, чтобы передать слова Девильман. С этим я справился, теперь дело за вами.

– Да, довольно любопытно. Теперь мне нужно самому убедиться в правдивости этих показаний.

– Самому?

– Попрошу одного человека навеститься в лабораторию Раапхорста. Если он обнаружит то, о чём рассказала Кларисса, в будущем я смогу не волноваться. Да, это опасно, но как только я получу сведения, тотчас доложу, кому следует. Воз-

можно, дойдёт даже до Императора.

– Вы планируете, подать запрос на аудиенцию?

– Глупец! К Атерклеферу так просто не подступиться, кроме того, официальный визит будет зафиксирован в документах, – сообщил Вальдольф. – Нет, я свяжусь с более надёжными людьми, чем приёмная Императора. Они передадут послание без всяких рисков.

Арбрайт кивнул. Он понял, что передал знания в нужные руки, и теперь может со спокойной душой ехать на бал. Тод с радостью отпустил его.

Теперь зовину предстояло обдумать детали будущей встречи, а после, если будет настроение, заняться подготовкой к новому эксперименту, ведь прежний был непоправимо испорчен. Франтоватый заместитель попрощался и вскоре удалился. Хлопнула дверь, и Вальдольф, оставшись наедине с полумёртвым мужчиной в лаборатории, усмехнулся. Столь важный вечер, суливший новое открытие, принёс совсем иные, но не менее приятные, плоды.

– Нет, все-таки, несмотря на его нрав, Арбрайт хороший заместитель, – промолвил Тод, снова поддавшись привычке говорить сам с собой. – Да, болтлив, да, карьерист, но насколько я знаю, на публике о рабочих моментах он молчит, да и с ненавистными бумагами расправляется гораздо лучше моего. Нет, что и говорить, за такую новость можно простить ему многое. Да...

Теофил прибыл на бал вовремя. Мужчина, как подобает в его положении, вручил подарок, поздравил именинницу и перекинулся парой слов с Арвидом, выказать уважение которому считал весьма важным. Далее последовали танцы, ужин, и Арбrait, отрешившись от всего на свете, самозабвенно предался им. Он не заметил Раапхорста, не заметил его исчезновения вместе с виновницей торжества, а затем и пропажу хозяина дома. Всё это случилось так быстро под воздействием сил Евгения, что ни заместитель Тода, ни кто бы то ни было ещё, не сразу почувствовали что-то неладное. Однако, даже гости, одурманенные танцами и горячительными напитками рано или поздно должны были прозреть. Это произошло, когда ужин подходил к концу, сцена в саду свершилась, а Евгений ехал домой. Елены по-прежнему не было среди гостей, и вместе с тем, уже около часа нигде не было видно Арвида Хауссвольфа, хозяина вечера. Потому стоило кому-то указать на этот факт, как через несколько минут по просторным комнатам разнёсся гул удивления. Напряжение заметно нарастало. Теофил видел это и вслед за остальными невольно проникался тревогой, ступая по паркету бального зала. То и дело, разговоры гостей прерывались вопросами и строгими замечаниями, где-то слышались нотки недовольства. Арбrait старался не влезать в это: раскачивать лодку было не в его интересах. Он продолжал идти, повинуясь странному порыву, по направлению к камину в

соседней комнате. Оба кресла, стоявшие рядом, были заняты какими-то женщинами, и Теофил решил заговорить с ними.

– Премилый вечер, не находите? – поинтересовался он, встав перед дамами, спиной к горячему каминному зеву. Взглянув на их лица, он тотчас сник – они были давно не молоды.

– О, это так, – подтвердила та, что сидела слева – полная, с маленькой сумочкой в руках. Вторая, худая и чинная, с чувством собственного достоинства кивнула.

Арбrait, почувствовав, что здесь ему будет так же скучно, как среди недовольных гостей, нахмурился, но тут в зале, к его счастью, появилась Елена вместе с отцом. Грозное настроение в комнатах рассеялось, и Теофил, извинившись, покинул дам в креслах. Он хотел снова подойти к Елене, но заметив странную бледность именинницы, остановился. Её отец тоже выглядел неважно.

– Дорогие гости, друзья... – из-за волнения заговорив торопливо и с арпсохорским акцентом, начал Арвид, – спасибо вам, за то, что почтили нас своим присутствием. Я и моя дочь искренне благодарны, но, к сожалению, Елена сейчас не очень хорошо себя чувствует. Посмотрите, как побледнела, бедняжка. Ничего, волнение такая вещь... Я полагаю, ей лучше отдохнуть и прийти в себя, чтобы не случилось ничего серьёзного.

Арвид стыдливо улыбнулся. В ответ из зала послышались слова поддержки и сочувствия, однако на лицах многих го-

стей мелькнуло насмешливое выражение. Хозяин дома заметил это и похолодел – его репутации был нанесён ущерб. Елена удалилась, и празднующие, поняв, что вечер завершён, начали расходиться.

Через час, проводив в вестибюле последнего гостя, Арвид вернулся на второй этаж. Бесцельно пройдясь по залу, мужчина взглянул на ослабевающий каминный огонь, приблизился и без сил рухнул в кресло. Минутой позже рядом раздался кашель, и Хауссвольф понял, что подле него стоит старик-эовин.

– Вот что творится... – сказал хозяин дома. – Я хочу, чтобы ты проследил за тем, чтобы этот...

– Не пролезет, – не дожидаясь завершения просьбы, заверил старик.

Когда он ушёл, Хауссвольф подошёл к окну и ладонью протёр небольшой участок запотевшего стекла. Там, на улице, в холодной осенней ночи гудели двигатели автомобилей. Свет от их пучеглазых фар, пронзал пространство жёлтыми полосами, отчего-то внушая мужчине тревогу. Арвид подумал, что в автомобильных салонах теперь расположились гости, совсем недавно находившиеся в особняке. Там они не сдерживаются и говорят то, что думают. Одна мысль об этом пугала Хауссвольфа. Наконец, насмотревшись, он почесал переносицу, вздохнул и зашагал по направлению к лестнице.

Елена не спала всю ночь. Страшные мысли об одиночестве обуревали её, не давали забыться, не позволяли отдох-

нать. Сердце тяжело билось в груди, и глаза девушки снова и снова увлажнялись слезами. Несколько раз за ночь Елена вставала и торопливо прохаживалась по комнате. Будто одержимая какой-то мыслью, она приближалась к туалетному столику, смотрела в зеркало, словно пытаясь разглядеть собственное отражение, потом шла к письменному столу, брала перьевую ручку, что-то черкала на шершавой бумаге, сминала листок и снова плакала. Прodelав этот странный ритуал несколько раз, Елена утомилась, упала на кровать и, наконец, заснула.

Следующее утро, как и ночь, не принесло ничего хорошего. Помимо гнетущих воспоминаний о собственном испорченном празднике, сцене в зимнем саду и извинениях перед гостями, Елене пришлось вынести тяжёлый разговор с Арвидом. Мужчина никогда не отличался пониманием и теперь, несмотря на искреннюю любовь к дочери, желал преподать Елене урок. Он явился в девятом часу, постучал в дверь и вошёл. Его лицо, казалось, не выражало ничего определённого, однако, девушка заметила, что в морщинах, собравшихся на лбу и щеках, притаился скрытый гнев. Решив вести себя как можно спокойнее, дочь поздоровалась, обняла и поцеловала отца, но мужчину это не тронуло.

– Сядь, – строго сказал Арвид, и Елене пришлось повиноваться. Страх раскалённым металлом заструился по жилам.
– Что же ты делаешь? – патетически начал Хауссвольф. Он расположился на краю кровати, взявшись рукой за дере-

вянное основание балдахина. Девушка села на стул и повернулась к окну, боясь смотреть на разгневанного отца. Теперь её взгляд цеплялся за голубые шторы, иногда уносился далеко за пределы дома и двора, касался соседних зданий, редких деревьев, чахлах и жалких, умирающих в смоге столицы. Небо сегодня было светло-серым, и осень, уже лишившись своего ещё наполовину летнего очарования, предстала перед девушкой холодной мешаниной листьев, слякоти и грязи. Елена поёжилась. Обернувшись, она заметила на столе несколько бумаг, которые исчертила ночью. На них проглядывались попытки что-то нарисовать, ни то Евгения, ни то себя. Так или иначе, наброски отражали хаос, бушевавший вчера в девичьей душе и бушующий там до сих пор.

– Я? – сказала Елена. – Я всего лишь разговаривала с Евгением Раапхорстом, если ты об этом.

– Не лги! – вдруг вскочив и зацепив ногой край ковра, вскричал Арвид. – Не смей! Мне всё известно, ты это знаешь и, тем не менее, нагло врешь! В кого ты превратилась! Бесовестная! Я думал устроить тебе праздник, ты же не только едва не лишилась чести в глазах общества, уединившись с мерзавцем Раапхорстом, но и меня опозорила! Теперь обо всём известно Клариссе Девильман, она видела вас, и думаю, в будущем воспользуется этим.

– Мы обвенчаемся, – тихо промолвила Елена, побледнев и преисполнившись уверенности. – Девильман тогда сможет говорить, что хочет, но ты не пострадаешь. Я люблю Евге-

ния, а он меня. Всё будет честно...

– Что? – округлив глаза, прохрипел Хауссвольф. – Ты... Да как... Ты... Дрянь!

В мгновение мужчиной овладел чудовищный кипучий гнев. В приступе забытья, хозяин дома подлетел к дочери, замахнулся и отвесил ей звонкую пощёчину. Девушка коротко вскрикнула и, словно подрубленная, рухнула на пол. Её лицо с красной отметиной от руки отца скрылось в ковровом ворсе.

– Никогда моя дочь не станет женой эовина. Я говорил это вчера и повторяю снова. Если ты ещё раз предпримешь попытку опорочить своё и моя имя, мне придётся лишить тебя наследства. И тогда делай, что хочешь.

Елена заплакала. Слова отца превратились в пустой набор звуков, и в душе девушки всколыхнулись боль и обида.

– Столько достойных мужчин вокруг, а тебе Раапхорста подавай! Вот, к примеру, сын Верде. Чем не жених? – снова вскричал Арвид. – Он же и подарок передал! Всё складывается отлично!

– Откуда... – с трудом произнося слова, спросила Елена. – Откуда ты знаешь? Граф запретил тебе говорить...

– О, не тревожься, Верде такой человек, что не способен долго хранить им же созданные тайны. Всё выложил, с потрохами! Его сын заинтересован тобой. Он долгое время жил в Лейтриге, но сейчас вернулся и желает жениться. Верде любезно порекомендовал тебя, – ответил Хауссвольф. Он снова

взглянул на дочь, и отошёл к двери.

– Посиди, подумай, – наставительно сказал мужчина. – Пару дней из дома я тебя не выпущу, но если увижу, что ты образумилась, отвезу к Верде. Общение с его сыном будет полезнее, чем с Раапхорстом. К тому же, он более выгодная и приятная партия для тебя. Ведь Раапхорст лишь учёный, а о его родословной и говорить не приходится. Он эовин, сын бунтаря, а сын Верде – будущий граф и довольно перспективный политик. Это о многом говорит.

Сказав так, Арвид хмурый и разозлённый покинул комнату дочери. Елена, дождавшись пока шаги за дверью стихнут, встала с пола, на негнущихся ногах подошла к кровати и легла. В этот момент она хотела умереть, однако, надежда, хотя и повреждённая, но по-прежнему живая, не позволила ей впасть в крайность. Девушка до сих пор верила, что Раапхорст позаботится о ней и с детской наивностью уповала на силу эовина, кажущуюся ей безграничной.

IV

В восьмом часу, когда на улице ещё царила сырая тьма, братья Раапхорст вошли в столовую. В противоположность вчерашнему вечеру, утро они провели в тишине, будто стесняясь напоминать друг другу о недавнем разговоре. Арнет привычно хлопотала по хозяйству и, казалось, не замечала напряжения, установившегося между братьями. Вдруг, заметив, что Евгений почти доел, она подошла к нему, достала из кармана белый запечатанный конверт и протянула мужчине.

– Вот. Сегодня под дверью нашла. Судя по всему, адресат ты, мальчик.

Евгений улыбнулся и поблагодарил. Отложив столовые приборы, он надорвал почтовую бумагу и едва не вскрикнул не то от неожиданности, не то от радости.

– Поразительное совпадение, – негромко сказал он. – Провидение, не иначе.

Максим вопросительно изогнул бровь, и его брат произнёс:

– Приглашение. Нужно кое с кем встретиться, а значит, сегодня службу придётся оставить... Надеюсь, это к лучшему...

Вскоре Евгений, облачённый в чёрные брюки и френч, встал, попрощался с братом, Арнет, надел пальто и покинул

квартиру. Оказавшись в парадной, мужчина немного подождал и, как только на улице раздались звуки автомобильного двигателя, вышел на улицу.

Максим тоже недолго оставался в столовой. Прикончив блюда и осушив чашку кофе, он вернулся к себе в комнату и взял заплечную сумку. После, выйдя на кухню, уточнил у Арнет расположение некоторых улиц и, в итоге получив целую карту, которую служанка наскоро набросала на бумажном листе, удалился. Женщина не поняла, какое именно место искал Максим, однако, её насторожили названия улиц, о которых он спрашивал: они образовывали чертовски старый и неблагополучный район...

Сев в салон довольно старого авто, Евгений назвал адрес, откинулся на кожаную спинку и посмотрел за окно. Теперь он видел громадный дом, белые каннелированные колонны, выпирающие из фасада, и жёлтые запотевшие окна материнской квартиры. Машина, вздрогнув, подалась вперёд, и трёхэтажное строение постепенно скрылось в серой туманной дымке. Утро выдалось холодным, но в машине было тепло, и Раапхорст, как и вчера, слегка задремал. Автомобиль миновал пару узких улочек и выехал на оживлённую и шумную – Дворцовую. Миновав её, а затем Стоппенберг и Набережную, он оказался на Промышленной, и двинулся на север.

– Газету что ли купить, – позже пробормотал Евге-

ний, и водитель, воспользовавшись паузой, возникшей из-за небольшого затора, нашёл глазами разносчика газет, свистнул его и купил экземпляр «Хроник Дексарда». Раапхорст поблагодарил, пожелал расплатиться, но водитель отказался, ответив, что сделал это добровольно. Евгений не стал спорить и развернул сегодняшнее издание, миновав первую полосу. На второй странице его встретила статья, заставившая мужчину недоверчиво усмехнуться. Она называлась «На пороге». В ней сообщалось о конфликте на границе с Арпсохором, где якобы был обнаружен корпус вражеской армии. Приводились данные, согласно которым боевого столкновения удалось избежать и солдаты Арпсохора после кратких переговоров отступили. Далее следовало оправдание, будто бы поступившее от соседнего государства: слова о плановых учениях и тому подобное. Однако, автор статьи наотрез отказывался этому верить. Он утверждал в самых резких формулировках, что их соседи, скорее всего, планируют вторгнуться на территорию Дексарда, а нынешняя ситуация служит тому явным подтверждением.

– Интересно, – задумчиво проговорил Раапхорст. – Есть ещё что-нибудь об этом...

Но во всей газете больше не нашлось и малейшего упоминания о неприятном инциденте. Впрочем, где-то в середине мелькнула статья, повествующая об экономической выгоде веховой системы и теории военного развития, но Евгений знал о ней достаточно. Он перелистнул ещё пару страниц

и вдруг увидел то, что по-настоящему привлекло его внимание. Колонка называлась: «Разные». За этим весьма лаконичным заглавием следовала статья, в которой говорилось об различиях между жителями Дексарда и Арпсохора. Как правило, автор касался бытовых вещей, но временами переходил к описанию арпсохорского образа жизни в его широком понимании, мышления и идеалов.

«Не может быть благополучной страна, где народ диктует свою волю правителю. Не существует развития там, где процветает застой и нежелание поступать решительно. Болото не может превратиться в полнокровную реку» – и это лишь те строки, которые запомнились Евгению, после того, как он отложил газету.

– Что пишут? – поинтересовался водитель, заметив, как учёный нахмурился и вздохнул.

Евгений нервически хихикнул.

– Я бы отдал многое, чтобы на страницах процветали разврат и пошлость, вместо того, что там есть сейчас. Не спрашивайте. Возьмите и прочитайте сами.

Он снова посмотрел в окно и в таком состоянии просидел до конца поездки. После прочитанного мужчина хотел развеесться и потому разглядывал столичные улицы, которые, словно насмехаясь над его испорченным настроением, представляли перед взором мрачными и унылыми. Большинство городских зданий отличались резкими линиями, преобладанием серых и бордовых цветов, узкими высокими окнами

и подражанием стилям древности, что отчётливо просматривалось в колоннах и многоярусном устройстве административных зданий, где каждый последующий уровень был уже предыдущего. Такие конструкции напоминали пирамиды. Довольно часто их украшали протяжённые аркады (единственная черта, смягчающая облик столицы) и барельефы в виде национальной символики Дексарда – когтистой звериной лапы, окружённой лавровым венцом. Религия в стране была под запретом, а потому здания храмов отсутствовали, что добавляло архитектуре абсолютного монархического государства, коим являлся Дексард, ещё больше строгости. Самыми яркими и живыми пятнами в этом мрачном царстве, были магазины одежды и кондитерские, но встречались они редко и обычно терялись среди жилых зданий, лавок промышленных артелей, ремонтных мастерских, магазинов часовых дел мастеров и тому подобного.

Вскоре слева мелькнула вывеска кафе, куда Раапхорст направлялся, и шофёр, притормозив, провёл автомобиль по каменной площадке и остановил его. Евгений кивнул и, вспомнив о просьбе, никому не говорить о поездке, упомянутой в письме, произнёс: «Вы можете быть свободны».

Шофёр непонимающе посмотрел на учёного, но тот махнул рукой и вышел. Ступив на вымощенную серым булыжником площадку, он хлопнул автомобильной дверью и двинулся к кафе, минуя небольшие группы людей. Через пару минут сознание шофёра очистилось, и мужчина, вдруг уди-

вившись своему местоположению, внезапно решил поехать на набережную, сам не понимая, для чего. Раапхорст, тоже об этом не подумал. Вскоре черноволосый мужчина оказался в тёмном полуподвальном помещении, где помимо обычных столов находились приватные комнатки, отгороженные бежевыми ширмами. Остановившись в начале общего зала, Евгений огляделся, желая понять, куда идти. Секундой позже за его спиной раздался голос. Вздвогнув, Раапхорст обернулся и увидел Эовина в красной ковбойке.

«Боевой. Даже шагов не слышал...», – мелькнуло в сознании учёного, перед тем как тот проговорил: «Идём, нас ждут».

Евгений кивнул. Он подумал, что этот человек стоял у входной группы, когда он заходил в кафе, или прятался за дверным косяком, потому и остался незамеченным. Рядом, наверняка, находились ещё охранники, но учёный мог лишь предполагать, не в силах расслышать в гудящем псионическом поле мысли боевых Эовинов.

Мужчина провёл его в дальний угол кафе, скрытый ширмами. Там в потёртом кресле сидела светловолосая женщина, одетая, как одеваются почти все жители Дексарда.

– Госпожа Атерклефер, – поклонившись, шёпотом произнёс Раапхорст.

– О, Евгений. Наконец-то. Я знала, что ты не откажешься от моего предложения, – женщина улыбнулась и протянула руку. Эовин в ответ поцеловал её и сел.

– Никого нет? – спросила светловолосая особа. Мужчина в ковбойке покачал головой.

– Хорошо. Тщательно следите за каждым вошедшим.

После этого охранник вышел. Императрица, София Атерклефер, снова улыбнулась и дотронулась до ладони Евгения. Она заметила, что эовина что-то тревожит и этим жестом попыталась ободрить его. Тот благодарно улыбнулся.

– Давно мы с тобой не виделись. Надеюсь, у тебя всё хорошо, – ласково произнесла женщина, глядя на собеседника красивыми лисьими глазами. Она была уже немолода, однако, в каждом её движении, взгляде и интонации оставалось что-то, напоминавшее о юности, о времени, когда эта дама была лишь красивой девушкой, не обременённой узами брака с одним из самых жестоких тиранов современности.

– Да, вы правы. Давно... – согласился Евгений. – Хорошо, что вы прислали письмо. Я, признаться, сам вчера думал о том, что неплохо было бы встретиться.

– На ловца и зверь бежит, это всегда так выходит. Мне вдруг захотелось поговорить с тобой. Неважно о чём, просто так, – кивнула Императрица. – Но тебе, видимо, есть, что рассказать.

– Вы так отзывчивы, что я невольно начинаю думать, что в вас вселился дух Арнет, – пошутил Раапхорст, и его собеседница, в кои-то веки скинувшая с себя маску величественности, от души рассмеялась.

– Ах, старая прелестница, – сказала София. – Её я тоже

давно не видела, но думаю, в этом нет надобности. Она хороший человек, заслуживающий доверия.

– Вы хорошо к ней относитесь, это радует, – заметил Евгений.

– Относится к ней иначе невозможно, ведь согласись, не каждая женщина согласится взвалить на плечи ношу в виде двух маленьких мальчиков. Ты должен быть ей благодарен!

– Так и есть.

– Хорошо. Теперь рассказывай, что тебя гложет. Как бы могуч ты ни был, но даже тебе не удастся скрыть от глаз опытной женщины своё состояние. Я, к твоему сведению, уже много лет живу в змеиной норе и научилась неплохо разбираться в человеческих физиономиях, как бы грубо это ни звучало, – произнесла Атерклефер. Она подставила ладонь под полный подбородок и замерла, ожидая ответа Раапхорста. Мужчина усмехнулся.

– Есть много вещей, которые волнуют меня. Например, слухи о новой Вехе. Вы, конечно, что-то знаете, и, если позволите, я дерзну спросить именно об этом.

Сказав так, Евгений вкратце передал Императрице разговор с братом и упомянул о сегодняшней газете, которую он, к сожалению, оставил в машине.

Госпожа Атерклефер ответила:

– Пока номинально это тайна даже для меня. Ты помнишь, что я уроженка Арпсохора? Думаю, Ричард боится, что, узнав, я попытаюсь предупредить соотечественников.

– И вы не смеете обратиться к нему с вопросом? Или же отговорить его?

– Увы, нет. Он слышит лишь оружейную пальбу и шелест счетов, которые ему выставляет на оплату «Кригард». Мне кажется, Дексард погряз в долгах и не может расплатиться за предыдущую Вежу, а потому решение Ричарда, скорее всего, окончательно...

– Но контрибуция... – напомнил Евгений.

– Авеклит бедное государство. Странно, что за средства, предоставленные для захвата столь жалкой цели, «Кригард» требует так много. Но дело не в этом. Нынешняя цель Арпсохор, так что денег и вооружения потребуется гораздо больше. Пусть мою родину и считают медвежьим углом, но она едва ли сдастся без сопротивления. Поэтому, даже если я попытаюсь воспротивиться, закачу скандал, обнаружу свою осведомлённость, Ричард прижмёт меня к стенке гигантскими долгами, назовёт сентиментальной дурой и окажется прав. Я давно не арпсохорская принцесса. На мне, как и на Атерклефере, лежит ответственность за Дексард, а иных путей для избавления от долгов, кроме как, напасть на Арпсохор, нет.

Императрица потупилась. Мужчина сидел мрачный и подавленный.

– То есть, – хриплым голосом начал он, – если окажется, что слухи не врут, а это случится почти наверняка, то вы будете не против нападения на свою родную страну? Я вас правильно понял?

– Нет. Если бы я могла, я бы вовсе не допустила войны, но не в моих силах повлиять на Императора. Внешняя политика не мой удел. Меня больше интересует жизнь внутри страны, помощь её гражданам, – не поднимая глаз, ответила София.

Евгений почувствовал жалость. Он понял, что эта женщина, вдруг ставшая слабой и уставшей, права, как бы ни было больно принять её позицию.

– Значит, остаётся только наблюдать? – после минутной паузы спросил Евгений.

– Да, – ответила Атерклефер. – Всё, что мы можем, это выжить... Твой отец наверняка проклял бы меня за такие слова, но с возрастом на смену идеализму приходят десятки компромиссов. В этом нет ничего ужасного, хотя так может показаться. Это не значит, что я бездушное чудовище, просто существует картина действительности, смотреть на которую следует максимально трезво. Декард в руках «Кригард», нам нужны средства... Конечно, можно попытаться найти выход, но Ричард слеп в этом отношении. Он видит один путь и с упрямством барана следует по нему, невзирая на то, что разворачивается вокруг него, не замечая приносимых жертв. Спорить с ним я не могу, и, следовательно, его намерения не изменятся. Так что я вновь прихожу к выводу, что самое главное, это забота о мирных жителях, которые не виновны в том, что их правитель жесток и упрям. Думаю, ты понимаешь меня и не осуждаешь...

– Нет, не осуждаю, – ответил Раапхорст. – Мне лишь жаль

вас... Мои проблемы кажутся пустыми, по сравнению с вашими.

– Тебе кажется, мальчик. Давай, больше не будем говорить о войне и Атерклефере. Возможно, тебя волнует что-то ещё? Расскажи мне, – изобразив весёлость, промолвила София. Евгений, заметив её притворство, вздохнул и вдруг вспомнил о причине, по которой вчера жаждал встречи с этой женщиной. Елена...

– Вы мудрый человек и сможете помочь: скажете правду, даже если она будет неприятной. Развеив мои иллюзии или подтвердив их право на жизнь, вы окажете мне неоценимую услугу, а большего и не нужно, – сказал Раапхорст. – Всё началось в доме Девильман, куда меня пригласила моя сотрудница Александра – младшая дочь Идиса. У них был званый вечер, и бедняжка, тогда тайно влюблённая в меня, думала, что это действо сможет меня развлечь. Под крышей их родового поместья собрался весь свет Дексарда за исключением вас и господина Атерклфера. Я чувствовал себя отщепенцем рядом с этими страшными людьми, составляющими элиту страны. Графы, бароны, владетельные князья, словом, гости вечера повергали меня в тоску и внушали страх, ведь между ними мелькали такие мысли, что у меня волосы вставали дыбом, несмотря на то, что меня едва ли можно назвать чувствительным человеком. Я уже собирался уходить, как вдруг заметил среди гостей девушку, которая привлекла моё внимание. Она была бледна, её светлые волосы убраны

в высокую причёску и руки, скрытые белыми перчатками, скрещены на груди. Весьма странное положение для благовоспитанной девицы, впрочем, если не знать, что она недовольна. Рядом с ней никого не было, хотя она и явилась на бал вместе с отцом – Арвидом Хауссвольфом. Не знаю, что овладело мной тогда, возможно, порыв молодости, ведь мне всего тридцать семь, но я, едва ли владея собой и позабыв об Александре, приблизился к одинокой девушке. Она, словно зверь, посмотрела на меня большими испуганными глазами, но я представился, сказал ещё пару слов, и она успокоилась. Не скрою, я воздействовал на неё, но не с тем, чтобы создать влюблённость, а лишь, чтобы слегка расслабить. Это помогло, мы разговорились, и Елена вскоре доверила мне некоторые из своих менее важных тайн, ещё по-детски наивных, пожаловалась на отца, на что-то ещё, и так постепенно между нами образовалась связь, позже, после нескольких тайных встреч, вылившаяся в любовь. Полагаю, у неё это было первое настоящее чувство, и бедняжка отдалась ему всей душой, но я отнёсся к случившемуся с большей серьёзностью. Я тотчас понял, что выиграл чужую войну, ведь взять приз победителя не в моих силах. Елена – человек, дочь крупного промышленника, но я – эовин, лишённый капитала и имени... А вчера вечером случилось событие пусть и не роковое, но весьма неприятное, после которого я и решил обратиться к вам за советом.

Сказав так, Евгений рассказал госпоже Атерклефер о про-

изошедшем вчера в доме Хауссвольфа, о разговоре с Еленой в зимнем саду, о конфликте с Арвидом и прочем. Императрица слушала внимательно, и её лицо ни на секунду не покидало выражение серьёзной сосредоточенности, будто то, о чём говорил мужчина, являлось делом государственной важности. Когда рассказ эовина завершился, женщина улыбнулась, но то была печальная улыбка.

– Ты взрослый человек, знакомый с чувством долга и ответственности. Если бы это было не так, у тебя не возникло бы сомнений. Иной на твоём месте не думает, а делает. Что я хочу сказать, милый мальчик... Совсем недавно я говорила о картине действительности и готова повторить: смотреть на неё следует максимально трезво, ведь розовые очки так легко бьются, а осколки от них впиваются в глаза, причиняя боль куда более явную, чем в том случае, если ты добровольно их снимешь. Я знаю это, прочувствовав на собственной шкуре, – сказала Императрица. – Мне не хочется делать тебе больно, но ты прав. Твой союз с дочерью Хауссвольфа невозможен. Да, закон не против, но помимо закона писанного существует уйма негласных правил, и если их не соблюдать, не миновать беды. Возможно, ты сочтёшь это за слова старой приспособленки, что не так уж далеко от правды, но такова жизнь, и нам часто приходится мириться с чем-то, по нашему мнению, несправедливым.

– Едва ли я смогу оставить Елену... Я слишком свыкся с иллюзорным миром, который воздвиг у себя в голове. Этот

облачный замок стал моим настоящим, и отринуть его вот так, в мгновение ока, будет сложно. Кроме того, на мне лежит вина перед Александрой. Вы ведь не знаете, но мы с ней были близки по-настоящему, а потом я бросил её, увлёмшись... нет, влюбившись в другую. К счастью, она не забеременела и после длительных объяснений простила меня (по крайней мере, сделала вид), но оттого мой груз не стал легче. И если после этого я покину и Елену, то в собственных глазах стану подлецом, – дотронувшись руками до висков, скованных болезненным жаром, мрачно проговорил Евгений.

Его собеседница почувствовала себя врачом, в полевых условиях увидевшим открытый перелом. Следовало как можно скорее принять меры, не взирая на адскую боль, которую может испытать пациент.

– Ты поступил плохо с той девочкой, но не сделал ничего преступного. Любовь переменчива, и даже эвины не могут противиться ей. Не могу осуждать тебя. Что же до воспетых тобою воздушных замков... Поступай, как знаешь, но вспомни, ты сам хотел, чтобы я дала совет. Так вот он, слушай: ты должен оставить дочь Хауссвольфа, отпустить её и искать счастье где-то в другом месте. Елена тебе не пара, это очевидно, и незачем причинять бедняжке страдания, которые вынести она пока не в состоянии. Пусть лучше страдает от неразделённой любви пару месяцев или лет, но не от презрения общества всю жизнь. Это моё последнее слово. Разумеется, ты волен сам выбирать путь, но прислушайся к

совету мудрой женщины, не вызывай судьбу на поединок.

Раапхорст печально улыбнулся. Он предчувствовал, что София ответит так, но, несмотря на это, ему стало больно, словно всё сказанное оказалось для него полной неожиданностью. Шум, гулявший по залу, стал едва различим, и Евгений почувствовал боль в области сердца. Пульсирующими волнами она сковывала дыхание, вызывала головокружение и мрачное предчувствие чего-то рокового. Госпожа Атерклефер посмотрела на своего подопечного с жалостью и сказала:

– Будь мужествен, мальчик, ведь людям иногда приходится отрекаться от любимых для их же блага. Ты знаешь, я явилась в Дексард в конце правления Франца Атерклефера, отца Ричарда. Старик умирал, и его сын вскоре должен был взойти на престол. Бедный Франц провёл за всю жизнь всего одну мелкую войну, но Ричард был другим. Его взор тотчас пал на Авеклит и Арпсохор: оставалось только выбрать. Потому меня и послали сюда, чтобы заключить союз с потенциальным врагом и предотвратить войну. Это помогло, и в итоге Дексард не напал на нас, но я не о том. Пока я жила в ожидании свадьбы, мне было позволено развлекаться, посещать всевозможные балы, вечера, маскарады и тому подобное. За мной, конечно, следили, но не так рьяно, как многие думают. Собственно, на одном из вечеров я познакомилась с твоим отцом, Евгений. Мало того, я в него влюбилась, однако, он был уже женат. Тогда-то я и поняла, что должна отречь-

ся от чувств ради блага того, по кому изнывало моё сердце. Думаю, это хороший пример. Конечно, Елену не обременяют узы брака, но эта разница невелика. И у меня, и у тебя в центре внимания оказывается вопрос о счастье дорогих нам людей, а это главное...

– И как вы справились с этим? – спросил Эовин, потупившись.

– С трудом, – сказала София, – ведь я не только оставила его в покое, но и пережила его смерть, не забывая. Да, мне было больно, но, как видишь, это не сломило меня, я оказалась сильнее. И я верю, что ты тоже сможешь принять правильное решение. Так ты окажешь услугу и себе, и Елене.

Раапхорсту оставалось лишь кивать. Он с грустью смотрел на Софию, но вместо неё видел нечто туманное, размытое. Мужчина не успел ответить. В следующий миг в комнату вошёл Эовин в ковбойке, явно чем-то взволнованный.

– Госпожа, – склонившись, прошептал он, и его голос стал едва различим. Евгений не понял, в чём дело, догадался лишь, что аудиенцию придётся прервать и оказался прав. Императрица встала, накинула на голову платок и, обняв Эовина, прошептала тому на ухо: «Прощай, мне пора. Надеюсь, мы ещё встретимся. Береги себя и помни, о чём я говорила. Я была рада увидеть тебя...»

Евгений снова кивнул, обнял её в ответ, и вскоре София покинула кафе, в сопровождении верных Эовинов. Конечно, здесь и снаружи их никто не заметил. Даже официанты и те

во время разговора ни разу не подошли к отгороженной комнатке, словно забыли о её существовании.

Оставшись в одиночестве, Раапхорст что-то пробормотал и закрыл лицо руками. Разговор, который должен был всё поставить на свои места, запутал мужчину окончательно...

Чуть позже посмотрев в окно, он понял, что сейчас на улице, как и утром, сыро и пасмурно, но всё же решил добираться домой пешком. Оказавшись за стенами кафе, мужчина ощутил осеннюю прохладу, глубоко вдохнул и зашагал по тротуару, не видя и не слыша людей, не замечая тусклых витрин, цветов и запахов городской улицы. Он был погружён в гнетущие мысли и двигался автоматически, сам будучи далеко от того мира, что окружил его мрачными домовыми стенами и людскими лицами. Отдельные его обрывки иногда проступали в сознании, но Раапхорст абстрагировался и вновь убегал в юдоли размышлений, где блуждала его душа. Сейчас она жаждала ответов, и мужчина покорно анатомировал себя.

В очередной раз, чуть не налетев на прохожего, Раапхорст забормотал:

– София права. Спорить с ней глупо, но что делать, если мой разум согласен с ней, но сердце – нет. Почему она так жестока? Почему я так слаб, чтобы прислушаться? Елена... Не понимаю, почему я так очарован ею, почему не могу не думать о ней... В сущности, она лишь ребёнок: милый, красивый, ласковый, наивный и где-то даже глупый. Что мог-

ло в ней меня заинтересовать? В чём её преимущества хотя бы по сравнению с Александрой? Красота? Обаяние? Чёрт, это всё не то... Нет, есть что-то во мне, чего я не вижу или хочу не видеть. Какая-то внутренняя потребность, обуславливающая мой интерес. Скрытая и слабая потребность, но какая именно? Инстинкты, установки, предчувствие... Быть может, она похожа на мою мать? Едва ли, впрочем, даже если и так, этим всё не объясняется.

Он шёл и говорил, иногда посылая взгляд в небо – вопрошающий, жалкий, будто стремясь найти ответ у высших сил. Но в них мужчина не верил, а потому свинцовая гладь, растелившаяся высоко над землёй, безмолвствовала. Он шёл вперёд, но его разум, словно решето, не мог удержать влагу размышлений, и путь к себе, который так настойчиво желал пройти Раапхорст, то прерывался, а потом возникал вновь, то совершенно исчезал, растворяясь в белесом тумане сомнений.

V

Эфра Хорнст очнулся в своей постели, в квартире, расположенной на окраине Стоппенберг. В комнате было светло: с улицы, проникая сквозь шторы, на стены и потолок падали жёлтые фонарные лучи. Стрелки на старом циферблате показывали второй час, и юноша подумал что, несмотря на позднее время, спать сегодня больше не придётся. Он поднялся и начал одеваться, выбирая тёмные неприметные вещи. Позже взяв со стола небольшую сумку, парень огляделся, припоминая, не забыл ли чего, и вышел в прихожую. Хлопнула дверь, и Эфра оказался на лестничной клетке. Скоро покинув дом, он зашагал по тротуару на юг, при этом пытаясь вспомнить адрес, который назвал странный старик, возникший вчера в одном из переулков, где промышлял юноша.

Свернув направо и нырнув во двор, отделённый от улицы арочным проходом, молодой человек пошёл быстрее, прижимаясь к тёмным домовым фасадам. Хорнсту казалось, что его может кто-то увидеть, и это чувство заставляло скрываться, как в первый раз, будто не было последних лет, в течение которых парень добывал хлеб воровством. Своему чутью он доверял, а потому был осторожен. Так он миновал несколько домов и снова оказался на улице. Ещё два квар-

тала, занятых торговыми лавками, поворот, ещё один, узкий переулок и двор, где юноша остановился рядом с громадной кирпичной трубой. Видимо, соседнее здание занимала котельная, явно заброшенная, так как на дворе стояла середина осени, холода усиливались, но ни дым, ни иные признаки не позволяли сказать, что котельная находится в рабочем состоянии.

Переминаясь с ноги на ногу, юноша достал дешёвую сигарету и закурил. Выпустив в воздух облачко дыма, он поёжился и вдруг услышал шаги. Кто-то приближался, огибая мёртвое здание с противоположной стороны.

Вскоре навстречу Эфре вышел старик, одетый в серый дождевой плащ.

– Ты готов? – раздался глухой голос.

Юноша выбросил сигарету и кивнул.

– Отлично, – старик улыбнулся. – Слушай внимательно...

За десять минут он изложил суть своей просьбы, и Хорнст без особых условий согласился. Деньги, которые посулил заказчик, оправдывали все риски, сопряжённые со столь странным делом.

– Карты у вас нет? Схем, плана? – спросил парень, на что старик лишь покачал головой.

– Я понятия не имею, что там находится, – сказал он. – Твоя задача, в первую очередь, провести разведку. О бумагах тоже не забывай: они нужны мне. И ещё... Постарайся управиться за ночь, до семи. Насколько мне известно, он ра-

но приходит на работу. Встречаемся снова здесь. Успеешь?

Парень вновь кивнул и двинулся прочь. Пройдя пару метров, он вдруг вознамерился спросить, откуда о нём узнали, но сдержался, впрочем, едва ли Вальдольф Тод ответил бы ему.

Мрачный двор и циклопическая труба котельной остались позади, и перед Эфрой снова раскинулись хорошо освещённые улицы с их бессчётными магазинами, жилыми домами, длинными и пыльными тротуарными плитами и прочим. Теперь юноше предстоял путь к академическому городку. Взглянув на наручные часы, парень присвистнул и зашагал быстрее – следовало поторопиться. Снова проделав небольшой путь, занявший примерно пятнадцать минут, Хорнст оказался на Малой Дворцовой и остановился, увидев в отдалении оранжевые огни. Незаметно для себя он встал спиной к парку, сейчас напоминавшему обгоревший остов. Лишённый кожи, органов и плоти, он чернел тонкими голыми стволами, и ветер, завывая, гулял в его костях. Однако, Эфра не обратил на него внимания. Он был поглощён иной картиной, открывавшейся на той стороне улицы.

Академический городок, куда так скоро должен был прибыть Хорнст, представлял собой огороженную территорию, в пределах которой располагались учебные корпуса, общежитие, лаборатории и спортивный комплекс. Все здания –

небольшие домики и громадные строения – легко уживались между собой, и всё здесь выглядело гармонично, образуя благовидное единство. Белый камень корпусов летом оттенялся зеленью липы, сейчас же пожелтевшие и побуревшие листья, словно ковёр, покрывали серые дорожки, расстелившиеся меж строений.

Казалось, в этом научном царстве, отделённом от внешнего мира металлическим забором, царит идиллия, и так, в общем-то, и было, но даже в этой, на первый взгляд, гармоничной картине существовало мрачное пятно. Оно не выступало на первый план, находясь на периферии, где его мало кто замечал, но всё же оно существовало, и обойти его вниманием мы не можем. То была старая оранжерея, соединённая с небольшим исследовательским центром, некогда принадлежавшая факультету биологии. Десять лет назад её покинули. За пару недель учёные собрали вещи и перебрались в новое здание, отстроенное в центре городка, красивое и чистое. Прежнее же помещение собирались снести, однако, отчего-то забыли о нём и оставили в покое. Располагалось оно на окраине гигантского участка, примыкая к восточной части забора. За ним находились пустырь и овраг, а потому оранжерея, особенно в туманные вечера, напоминала склеп и внушала трусам мистический ужас.

За время своего одиночества, здание заметно одичало и обезобразилось: стеклянные панели, образующие треугольную крышу, пошли трещинами, металлические опоры про-

ржавели, а стены, выложенные из красного кирпича, частично искрошились и покрылись мхом. Странно, но запустение брошенного здания никого не волновало, и оранжерея долго стояла в одиночестве, словно ожидая момента, когда её утроба, порядком потрёпанная сыростью и временем, кому-то понадобится. И однажды такой человек нашёлся. Им оказался Евгений Раапхорст, искавший место для проведения исследований. Он не хотел находиться под пристальным наблюдением Тода, а потому после череды прошений и объяснений по поводу своих изысканий, (не без помощи императрицы) мужчина вытребовав право работать в старом здании на территории академического городка. Раапхорст приметил это место, будучи студентом, и после нескольких лет у него появилась возможность войти в него в роли хозяина, пусть и временного.

Именно это прибежище и интересовало Хорнста. Понаблюдав за городком, он перешёл на другую сторону улицы и неторопливо зашагал вдоль забора, отыскивая место, где через него можно будет перемахнуть. Но улица была полна народу, и потому Эфре пришлось сделать небольшой крюк, пройти пару переулков, пустырей и влезть на территорию с востока. Это было удачное решение, ведь оранжерею от забора отделяло совсем мизерное расстояние, и шансы остаться незамеченными стократно возросли. Кроме того, эта часть городка почти не освещалась, а во тьме Хорнст чувствовал себя уверенно.

Он остановился за липовым стволом и взгляделся в очертания жуткого здания. По его виду нельзя было сказать, что кто-то в нём работает, однако, старик, нанявший парня, был уверен в том, что оранжерея обитаема. Крадучись, словно зверь, Эфра обошёл здание, осмотрел его со всех сторон, пытаясь придумать, как лучше проникнуть внутрь. Бить стекло он посчитал глупым, выбивать двери или крушить стены долгим и трудоёмким, оставалось лишь найти лазейку, воспользоваться которой как входом ни у кого не хватило бы ни воображения, ни смекалки. К счастью, вор обладал сметливым умом и потому мог найти выход из любой ситуации, даже если казалось, что его нет.

По разумению Хорнста дверью могло оказаться что угодно: канализация, пролом в стене, открытая форточка и тому подобное. Однако, в данном случае для вора всё вышло гораздо благополучнее. Ещё раз осмотрев оранжерею, парень заметил небольшую дыру у замшелого фундамента, видимо, ведущую в подвал. Ухмыльнувшись, Хорнст сел на корточки, обследовал пролом и, убедившись, что внизу безопасно, скинул туда сумку, а потом и полез сам. Тьма, бывшая и без того густой на улице, навалилась на парня беспросветной пеленой. Наткнувшись на что-то пару раз и от боли выругавшись, Эфра нащупал сумку, извлёк из неё громоздкий фонарик, что-то покрутил, и в пространстве вспыхнул желтоватый луч. Свет в мгновение выхватил из тьмы серые пробитые стены, пыльный пол, кучи разнообразного хлама: горш-

ки, щебень, мешки с землёй и какие-то странные решётчатые клетки со сплошным дном, видимо, предназначенные для содержания животных. Сейчас они были пусты, и то тут, то там на полу валялись чёрные перья.

Вскоре Хорнст обнаружил каменную лестницу, ведущую наверх. Она завершалась площадкой с запертой деревянной дверью. Эфра ничего другого и не ожидал. После недолгих раздумий парень вытащил из сумки небольшой ломик и принялся освобождать путь. Дверь заскрипела и завывала, но вскоре сдалась и сошла с петель. Юноша тотчас подцепил и положил её на пол. Дело было сделано. За ней оказалась каморка, занятая деревянными коробками, мешками с чем-то зернистым и ещё одна дверь, но уже незапертая. Отворив её, Хорнст увидел довольно большое помещение, впрочем, захламлённое настолько, что стоять можно было только в его центре. Прикусив губу, парень осмотрелся.

У стен мрачнели старые секвенц-проекторы – громоздкие машины с сотней технических гнезд и маленьким стеклянным экраном, отображающим данные о состоянии подключенных к нему аппаратов. В дальнем конце комнаты был сооружён высокий и протяжённый вольер, чьи стены состояли из плетёной металлической проволоки. Это место находилось под треугольной треснувшей крышей, но было защищено от дождя и снега широкими жестяными листами, что означало: там кто-то жил. Но Эфре было не до животных. В первую очередь, Хорнст должен был отыскать бумаги.

После недолгого осмотра парень понял, что находится в общем помещении, куда Раапхорст мог при желании позвать посетителей, не рискуя выдать свою тайну. И теперь вор хотел найти святая святых учёного, то место, где тот вершит большую часть дел, сбрасывая с себя личину законопослушности. Сделав несколько шагов по направлению к вольеру, юноша заметил коридор, образованный западной стеной оранжереи и плетёной проволокой. Стараясь двигаться как можно тише, парень миновал его и вскоре оказался перед ржавой металлической дверью, запертой на засов с тяжёлым железным замком. Юноша вновь пошарил в сумке и извлёк связку отмычек. Повозившись некоторое время, он выбрал подходящую, и через десять минут в южной стене образовался чёрный проход, жуткий и отталкивающий. Сразу за дверью начиналась ступенчатая лестница, и Хорнст, не выпуская фонаря из рук, двинулся вперёд.

Воздух здесь был не затхл, поэтому Эфра предположил, что где-то внизу есть специальные воздухопроводные шахты, устроенные для работы в подземных комнатах. Несколькоми секундами позже он заметил окончание лестницы. За ней расстилался бетонный пол, белели невысокие стены, по которым тянулись чёрные провода, скрепленные металлическими скобами. Они вели к сверкающим морозильным камерам, в каких обычно хранят трупы до их вскрытия или кремации. Чуть поодаль, за ещё одним секвенц-проектором, стоял шкаф с выдвижными ящиками. Заметив его, юноша сно-

ва вооружился отмычками. Разобравшись с замками, он открыл первым ящик и едва не вскрикнул от радости. В нём находился всего один документ – толстая тёмная тетрадь, подписанная: «Е. Раапхорст – Дневник».

Раскрыв её наугад, Хорнст торопливо прочёл запись, датированную прошлым годом: «Сегодня впервые осуществили пробу состава на вороне обыкновенном (*Corvus corax*). Имя – Сон. Неизвестно, когда появятся первые признаки, возможно, только в следующем поколении, но скоро зима, и брачные игры не за горами. Надеюсь, в итоге у нас появится больше материала для исследований, ведь даже в случае успеха, предстоит сделать ещё так много... Вороны поражают меня. Это гениальные птицы, и если я сделаю их мозг совершеннее, неизвестно, какие дали откроются перед наукой. Сегодня Александра пыталась намекать мне о бесполезности нашей работы, об отсутствии практического применения. Я ответил, что я, в первую очередь, свободный учёный. Даже если мои исследования не принесут пользы людям, политике или экономике, я буду продолжать, ведь моя цель: расширить границы науки, а не изобрести новый инструмент для приспособления к миру. Машины, новые мясные породы животных и прочее – это чудесно, но каждый должен заниматься своим делом: они – приспособливаться, я – искать».

Эфра усмехнулся – бахвальство учёного ему понравилось. Он листал тетрадь пару минут, после чего спрятал её в сумку. Порывшись в других ящиках, вор наугад присвоил несколь-

ко бумаг. На них были нанесены чертежи, схемы строения птичьего тела, странные выписки и рассуждения о мозге врановых. Это показалось парню достойным внимания, и он принялся спешно укладывать листок за листом в сумку, совершенно не заботясь о состоянии бумаг. Многие из них помялись, некоторые порвались, однако, вору было не до того. Разобравшись с бумагами, он захотел посмотреть, что скрывается в морозильных камерах. Подойдя к сверкающим на электрическом свету ящикам, юноша взялся за блестящую ручку, повернул её, после чего что-то щёлкнуло, и камера открылась. Внутри находилась металлическая панель, на которой, сокрытое марлей, лежало нечто кроваво-красное. Выдвинув пластину, парень откинул марлю и невольно отшатнулся. Под ней лежало чёрное птичье тело, вскрытое от подклювья, с распростёртыми крыльями, будто птица до сих пор хотела улететь. Её грудь, шея, голова и живот были ошипаны, и кожа в этих местах снята. Органы, видимо, извлекались, однако, теперь снова находились внутри, отливающие красным и тёмно-синим цветами. Голова птицы оказалась разъединена на две половины, и хотя юноша не был сведущ в анатомии птиц, он отчего-то подумал, что мозг отсутствует. Брезгливо осмотрев анатомированный образец, парень вернул всё в первоначальное положение и решил, наконец, возвращаться.

Повернувшись, он подошёл к лестнице и начал подъём. Фонарик по-прежнему освещал пространство впереди, и

Хорнст двигался быстро и уверенно. Вскоре Эфра заметил над собой дверь и усмехнулся, радуясь тому, что всё вышло так просто. Парень уже видел себя вознаграждённым за эту милую ночную прогулку и весело засвистел, забыв об осторожности.

Он насвистывал какую-то быструю мелодию, как вдруг услышал странный шум в общей комнате с вольером. Вор насторожился, но вспомнив, что учёный, которому принадлежало это место, разводит всего лишь воронов, а не тигров, продолжил музыкальное шествие. Оказавшись наверху и заперев вскрытую дверь, он прошёл узкий коридорчик и остановился у конца первого вольера. Перестав свистеть, юноша посмотрел во тьму, скрытую за плетёной проволокой, и негромко сказал:

– Незавидная у вас участь, птички. Что ж, счастливо оставаться.

Он прислонил ладонь к клетке и собирался идти дальше, как вдруг внутри снова раздался шум, нечто зашуршало, послышались хлопки, взмахи крыльев, и небольшая тень с диким криком врезалась в руку вора. Массивный костяной клюв больно ударил в ладонь, парень вскрикнул, и невероятная сила откинула парня назад. Он рухнул на один из секвенц-проекторов, раздался грохот, и нечто в вольере снова вскричало, воспроизводя звук, едва ли принадлежавший этому миру. Он напоминал лай, потусторонний вопль, перемежающийся то низкими, то высокими частотами.

Хорнст приземлился на левое плечо, тотчас вскочил и, едва помня себя от ужаса, бросился в каморку и подвал. Теперь, после всего случившегося, вор хотел только одного – как можно скорее покинуть это место, где явно творилось что-то неладное, где попирались законы природы, где в страшной тьме безумных идей зарождалось нечто потустороннее.

На следующее утро он ничего не мог вспомнить, его сознание очистилось, и лишь неглубокая рана на ладони являлась свидетельством ночного приключения. Эфра забыл, как выбежал из здания, как оказался за пределами городка, как нёсся по улицам, и как снова увидел мрачного старика. Тот ничего не спрашивал, лишь взял бумаги, бегло осмотрел раны, усмехнулся, дотронулся до виска юноши и исчез, явно получив то, чего желал. Возможно, даже к лучшему, что парень лишился воспоминаний, ведь едва ли он смог бы остаться прежним, столкнувшись с тем, чего лучше не касаться.

– Так значит, ты решился? – спросил Евгений.

Максим кивнул. Они вновь сидели за столом, Арнет чем-то гремела на кухне, слышался шум воды, и за окном чернела ночь.

– Ключников не боишься?

– Нет, – ответил Максим. – Никто пока не знает. Я, как и планировал, поеду в Лейтриг, а там меня перехватят. Мне

пообещали инсценировать смерть. Если правительство или какие-либо иные структуры будут думать, что я мёртв, то бояться нечего. Ключника никогда не пошлют охотиться за покойником. Но даже если бы меня и узнали, от цели я не отрекусь. Помнишь наш вчерашний разговор? Так вот, ты поставил точку в моей дилемме. Проблема решена, совесть не докучает мне. Я благодарен за это и с выбранного пути не сверну. И ещё... Я раскрыл свой секрет. Это поможет сопротивлению, а большего и желать не стоит...

– Как самонадеянно. Что ж, только сформулируй для себя, чего именно ты хочешь. Это поможет, если твои цели и цели революционеров разойдутся, – Евгений усмехнулся, сцепив пальцы в замок.

– Поможет?

– Поможет остаться собой, – пояснил Эовин.

– Я – это я при любых условиях! – отозвался Максим, кажется, обидевшись. – Я не марионетка.

– Как же ты заблуждаешься. Но не злись, я объясню. Человек только тогда является собой, когда счастлив. Вся наша жизнь нацелена на счастье, и если его нет, значит, ты идёшь по ложному, чужому пути. Всё просто: в первую очередь, ты хочешь сражаться с несправедливостью, а революционеры – средство. Так выглядит твой путь, но у других он может быть иным. Кому-то нравится убивать, кто-то бежит от мирной жизни, как от чумы, а кому-то нечего терять. Кроме того, ведь ты не знаешь наверняка, чего хотят от тебя лидеры по-

встанцев, тебе известны лишь лозунги и цель, которой они прикрываются, а потому у вас могут возникнуть некоторые проблемы...

– Какие же?

– Если кому-то есть в тебе нужда, но ваши пути расходятся, у этого кого-то есть два варианта: силой затащить тебя на свою дорогу или же уничтожить. Полагаю, для тебя второй вариант предпочтительнее, ведь ты так принципиален. Но, не забывай, что принципы хотя и образуют внутреннюю основу, однако, вместе с тем, не являются незыблемыми. Мир в человеке переменчив, а потому некоторые принципы способны отмирать и уступать место новым.

– Я не верю, что ты это говоришь... – Максим недобро улыбнулся. – Ты не такой.

– А между тем, я не сказал ничего страшного. Нам приходится приспособливаться к миру, играть по его правилам. Несмотря на мою строптивость, я признаю, что довольно часто мы оказываемся ведомыми и сломленными. Одни принципы умирают, появляются новые. Этих смен должно быть как можно меньше, но отрицать их нельзя. Просто, если тебя коснётся это, удостоверься, что смена произведена по твоей воле, а не по указке окружения, начальства, словом, мира, – ответил Евгений и закрыл лицо руками. Он так уверенно получал брата, говорил ему, как жить, но сам едва ли понимал себя.

Целый день он сражался со своими демонами, оправды-

вался перед внутренним взором, иссекал душу в попытке установить равновесие между данностью и идеалом. Всё тщетно. Вновь и вновь перед ним возникали вопросы: Что делать? Идти к Арвиду и умолять или добраться до Елены и поговорить с ней, уничтожить установившиеся узы, окончательно разрушить воздушный замок? Очевидного ответа не было, и Раапхорсту приходилось слушать брата. Совсем недавно, за ужином, тот признался в том, что встретился с одним из блоков сопротивления и теперь формально принадлежит к рядам революционеров. Евгений встревожился, но отговаривать брата не стал, посчитав, что едва ли имеет на это право.

– Ладно, – Максим махнул рукой, – я понял. Значит, можно думать, твоё благословение я получил?

– Получил, – Евгений рассмеялся. – Но ты должен быть осторожен.

– Я зовин, а потому об осторожности мне известно лучше, чем кому бы то ни было, – сказал Максим. – Ну, а что у тебя? Ведь ты тоже чем-то обеспокоен. Так?

– Дела сердечные, – Евгений усмехнулся. – Не думай об этом. Ты не сможешь помочь, даже если захочешь. К тому же, сейчас мне надо сосредоточиться на другом. Та технология, с которой ты мне помог... Помнишь? Кажется, она оказалась рабочей, и мои исследования подходят к концу. Сон и Дрёма дали потомство. Птенцы подросли, и вскоре мне придётся что-то с ними делать. Не знаю, смогут ли они

и дальше уживаться. Инстинкты велят им создавать семьи, лететь друг от друга как можно дальше, но моя воля запрещает это сделать, удерживает, ломает их природу. Быть может, это неправильно, но мне всё равно. Страдания птиц – самая малая жертва, которую я готов принести.

– Не находишь, что это забавно? Ты страдаешь из-за любви, но запрещаешь любить другим, пусть и воронам. А вдруг над нами тоже есть некий исследователь, возомнивший себя вправе мешать тебе?

– Вот только птицы видят меня и теоретически могут взбунтоваться, – промолвил Евгений. – Да, я жесток, но у меня хотя бы есть цель – дать науке новый материал, пищу для размышлений. Какая же цель у этого экспериментатора?

– Вороны тоже не понимают тебя, – заметил Максим.

Его брат засмеялся, и смех это показался гостю ужасным. В нём слышались радость, торжество, злорадное глумление над законами природы. Максим промолчал, почувствовав, что Евгений знает нечто такое, перед чем все его скудные знания о животном мире жалки и несостоятельны. Он пожал плечами, ещё немного посидел, а потом попрощался и вышел.

Следующим утром после короткого завтрака Евгений направился на работу. Ему предстояло провести последний сбор данных, занести их в специальную карту, после чего

приступить к дальнейшей части исследований, которые в перспективе можно будет презентовать. Раапхорст оттягивал этот момент всеми силами, боясь, что научное сообщество Дексарда едва ли поймёт его. Он не знал, как отреагируют коллеги, старался не думать об этом, но верил в лучшее, прислушиваясь к последним каплям оптимизма, оставшимся в нём. Единственное, что заставляло его бояться будущего, это замечание, которое озвучила Александра. Однажды она сказала: «Возможно, применение у нашего открытия всё-таки будет... Как думаешь, кому могут понравиться птицы, если подтвердятся некоторые наши опасения? Ведь потенциал эовранов предполагает не только мирное назначение».

Евгений всё понял, но не посмел произнести это вслух.

«Если девушка окажется права, – думал он, – всё может усугубиться. Мы повторим судьбу Старой цивилизации, и вместо открытия новых горизонтов, уничтожим себя. Поставим крест на будущем... Остаётся уповать на то, что наши страхи окажутся беспочвенными».

Вскоре Раапхорст оказался в пределах студенческого городка. Учебный год вступил в права, и учёный, то и дело, натыкался на группки студентов, весёлых и энергичных, смеющихся, пышущих здоровьем. Евгений представлял собой полную им противоположность: он был мрачен, молчалив, серьёзен и нёс в душе груз, которого не было у этих юнцов, воспринимающих жизнь слишком просто. Впрочем,

возможно, в этом и заключалось их счастье.

Мужчина торопливо преодолел несколько аллей и предстал перед потрёпанным зданием оранжереи. Дверь в кирпичной пристройке была открыта настежь – верный знак того, что Александра явилась на работу. Оказавшись в пристройке, Евгений открыл ещё одну дверь и вышел в комнату с секвенц-проекторами. Там, в центре помещения, стояла Александра. Услышав шаги, она обернулась, и мужчина увидел её испуганное лицо. Девушка дрожала.

– Нас ограбили! – вскричала она, и Евгений недовольно поморщился.

– Что случилось? – спросил он.

– Кто-то пролез к нам... Я пришла недавно, а здесь... здесь... Проектор разбит, на полу капли крови...

Евгений побледнел. Он торопливо облачился в белый лабораторный халат, почти такой же, какой носила Александра, и направился к подвальной двери. Его помощница последовала за ним, почувствовав, что страх, бывший столь сильным совсем недавно, начал проходить. Близость Раапхорста, его решительность придавали девушке сил, и больше Александра не кричала. Учёные спустились в подвал, осмотрели первую лабораторию, морозильные камеры, проверили документы. Недоставало дневника и некоторых бумаг, но основные записи не пропали.

– Значит, они и здесь побывали? – обхватив плечи руками, спросила девушка. Сейчас она выглядела жалкой и сла-

бой, совсем не такой, какой явилась позавчера на бал в дом Хауссвольфа.

– Это был один человек, – не оборачиваясь, ответил Раапхорст. – Максимум двое. Много людей наделали бы лишнего шума, кроме того, тогда бы они забрали с собой всё. Тут же человек хватал документы без разбору, не будучи способным отличить действительно важную бумагу от рядовой записки. Довольно забавно, но и этого, скорее всего, им или ему хватит. Если бы ещё знать, ради чего. У того, кто это сделал, наверняка должна быть цель. Что ты думаешь?

– Я? – удивилась Александра. – Даже представить страшно. Теперь у кого-то есть наша документация... Возможно, у нас появились конкуренты, иначе, зачем кому-то эти бумаги? Нет, я без понятия.

– Хорошо, – сцепив пальцы за спиной, промолвил мужчина. – Так или иначе, нам надо поспешить. Сон и Дрёма сделали своё дело, теперь мы знаем, на что они способны. Как жаль, что твои подозрения оправдались. Очевидно: показывать их нельзя. Проклятье, если бы я мог предугадать, что сюда кто-то зайвится, никогда бы не оставил птиц на самом видном месте! Кажется, без контроля они становятся неуправляемыми...

– О чём ты? Или ты думаешь, что кровь и проекторы...

– Разумеется. Возможно, это сделал кто-то из троих, но главное, военный потенциал налицо. Если теперь об этом узнают, нам придётся прикрыть наши исследования. Хотя,

скорее всего, это сделают за нас, чтобы потом использовать их так, как пожелают вышестоящие, – поднявшись по лестнице и закрыв дверь, сказал Раапхорст.

Его глаза наполнились туманом: новые проблемы возникли из ниоткуда, оттесняя Елену и душевные терзания на второй план. Сейчас нужно было решить, что делать дальше, выработать последовательность действий и выполнить заранее запланированное, невзирая на страх. Всё остальное – пойдёт.

– Разберёмся потом! – воскликнул Раапхорст. – Вороны – это чудесно, они ответили на многие вопросы. Теперь я хочу взглянуть на орлов, перед тем, как мы уйдём в подполье. Ты проводила наблюдение, что скажешь, с ними или их потомством можно работать?

Александра неопределённо мотнула головой.

– Не уверена. Они не отвергли состав и твои психические манипуляции пережили стойко, однако, кто знает, как они поведут себя, если ты снимешь печать. Всё-таки они явные хищники, – проговорила девушка. Она стояла под жужжащими лампами, и её халат на свету ослеплял белым цветом. Евгений отступил к морозильным камерам и понимающе кивнул.

– Ты права, снимать печать нельзя. Да это и не нужно, мне будет довольно яиц...

– Для чего?

– О, ты всё знаешь. Одно дело – улучшить воронов, но со-

здать принципиально новое создание... Добиться не жалкой имитации, не видоизменения существующего, а постичь сакральный акт рождения, акт созидания, о котором говорят в религиозных учениях. Я не бог, но учёный, и мне интересно, как далеко я смогу зайти, перед тем как исчезнуть в небытие. Впрочем, сделать сейчас это вряд ли удастся...

– Но зачем? Теперь мы знаем, что наш состав и технология эффективнее той жижи, о которой Тод рассказывал на прошлой конференции с таким воодушевлением. Разве этого мало? Разве тебе хочется больше? – Александра с тревогой посмотрела на мужчину.

Теперь из доброго покровителя он превратился в жёсткого демиурга, ужасающего в своей решительности. Эта метаморфоза, произошедшая за долю секунды, поразила девушку, но уйти Александра не могла. Она до сих пор помнила чувство, которое Раапхорст отверг. И хотя воспоминания об этом причиняли боль, Девильман не могла покинуть того, кому невольно передала права на себя. Только он мог помыкать ею и быть любимым, только он мог приказывать ей и не вызывать злость, только ему она безмерно доверяла и только его странности готова была терпеть. Потому-то она и стояла рядом, потому-то и пыталась переубедить его, в душе надеясь, что Евгений остановится.

Эовин не ответил. Зайдя за морозильные камеры, мужчина нащупал ручку небольшой двери, которую вор не смог разглядеть ночью, повернул её и исчез в соседнем помеще-

нии. Александра последовала за ним. Её слова не возымели действия. Раапхорст был взволнован, подстёгиваемый страхом разоблачения. Он понял, что утечка информации повлечёт за собой прекращение исследований, поэтому торопился, желая сделать хоть что-то перед тем, как его схватят.

Вторая лаборатория, скрытая за бетонной стеной, оказалась немного больше первой. Её занимали хирургические столы, громоздкие лампы на подвижных суставчатых креплениях, новые морозильные камеры, решётчатые клетки и два подключённых секвенц-проектора. В дальнем углу помещения находилась небольшая химическая лаборатория, а слева от двери стоял ещё один вольер.

– Так всё же, что ты собираешься делать? – снова спросила Александра, заметив странный взгляд Раапхорста.

– Это сложно объяснить. Могу только сказать, что в определённой степени мне помог мой брат, – ответил он.

Только Евгений знал, что величайший талант Максима заключается не в техническом мастерстве, а в даре проникновения во временные структуры прошлого, исследования сохранившихся на информационном уровне образов. Пару лет назад черноволосый мужчина дал брату подсказку, в каком направлении искать, и тот смог кое-что ему рассказать, установив связь с определённой системой.

«Всё-таки учёные, жившие на этой земле всего четыреста лет назад, были гениями. Они знали не только, как воздействовать на материю извне, но и то, как структурировать её

на базовом, первичном уровне, до того, как организм выйдет за пределы материнской утробы или яйца. Их технологии поражают. Сейчас о них мы не можем даже мечтать, впрочем, кое-что и нам под силу. Точнее, мне...» – подумал Рапхорст.

Он прошёлся по лаборатории и приблизился к вольеру. Там, за проволокой, на толстой ветке сидел крупный коричневый орёл, невидящим взором уставившись в пространство перед собой. Рядом, в гнезде, находилась самка. Они не слышали и не видели ничего вокруг, большую часть времени находясь в трансе. Евгений задумчиво посмотрел на них и произнёс:

– Могущество эовинов касается не только психики и слабого телекинеза, но иногда и возможности воздействовать на порядок вещей. Например, ты знала, что в редких случаях наша воля способна замедлять тление? О, это правда.

Мужчина ненадолго замолчал.

– Она высиживает яйцо или два, так? – вдруг спросил он.

– Верно, – Александра кивнула.

– Хорошо. Нужно достать их.

– Но без материнского тепла они погибнут, – взволнованно ответила девушка. Мужчина закрыл глаза.

– Нет, не погибнут, – возразил он. – Я сделаю так, что один из них проживёт достаточно долго, до того времени, когда условия позволят нам продолжить работу. Я думаю, ты тоже поняла, что тучи сгущаются, и дальше скрываться

мы не сможем. Скорее всего, придётся подождать, поменять место, но это не страшно. Приступай...

Сказав так, мужчина пристально посмотрел на собеседницу. Та растерялась, но приказ выполнила. Она открыла вольтер и осторожно вытащила яйца из-под орлицы, совершенно не боясь, что её атакуют. Воля Евгения была сильна, и птицы покорно спали, ни о чём не догадываясь. Вскоре девушка передала Раапхорсту два белых яйца с чёрными крапинками. Тот кивнул, осмотрел их и выбрал одно, наиболее, по его мнению, подходящее.

– Пока эмбрион мал. Он сформирован не до конца и пусть таким остаётся как можно дольше. Так у него больше шансов пережить то, что я планирую с ним сделать позже, – шёпотом произнёс Евгений.

Теперь ему предстояло главное – задать новый вектор развития биологического материала, а также замедлить течение жизненных процессов, заморозить рост, но не убить птенца. Выждав некоторое время, мужчина закрыл глаза. Александра замерла, боясь помешать. Она стояла рядом, словно статуя, безмолвная и неподвижная, не в силах постичь действие, что разворачивалось перед ней. Материя, с которой пытался заигрывать эовин, была тонка, подвижная и капризна: лишь одно неверное движение мысли, и невидимая структура информационного уровня распадётся, станет зыбкой и не даст нужного эффекта. Потому эовин был сосредоточен как никогда: сейчас он играл с жизненным кодом, с базисом Вай-

роса, но не догадывался об этом. Его лицо выглядело спокойным, но на самом деле Раапхорст испытывал страшное напряжение. То, чем он занимался сейчас, не являлось обыденной практикой – едва ли вообще кто-то из эовинов догадывался о ней, разве что Максим, который и подглядел её в прошлом, но сам никогда не пробовал повторить.

Так продолжалось около десяти минут. В лаборатории было тихо, орлы спали в вольере, сверху иногда доносились едва различимые крики воронов, и Александра с благоговением взирала на мужчину. Наконец, эовин отмер и взглянул на девушку. Кажется, у него получилось. Он слегка улыбнулся, провёл пальцами по гладкому предмету и отошёл к столу. Там из ящика он достал небольшой чёрный крио-футляр и спрятал в него яйцо. Щёлкнул металлический замок, Раапхорст вынул ключ и убрал в карман.

VI

Александра вернулась домой в восьмом часу растерянная и измождённая. Оставшееся время после эксперимента она и Раапхорст заматали следы. Большинство сохранившихся после ночного ограбления бумаг Евгений уничтожил или перепрятал, девушка свернула химическую лабораторию, утилизировав химикаты и почти всё оборудование в старой выгребной яме. Секвенц-проекторы было решено вернуть тем, у кого их арендовали, а воронов и орлов оставить в покое. Они по-прежнему оставались главными экспериментальными объектами, а потому Раапхорст был готов пожертвовать состоянием, оборудованием и многим другим, но не птицами. Единственное, что он сделал с воронами – спрятал их в подземной лаборатории, предварительно введя в транс.

«Возможно, придётся найти новое место. Сомневаюсь, что это в моих силах, потому прошу: поговори с отцом», – вспомнив о просьбе Раапхорста, Александра помрачнела. Говорить с Идисом ей не хотелось ещё больше, чем с сестрой.

«Если бы он знал, что за человек мой отец... Страшно представить...» – думала девушка.

Вестибюль дома Девильман был освещён огнями многоярусной люстры. Её свет лился с многометровой высоты на

узорчатые ковры, чёрные лестничные перила, драпированные стены, картины в золотых рамах и прочую роскошь дворянского гнезда. Однако, Александра ничего не видела, погружённая в тяжёлые мысли. Нет, она шла не на казнь, она лишь должна была отужинать в тесном семейном кругу, но девушка не могла сказать точно, что для неё предпочтительнее.

«Вот... – мелькнуло в сознании. – Ещё один коридор, поворот, дверь, а там...»

Александра не успела додумать – кто-то схватил её за локоть. Рванувшись, девушка высвободила руку, обернулась и заметила улыбающуюся Клариссу. Та возникла из ниоткуда.

– Чего встала, идём! – воскликнула та и первая вошла в столовую. За дверью оказалась просторная комната с бежевыми стенами, накрытый для ужина стол, разнообразные блюда, напитки, суetyащиеся слуги и хозяин дома – Идис Девильман. Мужчина, восседавший во главе стола, недовольно поглядывал на слуг и отпускал замечания. Его голос, низкий и повелительный, звучал, словно громовой раскат, и глаза, серые и строгие, внушали ужас.

– Ещё немного и могли опоздать. Вы же знаете, ничто на свете не должно ставить под сомнение пунктуальность Девильман. Так? – заметив дочерей, грозно пробасил Идис. Александра виновато потупилась, Кларисса хмыкнула и кивнула. Её глаза сверкнули, выдавая мрачное расположение духа. От надменной улыбки, которой старшая сестра только

что одарила Александру, не осталось и следа.

– Садитесь, нечего стоять. Если не можете ответить, по крайней мере, не мозольте глаза. Алексу я рад видеть, но тебя, Клара... Целый день только и делаешь, что докучаешь мне, – произнёс Идис, смерив старшую дочь презрительным взглядом.

– Папа, не надо, – робко промолвила Александра, но Кларисса оборвала её резким жестом и, с трудом улыбнувшись, произнесла:

– Но чья в том вина, что я почти не покидаю дома? Будь моя воля, я бы не осталась здесь ни на минуту, дорогой отец.

Это было сказано почти ласково, но Александра поняла, что настрой Клариссы – лишь видимость. Сквозь маску спокойствия проступала клокочущая злость, нелюбовь, граничащая с ненавистью.

– Я так понимаю, есть ты не хочешь? – поинтересовался Идис, заставив Клариссу отвернуться. Она не могла выносить его взгляда, его слов, его лица. Мужчина усмехнулся и хлопнул ладонями. Тотчас в комнату вошли два широкоплечих эовина и встали за спиной отца Девильман.

– Кто знает, на что решится моя милая дочь-полукровка, – сказал он, обращаясь к Клариссе. – Пусть они побудут здесь. Ты же не против?

– Ни в коем случае. Ты вправе поступать, как пожелаешь, – прошипела девушка. Она подошла к столу и села напротив отца.

Приступив к первому блюду и съев немного, Идис спросил:

– Как прошёл день, Алекса? Эовин особо не зазнавался?

– О нет, папа. Я держусь с ним строго. Впрочем, он не подаёт повода для гнева, – ответила Александра. Кларисса едва заметно усмехнулась, но отец не заметил.

– Хорошо, – похвалил он. – Я, честно говоря, испугался, когда узнал, что ты будешь работать под началом Эовина. Это, конечно, неслыханно, чтобы кто-то из дома Девильман подчинялся кому-то вроде Раапхорстов, однако, ведь ты только начала свой путь, и всё может измениться.

Услышав это, Кларисса незаметно под столом коснулась ноги Александры. Младшая дочь подняла глаза, её сестра усмехнулась и кратким движением головы указала в сторону отца. Алекса, поняв замысел Клариссы, сделала страшное лицо, безмолвно умоляя не совершать глупостей. Та закатила глаза и кивнула: кажется, гроза прошла стороной. Кларисса молчала.

Ближе к завершению вечера Александре удалось намекнуть отцу о новом помещении, что, впрочем, далось ей нелегко.

– Кто знает, зачем это Эовину... Ты действительно думаешь, что дело только в безопасности? Что ж, посмотрим... – промолвил Идис, не переставая терзать запечённую утку.

Наконец, ужин подошёл к концу. Мужчины-Эовины покинули столовую, Идис встал, намереваясь выйти, но тут

Кларисса, задетая прежними словами отца, решительно воскликнула:

– Подожди. Ты, кажется, кое-что забыл!

– Что же? – Идис обернулся.

– Ты сказал, что Девильманам стыдно подчиняться кому-то из рода Эвинов, но ведь ты сам когда-то подчинился! Или скажешь, что я вру?

– Что за бред ты несёшь? – отец криво улыбнулся, глядя на дочь сверху вниз. Идис был высок и телосложением напоминал быка, нежели человека, и только поэтому мог вызвать страх. Но старшая дочь не боялась, гораздо сильнее в ней была ненависть.

– Тобой повелевала моя мать! Иначе как ты объяснишь моё появление на свет? Ты стыдишься меня, презираешь только потому, что тебе стыдно за прошлую слабость. Ты чудовище, ненавидящее себя больше чем кого бы то ни было! – сказала Кларисса и отшатнулась. Глаза её отца налились кровью, и он ринулся к ней.

Александра, увидев это, пронзительно закричала, и её голос, звонкий, напоённый ужасом, отрезвил Идису. Тот остановился, от злости сбил со стола пару тарелок и прорычал:

– Рано или поздно ты окажешься на улице, дрянь! Так и знай.

Он отошёл и, оказавшись в коридоре, со всей силы хлопнул дверью. Александра смотрела на сестру широко раскрытыми глазами: та была бледна.

– Ублюдок... – едва слышно прохрипела та, бросив взгляд в сторону двери, – Ненавижу!

– Зачем ты так? – жалобно спросила Александра и едва успела увернуться: Кларисса замахнулась на неё.

– А ты! Ты! – взвизгнула девушка. – Ты тоже своё получишь! Ты и твой Раапхорст!

– Стой! Отец не должен...

– Да не скажу я ему ничего! Пока что... Ты думаешь, это единственное, на что я способна? – старшая сестра злобно ухмыльнулась. – Нет, дорогая, нет. Ты ещё увидишь мою силу! Вороны, орлы... Скоро вам с Раапхорстом будет не до них! Ты же знаешь, что всякая военная разработка должна принадлежать государству, а за её сокрытие следует жёсткое наказание?

Александра пошатнулась. С трудом подойдя к столу, на котором до сих пор стояло несколько блюд, она рухнула на близстоящий стул и с выражением удивления, смешанного со страхом, посмотрела на Клариссу. Та, одетая в чёрное платье, держалась нагло и гордо, ощущая своё превосходство.

– Что... Что ты сказала? – запинаясь от волнения, переспросила Александра. – Вороны... Орлы... Ты знаешь...

– А как же, милая! – старшая сестра села на корточки. – Ведь я эовин, как ни крути. Пусть наш отец заблуждается насчёт полукровок, но тебе я открою тайну: ты либо эовин, либо нет. Промежуточных вариантов не существует. Но суть не в этом. Суть в том, что ты часто думаешь о работе, нахо-

дьясь дома. Весьма неосторожно, и я не могла не воспользоваться этим.

Кларисса смотрела в глаза младшей сестры и ликовала. Её лисье лицо, острое и хитрое, светилось от счастья, улыбка не покидала тонких губ. Теперь девушке можно было не скрываться.

– Мне известно, зачем тебе и Раапхорсту новое помещение. Вас раскрыли. Надеюсь, моя роль в этой постановке будет оценена по достоинству, – вновь произнесла Кларисса, наблюдая за реакцией сестры. Александра подавленная и обескураженная сидела и невидящим взором смотрела куда-то в пустоту. Её парализовал ужас. Самые её страшные опасения по поводу ночного происшествия оказались лишь блеклыми тенями, пустыми домыслами, в то время, как реальность была гораздо хуже. Александру предала родная сестра.

– Но... Но зачем? – вдруг очнувшись, светловолосая девушка заскулила. На её глазах навернулись слёзы.

– О, не плачь. Я всё расскажу. Вот только после этого, тебе придётся рыдать, ведь даже ангелы, если они где-то есть, отвратят лики от жалости и ужаса. Их свет поглотит ваша тьма. Да, именно так, или ты думаешь, главное зло здесь я? Нет, Алекса, монстры, засевшие в нашем доме, это отец и ты! Он тиран, а ты его любимая овечка, не смеющая сказать слова поперёк! – Кларисса сверкнула глазами и встала.

Вдруг отворилась дверь, и в столовую вошли слуги, види-

мо, желая убрать посуду. Заметив это, старшая сестра с криком их прогнала.

– Лишние уши нам ни к чему. А здесь, на поле недавней брани, так хорошо говорить, не находишь? – сказала она, скрестив руки на груди.

– Зачем... – шёпотом повторила Александра. Её плечи вздрогнули под голубой блузой.

– Ну, что ты заладила, как заведённая. Ну, захотелось мне так. Я же, по-твоему, прихотливая дура, поступающая, как заблагорассудится, – девушка рассмеялась. – Нет, Алекса, не так. Всё дело в зависти и ненависти. Я бы многое отдала, за то, чтобы хоть день пожить твоей жизнью. Сказать тебе, как чувствуешь себя, когда к тебе относятся, как к пустому месту, как к чему-то незначительному и жалкому? Чувствуешь себя грязной, ничтожной... Оплеванной...

– Но отец сам...

– О, я уже всё сказала о нём ему же в глаза. Правда, думаю, вскоре он поменяет мнение обо мне. У него не будет выбора. Видишь ли, пусть я его ненавижу, его оценка важна для меня. Такая уж я идиотка, – Кларисса развела руками. – Иронично, что именно ты, светлое безгрешное создание, проложила мой путь наверх. За счёт твоих преступлений я смогу показать себя с лучшей стороны. Мне всего-то и нужно рассказать о них. Да, это будет предательством, я понимаю, но лучше я предам и выбьюсь в люди, чем проведу жизнь в грязи, куда меня хочет засунуть наш отец!

– Значит, ты нас ограбила? – с трудом шевеля языком, спросила Александра. Кларисса усмехнулась и покачала головой.

– Какая же ты дура. Даже когда я почти всё объяснила, ты не можешь понять самого очевидного. Хорошо, я расскажу подробно. Мне интересно, что ты почувствуешь. Потом всё равно я сотру эти воспоминания, чтобы ты не могла предупредить Раапхорста, и чтобы мой сюрприз действительно оказался неожиданностью. Смотри: мы живём под одной крышей всю жизнь, но ты счастлива, а я нет. Ты согласна?

Светловолосая девушка инстинктивно выразила удивление, но, почувствовав собственную фальшь, была вынуждена согласиться и кивнуть.

– Отлично, – сказала Кларисса. – Хорошо, что ты не пытаешься извернуться. Итак, за годы унижений, мне стало кое-что понятно. Как бы хороша я ни была, отец и общество никогда не примут меня так же хорошо, как принимают тебя. Да, это зависть, да это глупость, но такова я есть и поделаться с собой ничего не могу. Во мне живёт страшная ненависть, и пока я не докажу, что достойна того же, чего достойна ты, я не успокоюсь. Слишком глубоки раны...

Она немного помолчала, собираясь с мыслями, и вскоре продолжила.

– Да, я ненавижу тебя. Ты всегда была лучше, красивее, чище... Ты жила, не сражаясь с миром, не ломая себя, не вступая в бессмысленную борьбу. А у меня так не полу-

чалось и не получится. Судьба распорядилась так, что мне недоступно твоё мировоззрение и твои возможности, и не надо рассказывать мне, что каждый сам выбирает судьбу. Нет, каждый выбирает лишь то, как к ней относиться. С любовью или ненавистью... Что ж, мой выбор тебе понятен.

– Ты ненавидишь меня, но при чём здесь Раапхорст? А наши исследования? – подняв голову, спросила Александра. Её сестра подошла к ней.

– Всё-таки, ты меня не слушаешь и совсем не понимаешь. Если бы я не знала тебя, решила бы, что ты беспросветная тупица. Ну да ладно. Хорошо! Насчёт Раапхорста... Я уже призналась, что страшно завидую тебе, твоим успехам и твоим же поражениям, потому как и они имеют некое очарование. Ты не понимаешь? Всё просто... Ты влюбилась, и он ответил взаимностью. Вы расстались, но не стали врагами. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Даже твои недолгие страдания и плаксивые рассказы были наполнены чем-то светлым и приятным, чего у меня никогда не было и не будет. Я ненавижу тебя за это, я ненавижу Раапхорста, ставшего для тебя первой любовью, ведь я никогда не смогу испытать нечто похожее. Я оторвана от мира, я оторвана от человеческого счастья и могу совсем исчезнуть. Но я не сдаюсь. Благодаря тебе и твоему бывшему, я смогу добиться нового положения. Ты спрашивала про ограбление, так знай, мне стало известно об этом только что, от тебя. И это не я ворвалась к вам, но, видимо, сделала так, чтобы это смог-

ло осуществиться... О, скоро вас коснутся бедствия гораздо страшнее, чем те, что только что миновали.

Кларисса приблизилась к сестре, дотронулась пальцем до её виска, и та, не успев отшатнуться, ослабла и упала в обморок.

– Заходите! – воскликнула девушка, в коридоре раздались шаги, и слуги вновь оказались в столовой. – Обморочную заберите. Я устала, мне нужно отдохнуть.

С этими словами старшая сестра покинула комнату и оказалась в коридоре.

– Доверять себе – прекрасно, – промолвила девушка. – Если бы тогда я не решилась доложить Арбрайту, ничего бы не получилось. И, кроме того... Как хороши и полезны мысли моей сестры. Из них можно не только узнать, где и когда обычно обедает заместитель Тода, но и о чудесных ужасах, творящихся в лаборатории Раапхорста. Поистине, женский разум – хаос, но какие, порой, полезные знания можно почерпнуть там.

Спрыгнув с забора, Евгений приземлился на влажную опавшую листву. Где-то рядом, за тонкой деревянной стенкой вольера, залаяли собаки, но эовин тотчас их усмирил. Животные заскулили и вскоре замолкли.

«Какое везение, – подумал Раапхорст. – Единственное место, где можно было пролезть и сразу собаки. Что ж... Наде-

юсь, хотя бы того старика я не встречу. Мне меньше всего на свете хочется сейчас вступать с кем-то в противоборство. Главное, добраться до Елены...»

Мужчина огляделся. Он находился во дворе поместья Хауссвольф, расположенном в некотором отдалении от особняка. Добротные деревянные строения, сараи, склады и дома для прислуги чернели в осенних сумерках, и только едва освещённые жёлтым окна, являлись свидетельством того, что здесь кто-то живёт и работает. Наступил вечер, людей на улице не осталось, темнота сгущалась, и для Раапхорста это оказалось наилучшим раскладом. Дул слабый ветер, ветви деревьев едва заметно раскачивались, и блеклые тени от них, танцевали на земле, освещённой слабым лунным светом. Эовин передвигался бесшумно, стараясь не выдать себя. Миновав постройки, он вышел на широкую гравийную тропу, ведущую к особняку. Пятью минутами позже свернув с неё к небольшому парку, эовин перебежками между стволами деревьев направился к цели. К счастью, она была хорошо видна, ведь особняк, в отличие от домов прислуги, не только был огромен, но и великолепно освещён. Страшного старика Раапхорст до сих пор не заметил, и надежда на свидание с любимой стала сильнее.

«Атерклефер сказала, что я не могу быть с Еленой. Примерно то же думал и я, но то были лишь мысли, сейчас же мне нужно окончательно во всём разобраться. Я призыву девушку к мужеству, и, если у неё получится, мы сможем до-

говориться», – так размышлял мужчина, подбираясь к поместью Хауссвольф. Многие его окна излучали свет, однако восточное крыло, где по разумению эовина жила Елена, было погружено во тьму.

Подобравшись к нему, Раапхорст заметил балкон и закрытую стеклянную дверь. За ней висели тёмные шторы, но Евгений едва ли мог их увидеть. Ему приходилось задирать голову, прислушиваться, в надежде различить мысли дорогой девушки. Но та, кажется, спала, и мысленный фон был чист.

– Прости, дорогая, – промолвил мужчина и закрыл глаза. Его виски сковала тупая боль, раздался тонкий высокочастотный шум, и в информационной тишине вспыхнула алая судорожная мысль. Елена очнулась ото сна – импульс Евгения сработал. Девушка, вздрогнув, встала и, поддавшись неизвестному порыву, подошла к балконной двери. Слегка замешкавшись, она открыла её и оказалась на балконе. Теперь ветер трепал её волосы, ночная сорочка белела в ночи, и Раапхорст невольно залюбовался девушкой, её красотой и наивной смелостью. Впрочем, сейчас дочь Хауссвольфа едва ли понимала, где находится и что это уже не сон, а потому вела себя несколько храбрее, чем подобало в нынешней ситуации.

«Елена, осторожней! – мысленно сказал Раапхорст. – Ты на балконе. Прошу не волнуйся. Я пришёл, чтобы поговорить с тобой».

Эти слова тотчас возымели действие. Девушка вздрогну-

ла, отшатнулась от каменных перил и наткнулась на отворённую дверь. От неожиданности она едва не вскрикнула, но вовремя сдержалась и зажала рот руками. Она поняла, что Евгений пришёл за ней, и счастье, явившееся вместе с этой мыслью, согрело Елену и освободило от остатков сна. Отняв ладони ото рта, дочь Хауссвольфа вновь приблизилась к перилам и посмотрела вниз. Там, среди цветочных кустов она разглядела тёмную мужскую фигуру и радостно замахала рукой. Евгений не двигался.

– Прошу, зайди в спальню и надень что-нибудь тёплое. Я понимаю, ты рада меня видеть, но мне не хочется, чтобы ты простудилась, – сказал мужчина, и Елена повиновалась. На минуту она скрылась в комнате и вернулась, облачённая в халат.

– Что теперь? Ты заберёшь меня? – шёпотом спросила девушка, но Евгений молчал. Внезапно возникшая пауза напугала Елену. Девушка почувствовала дрожь в ногах, судорогу, скользнувшую вдоль груди, и затряслась, словно в припадке. Едва помня себя, она снова прошептала:

– Так что же? Зачем ты пришёл? Прошу, не мучай меня, ответь. Ведь я ждала тебя эти дни... Отец совсем сошёл с ума. Он хочет отдать меня сыну Верде. Ты помнишь? Верде – старый граф, помешанный на том, как бы повыгоднее пристроить сына. Уж не знаю, с чего он взял, что я хорошая партия... Но ведь ты не дашь этому случиться? Правда?

«Ах, вот как... – улыбнувшись, подумал Раапхорст. – Всё

складывается наилучшим образом. Для меня есть замена, чудесно... София была права. Она, действительно, понимает эту жизнь лучше, чем я. Да, я должен оставить Елену. Теперь мне это понятно как никогда».

– Да что же это такое! – едва не плача, сказала девушка. – Я же жду! Или ты хочешь, чтобы я спрыгнула с балкона? Хочешь? Так я могу, смотри!

– Подожди, умоляю! – наконец, отозвался Раапхорст. – Меньше всего на свете я хочу, чтобы ты покалечилась или погибла. Я люблю тебя, это не тайна, но в жизни всё гораздо сложнее. Любви или желания мало, нужно кое-что ещё...

– Ты издеваешься?! Я здесь с ума схожу без тебя, а ты ещё что-то говоришь? Немедленно поднимайся сюда или готовься ловить меня! Я не могу больше разговаривать с тобой сверху вниз! – от злости топнув ногой и поморщившись от боли, воскликнула девушка. – Кроме того, я хочу дотронуться до тебя. Если ты боишься, я первая окажусь рядом!

– Стой, не надо! Я объясню, зачем пришёл. Мы поговорим, ты согласна? – взмолился Евгений, и его собеседница послушалась.

– Так говори, – сказала она, и голос её показался Раапхорсту сдавленным и жалким. Евгений кивнул. Он сделал во тьме два неуверенных шага, словно желая стать ближе к девушке, и промолвил:

– Я не знаю, как ты отнесёшься к этому, но сказать правду, я обязан. По крайней мере, ты не сможешь обвинить меня во

лжи, а в отношениях это, наверное, главное. Максимальная искренность. Ты согласна, Елена?

Та, почувствовав слезу на щеке, молча кивнула.

– Прости меня, – сказал Раапхорст с дрожью в голосе. – Постарайся понять... Ещё тогда, в зимнем саду, я пытался заговорить об этом, но ты была так взволнована и окрылена, что мне стало жаль рушить твои надежды. Я боялся потерять не только тебя, но и мир грёз, где ты заняла место королевы, женщины и матери. Ты его центр, и без тебя в нём нет никакого смысла. Он пуст без твоего голоса, взгляда, движений. И вместе с ним, пуст я... Казалось бы, всё прекрасно – мы любим друг друга, но вот незадача: общество против. Пожалуй, это даже забавно. Столь банальный поворот и в нашей неповторимой истории! Но жизнь такова, что одни и те же сюжеты живут тысячи лет, не претерпевая значительных изменений. Мы стали жертвами одного из них. Что ж, примем это и не будем обижаться на судьбу. В конце концов, мы живы, а любовь... Чувства имеют свойство сливаться с серостью жизни, с её повседневными заботами, уходить в небытие. Надеюсь, так случится и с нами. Нет, не плачь. Я не закончил...

Ты можешь возразить, что закон не запрещает наш брак. Это так, но помимо дозволенного официально есть препоны скрытые, те, что существуют не на бумаге, а в головах людей. Изменить это не способен даже всемогущий эовин, а потому, я принял решение оставить тебя. Нет, не бросить, а

оставить, ведь от нашего союза больше вреда тебе, чем мне. К тому же, совсем недавно у меня появилось одно убеждение, с которым, думаю, ты согласишься. Все мы приходим на этот свет не только за тяжким учением, но и за счастьем, за его постижением. Ведь нельзя отрицать, что сладость любви можно ощутить только в рамках жизни, в её ограничениях, а осознание близости смерти усиливает чувства, позволяет нам понять их наиболее полно. Но я не о том... Любовь – это союз, в котором каждый должен жертвовать собой, отдавать что-то, в расчёте сделать счастливым своего партнёра. Многие заблуждаются, считая, что любовь – это средство для достижения покоя, гармонии, благополучия. Нет, любовь возможна только если ты уже готов чем-то делиться. Если ты обрёл достаточно счастья, чтобы передать его. Но у меня его, к сожалению, нет. Я не могу помочь тебе, не могу защитить, не могу подарить покой. Так скажи мне, нужен ли я тебе?

Евгений замолчал. Он склонил голову, будто готовясь принять кару, но Елена не отвечала. Она стояла на прежнем месте и мысленно кричала, желая, чтобы всё случившееся оказалось пустым сном, бредовым порождением грёз. О, если бы она могла что-то изменить...

– Прошу, ответь, – вновь сказал Раапхорст, и Елена отмерла. Она задумчиво посмотрела вдаль, затем на Евгения, которого по-прежнему едва различала во тьме, и тихо произнесла:

– Ты прав, Раапхорст. Ты, конечно, прав... Есть препят-

ствия, есть мы, есть твои убеждения. Как я могу спорить с тобой... С эвином, с учёным, с наследником некогда великого рода Раапхорст? Правильно, никак. А потому не буду возражать. Просто скажу, что ты разочаровал меня. Да, именно так. Я верила в тебя, а ты оказался пустышкой, фикцией сильного человека. Я не хочу больше говорить и слушать, я достаточно услышала за эти полчаса. Хватит! Пошёл вон, или я позову старика! Он с радостью оторвёт тебе голову! Уходи.

Раапхорст вновь улыбнулся. Елена была разгневана, но суть его слов она уловила. Пусть неосознанно, но девушка поступала почти так, как Евгений и хотел, чтобы она поступила. Он кивнул и, не проронив ни слова, ушёл. Дело было сделано, теперь Елена оказалась в безопасности, связь с эвином повредилась и ослабла, а потому Евгений мог без сомнений ринуться в сражение. Он чувствовал, что грядёт нечто ужасное и хотел встретиться с ним максимально сильным.

«Так или иначе, – думал Раапхорст, приближаясь к тому месту у забора, где он проник на территорию поместья, – однажды всё встанет на круги своя, и в будущем я пойму, правильно ли поступил. Сейчас же мне больно и легко одновременно, я лишился счастья, но сберёг жизнь дорогого человека. Надеюсь, что сберёг, ведь в этом и состояла моя цель...»

VII

– Значит, птицы? – Атерклефер вышел из-за стола, случайно задев его край полкой чёрного френча.

Докладчик, мужчина лет сорока с чёрной бородкой, кивнул и поклонился. Император неторопливо подошёл к окну, окинул взглядом центральные улицы города, серые и холодные, и криво усмехнулся. Проведя пальцами по седым волосам, он промолвил:

– Полагаешь, это достойно внимания? Тод, конечно, важен, но он лишь эвоин, помешанный на положении. Обычно, такие рвут жилы в надежде встать на ступень выше, но вместе с тем не могут принести почти никакой пользы. Разве его рассказ не похож на бред сумасшедшего? Можно поверить во что угодно, но не в птиц, способных воевать...

– Ваше Величество, – ответил собеседник Императора, – я бы не посмел беспокоить вас, если бы не был уверен, что Тод не лжёт. Он провёл небольшое расследование, представил доказательства в виде бумаг и пару воспоминаний одного проходимца – осведомителя.

– Хорошие доказательства, – усмехнулся правитель. – Правда, мне всё больше кажется, что Тод повредился рассудком. Да и ты... Ведь знаешь, моё время бесценно. Ты должен понимать, у нас масса дел и проблем! «Кригард» требу-

ет денег, а их, как тебе известно, не так много. Нужно что-то предпринять...

– Именно поэтому вам и следует уделить мне ещё пять минут. Прошу, господин Атерклефер, выслушайте, – бородатый подошёл ближе и пристально посмотрел на императора. Тот поднял указательный палец, словно желая возразить, но передумал и кивнул.

– Говори...

– На первый взгляд, Вы правы. Но не забывайте, что мы зависим от «Кригард» именно потому, что нам требуется новое вооружение, финансирование некоторых предприятий и тому подобного. Если бы мы могли найти достойную альтернативу их оружию, наше положение несколько улучшилось бы, как Вы считаете? – сказав так, докладчик замолк.

Атерклефер скрестил руки на груди и закрыл глаза, о чём-то задумавшись. В таком состоянии он пробыл около минуты, после чего ответил:

– Это глупо, но... Пусть будет так. Я разрешаю тебе заняться этим вопросом. Главное, чтобы Ацфел ничего не узнал. Он хоть и молод, но ведёт дела весьма неплохо. Нельзя допустить, чтобы наш план стал ему известен.

Бородатый кивнул.

– Я могу идти? – спросил он.

– Да, ступай, – Император подошёл к столу. – И ещё... Если Тод окажется прав, я хочу, чтобы он и люди, которые ему помогали, получили определённое вознаграждение. Со-

размерно внесённому вкладу, конечно.

– Будет сделано.

Мужчина поклонился и вышел.

Болезнь пришла внезапно в полдень следующих суток.

Сначала Евгений потерял аппетит, затем почувствовал слабость и, в конце концов, слёг. Была ли то лихорадка, нервное расстройство или иной недуг, сказать нельзя, а потому Арнет, не зная, как поступить, и совершенно сбившись с ног, вскоре позвонила в больницу. Она умоляла прислать врача... Явился он в девять вечера – худой, пахнувший медицинским спиртом, седовласый мужчина с чёрным кожаным чемоданчиком. Бегло осмотрев больного, он сказал пару слов, и его голос неприятно поразил Раапхорста. Сам Евгений тоже не обладал чарующим баритоном, и говорил скрипуче и с придыханием, однако у врача голос представлял собой самый уродливый фальцет, из всех, что когда-либо слышал Раапхорст.

– Да, милостивый государь, простудились и перевозбудились. Нервное потрясение испытывали?

Раапхорст недовольно посмотрел сначала на врача, затем на Арнет, и ощутил радость оттого, что Максим уже уехал.

«Хоть перед ним не будет стыдно», – подумал он и ответил:

– Как вам сказать... Не особо.

– Лжёте, дорогой мой, лжёте! – пропел доктор. – Меня можете не душить. Вокруг пальца не обведёте! Я столько повидал вас, больных, что страшно подумать, и все отнекиваются. Но можете не юлить, ведь я-то уверен, болезни от нервов. Разве нет, уважаемая?

Он повернулся к Арнет. Но та не ответила. Она в ужасе глядела на Евгения – бледного, со всклокоченными влажными волосами, обострившимися чертами лица.

– Ну, ладно, – сказал врач. – Думайте, что хотите, а лечение надо начинать немедленно. Вот вам рецепт.

Он что-то написал на квадратном бумажном листочке, сунул его Арнет и снова пропел:

– Соблюдать мои предписания жизненно необходимо. Вы слышите: Не-об-хо-ди-мо! Я не шучу.

Врач отошёл от кровати, оставил на столике у окна пару склянок, назвал цену. Арнет попыталась торговаться, но доктор жестом прервал её, и женщине пришлось покориться. Сколько ни была она бережлива, ради Евгения она могла пожертвовать чем угодно, даже деньгами.

– Вот и славненько, – губы доктора расплзлись в улыбке. – Я приду через пару дней. Надеюсь, вы поняли меня правильно и не станете играть в «умного пациента».

– Что? – Арнет непонимающе воззрилась на мужчину.

– А, вы не знаете? Премилое дело, должен сообщить! Это когда пациент думает, что знает, как, что и когда принимать, а на рекомендации врача плюёт без зазрения совести.

Смех да и только. Правда, потом такие товарищи умирают в страшных судорогах, но мне, честно говоря, их не жаль. Пусть я и врач, пусть нам со студенческой скамьи вбивают любовь к ближнему, сострадание и тому подобную дребедень, но почему я должен переживать о смерти человека, не могущего сделать то, что я рекомендую? Возможно, таким пациентам просто нравится играть со смертью. Милое развлечение, запретить которое невозможно. Единственное, чего я хочу: если один такой идиот умрёт, пожалуйста, не обвиняйте меня или моего коллегу. Мы здесь не при чём...

Раапхорст улыбнулся, когда врач, видимо заметив, что заболтался, стыдливо замолк. Доктор покраснел и потупился, но никто не упрекнул его. Лишь когда он собирался выйти, Евгений сказал:

– Спасибо вам. Не волнуйтесь, я сделаю всё точно так, как вы написали. Но если я всё же умру, обещаю, никто вас не обвинит.

Врач обернулся, посмотрел на Раапхорста, потом криво усмехнулся и скрылся в коридоре. Арнет пошла провожать его, и Евгений остался один.

Болезнь не слишком мешала ему, он был терпелив. К тому же, раз уж он лежал в постели, мужчина решил досконально обдумать всё случившееся с ним. Такие моменты он называл «выдохи», во время которых можно было оценить своё положение, подсчитать принесённую пользу, полученный урон, мысленно выстроить тактику, жизненный план, заново рас-

ставить приоритеты и так далее.

Этим Раапхорст и занялся. Первое слово, которое пришло ему на ум «Война».

«Должно ли это волновать меня? Некоторые проблемы гораздо ближе, а война ещё не объявлена. Не знаю, что и думать. Максим в этом плане лучше меня: его волнует не только собственная судьба, но и судьба страны, её будущее, судьбы людей. В таком случае, я эгоист».

После этого Евгений около минуты лежал, ни о чём не думая. Вскоре он закрыл глаза и почти уснул, как вдруг, новый поток сознания вырвал его из дремотной пелены:

«Ах, как это забавно. Я так жаждал покоя, но вместе с тем хотел сделать что-то великое... Как же ко мне не пришла мысль, что покой и гордыня взаимоисключают друг друга?».

Наконец, мужчина забылся и погрузился в непрочный сон. Однако, мир за окном не мог успокоиться, выводимый из равновесия силами разрушительной мощи, историческими силами, исходящими не от отдельных лиц, но от гигантских людских масс, их чаяний и надежд, законов развития и иных факторов, лежащих вне границ, в пределах которых человек может повелевать чем-либо. Дексард вскипал, как закипает вода на огне, наполняясь энергией, движением, хаотичными импульсами. Остановить его могла лишь длань сверхличности, человека независимого, мудрого и прозорливого, но такого не было, и государство готовилось к войне.

Концепция развития, Ричард Атерклефер, компания

«Кригард» – вот три столпа, на которых держалось это движение, три силы, бережно поддерживающие огонь алчности и страшное кипение. Дексард клокотал, оружие прибывало на склады, расплзалось по военным отделениям, попадало в руки солдат. Танки, самолёты, катапультируемые капсулы, броня, винтовки, тонны патронов и ещё несметное количество вооружения наполняло жилы грядущей войны, подготавливая её для нового пришествия. Её облик уже мелькал меж солдатами, старшими офицерами, между членами командования и даже между мирными гражданами. Она стояла рядом с людьми в виде костлявого слепого уродца с распухшим от голода животом. Скоро в нём раздадутся первые выстрелы, взрывы, плач, гул человеческой агонии, и Война насытится, но пока она голодна. Сейчас она цепляется за людей стальными пальцами, шепчет ужасные вещи, и её титановая глотка, ржавая, но крепкая, трещит и гремит. Её слова соблазняют, они совращают и отравляют разум, они проникают в кровь, оседают в костях ртутью. Когда Война подрастёт, у неё появится ещё одна рука, которая, словно горб, вырастет на обшитой титаном спине. В ней она будет держать железный крест, возвещающий о скорой смерти. В правой руке – меч, карающий правых и виновных, а в левой – лопату, чтобы рыть бессчётное количество могил и окопов, что есть суть, одно и то же.

Вместе с ней должны явиться её псы: голод, разрушение и иные бедствия, что на искалеченных и кровоточащих лапах

будут ковылять вслед за своей госпожой, впиваясь клыками в человеческую плоть. На их спинах вместо шерсти вырастут пушечные зевы, вместо зубов в пастьях – металлические пули, вместо живого взгляда в их глазницах будет гореть огонь, полыхающий в самой преисподней.

Пока что Война служит людям, но позже, вступив в силу, она поставит их на колени и отберёт бразды правления. Далее наступит её безраздельная воля, время тьмы, время, когда ангелы снимут сияющие нимбы и закроют глаза, лишь бы не видеть кровавую бойню, разразившуюся на земле.

VIII

Дни, полные серости и уныния, сменялись днями ещё более скучными и печальными, а недуг, поразивший Эовина, всё никак не проходил. Арнет вне себя от ужаса наблюдала за тем, как Евгений угасает, и посылала за врачом почти всякие сутки, искренне надеясь, что это поможет. Однако, тот лишь выписывал новые лекарства, разглагольствовал, шутил и уверял, что исход будет самый благополучный для пациента. Впрочем, то были лишь слова, Раапхорст понимал это и потому готовился к смерти без страха или содрогания, но с поразительным спокойствием, словно уже умирал тысячи раз. Теперь он хотел смотреть на вещи объективно, не преувеличивая и не преуменьшая их значимости, раз уж дерзнул однажды разрушить сладкий мир иллюзий.

На третий день с момента, когда слёг, Раапхорст получил письмо от Александры Девильман. Девушка волновалась, высказывала опасения и предположения насчёт недавнего ограбления, но Евгению было уже не до того. Он чувствовал, что находится на пороге смерти, и тревоги о странном исследовании, которым он, правда, горел несколько лет, не занимали его. Всякая искра и всякая эмоция гибли в процессе сложнейшей работы, которая незаметно для Арнет и врача, да и для самого Евгения, совершалась в сознании

эовина и его подсознании. Она представляла собой мыслительные блоки, непостижимую совокупность установок, которые, словно стена, отделяли тёплый чувственный мир от мира логического и холодного. Отныне первый стал жалким туманом, второй же – неразрушимым храмом, составленным из циклопических блоков и строгих колонн, чьи линии были лишены всякой плавности, а вместо неё обладали чёткостью и ясностью, но, отнюдь, не простотой или примитивностью.

Иногда, когда у него было хорошее настроение, мужчина пытался забыть о смерти и в качестве развлечения перебирал мысли о прожитой жизни. Нет, он не отмахивался от скорой кончины, но иногда потакал остаткам слабости и вспоминал нечто приятное, что когда-то согревало его или даже сжигало дотла. Теперь это лишь забавляло Раапхорста, он улыбался, глядя на какой-либо мыслеобраз, но в этой улыбке не сквозило былых чувств, она представляла собой лишь лучик ностальгии, прорвавшийся в нынешний день из времён, давно ушедших. Разумеется, более всего Евгений вспоминал о Елене, размолвка, с которой, возможно, и стала причиной его болезни.

«Довольно странно, что я слёг после посещения поместья Хауссвольф. Мой разум чист, душа не страдает, не кровоточит от разрыва, ведь он был необходим, но тело, словно предав меня, болеет и умирает. Да, странно, но могу ли я судить об этом, если науке ещё так мало известно, о связи физической оболочки и абстрактного понятия, вроде души», – ду-

мал мужчина, глядя в потолок и ощущая, как его покидают жизненные силы. Час за часом, день за днём он слабел всё больше, пока одно событие не вынудило его встать.

Доходила первая неделя болезни. Раапхорст почти не вставал, Арнет рвала на себе волосы от страха и обиды, ведь доктор к тому времени уже перестал ходить. Он внезапно разуверился в своих прогнозах и теперь присылал вместо себя молодого практиканта, видимо, боясь смотреть в глаза человеку, которого имел неосторожность обнадёжить. Конечно, Евгений не упрекнул бы его, ведь он оказался прозорливее, но Арнет не упустила бы возможности высказать доктору всё, что о нём думает. Но тот не появлялся, и высказывать было некому.

Небывалая скука наполнила последние дни Евгения, но мужчина не переживал об этом, считая, что закольцованное и предсказуемое существование даже неплохо, раз уж жить осталось немного. Напоследок Раапхорст хотел вкусить покаяния, к которому так стремился, и которого не достиг.

Но ближе к делу. Однажды вечером, раздался звонок в дверь, и через минуту Арнет впустила в квартиру невысокого человека с короткой чёрной бородкой. На нём было серое пальто, под которым вскоре обнаружился такого же цвета пиджачный костюм, на ногах – чёрные ботинки, на голове – шляпа с прямыми полями. Впечатление нежданный гость с ходу произвёл приятное, ведь был опрятен, имел красивый баритон и смотрел приветливо, но с некоторой осторожно-

стью. Передавая Арнет пальто, мужчина сказал:

– Простите, уважаемая. Каюсь, явился без предупреждения, но визит мой такого свойства, что предупредить о нём глупо. Позвольте, объяснить: дело в том, что я не ошибся дверью и так нагло передаю вам свою верхнюю одежду не просто так. О нет, я знаю, где нахожусь и знаю, кто вы и кто хозяин этой квартиры. Кроме того, мне известно, ну, то есть, я догадываюсь, что меня вы не выгоните, даже если захотите. Потому я и проявил некоторую бестактность, за что искренне прошу прощения. Но пока вы не ответили, и мы не углубились в пустой обмен любезностями, хочу сразу спросить: Здесь ли сейчас Евгений Раапхорст? Предупреждаю, задавать встречные вопросы не в ваших интересах.

Арнет совершенно растерялась. Поняв, что уличный бродяга не станет, или, лучше сказать, не сможет, так разговаривать, женщина кивнула и указала ладонью вдоль по коридору. Мужчина улыбнулся и уверенно двинулся в указанном направлении. Женщина пошла за ним. Достигнув нужной комнаты, Арнет окликнула неизвестного и открыла дверь. Тот проследовал внутрь и тотчас наткнулся взглядом на Евгения, лежащего на кровати у довольно широкого окна. Эовин, кажется, спал, но услышав шаги, очнулся и открыл глаза. Он ласково посмотрел на перепуганную Арнет, с интересом – на неизвестного посетителя и произнёс:

– Вы ко мне? Проходите.

Мужчина с бородкой обрадовался столь простому обра-

щению и тотчас сел на стул рядом с кроватью. Арнет тоже пожелала остаться, но незнакомец попросил её выйти. Евгений кивнул, и женщине пришлось удалиться.

– Здравствуйте, – сказал Эовин, рассматривая внезапно-го посетителя. Тот показался ему странным, но приятным и точно не злым человеком, а потому Раапхорст не испытывал неудобств, разговаривая с ним.

– Заранее прошу прощения. Мне многое известно, но не о вашей болезни. Если бы я знал, то пришёл, скорее всего, когда вы бы уже поправились, – произнёс бородатый и виновато улыбнулся.

– Возможно, я умру, – спокойно ответил Евгений. – Природа моей болезни неизвестна, а потому вы пришли как раз вовремя, пока я жив.

– Неужели? Прискорбно, а впрочем... Вы не знаете, кто я? Нет? И не прочитали моих мыслей, за эти пару минут? Восхитительно... Что ж, думаю, надо представиться, иначе это будет совсем грубо, ведь ваше имя мне известно, но не моё – вам. Николас Бройм, – он встал, поклонился и подал руку. Раапхорст с трудом приподнялся и ответил рукопожатием.

– Весьма приятно, – промолвил он. – И перед смертью бывает что-то хорошее. Нет, не смейтесь, я не шучу.

– И не думал смеяться, – подхватил Бройм. – Я лишь улыбнулся от радости, ведь мне тоже приятно. Как жаль, что пришёл я не просто так и принёс далеко не приятные новости. Крепитесь, Раапхорст, ведь, кажется, я невольно стану

вашим палачом и добью вас морально.

– Там уже нечего добывать. Не тревожьтесь, – Евгений сощурился. – Вы слишком любезны, но прошу, не церемоньтесь с умирающим больше, чем тот заслуживает. Говорите...

– Так значит, моё имя вы слышите впервые? – догадался Бройм. – Иначе, вы бы хоть как-то отреагировали, – пояснил он, заметив вопросительный взгляд Раапхорста. Большой мужчина кивнул.

– Хорошо, – сказал Николас. – Только, особо не переживайте и не удивляйтесь. Дело в том, что я служу в ведомстве, названия которого точно никто не знает, кроме нас, служащих. Вместе с тем, меня хорошо знают там... – он выразительно посмотрел на потолок, – И моё положение таково, что мне можно не скрывать своего имени, ведь у меня есть и официальная открытая должность.

– Ваше ведомство – это тайная полиция или канцелярия или что-то в этом роде? – хрипло спросил Раапхорст. Его собеседник усмехнулся, словно услышав что-то забавное.

– Ваши дела с Александрой Девильман стали известны нам. А то, что известно нам, известно и Императору вместе с его приближёнными. Над вами сгустились тучи, Евгений. Полагаю, вы удивлены?

– Едва ли, – Раапхорст нахмурился. – Это неприятно, но что поделать. Да, я имел наглость исследовать то, что исследовать не положено, однако, сделанного не вернёшь. И Александра здесь не при чём... Она лишь выполняла мои пору-

чения и не догадывалась о происходящем. Не трогайте хотя бы девушку.

– Похвально, что вы защищаете её, но можете не стараться, вскоре мы всё выясним наверняка, – Николас пожал плечами. – И тогда все ваши показания могут сыграть против вас, если, конечно, вы протянете до того момента, как наше ведомство вынесет приговор.

– Собственно, зачем вы явились? Предупредить меня? Посмеяться надо мной? Всё впустую, эти глупости не интересуют меня. Я хочу одного, поскорее освободиться, забыть об этой жизни, как о страшном сне, – мрачно посмотрев на собеседника, промолвил Евгений. Он надеялся обескуражить Бройма, но тот оставался спокоен и уверен.

– Разве похоже, что я смеюсь? – улыбнувшись доброй улыбкой, сказал Николас. – Нет, я пришёл не для этого. Просто я хочу спасти вас.

– Спасти? От вашего ведомства, суда и Императора? А скажите, кстати, это вы влезли не так давно в мою лабораторию? – Раапхорст вспомнил сцену в оранжерее, перепуганную Александру, орлов и маленькое яйцо, хранившееся теперь в специальном футляре в рабочем столе Евгения.

– Нет, не мы. У вас есть «доброжелатели» и без нас, – усмехнулся Бройм. – А насчёт спасения... Я вижу, вы сомневаетесь, да и лишились всякого интереса к жизни. Что ж, возможно, я зря явился, но всё-таки попытаюсь образумить вас. Вскоре за вами явятся, схватят и препроводят в весьма

неприятное место. Конечно, вы можете уповать на смерть, но разве это правильно?

– Отчего же нет?

– Подождите, я не закончил, – Николас нахмурился. – Дело в том, что ваши птицы проявили себя самым неожиданным образом. Как вы думаете, для чего они государству?

– Оружие? – Евгений побледнел. – Я догадывался и, как идиот, надеялся, что никто не додумается до этого. Впрочем, кажется, я забыл, в какой стране живу.

– Вот именно. Теперь они могут стать приоритетным проектом. Вы, наверное, даже не догадываетесь, но Дексард много задолжал за свои военные кампании, несмотря на их успех. Потому новое оружие может стать решением многих проблем, – Бройм скрестил руки на груди.

– Но без меня, у вас не получится, – Раапхорст закрыл глаза, почувствовав усталость. – Это моё исследование, и работать с ним могу лишь я. Кто ещё сможет к нему подступиться?

– Как вы наивны, – промолвил Николас. – Всё случится примерно следующим образом: вскоре вашу лабораторию обыщут со всей тщательностью, найдут документы, их обрывки, заставят говорить Александру Девильман, зададут и вам пару вопросов. Но как только наши учёные соберут всю нужную информацию, от вас избавятся, ведь, как ни крути, вы скрыли своё исследование, создали оружие, а это непростительно. Кроме того, ваш отец был лидером восстания, и,

как вы понимаете, жалеть вас никто не станет. Почти никто.

– Я хотел поделиться, отдать миру моё творение. Понимал, что рискую, но...

– Это неважно, – оборвал его Бройм. – Вы должны сосредоточиться лишь на мысли о том, что сейчас решается ваша судьба, а я на вашей стороне.

– Отчего же? – Раапхорст усмехнулся и пристально посмотрел на Николаса. Тот выдержал этот взгляд, понимающе кивнул и ответил:

– Каждый человек, по-разному понимает служение. Для меня служба – это способ принести пользу государству. Если мы получим ваших птиц и применим по военному назначению, польза для Дексарда будет невероятной. Это очевидно.

– Так, а при чём здесь моё спасение? Неужели из-за моего заключения или смерти пострадает такая громадная страна? – Раапхорст улыбнулся. – Вы сами не верите в это.

– Всё может быть, – Бройм покачал головой. – Ведь согласитесь, что государственное благополучие при абсолютной монархии покоится в определённой степени и на плечах монарха. А его благополучие, в свой черёд, зависит от многих чисто человеческих факторов.

– Вы говорите так красиво и так непонятно. Прошу, к сути... Иначе, я умру раньше, чем вы закончите.

– Дело в том, что я служу не только господину Атерклеферу, но и его супруге. Она важна. Народ любит её, и без неё ситуация в стране резко ухудшится. Кроме того, София име-

ет влияние на супруга и сглаживает как умеет острые углы его политики. Короче, то есть, совсем коротко: если вас не станет по вине Ричарда, София, скорее всего, взбунтуется, ведь она любит вас, как сына. Да, это не секрет для нас.

– Сохраните всё в тайне, и проблем не будет.

– Нет, София не так проста. Рано или поздно она узнает. Но и не это главное. Видите ли, здесь одно наслаивается на другое. Представьте: Императрица против грядущей войны, её душевное равновесие под угрозой, семейная атмосфера напряжена, монарх слабеет, и удерживать государство становится сложнее. А тут ещё сопротивление, и вы, как дополнительный импульс для разрушения непрочного равновесия внутри правящей фамилии.

– Надо же, какая паранойя, – Раапхорст усмехнулся. – Не думал, что приношу столько вреда родному государству.

– О, вы не правы – это не паранойя, – Бройм укоризненно покачал головой. – Вы думаете, почему я явился к вам лично? Да потому что дело действительно важное, и доверить его абы кому я не мог.

– Хорошо, – вдруг сказал Евгений. – Допустим, ваша логика мне ясна. Вы любите аккуратность и уделяете внимание мелочам, однако, вам всё равно придётся выбрать сторону. Либо Ричард, либо София. Разве нет?

– Моя сторона – Декард, а всё остальное – вынужденные компромиссы, искать которые необходимо, пусть и не всегда приятно. В данном случае я заключил договор с Софи-

ей. Она поддержит мужа, при условии, что я спасу вас и помогу бежать. Говорите прямо сейчас – вы согласны принять помощь или нет?

– Я умираю...

– Ах, оставьте! – вскричал Николас. – Вас одурачили шарлатаны, а вы поверили. В вашем возрасте умирают разве что от пули!

– Уходите, – Евгений закрыл глаза. – Я уже сказал, что мне не до вас. Дайте спокойно умереть.

– Глупец! – Бройм не унимался. – Да поймите же, вы должны покинуть страну. Бежать как можно дальше, чтобы...

– Чтобы императрица не мучила императора своими истериками? Так? – Раапхорст снова смотрел на Николаса и взгляд его был страшен. В мгновение эовин разозлился, очнулся от привычной апатии, практически ожил.

– Вот! – очертив ладонью в пространстве круг, радостно воскликнул Бройм. – Вы живы и, если сейчас встанете и хорошо обдумаете моё предложение, совершенно точно будете жить довольно долго. Решайтесь...

Неприметная серая машина ехала по старой, давно не отремонтированной дороге, дребезжала, изредка странно кряхтела, словно жалуясь на непростую судьбу. Внутри автомобиля, помимо водителя, находился черноволосый мужчина,

бледный, больной и уставший. Он безмолвно сидел на заднем сиденье и задумчиво смотрел в окно. Рядом с ним находились два толстых кожаных чемодана, вещи в которых, были собраны руками старой Арнет. Иногда мужчина дотрагивался до одного из них и тотчас вспоминал о чём-то неприятном и хмурился, будто прикосновение переносило его в прошлое.

Что и говорить, он оставил позади себя достаточно, и, конечно, у него было, о чём переживать, вспоминать или жалеть. Однако, теперь перед ним возник новый путь, боковые тропинки исчезли, и единственный выход остался впереди. Туда Раапхорст и направлялся, изредка вспоминая о чём-то важном и дорогом, оставшемся позади. Что было у него на душе? Что он чувствовал? О, всему своё время, а нам нужно двигаться дальше...

Верно, теперь стоит описать, что же случилось с некоторыми участниками этой странной истории в дальнейшем? Например, с Клариссой...

Что ж, она добилась своего, и после того, как на её имя пришла письменная благодарность из канцелярии Императора, подкреплённая денежным вознаграждением, Идис совершенно иначе начал смотреть на дочь. Принесло ли это ей счастье? Да, наверное, принесло.

Реальный мир жесток, и кто бы что ни говорил, но на чужом несчастье воздвигнуть собственное счастье гораздо проще, чем где бы то ни было ещё. Однако, сама того не

ведая, старшая дочь Идиса запустила цепь потрясающих событий, в дальнейшем перевернувших мировой порядок. Это можно сделать её главным оправданием, ведь если бы не она, мир никогда бы не справился с ужасом грядущей войны, никогда бы не освободился от воздействия скрытых сил, никогда бы не пришёл к равновесию, столь ожидаемому и желанному. Всего этого не случилось бы без козней коварной Клариссы, а значит, не будем судить её слишком строго.

В конце концов, человеку ли осуждать кого-либо...

Часть 2 – «Пустоши»

I

Юноша плохо спал этой ночью. На улице выл ветер, старое окошко с рассохшейся рамой не могло удержать тепло, и потому в комнате холодало. Сверху доносились голоса соседей – вечно ссорящихся супругов, и это ещё ничего, но ведь ко всему прочему, у юноши ломило кости, живот пронзительно урчал, и на этой почве снились кошмары. Как тут уснуть... Подвал, казалось, желал заморозить парня в своей заплесневелой утробе, и тому приходилось укутываться в изодранный плед в надежде согреться. Этому больше поспособствовал бы огонь в камине, но дрова стоят денег, спички стоят денег, а последние копейки юноша потратил, сам того не заметив.

– Первое сентября, – открыв глаза, сонно прошептал Пьер. Он вспомнил, что сегодня ему предстоит неприятная встреча.

Приподнявшись на кровати, парень одёрнул занавески и посмотрел в маленькое мутное окно у потолка. На улице было темно, но слабые зачатки рассвета уже прорисовывались на горизонте. Юноше показалось, что трава, растущая с той стороны, за стеклом, покрыта инеем, и он поёжился. На ду-

ше стало гадко и одиноко. Захотелось поговорить с кем-то. Не рассказать о проблемах, но услышать человеческий голос, понять, что кому-то не всё равно, что кто-то беспокоится.

Одеваться юноша не хотел, но что делать, если и без того слабый сон окончательно рассеялся. Можно было почитать, но, как мы уже выяснили, ни спичек, ни керосина у парня не было. Надев засаленный халат, Пьер встал и тотчас рухнул на стул, не в силах стоять, из-за голода и утренней слабости. Бледное осунувшееся лицо юноши выглядело ужасно, будто странная маска, попавшая в руки неумелого мастера. Оттопыренные уши и острый нос придавали ему комическое выражение, но холодные серые глаза и губы, вечно сжатые и выдающие недовольство, делали его гротескным и пугающим.

Просидев в безмолвии несколько секунд, парень застонал, снова вспомнив о предстоящем визите. Он без всякой цели осмотрелся и вдруг усмехнулся, подумав, что это будет его последнее утро не только в этом омерзительном подвале, но и во всей жизни, которой тоже подошёл бы этот эпитет.

Под стать настроению перед глазами нестройными обрывками начали проноситься призраки былых времён. Его родители умерли, когда он был ребёнком девяти лет от роду, не оставив после себя никакого наследства. Спустя год жизни в сиротском приюте, мальчик попал под покровительство дворянской тётки, внезапно вспомнившей, что у неё есть племянник. Именно у неё Пьер понял, как трудно жить, не имея

собственного угла, не имея права голоса. Впрочем, длилось это недолго: тётку арестовали за какую-то сомнительную деятельность, и парень волею случая оказался при дворе мелкого дворянина, тем не менее, которому до зарезу требовался лакей. Это был сухой старичок лет шестидесяти, вечно вспоминая про величие своего рода, впрочем, весьма сомнительное, так как никто из малочисленной его прислуги не мог сказать, чтобы когда-то у него было хоть какое-то влияние или богатство.

Так прошло несколько лет, старичок скончался, и Пьер оказался предоставлен сам себе, имея за плечами лишь домашнее образование, которое, стоит отдать должное, было дано ему покойной тёткой. Это делало возможным пристроиться в какой-нибудь конторке мелким служащим, но юноша никак не мог найти место, будто опавший лист, влекомый ветром. Он переходил от одних хозяев к другим и продолжал искать, словно имел роскошь выбирать ту жизнь, какую хотел, в то время как его ровесники брались за любую работу, чтобы выжить.

«Невозможно... От этих мыслей можно с ума сойти... Омерзительное место», – подумал парень. Встав и накинув на плечи серый поношенный плащ, Пьер обулся и вышел в тёмный коридор. Едва не споткнувшись на ступенях, юноша отворил деревянную дверь и оказался во дворе перед фасадом ветхого двухэтажного дома. Тотчас в лицо ударил ветер, и Пьеру пришлось зажмуриться. В носу зачесалось, па-

рень чихнул. Секундой позже открыв глаза, он приблизился к прогнившей калитке, чьи рей заросли лишайником. Здесь Пьер решил дожидаться своего посетителя, ни в коем случае не желая возвращаться в подвал.

«Может, вещи собрать?» – мелькнуло в голове, но юноша был так слаб и морально, и физически, что ещё раз спуститься в комнату и вернуться сюда казалось ему слишком мучительным. В ожидании пролетело пару часов. Парень замёрз, ещё больше проголодался, но продолжал стоять. Наконец, послышались негромкие шаркающие шаги. Юноша пригляделся и заметил старческую фигуру, следующую по песчаной дороге. То и дело, ботинки раннего визитёра натывались на вмерзшие в дорогу камни и издавали характерный звук, так что даже в осеннем сумраке Пьер смог безошибочно определить местоположение своего арендодателя.

Невысокий старик приближался, и юноше показалось, что есть в его походке и манере держаться нечто потустороннее, нечто жуткое и отталкивающее. Правда, он тотчас объяснил себе это впечатление гнетущим утренним настроением и тем малоприятным делом, с которым им давно пора покончить, ведь был едва ли суеверен.

Вскоре гость стоял у калитки и смотрел на Пьера.

– Надо же, – промолвил старик, – так рано, а вы уже здесь...

– Это взаимное рвение, – несколько грубо отозвался молодой человек, но тотчас спохватился и добавил:

– Мне не спалось, и я вспомнил про вас.

– Да, как забудешь такое, – то ли насмешливо, то ли сочувствующе промолвил утренний посетитель. – Что в итоге? Будете платить, или у меня развязаны руки, и я могу искать новых жильцов.

– Ищите, – горько усмехнулся юноша. – Платить мне нечем...

Через час старик ушёл.

– Теперь нечего терять, – промолвил парень. – Рано или поздно я бы этим и кончил. Говорят, натуры, наделённые талантом, склонны к саморазрушению и подсознательно стремятся к смерти. Чтож, не назвал бы я себя талантливым человеком, значит, ищу покоя лишь от слабости. Пусть так, мне всё равно.

За день он сподобился собрать вещи, договориться со старым знакомым о перевозке и покинул город, решив в последнем приступе надежды искать счастья в деревне. Мысли о самоубийстве покинули его к вечеру описываемых суток, и петля, пистолет или мост были отвергнуты до определённого момента. Когда он наступит, юноша не знал, но подсознательно ободрял себя, решив, что очередная неудача окажется уж точно последней. Это наполняло его некой уверенностью, будто двери, за которыми он мог спрятаться от ужасов реального мира, были для него всегда открыты.

В деревню, выбранную им для нового витка жизни, он решил явиться пешком, чтобы по дороге не только обдумать

собственное положение, но и успеть привыкнуть к новому месту, к его атмосфере или ауре, которые, по мнению Пьера, наверняка существовали. Кроме того, юноша желал прибыть до того, как привезут его вещи, ведь их, честно говоря, пока некуда было деть.

Стоит признать, по этому пути Пьер двигался наобум, потеряв последние капли здравомыслия. Даже деревня, которую он выбрал, была ему не знакома – он просто отыскал её на карте вместе с ещё несколькими и нашёл только её максимально приемлемой для себя на основании некоторых поверхностных знаний, почерпнутых из старых едва ли актуальных атласов. Эта безалаберность могла ему дорого обойтись, однако парень рассчитывал, что сможет не только найти жилище на постоянной основе, но и получить работу, будто его навыки письма или чтения могли кому-то пригодиться. Но, так или иначе, несмотря на явные огрехи, решение было принято, мосты сожжены, и новый мир, мир, гармоничный и чистый, а именно так себе его представлял Пьер, всё сильнее приковывал внимание юноши.

Дорога была не из сложных. Любуясь берёзовыми зарослями, деревьями, чьи стволы источали приятный чуть гнилостный аромат, чувствуя, как вокруг всё ещё выются последние осенние насекомые, на следующий день Пьер всё больше погружался в мечтания, рисуя новую жизнь исключительно светлыми красками. Его недавняя хандра прошла, что можно объяснить молодостью души, всегда, даже после

самых страшных ранений, стремящейся к исцелению. И наш герой не стал исключением. Он, как и любая тонко чувствующая или, если угодно, восприимчивая натура, ощущал себя счастливым в «счастливом» окружении. Покинув мрачные застенки, убежав от жутких урбанистических пейзажей, Пьер как бы пришёл в себя, позволил сознанию отдохнуть, нашёл источник сил в природе, в естественной мирской красоте.

К вечеру он вступил в пределы деревни со странным названием Рух. Это маленькое поселение, состоящее всего из десяти улиц, встретило Пьера видом сырых серых крыш, покосившихся заборов и уже убранных огородов – зрелищем унылым и едва ли гармоничным, как показалось парню. Рух находилась в низине, и юноша смотрел на неё с холма, стоя выше самого высокого из домов. Он подумал, что там внизу должно быть сыро и оказался прав: повсюду, в переулках, на обочинах, а то и в центре утрамбованных песком улиц лежали зеркальные лужи. К вечеру деревню окутал белесый туман, и Пьеру пришлось поспешить; иначе он рисковал промокнуть.

Добравшись до первого дома, весьма неказистого, но, кажется, жилого, парень отдышался и застучал по сырým воротам, надеясь, что к нему кто-нибудь выйдет. Вскоре где-то в глубине двора слышались шаги, и юноша радостно улыбнулся. Кажется, эту ночь он проведёт в тепле и не под открытым небом. Дверь со скрипом отворилась, и перед Пье-

ром возникла молодая светловолосая девица в простом сером платье. Она с любопытством и страхом посмотрела на позднего гостя и тихо спросила: «Кто вы?»

Пьер на мгновение растерялся, почувствовав, как мысли в его голове вертятся, словно волчки, но всё-таки ответил:

– Я пришёл из Лейтрига. Прошу вас, позвольте остановиться на ночь. Клянусь, я не доставлю неудобств...

После этих слов девушка насторожилась и собиралась было закрыть дверь, как вдруг Пьер упал на колени и, едва не плача, произнёс:

– Мне больше некуда идти. Умоляю...

Сам же подумал: «Давай, милая, я же умру, если не вступишь».

О, как хотела девица отказать ему, сослаться на больных родственников, сварливую бабушку или сказать, что в доме нет места, но её душа была открыта, и селянке ничего не осталось, как согласиться и впустить молодого человека, пусть и на свой страх и риск.

Девушка кивнула и жестом пригласила Пьера во двор. Юноша охотно перешагнул через деревянный порожек и ступил на влажную и всё ещё зелёную, несмотря на время года, траву. Пройдя вдоль тёмного деревянного фасада, Пьер и его новая знакомая приблизились к сеним, поднялись по ступеням и оказались в прихожей. Очутившись внутри, Пьер понюхал тёплый сухой воздух и радостно отметил, что в доме явно есть что-то съестное. Скрипнула очередная дверь,

юноша и девушка вошли на кухню, где их встретил деревянный стол, накрытый тканевой скатертью, две низкие скамейки у окон и старая громоздкая печь, опрятная и тёплая, хотя огонь в ней уже погас. На белых подоконниках стояли коричневые глиняные горшки с фиалками, на полу лежали полосатые половики, стены были выбелены голубоватой известкой.

– Мило у вас, – оглядевшись, промолвил парень. Девушка недоверчиво ухмыльнулась и вышла в соседнюю комнату. Вернулась она вместе с согбенной старухой, чёрной и морщинистой, словно вымазанной в саже. Пьер со страхом взглянул на неё, но девушка махнула рукой, приглашая его сесть за стол.

– Бабушка, этот человек переночует у нас, – тихо, словно боясь гнева старухи, сказала она.

– Ась? – громогласно гаркнула бабушка, так что юноша невольно вздрогнул. – Не поняла? Он шо, спать здесь останется? Харчами, небось, соблазнился, али ещё чем?

При последних словах бабушка слегка толкнула девушку, отчего та зарделась и возмущённо вскрикнула. Чёрная старушка засмеялась и, не обращая внимания на разобиженную внучку, села за стол. Взгляд её тусклых глаз, казалось, был прикован к юноше, отчего тот всё время старался отстраниться. Заметив это, бабушка снова засмеялась и скрипучим голосом сказала:

– Та не боись, милой! Ты шо же думаешь, я съем тебя? Не меня тебе бояться надоть! Я уж не молода, а вот Миленка...

– Бабушка! – снова возмутилась девушка, но старушка не слушала её.

– Помниться, дед-то мой так же явился. Пришёл да не ушёл! А ты, милой, тоже здесь окопаться решил?

Пьер виновато улыбнулся и пожал плечами. Бабушка вновь рассмеялась и вдруг повелительным голосом вскричала:

– Миленка, чего стоишь, уши греешь? Марш, на стол собирать. У нас гость, кормить надоть!

«Поглядим, что с тебя страсти можно, милой», – подумала старуха, и её губы расплылись в улыбке, алчной и злорадной.

Жизнь в лоне деревенской благодати принесла Пьеру даже больше, чем он рассчитывал. Через пару дней привезли его вещи, которые по настоянию бабушки они продали деревенским жителям, взяв в качестве платы молоко, яйца и одну тощую свинью. За это, пусть и малое, новоприобретённое хозяйство, старуха позволила молодому человеку поселиться в её доме, в небольшой свободной комнате с мутным оконцем, выходящим в сад.

Однако, несмотря на всю выгоду такого положения, беззаботное существование не наступило. Через две недели после его появления, женщины, объединившись, заставили Пьера искать работу. Сама бабушка уже давно не могла ничего делать (она лишь изредка брала на себя обязанность мыть по-

суду), а Милена ходила по соседям и за мизерную плату выполняла разную работу, чтобы содержать себя, и старушку. Их положение было незавидно, а потому юноша оказался весьма кстати.

– Скотину кормить надоть? Надоть! – сетовала бабушка. – Есть что-то надоть? Надоть! Миленка, ты согласная?

Девушка на это лишь вздыхала, разводила руками и кивала. Парень, не ожидав этого, сначала воспротивился, но, поняв, что делать нечего, сдался. Смирившись со своей участью, он принялся за поиски и вскоре нашёл место при дворе зажиточного скотовода.

– Теперь хозяйственный учёт вести буду. То же самое, что и в лавке старьёвщика, только вместо шкатулок и тряпок – зерно, навоз и яйца, – через пару дней смеялся парень, сидя за обеденным столом рядом с Миленой. Девушка радовалась и хвалила его, а бабушка изредка, отпивая чай, с уважением говорила: «Ишь ты... Дела...»

Миновал год. Пьер окончательно утвердился на новом месте. Работу он исправлял аккуратно, жалованье получал в срок, а потому был у своих домашних в большом почёте. Хозяйство их разрослось, и теперь бабушка не смела указывать парню, как, бывало, делала это в первые дни. Она лишь иногда недовольно ворчала, но открыто перечить не решалась. Милена же ходила очарованная и краснела, когда Пьер заговаривал с ней, словно стыдясь чего-то. Что и говорить, она на свою беду почувствовала влечение, любовную привя-

занность, подогреваемую мыслью о том, что Милена ни кто иная, как спасительница юноши, ведь если бы не она, с ним могло случиться всё, что угодно. Эти размышления не давали девице покоя, постоянно обращая её к Пьеру, заставляя снова и снова думать о нём.

К слову, с тех пор как он стал жить в Рух, парень поправился, округлился и стал весьма симпатичным молодым человеком. Пара взглядов, прикосновений, улыбок, и Милена, не трудно догадаться, влюбилась, причём так, что видела юношу во снах. Это смятение души скоро заметила бабушка, которая пусть и притворялась дурочкой, но выгоду чуяла носом. Однажды, когда Пьера не оказалось дома, она подсе- ла к Милене и сказала:

– Шо, девка, влюбилась? Да можешь не юлить, я тебя насквозь вижу. Сердечко ноет, душа болит, да? Конечно, помним... Шо делать, говоришь? Есть один способ. Но надоть подготовиться. Как? Вот дура! Оденься покрасивше да зайди к нему ночью. Там уже всё поймёшь...

– Ты что, бабусь, умом тронулась?! – вдруг всё поняв, вскричала девушка. – Родную внучку и так... Я не согласна!

– Слушай, деточка! Я тебе дело говорю! Соблазнить его надоть, а то живёт у нас уже год, богатеет, того и гляди, улизнёт и поминай, как звали! Женится на какой-нибудь Лизке или ещё ком, а нам шиш с маслом! Нет, кровиночка моя, надоть его взять за одно место! – вдруг со страшной живостью вскочив с лавки, зашипела старуха. – Вот ежели ты его захо-

мутаешь, то, конечно, другое дело! Сразу весь с потрохами наш станет. Все денежки в дом, хозяйство увеличим, потом дети пойдут, а я на тот свет со спокойной душой. Ведь когда твои родители помирали, я душой поклялась, что выведу тебя в люди. И я выведу!

Милена со страхом смотрела на неё, слушала, и слёзы текли по белым щекам. Она не могла поверить, что бабушка говорит, не шутя, но чёрное лицо старушки было настолько ужасно, что не оставалось никаких сомнений в серьёзности её намерений.

– Не ерепенься! – грозно сказала старуха. – Дело говорю!

Ночь выдалась звёздная, тёплая, спокойная. Когда в доме погасили свет, в комнате Пьера, на полу, появился небольшой прямоугольник, образованный лунными лучами, проходившими сквозь оконце. Лёжа на кровати, юноша смотрел на него и думал о чём-то своём, бессмысленном, пустом, о чём обычно думают перед сном. Через полчаса на улице подул слабый ветер, и ветви деревьев и кустов, растущих в саду, едва заметно заколыхались.

– Забавно, – вдруг тихо промолвил юноша. – Кажется, у меня есть всё, что нужно, но отчего же я не чувствую наслаждения... Может быть, я сумасшедший.

Юноша усмехнулся.

«Нельзя жаловаться, – подумал он. – Многие бы сказали,

что я родился под счастливой звездой? Только подумать... Где-то в мире люди страдают, гибнут, дрожат от страха, а я живу в спокойной сельской местности, где куча зелени, тишина и покой. Конечно, я счастливчик».

Он улыбнулся в темноте, но улыбка эта была фальшивой, закрыл глаза, собираясь уснуть, однако, это ему не удалось. В соседней комнате раздался шорох, будто кто-то что-то искал, но вскоре этот звук стих, и его сменил негромкий топот.

«Кто-то идёт», – подумал парень. Через пару секунд в полутьме возник белый силуэт, и сердце юноши ёкнуло.

– Милена, ты? – шёпотом спросил Пьер, и белая фигура, словно подтверждая его догадку, шагнула вперёд.

Парень поднялся и сел в постели, замороженный странным зрелищем. Тем временем, девушка приблизилась и села рядом. Она не проронила ни слова, боясь выдать волнение, овладевшее ею, и наконец, едва помня себя, начала раздеваться. Она стягивала с себя чулки, ночную сорочку, и её кожа белая и гладкая, выступая из под складок одежды, сверкала в лунных лучах. Парень во все глаза смотрел на неё, не зная, как понимать столь странный порыв. Он считал Милену чудесной девушкой, однако, воспринимал её скорее как сестру, нежели как женщину и потому смутился. Перед ним оказался выбор, совершить который было необходимо.

«Что же это такое, – думал юноша. – Так сама и льнёт. Что же, отказываться? Нет! Но это же... Это же...»

Юноша не успел додумать, так как доселе молчаливая де-

вица вдруг сказала: «Надеюсь, ты не в обиде. Прошу обними меня...»

Эти слова, похожие на мольбу, сбили Пьера с мысли, опьянили его, и ему показалось, что остался лишь один путь: путь телесной близости. Юноша дотронулся до белоснежного плеча, вдохнул дурманящий аромат девичьего тела и что-то прошептал Милене на ухо. Та сделала глубокий вдох и тоже поняла, что иного выхода нет. В дальней комнате лежала бабушка. Старая ведьма не спала и всё слышала, а потому нужно было как можно скорее совершить то, для чего Милена пришла. Подумав так, она торопливо обвила шею Пьера тонкими руками и потянулась к его губам. Он ответил на поцелуй, придвинулся к девушке и ощутил тепло, исходящее от неё.

Ночь растянулась на долгие часы.

– Чёртов пустоцвет! Затащила в постель, а дитё зачать не смогла? Что это такое, али не было ничего? Обманула меня! – кричала старуха. Милена сидела за столом на кухне и протирала посуду. Она почти не обращала внимания на крики, счастливая оттого, что её самый сильный страх не сбылся: по прошествии трёх недель признаков беременности не появилось.

– Нет, не обманывала... А может, и хорошо, что так вышло, – сказала она, вызвав новый поток повлей и проклятий.

Старуха рвала и метала, несмотря на свой жалкий и хрупкий вид. Она возлагала большие надежды на союз с Пьером и теперь, ничего не добившись, вымещала злость на внучке. Но та терпела, и могла терпеть ещё долго, лишь бы не делать того, что приказывала старая ведьма, ведь как ни была влюблена Милена, ломать себя ради чужой алчности не могла.

– Он должен первым показать свою любовь. Всё это неправильно, и теперь ничего не поправить, – шёпотом произнесла девушка, прекратив протирать тарелки. Взгляд её голубых глаз устремился в окно, выходящее на улицу. Та была залита светом, однако воздух был по-осеннему холоден. Опавшие листья шуршали по утрамбованной земле, голые ветви раскачивались из стороны в сторону, задевая друг друга, и небо, казалось, последний раз за год было напоено столь яркой лазурью.

От этого зрелища прекрасного и одновременно тоскливого в своей прощальной красоте девушка помрачнела, её сердце ёкнуло, и на глазах Милены выступили слёзы. Девушка отвернулась от старухи и встала. Та вдруг перестала кричать, внимательно посмотрела на внучку, махнула рукой и убралась в комнату, догадавшись, что сейчас говорить бесполезно. Девушка переживала горе, маленькое, но настоящее и первое за всю жизнь. С этим нужно было считаться, и старуха не решилась продолжать свою брань.

«Пусть перебесится, – решила она. – Но за паренька мы ещё повоюем».

Это случилось в середине осени. Слухи, набухавшие так долго, и, словно призрачные псы, бродившие по государству, вдруг стали реальностью, обнажили клыки, и по Дексарду разнеслась весть величественная и ужасная: «Грядёт новая Веха, и ныне материалом для развития станет не бедный Авеклит, а Арпсохор, громадный и дикий».

Новость эту встретили по-разному. Наиболее прогрессивные слои населения пришли в восторг. Неистовствовали и военные, нисколько не смутившись оттого, что им придётся сеять смерть и хаос. Радость охватила государство, будто большинство его жителей, так или иначе, имели зуб на Арпсохор. Безумие оказалось заразно, и потому люди, забыв обо всём на свете, выкрикивая странные лозунги и беснуясь в порыве извращённого патриотического чувства, прославляли новый акт жестокости, нисколько не заботясь о том, что за их глупыми шествиями и речами стоят жизни людей.

Конечно, находились и редкие элементы, сопротивлявшиеся общему курсу Дексарда, веховой системе и Концепции Развития. Однако, для борьбы с ними у вышестоящих имелись методы эффективные и жестокие. За бунтовщиками наблюдали специальные государственные органы, призванные не допустить, чтобы локальное недовольство переросло в нечто большее. Угроза гражданской войны никогда не являлась чем-то несерьёзным, и потому внутренняя служба

безопасности, пристально следила за тем, чтобы порядок не нарушался и несогласные никогда не объединялись.

Вот и теперь по стране, словно перекрёстные огни, вспыхнули серии арестов. Мужчины, женщины, подростки – все, кто хоть как-то сопротивлялся, ссылались в наиболее отдалённые регионы Дексарда, где умирали от непосильного каторжного труда, голода и болезней. Такая участь постигала тех, кто осмеливался выступить против монарха. Очаги сопротивления умирали, являя собой незавидный пример того, что может сделать государственная машина с теми, кто осмеливается вставлять ей палки в колёса. Это отметало самую возможность формирования новых незаконных объединений, но, несмотря на эффективность подобных мер, всё-таки один очаг сопротивления до сих пор держался, неизвестно откуда беря ресурсы, силы и энергию. И именно на борьбу с ним были брошены основные силы правительства, ведь однажды заведённый механизм войны нельзя было остановить. Государство готовилось напасть, и правящая верхушка больше всего на свете боялась внутренней угрозы.

Однако, всё шло своим чередом, и сила Дексарда постепенно пробуждалась. Человеческие ресурсы находились в приоритете, и призыв на войну коснулся почти всех, кто мог хоть как-то помочь. В том числе и Пьера.

– Куда ты собрался?! – взвизгнула бабушка, наблюдая за

тем, как Пьер осматривает вещмешок, сшитый из грубой зеленоватой ткани. Юноша проверил его на наличие дырок и весьма обрадовался, поняв, что их нет. Милена стояла рядом, не в силах вымолвить и слова. Её надежды на взаимную любовь рушились, светлый образ Пьера исчезал, и без него у девушки могла остаться лишь постылая жизнь рядом с вечно недовольно старухой.

«Лучше умереть», – подумала девушка и ужаснулась своим мыслям.

– Так это... Призыв, – пожав плечами, ответил юноша. – Увильнуть нельзя, иначе каторга.

– Ишь ты, – бабушка нахально рассмеялась. – А ты прям испужался!

«Проклятая старуха, – подумал Пьер. – Ну как тебе объяснить, что приелась мне здешняя жизнь. Надоело!».

Действительно, за какое-то время, в душе Пьера всё перевернулось. Не так давно он благодарил судьбу за то, что она подарила ему это место, позволила осесть и зажить, как живут люди, но не теперь. Юноша много думал и понял, что на протяжении всей жизни, его перегоняла с место на место какая-то неведомая сила. И не важно, было ли ему хорошо или нет, она всегда влекла его дальше, вперёд и вперёд, не позволяя удержаться где-либо дольше, чем на два-три года. Вот и сейчас, случилась то же.

Ощувив, что ещё немного и рай, в который он поверил, может стать иллюзией и наскучить ему, Пьер заставил се-

бя полюбить его ещё больше, но проклятая перелётная натура не поддавалась. Она поселила в его разуме сомнения, и, в конце концов, природная чистота, деревенская благодать, которые последний год парень славил и воспевал, стали для него безразличны и пусты. Ведь он добился их, и его внутренний взор устремился к иным далям. Перед ним возник новый притягательный образ: героическое сражение на поле битвы, раны и возможно, смерть.

Увидев новый путь, он не пожелал остановиться, а очертя голову ринулся вперёд.

«Всё равно хотел умереть, зачем же откладывать. Рух, конечно милое местечко, но всю жизнь прожить здесь, пусть и в достатке, явно не моё. Как странно...» – так думал парень, готовясь вступить в ряды новобранцев. Он не слушал старуху, не обращал внимания на несчастную Милену, словно не было последнего года, не было общих вечеров, неурядиц и радостей, ночи, проведённой с Миленой, словно не существовало ничего, что могло его связывать с этими людьми.

– Простите, – сказал он, заставив женщин вздрогнуть. Они поняли, что в этом простом, но важном слове, сорвавшемся с уст Пьера, не было и грамма искренности.

Парень не заметил их реакции и продолжал собирать вещи, укладывать в сумку яйца, солёное мясо, в бумажных обёртках, тёплую одежду и ещё некоторые предметы, которые могут пригодиться на первых порах. Он не задумывался о том, что может не вернуться, не переживал о том, что

может случиться с ним в будущем. Юноша целиком отдался неизвестной силе, сущности вечного странника, не имевшего привязанности, любви, не желающего жить, как все люди. Потому парень выглядел решительным и не останавливал сборы ни на минуту.

Наконец, всё было готово. Окинув взглядом кухню, юноша сел на лавку и закрыл глаза. Милена и бабушка сели рядом, молчаливые, убитые неожиданной новостью. В этот момент старуха хотела кричать от злости, но понимала, что это бессмысленно. Милена же подавляла слёзы и не смотрела на парня. Она знала, лишь один взгляд, и она потеряет самообладание. Горе застигло взор, душа её обливалась кровью, но девушка ничего не предпринимала, твёрдо решив утопиться, как только их гость отбудет. Пьер же, казалось, ничего не замечал.

В полдень он ушёл.

II

Алекса приподнялась и со страхом взглянула на брата: его лицо, взгляд, жесты – всё было наполнено решительностью, безумной отвагой. Светловолосый мужчина улыбнулся, он знал, что его слова произведут эффект: в конце концов, не каждый день родной брат собирается податься в армию.

– Папа знает? – тихо спросила девушка. Адел помрачнел.

– Прошу, не тревожься. Он дал мне своё благословение... Жаль, маменька не может оставить свой эгоизм и поступить так же, – сказал он, собираясь выйти из комнаты, но сестра всхлипнула, не позволив ему ступить и шага. Вновь взглянув на неё, он ощутил страшную тоску, словно шёл на верную гибель. Больная сестра продолжала лежать на кровати и пыталась подняться, напрягая тонкие слабые руки. Это зрелище было невыносимо, но ещё более невыносимо было осознавать, что его решение, принятое не за одну ночь раздумий, могло причинить вред родному человеку.

– Зачем тебе уходить? – произнесла Алекса, и её брат сорвался. С силой грохнув кулаком по письменному столу, он в бешенстве выкрикнул:

– Оставь меня! Оставь в покое! Разве ты можешь понять, что я чувствую, хороня себя здесь, пока остальные поступают в корпус и идут сражаться за Дексард? Нет, не можешь!

Мне известно всё, что ты скажешь, но поверь, я считаю новую войну единственным верным ходом. Арпсохор – гигантская страна, и если от неё что-то отделится, никто не пострадает!

Девушка вздохнула. Перестав двигаться, она рухнула на подушки и молча уставилась в потолок. Секунду спустя, она краем глаза заметила ненавистное кресло, стоявшее рядом на сверкающих колёсах, и заплакала – безмолвно, сдавленно, горько.

– Но ведь тебя это не касается, – прошептала она. – Ты не обязан оставлять нас, ты не такой...

– Я докажу, что живу не просто так... В академии ко мне относятся с презрением, говорят, я сын богатых родителей и не способен помочь. Сволочи! Я докажу им, я силой ворвусь в Арпсохор, даже если это станет последним, что я сделаю в этой жизни.

Он стиснул зубы и вышел прочь. Алекса вновь зарыдала и что-то выкрикнула, будто желая привлечь внимание, но её брат не вернулся. Пройдя коридор первого этажа, светловолосый мужчина, облачённый в чёрную рубашку и брюки, вдруг остановился и задумался.

«В конце концов, я достаточно взрослый, чтобы принимать решения. Ничего ужасного не случится. Я просто выполню свой долг и вернусь. Надеюсь, так и будет... А сейчас прощайте...»

Ш

Леон очнулся ото сна ранним утром. Скоро умывшись и позавтракав, он облачился в служебную форму и вышел из дома. Пространство вокруг оказалось завлечено густым туманом, так что, только хорошо приглядевшись, мужчина сумел различить очертания автомобиля, проступавшие сквозь дымку неясным пятном. Ступив на бетонную дорожку и вскоре подойдя к машине, эовин открыл дверь и сел на водительское место. Вставив ключ зажигания, мужчина повернул его, после чего автомобиль загудел и вздрогнул. Пождав немного, Леон взялся за руль, потянул за рычаг, нажал на педаль, и машина пришла в движение.

Через четверть часа мужчина вошёл во дворец Правительства. Вместе с ним в просторном холле – гигантской затемнённой комнате, чей потолок поддерживался кругом из семи резных колонн – находилось ещё несколько человек, в числе которых двое боевых эовинов, служащих, как и Леон, в подразделении «Клингенрайс». Они сидели в глубоких мягких креслах и ждали, когда их вызовут. За тяжёлой металлической дверью, в самом конце холла, раздавались голоса и шаги, однако, сюда никто не выходил. Лишь охранники, мрачные и молчаливые, составляли компанию трём эовинам.

– Невелис, здравствуй, – подойдя к белокурой девушке,

произнёс Леон. Та посмотрела на него красивыми голубыми глазами, встала с кресла и обняла. Пожилой мужчина, сидящий рядом, усмехнулся, тоже встал и подал руку Леону.

– Что, думаешь, парень? – спросил он. Леон ответил рукопожатием и неопределённо мотнул головой.

– Кто знает, – сказал он. – Во всяком случае, нас вызвали неспроста. Скорее всего, это связано с грядущей войной.

– Я тоже так думаю, – произнесла девушка. – Возможно, нам доверят важное задание. Это было бы прекрасно!

Пожилой мужчина снова усмехнулся. Он с лукавым прищуром посмотрел на Невелис и покрутил пальцем у виска. Девушка, заметив это, оскорбилась – она вспыхнула и отвернулась. Леон, бывший свидетелем этой сцены, беззлобно улыбнулся. Он привык, что в этой троице он занимал место связующего звена, так как его возраст был посередине между старым Эдером и молодой Невелис. Вот и сейчас, ему пришлось сглаживать острые углы их характеров.

– Успокойся, Невелис, наш друг не хотел тебя обидеть. Он лишь пытался сказать, что ты ведёшь себя слишком безрассудно. Пойми, любое задание – это опасность, а рисковать собственной жизнью – не самое умное, что может прийти в голову.

– Так значит, ты за него? Понятно!

– Но отчего же, – снова заговорил Леон. – Ты тоже по-своему права. В тебе кипит сила, безудержная энергия. Это здорово! Храбрости твоей можно позавидовать, но нельзя

забывать об осторожности.

– Молодец, парень, – хлопнув его по плечу, рассмеялся Эдер. – Так растолковать мой жест мог только ты! Но...

Он не успел договорить. Дверь в холл внезапно открылась, и навстречу эовинам вышел Николас Бройм.

– Я рад, что вы уже здесь, господа. Проходите. Император поручил мне, кое-что вам передать. Это секретно, потому давайте проследуем в кабинет, – сказал бородатый и двинулся обратно к двери, поманив за собой служащих «Клингенрайс». Мужчины и девушка, переглянулись и последовали за Броймом. Его слова удивили их, так что каждый мысленно построил пару догадок о происходящем, но ничего не произнёс вслух.

Как только четверо оказались в следующей комнате, металлическая дверь с грохотом захлопнулась за их спинами, взволновав и насторожив эовинов ещё больше. Законом им было запрещено читать мысли начальства, однако, сейчас Бройма никто не защищал, и Невелис, желая доказать себе, что она действительно необычайно храбра, осторожно заглянула в сознание Николаса. Пока они шли по широким коридорам, украшенным зеленью растений, девушка не обнаружила ничего необычного и решила сама подтолкнуть мужчину. Она замедлилась и голосом, полным наивности и жалкого неведения, спросила:

– Господин, Бройм, вы так нас заинтриговали, может, хоть слегка намекнёте, зачем нас вызвали? Мы все просим. Так?

Николас остановился и обернулся. Улыбнувшись и переведя взгляд с девушки на её недоумевающих коллег, он мягко произнёс:

– Нет, Невелис, всему своё время. Конечно, я всё скажу, но чуть позже. Идём.

Леон и Эдер с удивлением посмотрели на свою спутницу, но та лишь успокаивающе кивнула, и все вновь пришли в движение. На этот раз в голове Бройма уже шевельнулись кое-какие мысли, могущие стать зацепками, и девушка внимательно вслушалась в них.

«Раапхорст... Побег! Нет, спасение. Обман... Обман... Обман...» – вот, что мелькало в сознании Бройма, и Невелис почувствовала холод внизу живота.

«Значит, что-то не так», – решила она, слегка расстроившись, оттого, что её друзья оставались в неведении.

Дело в том, что они считали себя честными людьми, эовинами, которым был дан шанс проявить себя на государственной службе, и потому не могли позволить себе нарушить данную Императору клятву. Невелис же была молода, неопытна, и потому иногда делала что-то, полагаясь не на разум, а на чувство, интуицию, словно подсказывающую ей, как поступить. Вот и сейчас, забыв о последствиях проступков подобного рода, девушка без сомнений наблюдала за мыслями Бройма, начальника Тайной Канцелярии.

Вскоре они добрались до кабинета Николаса и остановились перед дубовой дверью. Бройм отворил её и пригласил

сил эовинов пройти внутрь. Оказавшись в светлом помещении, Невелис осмотрелась и испытала удивление от того, что здесь их не ждали эовины-телохранители, которые были обязаны присутствовать при каждой встрече начальства с эовинами, служащими в силовых структурах. Эдер и Леон больше заинтересовались убранством комнаты, про себя отметив, что едва ли когда-нибудь смогут позволить себе нечто подобное. Они с интересом и малой долей зависти осматривали книжные шкафы, дорогие кожаные кресла, стол с громадной лампой под зелёным абажуром и прочее великолепие рабочего места Бройма.

Заметив их реакцию, Николас улыбнулся. Он сел за стол и указал рукой на четыре коричневых кресла, стоявших напротив.

Эовины сели, и Бройм заговорил:

– Итак, к делу. Видите ли, за последний месяц у нас произошли определённые изменения. Вскоре наступит новая веха, война не за горами, и мы, разумеется, хорошо подготовились. Помимо оружия, любезно предоставляемого компанией «Кригард», у нас появилось и кое-что принципиально новое.

Бройм взял паузу.

– Я говорю это без посторонних ушей, потому что доверяю вам. Думаю, не зря...

Леон и Эдер кивнули, почувствовав гордость, Невелис же смутилась и потупила взор. Ей стало стыдно за недавний

проступок, впрочем, долго думать об этом она не стала. Николас вновь заговорил, изредка ударяя костяшками пальцев по гладкой поверхности стола.

– Дело в том, что это новое оружие крайне нестабильно, но учёные работают с ним и, кажется, почти добились успеха. Однако, для полного контроля им нужен тот, кто изобрёл технологию. Один учёный. Его знания весьма помогут.

– Так в чём же проблема? Он сбежал? – догадался Эдер.

– Именно так. Его зовут Евгений Раапхорст.

Услышав это имя, Невелис чуть заметно встрепенулась и вспомнила, что оно уже звучало в мыслях Бройма, когда они шли по коридорам.

– И что же, нам надо его поймать? – спросил Леон. – Поймать и вернуть?

– Да, – ответил Николас. – Сейчас я предоставлю вам информацию. Полагаю, этих сведений будет достаточно, чтобы вы напали на след и сделали всё, что нужно.

Он привычным движением достал из ящика письменного стола бумаги в серых шершавых папках и передал эвинам. Леон, Эдер и Невелис взяли их, открыли и принялись читать. На белых листах чёрными жирными буквами было отпечатано: «Досье. Евгений Раапхорст». Далее следовали стройные ряды машинописного текста, чтение которого заняло около двадцати минут. Закончив и на мгновение закрыв глаза, Невелис дерзнула в последний раз заглянуть в мысли Бройма. Сейчас они крутились вокруг всего одного

слова: «Обман».

«Он лжёт нам или собирается солгать», – догадалась Невелис, но промолчала. Она боялась показать свою осведомлённость, а потому делала вид, что ничего не случилось.

– Направляется к восточной границе? – спросил Леон, оторвав взгляд от текста.

– Да, видимо, он собирается скрыться в Арпсохоре, – Бройм кивнул.

– Удивительно, как он смог ускользнуть. Ведь вам было наверняка известно, о том, что он скрывает, – отложив папку в сторону, сказал Эдер. Он пристально посмотрел на Николаса, словно испытывая его, но тот остался спокоен и как ни в чём не бывало ответил:

– Все ошибаются. В конце концов, и мы не всеильны. Бывает так, что казалось бы самое простое дело обрастает такими деталями, что справиться с ним нет никакой возможности. Впрочем, мы не о том. Продолжим.

Мужчина погладил бородку и снова заговорил. Он обратился к тексту досье, дал кое-какие пояснения по поводу предполагаемого маршрута беглеца, и Невелис с ужасом убедилась, что глава Тайной канцелярии лжёт им. Всё, о чём он говорил, было в какой-то степени верно, но мужчина так расставлял акценты и добавлял такие детали, что истинный путь Раапхорста ускользал от глаз, размывался и искажался. Девушка хотела было телепатически сообщить об этом товарищам, но тут в дверь кабинета постучали. Бройм нахму-

рился и громко сказал: «Не входить!»

Однако, это не помогло. Вдруг раздались удары, дверь, наконец, открыли, и внутрь вошли трое человек. Один из них был глава «Клингенрайс», высокий горбоносый старец – Тито фон Райэлл, а двое других – боевые эовины-телохранители, одетые в чёрную форму с сербрыными элементами на груди и рукавах.

– Что вы себе позволяете! – возмутился Николас. – Или не слышали? Мы заняты, и врываться сюда никто не позволял!

Леон и его сослуживцы, вскочив с мест, с интересом и страхом смотрели на фон Райэлла, раздумывали над тем, нужно ли им вмешаться.

– Ах, Бройм, – пропел старик, – разве мне, человеку, видавшему закат предыдущего монарха и несколько войн, нужно просить разрешения? Едва ли. К тому же, я пришёл по важному делу. Понимаешь, я думаю, ты имеешь неосторожность водить этих милых детей за нос.

Старик указал ладонью на Леона, Невелис и Эдера. Последний нахмурился: кем-кем, а ребенком его уже давно не называли.

Услышав скрипучий голос старика, Николас скорчил гримасу, как от зубной боли, и процедил:

– Не понимаю, о чём ты. У нас важная беседа. Провести её мне поручил господин Атерклефер, и я проведу её, даже если ты против.

– О нет, мальчик, нет, – фон Райэлл усмехнулся, заложив

руки за спину. – Я лишь хочу присутствовать при этом и скорректировать кое-какую информацию на тот случай, если ты решишь слегка приврать.

«Вот оно, – подумала Невелис. – Бройм лгал нам, как я и предполагала...»

– С чего ты взял, что я...

– А с того, – перебил Тито. – Я знаю, в чью сторону ты смотришь, к чьим словам прислушиваешься. Намекну: госпожа Атерклефер должна быть весьма благодарна за такую службу. Ты хорошо помог ей.

Он сделал паузу и снова заговорил:

– Впрочем, тебя всё равно вычислили, ведь сколько бы ты ни был осторожен, расторопен или хитёр, но древний ворон умнее молодого лиса. Мы нашли твои письма и узнали из них много интересного. Тебе не отпереться, и эти милые дети сейчас же всё подтвердят, ведь они не предавали Дексард. Ведь так?

Райэлл испытывающе посмотрел на эвинов, и те в ужасе переглянулись. Теперь под взором холодных серых глаз им нужно было выбрать, встать на сторону старика или же вступить за Бройма. Оба варианта предполагали неудобства, сделки с совестью, а потому Леон, Эдер и Невелис молчали, но не потому, что боялись ответить неправильно, а оттого что происходящее в этой комнате было не до конца понятно им.

Заметив их сомнения, старик усмехнулся, подошёл и, по-

ложив руку на плечо Леона, сказал:

– Я ни в коем случае не предлагаю вам говорить что-то, что противоречит вашим принципам. В конце концов, совесть превыше любого дела, это бесспорно. Однако, подумайте, не возникало ли у вас сомнений, пока вы слушали господина Бройма. Не удивило ли вас что-то в его словах? Я не прошу вас предавать, а лишь вспомнить. Не так уж сложно, правда?

Николас ещё раз пристально посмотрел на Эвинов. Те молчали, но на лице Эдера и Невелис Бройм различил тени каких-то мыслей, будто служащие «Клингенрайс» действительно что-то заметили или почувствовали. Николас безмолвно умолял их молчать, но тотчас спохватился, обратив взгляд на телохранителей Райэлла. Они всё слышали и мгновенно телепатически передали его мольбы своему господину. Старик обернулся к Бройму и хищно осклабился, обнажив странно здоровые для человека его возраста зубы.

– Свои доказательства я уже получил, – сказал он. – Теперь я лишь хочу удостовериться, что вы честны. Ну же, ответьте мне!

– Да, я кое-что заметил, – вдруг сказал Эдер. Он с сожалением посмотрел на Николаса, вздохнул и продолжил:

– Дело в маршруте, которым двигался Раапхорст. Господин Бройм сказал, что из Центрального региона он направился на восток, сев на поезд под чужими документами, и через трое суток сошёл на станции «Беграбен». Я не успел

спросить об этом, но...

– Да? – Тито сцепил пальцы в замок, предчувствуя, что вскоре услышит то, что ему нужно.

– Но дело в том, что эта станция давно заброшена. Её закрыли и перенесли на несколько километров к югу. Я знаю, ведь сам недавно вернулся оттуда. Я был там на задании. Конечно, господин Бройм мог не знать об этом, но...

– Ты сам в это не веришь, – за него закончил Райэлл. – Чтобы глава Тайной канцелярии и чего-то не знал... Даже звучит смешно, не находишь?

– То есть, по-твоему, я лжец и предатель? А ты не думал, что мои действия, пусть и странные по-вашему мнению, служат во благо Императору. Да и зачем мне врать, если сам господин Атерклефер... – заговорил было Бройм, но его перебил резкий каркающий голос старика.

– О, ты ведь не знаешь. Господину Атерклеферу стало известно о твоей двойной игре, – усмехнулся Райэлл. – Да, Николас, да. Ты помог Раапхорсту сбежать, ты усердно заметал следы, а когда стало ясно, что Император отдаст приказ о его поимке, ты решил сбить этих детей со следа, чтобы учёный-предатель сумел благополучно избежать заслуженной кары. Так или нет?

Тут Бройм побледнел, потупился и, едва шевеля языком, произнёс:

– Не понимаю, о чём вы...

Он почувствовал недовольные взгляды эовинов, которых

недавно пытался обмануть, и окончательно понял, что его ложь раскрыта. Тито фон Райэлл улыбнулся, подошёл к мужчине и, словно издеваясь, слегка похлопал его по плечу:

– Зачем же расстраиваться? Всё в этом мире внезапно: любовь, смерть, ложь. Порой, события настигают нас неожиданно, как гром, как страшный диагноз; мы ничего не можем поделать, не можем воспротивиться, а потому нам остаётся лишь одно: смириться. Разве ты не согласен?

Николас молчал. Леон, Невелис и Эдер стояли оцепеневшие, боясь лишний раз шевельнуться. Они поняли, что сейчас их судьба, как и судьба Бройма, находится в руках Тито, а потому старались не нервировать его. Через минуту старик сказал что-то ещё Николасу и обернулся к эовинам.

– Что же до вас... Вам стало известно кое-что, что знать вы не должны. Конечно, я могу тотчас послать за Ключником и избавиться от вас, однако...

Старик взял страшную паузу.

– Однако, – продолжил он, – я думаю, вам можно дать шанс.

Он посмотрел на бледные лица служащих «Клингенрайс» и самодовольно ослабилась, поняв, что добился требуемого результата. Девушка и двое мужчин слушали его с благоговением, не в силах оторвать глаз от сухого цвета пепла лица фон Райэлла. Для пущей важности старик неторопливо прошёлся по комнате, обернулся и жестом приказал эовинам сесть. Они повиновались.

– Я дам вам верные данные, полученные из тайной переписки господина Бройма, и вы найдёте Раапхорста. Найдёте и приведёте, целого и невредимого. Он нужен нам живым. Ясно?

Последовало три кивка.

– Отлично, – фон Райэлл сощурился. – Сотрудничать со мной в ваших интересах, а о предателе я позабочусь. Думаю, Император будет доволен, узнав, что ты, Бройм, был в сговоре с госпожой Атерклефер.

Старик строго посмотрел на сослуживцев.

– А вы... – он поднял указательный палец. – Чтобы слова не проронили о том, что сегодня увидели и услышали, иначе Ключника не миновать. Ведь вы не счастливчик Раапхорст, на котором нет печати. Лишь дайте повод, и от вас не останется и следа. Только представьте, какие муки испытывает человек, раздирая себя на части? Намёк понятен? Ведь так?

– Да, – ответил Эдер, – нам всё понятно.

– Тогда идите. Завтра в это же время вы явитесь ко мне для получения инструкций. Столицу покинете послезавтра. Если успеете перехватить Раапхорста до того, как он пересечёт границу, получите награду. Если же нет... Что ж, придётся продолжить поиски в Арпсохоре. Но, надеюсь, вернуться с пустыми руками вы не посмеете. Да?

– Да, – на этот раз отозвался Леон. Невелис была напугана и лишь кратко кивала, потому отвечать приходилось её старшим сослуживцам.

– Отлично, ступайте, – приказал Райэлл, и эовины удалились.

Оказавшись за пределами кабинета и закрыв дверь, они выдохнули и в совершенной тишине зашагали по коридорам. Они молчали, не переставая думать о случившемся, о Тито, о предательстве Бройма, о его судьбе. В холле они распрощались, не в силах оставаться более во дворце.

IV

– Адел Фриншлайт. Это вы-с? – поинтересовался щуплый мужчина, сидевший за массивным письменным столом. Адел кивнул и хотел сказать что-то ещё, но сдержался: слишком уж весело смотрели на него. Он был единственный действительный офицер, явившийся сегодня в пункт мобилизации, остальные – всё добровольцы, уличные парни, не получившие в жизни и малейшего образования. Словом, голодрань. Конечно, они посмеивались над молодым мужчиной – сытым, сильным, в красивой форме, но за смехом этим скрывалась зависть.

– Ты глянь, – сказал рыжий парень с веснушчатым перебитым носом, обращаясь к рядом сидящему нагловатого вида детине. – Дворяне. Нам с тобой не чета. Интересно, что он забыл здесь? Такому бы с остальными офицерами на колёсах на фронт добираться. Эх, вдарить бы по его сытой роже!

– Вдарить! – глухо поддакнул детина и с искренней ненавистью посмотрел на чёрную спину Фриншлайта через щель, образовавшуюся между дверью и обшарпанным дверным косяком. Однако, Адел ничего не слышал, полностью погружившись в разговор с человеком, осуществляющим приём и запись.

– У врача были? – негромко спросил тот.

– Да, – ответил Фриншлайт.

– Всё в порядке?

– В порядке.

– Документы? – снова поинтересовался щуплый и провёл пальцами по своим рыжеватым колючим усам.

– Перед вами, – Адел ткнул пальцем в небольшую картонную папку, лежавшую на столе.

– Ну-ка, проверим-с, – усатый потёр ладони, словно предвкушая нечто приятное от работы с документами. Приступив, он очень долго переворачивал страницы, что-то разглядывал, кряхтел и шурился, словно силясь понять содержимое бумаг.

– Академию закончили? – подозрительно спросил он.

– Последний курс, – сказал Адел, и тотчас пояснил. – Не могу сидеть за партой, когда стране нужна помощь. Пусть другие сидят.

– А родители не против? А то по-разному бывает-с...

– Им всё известно, – резко отозвался Адел, несколько не стесняясь своего тона.

– Тогда позвольте спросить, – не унимался усатый, – отчего вы явились именно сюда? Ведь для вас существуют специальные условия. Офицерам не пристало отправляться на фронт вместе с рядовыми солдатами, причём не обученными и, как бы это сказать... Дикими... Объясните, пожалуйста.

Фриншлайт помедлил секунду и, невзирая на то, что едва ли верил в то, что собирался сказать, произнёс голосом,

полным уверенности и гордости:

– Оставьте эти глупости! Никто не может запретить мне лучше узнать простых солдат. Только представьте, таких, как они, в армии крайне много. Почти все они терпеть не могут командный состав, высшее руководство и армию как таковую. Для них призыв равносителен каторге, и потому происходит сопротивление. Это плохо, как вы и сами понимаете, а потому нам будет только на руку, если я смогу стать одним из них. Понимаете, изнутри хаосом гораздо проще управлять, в то время как снаружи – практически невозможно.

Щуплый с удивлением посмотрел на Адела, почесал затылок и сказал:

– Похвально, молодой человек, похвально. Очень интересные мысли. Что ж, значит, я утверждаю вас. Конечно, о первом эшелоне и думать нечего, но вот о втором, пожалуй...

Он взял перьевую ручку и быстро нацарапал на пожелтевшем листе бумаги номера армии, дивизии и полка. Чуть ниже он набросал список фамилий командного состава, а справа от каждой из них – звание. Вручив бумагу Фриншлайту, мужчина пояснил:

– Вам необходимо это запомнить, чтобы потом лучше ориентироваться. Отправляетесь сегодня вечером. Полагаю, вещи вы собрали? Если нет, не страшно. Всем солдатам, а офицером, в частности, выдается всё необходимое. С голыми руками воевать не пошлём, не беспокойтесь.

Мужчина, по всей видимости, пытался пошутить, но Адел остался серьёзным. В последнее время, слишком многое свалилось на него: ссора с сестрой, фактический побег из дома, компания людей, по его мнению, лишённых чести. Подумав об этом, Фриншлайт поморщился – список проблем оказался внушительным.

«Ничего, главное, чтобы там я сумел себя проявить. Плевать на всех, на однокурсников, на родителей, на сестру и этих упырей за дверь. Я со всем справлюсь и вернусь героем или вовсе не вернусь!» – подумал мужчина, глядя, как усатый ставит в его бумагах подписи и оттискивает печати.

Наконец, всё было готово. Адел встал, взял документы, попрощался и вышел в коридор. Сидящие там парни, оборванные и грязные, замолкли и посмотрели на офицера с тихой злостью, словно голодные звери. Каждый из них хотел накинуться на Фриншлайта, но что-то их сдерживало, будто они боялись звания этого человека. Офицер. Казалось, лишь это слово заставляло их держаться на расстоянии, словно обладало магической силой.

V

Едва различимый запах картофельного супа, приятный и лёгкий, уже полтора часа витал в воздухе. Сначала он был слышен только на кухне, где находился его источник, затем медленно захватил первую спальню, а затем и вторую. Наконец, ощутив его, Евгений очнулся, повёл носом и встал с постели. Посмотрев на циферблат старых настенных часов, и поняв, что сейчас всего восемь утра, мужчина удивлённо хмыкнул, встал и оделся. Он вышел на кухню и застал там хозяйку – полную женщину лет сорока – Марту Хильтер, склонившуюся над громадной кастрюлей, выкрашенной голубой эмалевой краской. В кастрюле что-то кипело, и Раапхорст догадался, что это суп.

– А, проснулись! Садитесь, пожалуйста, скоро будет готово, – радостно воскликнула Марта. Эовин едва заметно улыбнулся и сел за стол. Теперь за его спиной находилось небольшое окно, закрытое тонкой жёлтой занавеской. Обернувшись и отёрнув её, Евгений посмотрел на улицу и не смог ничего разглядеть, из-за морозной утренней тьмы.

Зима была уже близко, тепло уходило стремительно, а потому в доме с самого утра топилась печь. Слегка поёжившись, мужчина вздохнул. Он вспомнил камин в доме Хауссвольф, вспомнил Елену, и пелена слабого сожаления за-

стелила взор эовина. Правда, вскоре это прошло. Евгений взбодрился и приступил к завтраку. Хозяйка налила суп в глубокую жестяную чашку, осторожно, чтобы не расплескать содержимое, поставила перед Раапхорстом и дала тому ложку. Хлеб тоже вскоре появился на столе, и Евгений подумал, что его положение не так уж ужасно.

«Да, я скрываюсь. Да, меня, возможно, считают предателем и ищут, чтобы отдать под суд, но как бы там ни было, сейчас мне хорошо, пусть и неразумно радоваться сиюминутным вещам», – подумал мужчина и продолжил есть. Суп оказался сносным, хотя, подумал Раапхорст, он не идёт ни в какое сравнение с теми супами, что варила Арнет.

«Интересно, как она там... – мысленно промолвил Евгений. – А Максим? Ведь он и сам в опасности, а обо мне ему, наверное, не известно. Ладно, всему своё время. Его я ещё увижу, но сначала надо спастись».

К собственному удивлению Евгений не умер. Покинув дом, столицу, привычную гнетущую обстановку, эовин выздоровел, и вскоре забыл о том, что недавно искреннее верил в близкую кончину. Он жил в доме семейства Хильтер в пригороде Фалькенберга уже вторую неделю и каждый день ждал письма от Бройма, чтобы двинуться дальше. Конечно, мужчина мог искренне сказать, что ему хорошо здесь. Однако осознание того, что рано или поздно его ждёт дальнейший путь, не позволяло ему окончательно расслабиться и самозабвенно предаться радостям деревенской жизни. Кроме то-

го, глава семейства – Иероним Хильтер принимал гостя не так радушно, как его жена. Он смотрел на него с настороженностью, словно чувствовал, что черноволосый мужчина не так прост, как кажется.

Действительно, Раапхорст хранил секрет и даже не один. Он не назвал своего настоящего имени, не сказал, что является эвином, и о своём бегстве тоже не упомянул. Николас строжайше запретил это делать, так как на данном этапе поиски Евгения были строго засекречены, и простым людям о них не было известно. Бройм сам писал письма чете Хильтер и, называя черноволосого мужчину своим доверенным лицом, Виктором, просил всячески содействовать ему. Он знал Марту и её мужа лично, сам однажды побывав здесь в командировке, и считал, что им можно доверять.

– Как вам у нас? Не надоело? – вдруг спросила Марта.

– О, что вы. Всё чудесно, – слегка раздражённый, оттого что его оторвали от размышлений, ответил Евгений.

– Не подумайте, что я хочу избавиться от вас, – добродушно рассмеялась женщина. – Просто, мне кажется, что вам у нас скучно. После города, конечно, ничего иного ожидать и не следует.

Марта сняла передник, отряхнула с колен воображаемые крошки и села за стол так, чтобы можно было видеть Раапхорста. Мужчина закончил есть, поблагодарил и, решив, что будет невежливо выйти из-за стола просто так, ответил:

– Мне не скучно. Спасибо, что беспокоитесь, но в моём

положении скука – это роскошь.

– Конечно-конечно, – согласилась Марта, – вы же на государственной службе. Наверняка, как только покинете нас, у вас начнётся то ещё веселье...

– Д-да, – запнувшись, проговорил Раапхорст. – Это так.

Привыкнуть ко лжи было не просто. Для Бройма она являлась обычным инструментом достижения цели, он пользовался им так часто, что лишился всякой брезгливости, однако, Раапхорст воспринимал обман несколько иначе. Ему было стыдно и неприятно, хотя совсем недавно ему казалось, что смутить его не сможет уже ни что. Он потупился и просидел так ещё около минуты, дожидаясь момента, когда хозяйка сама что-то скажет. Но та молчала, и мужчина вскоре удалился в свою комнату, на прощание кивнув.

Оказавшись в соседнем помещении, он сел на заправленную кровать и закрыл глаза, словно пытаясь сосредоточиться или что-то вспомнить. Его кожа побледнела, губы плотно прижались друг к другу, и дыхание замедлилось настолько, что могло возникнуть ощущение, что Раапхорст спит. Однако, это было не так.

«Что же будет дальше? – подумал он, и горько усмехнулся. – Едва ли я смогу найти столь желанный покой в этом мире, раздираемом на части. Он не способен остановиться в своём стремлении к саморазрушению...»

Так эовин просидел около часа, перебирая в голове разные образы, заключения, оперируя понятиями и схемами,

понятными лишь ему. Затем, решив, что сон лучший способ скоротать время, он уснул. К счастью, на улице до сих пор царил полумрак. Небо заволокло свинцовыми тучами, и мужчину ничто не тревожило. Лишь слабый ветер шелестел за окном. Очнулся Раапхорст в третьем часу, когда домой вернулся Иероним Хильтер. Приземистый, хорошо сложенный мужчина хлопнул входной дверью и закричал: «Жена! Есть!»

После этого раздались его бухающие шаги, и Евгений открыл глаза. Недовольно поморщившись, он прошептал: «Дождусь ли я этого письма... Остаться здесь нет никакого желания. Хорошо, что у них хотя бы детей нет».

На кухне раздался звон тарелок, звуки открывающихся ящиков и женский говор – это Марта собирала на стол. Её муж тоже что-то рассказывал, и его голос напоминал закипавшую воду – булькающий, невнятный, но громкий. По-видимому, хозяин дома что-то говорил о своей работе, так как несколько раз Евгений смог различить слова: стадо, центнер мяса, хвосты и что-то ещё. Иероним работал на скотобойне.

– Выйти или остаться. Нет, не пойду. Выслушивать живописные истории этого мясника я вряд ли смогу дольше двух минут, – сам себе сказал Раапхорст и снова лёг в постель. Однако долго оставаться в комнате у него не получилось. К нему вошла Марта и пригласила за стол. На отказ Евгения она строго ответила:

– Нечего мне тут выдумывать! Немедленно, на кухню,

иначе обижусь! Для кого я готовила?

– Но если я не хочу есть, – продолжал сопротивляться Раапхорст. – У меня голова болит, например.

– Ничего слышать не желаю! На кухню! После приёма пищи у вас всё пройдёт, помяните моё слово. Ну, живо!

Евгений покорился. Он недовольно посмотрел на улыбающую Марту, кивнул и встал. Убедившись, что мужчина согласен, женщина двинулась на кухню, гордая оттого что уговорила Раапхорста. Конечно, она понимала, что её муж будет недоволен, но готова была это терпеть, а вот сидеть за столом, осознавая, что кто-то в доме не накормлен – нет.

– Здравствуйте, – посмотрев в лицо мясника, грубое и мрачное, приветствовал Раапхорст.

– Ну, здорово, – булькнул Иероним, не выпуская из руки утиную ножку. Жир сбегал по его толстым пальцам, капал на рукава клетчатой рубахи, и потому казалось, что кисти мясника блестят. Евгений вздохнул и сел напротив хозяина дома, уже возжелав как можно скорее убраться отсюда.

– Вам ножку или чего другого? – осведомилась Марта. Иероним злобно посмотрел на неё, но промолчал.

– Неважно, – эвин помотал головой. – Что дадите...

– Отлично, тогда ножку!

Марта с помощью ножа ловким движением отделила часть утки и подала Евгению на широком блюде. Тот опасливо покосился на угощение, однако, делать было нечего: мужчина отрезал оранжевый хорошо пропечённый, как и вся утка, ку-

сочек и положил себе в рот. Вилка и нож оказались неудобными, но Раапхорст ни за что на свете не позволил бы себе есть руками, как то делал Хильтер. Мясник, казалось, ничего не стеснялся и чувствовал себя превосходно, даже вызывая отвращение у окружающих. Его не волновало ни мнение Евгения, ни мнение жены, которая тоже брезгливо поглядывала на Иеронима и временами морщилась, будто удерживая себя от замечания.

– Ну как вам? – спросила Марта, заметив, что Раапхорст ест всё увереннее. Он отрезал кусочек за кусочком и поглощал их с такой скоростью, будто был в восторге от блюда или же куда-то торопился.

– Неплохо, – сказал тот. – Вы отличная хозяйка.

Женщина благодарно улыбнулась. Её муж, прожевав очередной кусок, искоса посмотрел на Евгения и сказал всё тем же булькающим голосом:

– Повезло, так повезло! Кстати, парень, только что пришло письмо. Кажется, последнее – можешь радоваться.

– Что же вы молчали?! – вдруг с грохотом отбросив вилку, воскликнул Евгений. Женщина сочувствующе посмотрела на него.

– Да так, – неопределённо ответил мясник. – Я мельком посмотрел. Там всё больше инструкции и указания, как перебросить тебя через границу. Ну и задачку нам задал Бройм...

– Что ты такое говоришь? – хозяйка всплеснула руками. –

О чём он просит? Я думала, Виктор лишь немного погостит у нас, и о помощи в переходе границы речи не велось. Разве нет?

– О, замолкни! – мясник ударил кулаком по столу, так что посуда жалобно звякнула. – Ясно же сказал, теперь надо подойти почти к самой границе! Не волнуйся, вознаграждение он сулит хорошее. Другое дело, что ждать его придётся долго.

– Не понимаю, – продолжала причитать Марта. – Ведь ты не обязан... Нам, конечно, нужны деньги, но вы должны понимать, что это крайне опасная затея.

– Покажите письмо, – устав от разыгравшейся сцены, попросил Эовин. Он прочёл мысли господина Хильтера и увидел одно сплошное раздражение. Мясник был зол и готов в любую минуту устроить скандал, но скрипучий голос Евгения подействовал на него успокаивающе. Мужчина кивнул, вытер руки о лежавшее рядом полотенце и вышел в соседнюю комнату. Вернувшись на кухню, он передал Евгению небольшой белый конверт. Раапхорст открыл его и достал чуть смятый лист бумаги.

– Вслух! – потребовала Марта, и Евгению пришлось повиноваться. Он начал читать:

– Иероним, снова пишу к вам по делу о нашем общем друге, с которым, полагаю, вы вскоре распрощаетесь. Надеюсь, его присутствие не слишком обременило вас с госпожой Мартой, впрочем, вы получите достойную награду, в этом

можете не сомневаться. Итак, я всё устроил. На границе с Арпсохором вас будут ждать люди, которым я доверяю. Вам надлежит отправиться к южному берегу Нирмы и остановиться в километре от границы, рядом с заброшенной мельницей. Мои агенты явятся примерно в час ночи и заберут Виктора.

Далее следовали иные пояснения, слова благодарности, обещания по поводу вознаграждения и прочие любезности, описывать которые нет смысла. Дочитав последнюю строку, Евгений закрыл глаза и мысленно произнёс: «Наконец-то».

– До границы ехать пару часов. Думаю, надо отдохнуть и начать собираться. Чем быстрее мы с этим покончим, тем спокойнее будет и наша, и твоя, парень, жизнь, – сказал Иероним. Он прикончил утиную ножку, отрезал ещё кусок запечённой птицы и снова стал есть. Раапхорст, по горло сытый новостями, и обществом мясника, поблагодарил Марту и вышел.

Собрать вещи не составило особого труда. Разобравшись с чемоданами, Эовин сел на кровать и о чём-то задумался.

«Очередной рубеж почти пройден. Ах, как надоело бегать...»

Ночь выдалась холодной и светлой. Дребезжащая машина с громоздким кузовом и ржавыми крыльями, на которых кое-где до сих пор сохранилась зелёная краска, ехала по

пыльным дорогам, то и дело, подлетая на кочках. В ней находились двое мужчин: один из них держал потёртый руль, второй – чемоданы. Ехали молча, будто заранее условившись, ни о чём не говорить. Казалось, каждого из них занимают какие-то сокровенные мысли, поверять которые кому-либо не имеет смысла.

Тот, что держал чемоданы, вздохнул и внимательно взгляделся в картину, открывшуюся перед ним. Жёлтая луна ярко горела в небе, звёзды серебряной паутиной оплетали невообразимые просторы, и голые ветви деревьев колыхались под действием слабого ветра. Машина приближалась к пустошам, и потому растительности становилось всё меньше, а ей на смену приходили песок, мелкая каменная крошка, мёртвые деревья и разрушенные постройки – сараи, дома, склады, небольшие промышленные здания, то тут, то там выпирающие из земли. Что и говорить, в этот момент Раапхорст созерцал противоречивый отчасти чарующий, отчасти пугающий пейзаж, но надеялся, что это лишь временное явление.

«Не может быть, чтобы весь Арпсохор был похож на этот приграничный участок», – думал мужчина, пока водитель, зачертыхавшись, поворачивал, чтобы повести машину по новому пути. Подскочив в кресле и едва не ударившись лбом о низкую крышу кабины, Евгений мысленно выругался и закрыл глаза. Он ещё крепче вцепился в чемоданы и в таком состоянии решил просидеть до конца неприятного путешествия.

Внезапно Иероним заговорил.

– Поглядывай, парень, – настороженно сказал он. – Заметишь, красные огоньки, сразу говори.

– Что это? – не понял Раапхорст.

– Вот дурень! – вскричал Хильтер. – Вроде дексардовец, прожил уже сколько, а про них не слышал!

– Да про кого? Про чудовищ? – Евгений усмехнулся. – Довольно сказки рассказывать. Везите меня, куда сказано и не мешайте мне.

Мясник злобно глянул на пассажира, но спорить не стал. Каменистая дорога внезапно пошла вниз, и водителю пришлось сконцентрировать внимание на спуске к берегу небольшой речи под названием Нирма. Вниз по течению должна была располагаться заброшенная мельница, о которой говорилось в письме Бройма, и потому Хильтер внимательно вглядывался в ночное пространство. Однако, как уже было сказано, ночь выдалась светлой, так что отыскать мельницу, пусть и разрушенную, не составляло особого труда.

Вскоре перед машиной возникла блестящая в лунных лучах поверхность реки. Каменистую дорогу сменил песчаный берег, окружённый высокими земляными насыпями, и автомобиль заметно сбавил ход, теперь увязая колёсами в мягком песке. Буксуя и кренясь с одной стороны на другую, грузовик ревел, но под крепкой рукой мясника продолжал рваться вперёд. К счастью, через несколько десятков метров, берег выстлала галька, и движение ускорилось. Не переста-

вая ругаться, Хильтер крутил руль, Евгений же полусонный смотрел на мутноватое лобовое стекло и изредка думал о словах мясника.

«Суеверия», – про себя усмехнулся Раапхорст. Он снова послал взгляд в пространство перед собой, но не заметил ни красных огоньков, ни очертаний мельницы. Последнее несколько расстроило мужчину, ведь если огоньки он и не надеялся заметить, то найти взглядом мельничные крылья (в воображении Евгения мельница должна обязательно быть с гигантскими крыльями) – желал всей душой. Однако, сам того не заметив, Раапхорст уснул и очнулся только когда машина затормозила. Почувствовав, что движение прекратилось, Эовин открыл глаза и заметил, что остался в кабине один. На мгновение ему стало жутко.

Хильтер появился внезапно. Подойдя к машине и стукнув по капоту, мужчина махнул Евгению рукой, и тому пришлось выйти.

– Мы на месте, – сказал мясник. – Смотри.

Раапхорст, поставив чемоданы на землю, выпрямился и протёр глаза. Он ожидал увидеть величественное здание, однако заметил лишь невысокую деревянную башню с повреждённым крестообразным сооружением на вершине. Рядом с ним располагалось ещё какое-то строение с провалившейся крышей, некогда бывшее, по всей видимости, либо домом, либо амбаром.

– Это мельница? – недоверчиво поинтересовался мужчи-

на, взглянув на Хильтера. Тот усмехнулся и проговорил с издёвкой:

– А ты что, ожидал увидеть её целёхонькую и новёхонькую? Да ей лет больше чем мне. Её скоро черви дожрут, а тебе вид подавай!

Эовин разочарованно хмыкнул. Он немного походил, подышал прохладным воздухом, смешанным с земляной сыростью и, вновь подойдя к Хильтеру, пожал плечами, будто спрашивая, что делать дальше. Мясник своим привычным булькающим голосом ответил:

– Будем ждать.

Они явились через два часа, когда Евгений и Иероним меньше всего ожидали. Их было четверо: двое мужчин и две женщины; все одеты в чёрное. Взглянув на информационное поле, окружившее их, Раапхорст догадался, что кто-то из них является эовином.

– Кто из вас Раапхорст? – с сильным арпсохорским акцентом спросил седовласый мужчина, видимо, лидер четвёрки. Сейчас этот человек изучал людей, оказавшихся перед ним, и под строгим взглядом его карих глаз Иероним почувствовал себя неуютно. Евгению же, казалось, всё равно.

Услышав вопрос, Хильтер засуетился и подтолкнул Евгения, после чего тот нехотя ответил:

– Это я.

– Хорошо, – сказала женщина, чьи волосы были заплетены в две тяжёлые косы. – Идём. Нам предстоит неблизкий

путь.

– Зачем было спрашивать? – проговорил Евгений. – Среди вас есть эовин, он мог запросто распознать меня.

– Это не в наших правилах. Ваши мысли неприкосновенны. Таков закон, и нарушать его нельзя, – снова сказал седовласый мужчина, и Раапхорста приятно поразило его голос: грудной и сильный. В первый раз эовин этого не заметил.

– Ясно, – холодно ответил он. – Ведите.

Четвёрка посланников пришла в движение, и Раапхорст вместе с ними. Он твёрдо вознамерился уйти, не попрощавшись, однако, отойдя от мельницы на пару десятков метров, Евгений остановился, обернулся и крикнул:

– Прощайте, Хильтер. Передавайте Марте привет!

Мясник нахмурился, нехотя кивнул и сел в машину, с грохотом захлопнув дверь.

– Нашёл посыльного, – проворчал он, наблюдая за тем, как Раапхорст в сопровождении людей в чёрных одеждах удаляется куда-то по направлению к границе. Евгений шёл, не переставая думать о том, что ещё немного, и он окажется в совершенно чужой стране, без денег и связей, лишь с зыбким покровительством Бройма и, возможно, Императрицы. От мыслей его оторвал странный звук. Это остов старой мельницы, оставшейся позади, вдруг закрипел, и мужчине показалось, что так он провожает его в новую жизнь.

– Прощай, – мысленно произнёс эовин, и в тот же миг в его сознании возник образ Елены, столь желанной, столь

родной и навеки потерянной. На секунду Евгений снова остановился и что-то пробормотал.

– С вами всё в порядке? – спросила женщина с косами. Она тоже остановилась и сочувствующе посмотрела на Раапхорста, её же спутники продолжали идти, словно ничего не заметив. Мужчина поднял глаза к звёздам, сделал глубокий вдох и кивнул.

Вскоре он зашагал рядом с остальными.

VI

В лаборатории ЦНИ становилось жарче с каждой секундой, будто вместо неё здесь решили устроить котельную. Нагревались жужжащие секвенц-проекторы, кирпичные стены, ржавые трубы, тянувшиеся вдоль стен и под полом, и, кроме того, казалось, что под гнётом энергии, вырывающейся из громадной металлической клетки, воздух нагревается сам собой.

Вальдольф Тод, резким движением руки смахнув с рабочего стола всё лишнее, вскричал:

– Долго я буду ждать этих тупиц?! Я специально вытребовал боевых эовинов, чтобы усмирить тварей, а они опаздывают! Ну, пусть только попробуют задержаться ещё хоть на минуту, я их...

Старик не успел договорить: двустворчатая дверь в конце лабораторного зала открылась, и внутрь вошли пятеро мужчин, судя по форме, служащих «Клингенрайс».

– Быстрее, лбы! Быстрее! – снова закричал Тод, и эовины ускорились. По требованию старика они окружили клетку, закрытую чёрной тканью, и застыли в ожидании. Вскоре их лица заблестели, покрывшись потом. Жара заметно усиливалась.

– Слушайте, – вдруг сказал Вальдольф. – Сейчас они

спят, но это ненадолго. Их усыпили против воли, пара наших сотрудников пострадала. Теперь мы надеемся на вас, ведь когда эти твари очнутся, накопленный гнев перерастёт во вспышку, и лабораторию разнесёт на куски. Ваша задача удержать их, пока я стабилизирую ментальную связь. Нужно поторопиться: в соседнем помещении нас ожидают сорок учёных. Это цвет нашей науки, и нельзя заставлять их ждать.

– Да, сэр, – один из воинов кивнул. – Но что делать, если у вас не получится? Вы уверены, что...

– Молчать! – взревел Тод, сам поразившись силе своего голоса. – Всё должно получиться, в противном случае мы с вами станем покойниками! То ещё наслаждение умереть под кирпичами громадного здания, не так ли? Хорошо, мы начинаем. Слушайте, они просыпаются.

Солдаты прислушались и тотчас уловили в информационном поле странные колебания, в общем схожие с человеческими, но звучащие слегка иначе. Человеческий след представлял собой ровный низкий гуд, приобретающий или теряющий частоты вторичного тела в зависимости от настроения, направленности мыслей и многих факторов, этот же звук, несмотря на богатство низкими частотами, был неровен, подвижен. С каждой секундой он усиливался, и воспринимать его становилось всё сложнее.

– Что это? – спросил один из солдат, светловолосый паренёк лет двадцати пяти. Тод грозно посмотрел на него, но промолчал. Вскоре он встал у секвенц-проектора и теперь

силился что-то разглядеть на его маленьком светлом экране. Позже посмотрев в сторону чёрных проводов, выходявших из округлого блока обработки данных, старик прошёлся по ним взглядом и убедился, что они тянутся до самой клетки.

«Хорошо. Только бы получилось. Конечно, если подумать, они не так нужны, ведь их потомки слушаются, однако... Что если, в этих тварях, созданных непосредственно Раапхорстом, скрываются ещё секреты, сулящие невероятную мощь. Нет, как бы ни хотелось покончить со всем этим, рисковать нельзя», – подумал Вальдольф и вдруг ощутил, что звуки в информационном поле заметно усилились. Теперь они превратились в постоянную пульсирующую линию, лишились первичных низких частот, но зато приобрели странный высокочастотный оглушающий шелест. Старик поморщился и, будто дирижер, взмахнул рукой. Солдаты «Клингенрайс» приняли это за сигнал, их командир кивнул.

– Устанавливайте «кольцо».

Через секунду он обернулся к Тоду.

– Профессор, может быть, всё-таки расскажите, что это за твари и как с ними бороться? Мы, конечно, многое повидали, но...

Вальдольф, услышав это, сделал такое страшное лицо, что даже закалённый в боях офицер ощутил смутный страх. Старик медленно подошёл к мужчине и, борясь с желанием вырвать тому глаза, прохрипел:

– Ни в коем случае мысленно не вступайте в инфо-про-

странство! Там они сильнее любого эовина. Помните, вы должны лишь усмирить их, но не навредить! Их разумом займусь я!

– Если они прорвут «кольцо»...

– Да что же это такое! – сорвался Вальдольф. – Поймите, вас думать никто не заставляет! Делайте то, что я скажу и всё. О чём вы? Ах да... Если они прорвут вашу хиленькую блокаду, попытайтесь установить новую, старайтесь не слушать их вибрации. Они мешают. Понятно?

Последовало несколько неуверенных кивков.

– Так точно.

– Отлично, – сказал Вальдольф, вернувшись к жужжащему секвенц-проектору. – Прошу, делайте своё дело и побыстрее. Мне нужно синхронизироваться с ними, поэтому следующие полчаса не обращайтесь ко мне. Это сложно, я понимаю, но уверен, вы справитесь.

Вдруг пульсация стала громче, быстрее и эовины напряглись. Теперь в инфо-пространстве были слышны не только странные звуки, но и вибрации, исходящие от воинов «Клингенрайс».

В зависимости от характера, особенностей протекания биологических процессов и иных факторов, вторичное тело пси-вибраций приобретало разные очертания, и потому звук каждого из эовинов был уникален. Кто-то звучал тише, кто-то громче, кто-то захватывал лишь низкие частоты, кто-то – высокие, но только у единиц псионический образ совпа-

дал со звучанием какого-либо инструмента. Данная аномалия встречалась редко, и, послушав своих помощников около минуты, Тод понял, что все они звучат однородно, не выделяясь и не усиливая друг друга.

– Посредственности, – прошептал Вальдольф. – Странно, как только из них команду сформировали. Ну да ладно. Итак, синхронизация...

Для того чтобы взаимодействовать с птицами Раапхорста без вреда для собственной жизни и чтобы иметь возможность управлять ими Тоду в первый день исследований пришлось наложить на них подобие ментального блока. Сначала это работало, птицы покорились, но, видимо, со временем приспособились и теперь намеревались воспротивиться. Их животный гнев внушал Вальдольфу нешуточный страх, впрочем, перебиваемый осознанием того, что основную работу старик уже выполнил. У данных воронов биологические процессы, за исключением старения, протекали крайне быстро, и буквально за месяц они снесли столько яиц, что Тод смог без всякого сомнения доложить вышестоящим, что совсем скоро у них будет достаточно боевых птиц. Потомство оказалось не только достаточно сильным и жизнеспособным, но и более послушным, чем их родители, что делало возможным управлять ими на расстоянии с помощью доверенных эвоинов. Теперь профессору надлежало лишь усмирить первых воронов, чтобы в дальнейшем иметь возможность повторно изучить их.

«Я слышу их злость, – подумал старик. – Первая печать уже сломана, значит, надо установить новый блок. Если бы ещё понимать, что творится в их птичьих мозгах! О, будь проклят этот Раапхорст. Если бы не он, я мог бы продолжать свою работу, но нет. Теперь я до конца дней буду возиться с этими птицами!».

Он нажал пару кнопок на панели проектора, после чего последовало несколько пиликающих звуков, и старик всмотрелся в текст и цифры, высветившиеся на выпуклом экране. О чём-то подумав, Тод нахмурился и подошёл к клетке. Взявшись за чёрную занавесу, он с силой рванул её и отбросил в сторону. Солдаты невольно отвлеклись и с любопытством взглянули на то, что предстало перед ними. В стальной клетке оказалось три ворона, с присоединёнными к крыльям и головам чёрными прорезиненными проводами. Места, где они соприкасались с плотью, были скрыты окровавленными бинтами; дно клетки усеяно красными каплями и небольшими перьями.

– Омерзительно, – прошептал один из воинов, ощутив приступ тошноты, и Тод, услышав это, взревел страшным голосом:

– Пошёл вон! Я сказал, вон! Нечего здесь причитать! Вон!

Командир, увидев, что старик разошёлся не на шутку, вздохнул и приказал нерадивому солдату выйти. Дождавшись, когда тот удалится, старший офицер оторвал взгляд от клетки и сказал Вальдольфу как можно мягче:

– А не боитесь, что нас слишком мало для этого дела? Вы сами слышите их вибрации, они чудовищны. Разве не будет разумнее не выгонять людей, а попытаться понять. Мы все в шоке, это логично.

– Молчать! Не смейте даже звука издать, – снова закричал Тод. – Когда всё завершится, поговорим, а теперь полная концентрация. Приготовьтесь!

Наконец, птицы очнулись.

Солдаты «Клингенрайс» только что закончили установку блокады и из осторожности отступили на шаг. Вальдольф, поняв, что время уходит, начал синхронизацию, однако, закончить ему не удалось.

Открыв чёрные глаза-бусины, вороны, казалось, со злостью посмотрели на людей и после секунды тишины издали такой пронзительный псионический рёв, что лаборатория содрогнулась. С потолка посыпалась каменная крошка, и волна, произведённая птичьим криком, выбила оконные стёкла. Осколки со звоном рухнули в ночную тьму. Пол пошёл трещинами, и некоторые эовины, не выдержав напряжения, растянулись без сознания на каменных плитах. Из ушей и глазниц воинов потекли струйки крови, и блокада, недавно установленная, исчезла, будто её никогда и не было.

Вальдольф, едва устояв на ногах, что-то крикнул, но оказалось поздно. Клетка, в которой держали птиц, со страшным треском распалась на составляющие детали, и вороны, снова закричав, взмыли под потолок. Провода ненадолго за-

держали их, но вскоре вместе с фрагментами птичьей плоти рухнули на пол. Пульсация стала громче, и вдруг переросла в жуткий вой. Он пронзил пространство, и невидимая тетра-волна ударилась в стену, образовав в ней крупную пробину. Бетонные сваи и перекрытия лаборатории загудели, затряслись, но всё-таки чудом остались стоять. Последнее, что Тод увидел перед тем, как потерять сознание, были птицы, стремительно несущиеся к появившемуся разлому.

«Они найдут его», – мелькнуло в сознании Вальдольфа, и его разум провалился во тьму.

VII

Коби Ацфел вошёл в зал заседаний в час дня. Данный факт тотчас был запротоколирован расторопной стенографисткой, после чего она пропустила абзац и приготовилась записывать дальнейшие события. Совет директоров, состоящий в основном из седовласых стариков, имевших политическое и экономическое влияние в Дексарде, Арпсохоре и иных странах, поприветствовал председателя, и Ацфел, произнеся ответные слова приветствия, сел во главе протяжённого дубового стола. Тусклый свет лился на голову юноши, проникая в зал через округлое окно в потолке.

– Итак, господа, начнём, – сказал Ацфел, потрянув копной густых светлых волос. Старики согласно закивали, и вскоре заседание началось. Говорили о грядущей войне, новейших проектах, финансовых потоках, рисках, связанных с поражением нападавших, и о многом другом. Ацфел, как всегда, принимал в обсуждении активное участие, всеми силами изображал заинтересованность, однако, то была лишь видимость. Правда же заключалась в том, что молодой человек был готов отдать всё на свете, лишь бы не видеть этих жадных стариков, не вести с ними разговоров, жить жизнью, не связанной с военными планами, поставками вооружения и прочим, что отравляло существование Коби в течение по-

следних десяти лет, после гибели его родителей.

Внезапно его взгляд помутился – юноша вспомнил о чём-то, давно прошедшем, и его сердце болезненно сжалось.

– Господин Ацфел, с вами всё в порядке? – поинтересовался один из членов правления, заметив странный вид директора.

– Да, Ферен, всё хорошо. Не волнуйтесь, я лишь задумался, – слегка улыбнувшись, промолвил глава совета.

Его молодое лицо, доброе и светлое, действовало на окружающих, по меньшей мере, странно. Некоторых оно смущало, некоторых же размягчало и умиляло настолько, что Ацфелу становилось неловко. Вот и сейчас, он заметил, как после его ответа глаза обратившегося к нему старика подобрели, и на его изборождённом морщинами лице появилась ответная, несколько глуповатая улыбка.

«Надо сдерживаться, – подумал Коби, прикусив губу. – Иначе они в жизни не согласятся на мою отставку. Впрочем, жажда власти во многих столь велика, что мне не поможет никакое обаяние. Разве что вмешается Сфорце...»

– Это всё? – заметив, что в помещении стало тихо, как можно строже спросил Коби, но мягкий голос в который раз подвёл его, и нужного эффекта юноша не добился. Старики переглянулись, и кто-то из них отозвался: «Да, господин Ацфел. На сегодня это всё».

– Отлично, – сказал Ацфел, несказанно обрадованный. – Можете идти. Следующее собрание по расписанию.

В помещении послышался гул, старики повставали со своих мест, и вскоре совет удалился. Оставшись один в громадном зале с металлическими колоннами, поддерживающими застеклённый в центре потолок, юноша встал, радостно хлопнул ладонями и по-молодецки потянулся. Его тело, полное энергии, жаждало движения, но вместо солнца и свежего воздуха Ацфел видел лишь работу, неотлучно находясь в центральном офисе «Кригард», выслушивая извечно недовольных стариков, подписывая бумаги, резолюции и занимаясь прочей ерундой.

О, с какой радостью он бы вырвался из рабочего смога, из клетки, ставшей для него домом. С какой радостью вдохнул бы полной грудью, с какой радостью забыл бы обо всём, что творилось в этих мрачных стенах! Но мечты оставались мечтами. Они возникали из пустоты и уносились туда же, не привнося в жизнь ничего нового, ведь помимо желаний юного Коби существовали факторы, бывшие гораздо более сильными, чем любое стремление. И потому всё, что оставалось юноше, это отдыхать в небольшие, редкие перерывы, смотреть на мрачное небо сквозь округлое окно и мечтать, что когда-нибудь всё кончится. Вот и сейчас, встав и задрвав голову, парень около двух минут смотрел вверх и улыбался, словно освободившись от всего, что довлело над ним, на это жалкое время.

– Как хорошо, что сегодня это продлилось недолго, – сам себе сказал парень, вспомнив заседание. – Завтра надо, на-

конец, съездить куда-нибудь и отдохнуть. Мир за этими стенами так прекрасен, а я сижу здесь, и ничего не вижу. Нет, даже если он будет против, я всё равно сделаю это.

Его голубые глаза блеснули.

«Если бы отменить новую войну, как много жизней я мог бы спасти. Что если поговорить с ними, объяснить, что никакие деньги не стоят этого? Нет, кого я обманываю, я слишком труслив. Но как же хочется попытаться... пойти против всех: совета, правительства, даже против...»

– Сфорце? – раздался звонкий женский голос.

От неожиданности юноша, едва не упав, отшатнулся и против воли жалобно округлил глаза, словно увидел хищника. Послышались цокающие шаги, и из тьмы навстречу Коби вышла невысокая стройная девушка, облачённая в странного покроя чёрное платье, с невероятным многообразием рюшей, белых кружевных вставок и громадными оборками, скрывавшими её тонкие пальцы.

– Ну же, скажи, – рассмеялась девушка. На вид ей было лет семнадцать, но Коби испытывал такой ужас при виде её, словно за ним явилась смерть, древняя, как сам мир.

– Реза, я не... – залепетал он, но девица не позволила ему договорить. Она лениво подняла левую руку, кольца, которыми были унижены её пальцы, сверкнули на скудном естественном свете, и юноша рухнул на пол, схватившись за шею. Лёжа на боку и глотая пыль, он чувствовал, как его плоть рвётся на части, словно в неё вонзаются сотни крюков

и тянут мышцы и сухожилия в стороны; он видел, как кровь льётся на пол и окружает его тело, бьющееся в агонии. Он видел всё: разложение, коснувшееся его, червей, копошащихся в чёрных глазницах, тьму, окутывающую сознание, разрушение каждой цепочки организма, распад, смерть... Пронзительный крик вырвался из его горла внезапно, заставив девушку рассмеяться. Она опустила руку, иллюзия рассеялась, и Коби стало немного легче.

– За что? – кашляя и жадно ловя губами воздух, прохрипел он. – Я ведь не...

– Это чтобы ты, милый мальчик, не смел думать о неповиновении. Сфорце помогает тебе, опекает, делает так, чтобы ты смог прожить счастливую и долгую жизнь, а ты проявляешь неблагодарность. За это я тебя слегка наказала. Самую малость, как ты сам можешь догадаться.

Девушка села в одно из свободных кресел, закинула ногу на ногу и улыбнулась. Коби ещё некоторое время лежал на полу, будто рыба, выброшенная на берег, но после десяти минут, проведённых без движения, с трудом встал и посмотрел на мучительницу взглядом, в котором читались ненависть и страх. Заметив это, Реза Тиен в который рассмеялась и, поправив локон своих длинных русых волос, произнесла:

– Не обижайся на меня. Я всего лишь немного поиграла. Если бы я хотела убить, я бы сделала это мгновенно.

– Не сомневаюсь...

– Правильно, сомнения – это лишнее, – Реза кивнула и

как-то капризно воззрилась на свои чёрные ногти, наточенные и длинные. – Ты можешь сомневаться в себе, в своей силе и чистоте, да в чём угодно, но не в моей жестокости. Она неоспорима.

– Зачем ты пришла? Тебе так нравится мучить меня, что ты не смогла отказать себе в удовольствии?

– О, если бы я могла позволить себе такую роскошь, ты бы проклял собственное существование, однако, я, как всегда, по поручению, – Реза оторвала взгляд от ногтей и сделала вид, что расстроена. Её лицо приобрело плаксивое выражение, но через секунду девушка улыбнулась, заставив Коби ощутить новую волну ужаса. Он побледнел и поёжился, будто в комнате стало холоднее. Это не укрылось от взгляда Тиен, и девица произнесла:

– Ты правильно делаешь, что боишься, но пока можешь не волноваться. Сегодня я тебя больше не трону.

– Сфорце не велел? – вдруг разозлившись, выпалил Ацфел и снова испугался. Он ненавидел себя за это: редких порывов мужества ему хватало ненадолго, и обычно на смелую им приходил самый позорный испуг, заставлявший Коби презирать себя.

– Именно так, – отозвалась Реза. – Господину ты нужен при уме, иначе я могла бы играть с тобой дольше. Но ближе к делу... Сфорце вызывает тебя. Он получил послание от доверенного лица в Дексарде. Видимо, оно связано с твоим концерном.

– Я не пойду. Я... – Коби запнулся, ощутив неприятный липкий холодок, скользнувший по животу. Юноша боялся Тиен, но ещё больше он боялся того, о ком она говорила так почтительно, и чьи интересы блюла с таким рвением.

– Хватит. Твой страх понятен, но с господином лучше не спорить, ты и сам знаешь, – строго сказала девушка. – Не заставляй причинять тебе лишние страдания.

Она встала и уверенно двинулась к выходу, всем своим видом давая понять, что Коби лучше повиноваться, и потому юноше ничего не осталось, кроме как нехотя пойти за ней. Оказавшись в затемнённом коридоре, парень отметил странную тишину, окутавшую здание, сделал два шага и вдруг на что-то наткнулся. Едва не вскричав от неожиданности, он отскочил, слегка ударился о стену и только сейчас заметил, что на полу лежит что-то крупное и тёмное. Приглядевшись, он понял: это охранники, либо мёртвые, либо лишённые сознания.

Обернувшись, девушка посмотрела на перепуганного парня, усмехнулась и двинулась дальше. Миновав несколько коридорных поворотов, двое остановились у большого настенного зеркала. Оно располагалось перед выходом на лестничную клетку, и обычно перед ним посетители осматривали себя, поправляли одежду, рассчитывая произвести на Ацфела или кого-то из совета приятное впечатление.

– Подойди, – приказала Реза, пропустив парня вперёд. Оказавшись за его спиной, она сосредоточилась и мыслен-

но повернула какой-то рычажок, скрытый за зеркальной панелью. Невидимый механизм пришёл в движение, что-то щёлкнуло, послышались звуки работы шестерёнок, и зеркало ушло вглубь стены, открыв перед Коби узкий проход, выложенный сырым красным кирпичом. Парень, проклиная себя за трусость, робко шагнул вперёд и понял, что далее идти не сможет. Несмотря на то, что этот ход был ему хорошо знаком, юноша не мог передвигаться в крошечной темноте, в отличие от Тиен.

– Ну же, ступай, иначе мы опоздаем. Сфорце не будет ждать тебя слишком долго, – поторопила Реза.

– Здесь темно, – юноша ткнул пальцем вглубь коридора.

– Ну что ты как маленький! – возмутилась Тиен. – Иди! Не убьёшься.

Парень мысленно выругался и зашагал вперёд, холодея лишь от мысли, что за его спиной Реза прекрасно слышит всё, о чём он думает. Но девушка ничего не сказала и не прибегла к новым мучениям, а лишь единожды пихнула юношу в спину, чтобы тот двигался быстрее. Коби повиновался, и вскоре они вышли из тёмного коридора в комнату, по-видимому, недавно оштукатуренную и выкрашенную в серый цвет. В её конце находилась массивная металлическая дверь, которую стерегли двое мужчин в чёрной форме. В руках они держали странного вида оружие, напоминающее металлические жезлы с чёрными сверкающими вставками на их вершинах. Приблизившись к мужчинам, Реза махнула рукой, и

загипнотизированные воины, синхронно двигаясь, открыли двустворчатую дверь.

Тотчас в глаза ударил мощный сноп электрического света, юноша отшатнулся, но Тиен снова толкнула его, и, едва не споткнувшись, Коби вступил в пределы хорошо освещённой комнаты, скрытой в утробе центрального офиса. Внешним видом она напоминала храм, громадный и протяжённый, с серыми каменными колоннами, расположенными у стен, и высоким куполообразным потолком. Сюда, в это удивительное место, могли попасть лишь те, кто владел знанием о его существовании, или же те, кого здесь желали видеть его новые хозяева. Некогда о комнате было известно лишь Коби и его семье, но после того, как почти все её члены погибли, и в «Кригард» явился Сфорце, всё изменилось.

– Мама, папа... Помогите мне, – промолвил юноша, заметив, что свет начинает меркнуть. Вскоре громадные лампы, висевшие под бетонным потолком, перестали слепить глаза, и к парню и девушке приблизился тот, кого звали фон Сфорце. Это был черноволосый молодой человек лет двадцати пяти, красивый, но страшно бледный. Его рост достигал почти двух метров, а потому при разговоре Сфорце приходилось практически всегда смотреть на собеседников сверху вниз.

– Реза, ты быстро, – черноволосый улыбнулся. – И, конечно же, не одна. Я, честно говоря, сомневался, удастся ли тебе уговорить Коби. В конце концов, наши разговоры редко бывают приятными. К моему сожалению...

– Эйрих, – девушка рассмеялась, – ведь ты знаешь, я никогда не подводила тебя. И даже такой трусишка, как господин Ацфел, не станет проблемой, если от тебя последует приказ.

Она обернулась к светловолосому юноше, подмигнула, и тот покраснел. Тон, с которым о нём говорили в его же присутствии, был унизителен.

– Надеюсь, ты не обижала его. Ведь ломать столь слабое существо не представляет сложности, а ты так любишь ощущать собственную власть, принцесса, – Эйрих усмехнулся, обнажив идеально белые и ровные зубы. Девушка, паясничая, сделала довольно изящный книксен и, улыбнувшись, произнесла:

– Ты прав, но я лишь немного поиграла с его воображением. Ничего страшного, если подумать.

– Постарайся впредь не делать и этого. Я не хочу, чтобы господин Ацфел ненавидел нас...

– Как прикажешь, – Реза поклонилась.

– Что вам от меня надо? Хватит этого, хватит игр! – не выдержав внутреннего напряжения, воскликнул Коби, но тотчас сник и продолжил уже спокойнее, напустив на себя смиренный вид. – Прошу, говорите скорее. Я не...

– Не хочешь находиться здесь? – догадался Эйрих.

Он кивнул и прошёл вглубь зала. Там на каменном возвышении находился пустой тёмный стол, софа из красного дерева и высокое чёрное кресло, в которое фон Сфорце и сел.

Посмотрев на него, Коби почувствовал благоговейный страх – ему показалось, что Эйрих восседает на троне.

– Прошу, проходи, – пригласил тот.

Ацфел нехотя шагнул вперёд. Вскоре сев на мягкую софу, Коби, напоминая провинившегося ребёнка, поднял взгляд на Сфорце и спросил слабым голосом:

– Я здесь. Ну же, что вам от меня нужно?

– Всё просто, – Эйрих чуть склонился. – Недавно мне пришло письмо от надёжного человека. Ты, наверное, помнишь, как пару лет назад к нам приезжал глава «Клингенрайс» – Тито фон Райэлл. Премилый старик. В тот раз мы хорошо побеседовали, и теперь он наш, так же, как и ты, но не в этом суть. Как я и сказал, он прислал письмо, в котором говорится о весьма интересных вещах. Желаете знать, о каких именно?

– Нет, – потупившись, прошептал парень. – Но ведь выбора нет?

– Выбор есть всегда. Однако, я очень прошу, выслушай меня, – Эйрих сцепил пальцы в замок. – Ты, конечно, можешь отказаться, но ведь быть осведомлённым в твоих интересах, раз уж ты не доверяешь нам.

– Я слушаю. Скажите, что было в том письме? – не выдержав слов Сфорце, Коби покорился. Впрочем, едва ли его сопротивление могло оказаться серьёзным. Если юноша изредка и перечил, то делал это от безысходности, будто желая приблизить собственную кончину. Эти порывы приходили

внезапно, за ними не стояло никакой логики, а потому каждая новая попытка Ацфела не увенчивалась успехом.

– В нём старик говорит, что Дексард может сорваться с цепи, которую мы так старательно ковали. Ты ведь знаешь, одна из самых крупных статей в нашем договоре – это поставка воздушного вооружения. Самолёты, дирижабли, десант и прочее. Так вот, кажется, Атерклефер нашёл неплохую альтернативу, – промолвил фон Сфорце.

– Какую?

– Полагаю, сейчас это не столь важно. Главное, что отказавшись от наших услуг, Дексард получит определённую независимость. Конечно, его долги от этого не уменьшатся, но... Атерклефер жаден и нагл.

– Вы боитесь, что он может нарушить договорённость и пойти против нас? Но у Дексарда не хватает ни средств, ни сил. Это безумие! – Коби удивлённо округлил глаза. То, о чём говорил фон Сфорце, казалось нелепым и немислимым. Однако, темноволосый эовин говорил серьёзно.

– Именно, – Эйрих кивнул. – Потому-то я и боюсь. Император непредсказуем.

– Но есть ли хоть какие-то предпосылки для таких заключений? Да, отказ от воздушного вооружения неприятен, но не критичен.

– Предпосылки есть, мальчик, – эовин резко махнул рукой. – Райэлл пишет, что Атерклефер рассчитывает пополнить средства и техническое оснащение за счёт победы над

Арпсохором, а затем с помощью новой силы уничтожить нас. Как ты понимаешь, это вполне может случиться, если мы не предпримем определённых мер.

– Хорошо. Даже если предположить, что старик не шутит, и угроза существует, что вы хотите предпринять? И зачем вам я? – Ацфел пожал плечами.

– Ну как же, ведь формально ты владелец «Кригард». Чтобы сдвинуть дело с мёртвой точки, надо, чтобы ты приложил к нему руку.

– Ради чего?

– Чтобы Машина очнулась, – вмешалась Реза. Она подошла к фон Сфорце и села на подлокотник чёрного кресла, так что её рост и рост черноволосого эовина стали примерно одинаковыми.

– Да, – Эйрих развёл руками, словно оправдываясь перед кем-то. – Ты права. Довольно долго этот проект пылился без дела. Он почти готов, и об этом было доложено ещё три года назад. Правда, есть недоработки, требующие внимания. Разобравшись с ними, мы сможем совершенно точно контролировать Дексард, сколько бы разрушительным ни оказалось их оружие. Более того, это может стать началом осуществления нашего плана.

Коби слушал с замиранием сердца, не понимая доброй половины из того, что говорил Эйрих, но в сознании юноши несколько раз мелькала страшная мысль о том, что, так или иначе, за приказом фон Сфорце не последует ничего, кро-

ме мрака и разрушения. Это существо, явившееся несколько лет назад в сопровождении Резы, жаждало власти и не оставалось ни перед чем, какими бы чудовищными ни оказывались последствия. Ацфел успел понять это и, конечно, был против. Но за всяким мало-мальским сопротивлением следовало наказание, и потому сейчас Коби не возражал и вообще старался ни о чём не думать. Его мысли могли стать его врагами.

– Твоя задача направить на объект №78-G-8 группу учёных и механиков, разумеется, со всем необходимым оборудованием. Предлог: осмотр и анализ неисправностей. Старик, я думаю, поддержат тебя, ведь они, как и я, рассчитывают на данный проект. Жаль, что в итоге их постигнет неудача: я никому не отдам столь грозное оружие, – сказал Сфорце. Он встал и вскоре сел рядом со светловолосым юношей, отчего тот побледнел, но кожа Эйриха всё равно оказалась белее.

– Этот объект находится недалеко от пустошей, там опасно...

– Конечно, опасно, – согласился эовин. – Я не спору. Более того, благодаря перебежчику из повстанческого движения Дексарда, имя которого тебе знать необязательно, скорее всего, ни один из тех, кого ты туда пошлешь, не вернётся живым. Имей это в виду: не стоит жертвовать по-настоящему талантливыми людьми. Это неразумно. Они должны лишь привести Машину в порядок, дорабатывать всё осталь-

ное будет другой человек... И чтобы не создавать для него дополнительных трудностей, отзови большую часть охраны.

– Но зачем тогда...

– Больше тебе знать не нужно, – оборвал его Эйрих. Он хотел отпустить парня, но тот, ощутив последний за сегодня приступ отваги, осмелился возразить:

– Я не буду этого делать. Я не пошлю людей на верную смерть, слышишь? Я не стану убийцей, как вы!

Эта дерзость удивила Сфорце, но, отнюдь, не разозлила. Замолчав, Коби подумал, что сейчас его постигнет страшная кара, но эовин лишь рассмеялся и положил руку на плечо Ацфела.

– Ты не так труслив, как мне казалось до этого момента. Все годы нашего сотрудничества ты молчал и послушно выполнял приказы, но сейчас... Что ж, видимо, страх закалил тебя. Это хорошо, – сказал Эйрих и продолжил. – Но не думай, что сможешь послушаться. Ты, конечно, нужен и важен, но знай, чтобы добиться цели, я пойду на всё. Кроме того, если подумать, твой бунт смешон. Ты боишься запачкать руки в крови, сделать грязную работу, чтобы в будущем человечество имело шанс жить в чистоте. В данном случае вред исходит от тебя, а не от меня.

– Не правда! Ты лжёшь. Всё, что вы с Резой делаете, приводит к разрушению, ни к чему больше! И не надо выдумывать сказок. Вы способны лишь угрожать, лишь...

– Ты мне надоел, – холодно сказал Сфорце, и Коби едва не

упал. Только сейчас он понял, как далеко зашёл в безумном порыве. Смелость, явившаяся так внезапно и не вовремя, ослепила парня, и сейчас он сполна раскаялся за всё, что сказал. Однако, Эйрих смилостивился. Он понимающе улыбнулся и произнёс: «В следующий раз не забывайся, мальчик. Ещё немного, и ты мог пострадать. Пойми, я не хочу, чтобы тебе было больно, но иначе ты не согласишься делать то, что мне от тебя нужно. Теперь можешь идти».

Коби не заметил, как снова оказался в полутёмном коридоре, напротив настенного зеркала. Реза проводила юношу и, ничего не сказав, исчезла во тьме; парень побрёл прочь. Охрана по-прежнему лежала без сознания, и Ацфел, минуя безмолвные тела, прошёл зал заседаний и двинулся к своим покоям, располагавшимся на последнем этаже здания. По дороге, он думал о приказе Сфорце, о том, что ему предстоит послать людей на верную смерть.

– Я убийца, – прошептал парень. – Родители мои тоже были убийцами. Неужели это судьба? Сколько оружия мы продали, сколько конфликтов поддержали...

Некоторое время он шёл молча, ощущая себя как никогда опустошённым и уничтоженным.

– Было бы неплохо, найти кого-нибудь. Возможно, тогда мне станет легче, – вдруг промолвил юноша, подойдя к лестнице и зашагав по каменным ступеням. В этот момент перед его мысленным взором предстала очаровательная светловолосая девушка, стройная, чистая, притягательная. Именно

так он представлял идеал женщины, именно такой видел свою будущую жену.

«Сфорце не позволит, – мелькнуло в сознании Коби. – К тому же, это опасно. Все, кто оказывается рядом со мной, попадают под пристальное наблюдение чудовищ, засевших в тайной комнате. Нет, надо ждать. Быть может, однажды всё изменится».

Вскоре юноша заметил искомую дверь и двоих охранников, стерегущих её. При виде Ацфела они встали по стойке смирно, но тот ничего не сказал им и тихо вошёл в комнату. Пройдя несколько шагов, он рухнул на кровать и мгновенно заснул. Усталость этого дня была ужасающей.

VIII

Раапхорст сидел в автомобильном салоне и от нечего делать разглядывал пустоши, чьи очертания, резкие и пугающие, становились всё отчётливее по мере того, как солнце поднималось над горизонтом. Повсюду преобладал серый цвет. В него был окрашен песок, невысокие травы, уже изрядно подмороженные и, по большей части, мёртвые. Он царил в небе, мелькал среди каменных насыпей, отражался в редких холодных ручьях, странных и некрасивых, как и всё здесь. Пустоши отталкивали, но, несмотря на это, хранили и некий след очарования. На каждый элемент этих мест, будь то растение или камень, песок или разрушенное здание, была возложена печать запустения, но некогда здесь царила жизнь. И в этом призраке минувшего цветения, в наполовину стёртых доказательствах чудных дней, Евгений находил нечто притягательное.

Вдруг, автомобиль, ехавший до этого спокойно, вздрогнул, издал лязгающий звук, и Раапхорст отвлёкся.

– Мы едем довольно долго. Вы не заблудились? – спросил он. Однако, ему никто не ответил. Раапхорст взглянул на своих покровителей и улыбнулся, словно желая показать, что их поведение, по меньшей мере, странно.

По обе руки от Раапхорста сидели молодые люди – свет-

лолицы парень и девушка в чёрных одеждах. Вид этих людей напоминал Евгению сомнамбул, сонных и вялых, однако, едва ли это соответствовало действительности.

«Ведь не просто так их посадили рядом со мной. Возможно, они сильные воины», – подумал Евгений.

Послав взгляд вперёд, он пару минут смотрел на пустоши через лобовое стекло, но вскоре почувствовал усталость и закрыл глаза. Мужчина попытался уснуть, но у него не получилось. Посторонние звуки и ощущение того, что впереди простирается невероятно долгая дорога, отталкивали сон.

– К ночи будем на месте, – слышалось с водительского места. – Нужно только сутки провести здесь. Утром подадим радиосигнал и подождём самолёт. На тот случай, если что-то пойдёт не так, и сеанса связи не состоится, у наших людей есть строгий приказ – ни в коем случае не вылетать.

Раапхорст взглянул на говорившего. За рулём находился седовласый мужчина. Рядом с ним расположилась женщина с косами: по всей видимости, ей была отведена роль штурмана.

– Всё так серьёзно? – удивился эовин. – Не думал, что из-за меня вам будут доставлены такие неудобства.

– Дело не только в вас. Пустоши – не место для прогулок. Пусть многие не верят в это, но здесь каждый камень может таить угрозу, поэтому лучше лететь, чем ехать, – ответил седовласый. – Эта земля некогда была страшно покалечена и теперь не пускает в своё лоно никого из живых. Лишь при-

зраки бродят среди мрачных развалин, да иногда палачи выползают из своих железобетонных нор. Лучше убраться отсюда как можно скорее. Иначе – смерть.

Евгений промолчал. Он мог позволить себе посмеяться над глупым мясником Хильтером и его рассказами, но не над этим стариком, который, думал Раапхорст, не понаслышке знаком со странными местами, где сейчас им не повезло оказаться.

– Дарх, прошу, не пугай его, – сказала женщина с косами. – Пустоши, конечно, ужасны, но только ночью есть шанс нарваться на опасность. Сейчас здесь нечего бояться. Разве что змей...

– Ты права, – согласился старик. – Но об осторожности забывать нельзя.

Раапхорст, ощутив волнение, вздохнул и снова попытался дремать, но машину вдруг так затрясло, что ни о каком отдыхе не могло быть и речи.

– Что будет дальше? – решив продолжить прервавшийся разговор, спросил мужчина. – Я имею в виду, куда вы меня везёте? Кому собираетесь передать? Это важно...

– Довольно вопросов, – сказал кареглазый юноша, сидевший справа от Раапхорста. – Ты должен понимать, что мешать нам, это последнее, на что ты можешь решиться. Сиди молча.

Его голос был суров, и это понравилось Евгению. Эовин усмехнулся и пожал плечами.

– Я имею право, знать правду о моей судьбе? Разве не так? Подумай, что бы испытывал ты, если бы тебя везли куда-то и не говорили, куда именно. Полагаю, тебе бы это не понравилось.

– И, тем не менее, сейчас тебе лучше молчать, – настаивал юноша. – Так будет меньше проблем.

Раапхорст устал спорить и, ничего не сказав, про себя согласился, рассудив, что от этих пререканий вреда будет больше чем пользы.

Вскоре мужчине стало скучно, и он снова обратил взгляд на пустоши, не в силах бороться с их некротическим очарованием. Пыль, высокие сухие травы и чёрные остовы деревьев, мелькавшие то там, то тут, действовали на мужчину завораживающе, и его взор скользил по жутким пейзажам, будто сошедшим со страниц оккультной книги. Внезапно где-то вдалеке показалось что-то чёрное. Приглядевшись, черноволосый мужчина понял, что это было здание исполинских размеров, чьи трубы, казавшиеся отсюда, тонкими иглами, уходили далеко ввысь. Раньше их было больше, но под действием времени и разрушительной стихии некоторые из них рухнули на землю и, вдавившись в неё, теперь лежали безмолвные и холодные, словно кости древних животных. Возможно, это строение некогда являлось заводом, может быть, даже военным, подумал Раапхорст, и от этих догадок, волнующих душу и будоражащих воображение, у него закружилась голова.

«Сколько всего хранит эта земля. Возможно, старик прав, и здесь действительно есть что-то, что лучше не тревожить...»

Машина по-прежнему подпрыгивала на бездорожье, пыль клубами взвивалась в воздух, Евгений осматривал окрестности, и вновь и вновь его сердце замирало, когда где-то над мёртвой землёй вздымались бетонные или кирпичные стены, почерневшие, покрытые мхом или ржавчиной трубы, пустые глазницы окон и провалившиеся крыши. Каждое сохранившееся здание, казалось мужчине подлинным чудом, и он пристально вглядывался в его разрушенное тело до тех пор, пока оно не скрывалось от взгляда, будто погружаясь назад в землю.

«Страшно представить, чем станет наш мир через тысячу лет...» – подумал Раапхорст и только сейчас заметил, что день, явившийся вслед за утром, начал медленно перетекать в вечер. Тучи сгустились, стало совсем темно, и ближе к ночи пошёл холодный дождь.

– Почти приехали, – сказала женщина с косами и обернулась. Посмотрев на Раапхорста, она улыбнулась, словно пытаясь приободрить его, но тот погрузился во тьму раздумий, и теперь едва ли мог воспринимать реальность. Его душа наполнилась смутным страхом, будто Евгений смотрел не на прошлое, а на будущее, словно пустоши являлись окном в новое столетие, ужасное, разрушенное, погибшее. За то время, пока машина ехала по занесённым пылью дорогам, муж-

чина перебрал не одну сотню мыслей и теперь, как никогда, чувствовал беспокойство.

«Мы должны быть центром равновесия», – Раапхорст вспомнил слова отца, произнесённые так давно, но обладающие до сих пор столь невероятной силой. Они по-прежнему что-то значили, несмотря на то, что сказавшего их эовина не было в живых.

– Я вам очень обязан, – произнёс Раапхорст, решив, что молчание может обидеть его покровителей.

– Ты обязан, в первую очередь, Бройму и Императрице. Неужели ты думаешь, что мы помогли бы тебе, если бы нас не попросили об этом? На самом деле, тебе повезло. Особенно в том, что мы согласились. Переход границы – тяжкое преступление, жёстко карающееся, и без нас у тебя ничего не получилось, – отозвался юноша, который не так давно пытался заставить Евгения замолчать.

Черноволосый мужчина пристально посмотрел в глаза нахальному парню и без тени иронии произнёс:

– Спасибо вам.

– Поблагодаришь, когда прибудем, куда надо. Кроме того, несмотря на наше содействие, формально ты вступил в Арпсохор незаконно, а потому тебе надо будет получить определённые разрешения, пусть, и незаконным способом. В этом мы поможем, – сказал седовласый мужчина. Он продолжал вести автомобиль, не отрывая глаз от жёлтой освещённой полосы, стелющейся впереди машины – то был свет фар.

– На большее я и не рассчитывал. Ведь поэтому мы и перешли границу здесь? – догадался Евгений.

– Да, – сказала женщина, – здесь меньше всего вероятность встретиться с пограничными службами.

– Отрадно слышать, – Раапхорст закрыл глаза.

– Ещё бы, – усмехнулся юноша. – Ты, видимо, много дел натворил, раз бежать пришлось. Как это только за тебя Императрица вступилась, просто чудеса!

– Ты прав, – отозвался Евгений. – Дел я действительно натворил не мало, впрочем, ничего преступного. Не думайте, что помогаете отъявленному рецидивисту. Меньше всего на свете я хотел причинить кому-либо вред.

– Но причинил же? – снова встрял парень.

– Спросите у Бройма, он лучше меня расскажет о моих прегрешениях. А если очень попросите, то он посвятит вас и в свою философию о государственном устройстве, – довольно резко ответил мужчина.

Он скрестил руки ну груди, в его голосе зазвучала сталь, и нахальный юноша больше не лез к мужчине. Через четверть часа машина остановилась.

Когда в салоне погасли лампы, и крошечная тьма навалилась на всех пятерых, Дарх произнёс:

– Дальше не поедем. Примерно здесь нас и будут искать. Устраивайтесь поудобнее, спать придётся в машине.

– Едва ли удастся, – заметил юноша. Он слегка поёрзал, повернулся и, посмотрев на свою безмолвную напарницу, си-

дядюшу слева от Раапхорста, подмигнул ей. Кажется, она заметила это. Её губы расплылись в улыбке.

Евгений ничего не ответил на слова старика. Сейчас его мало волновали неудобства: перед его мысленным взором неожиданно возникала Елена.

«Бедная девочка, – подумал мужчина. – Как страшно то, через что она прошла. Остаётся надеяться лишь на то, что её чувства были слабее моих».

Вскоре дождь усилился. Превратившись в ливень, он барабанил по автомобильным стёклам, по металлической крыше, по колёсной резине и создавал такой грохот, что никто не смог заснуть даже на пару минут. Раапхорст продолжал думать, и каждый раз, когда его мысли становились невыносимы, мужчина хотел кричать. Если бы он мог, он бы стремглав выскочил из машины навстречу дождю, навстречу тьме, лишь бы не возвращаться к раздумьям о страшной реальности, о потерянном рае, о потерянной мечте. Это причиняло нестерпимую боль, но Евгений сидел на месте и безмолвно боролся со страшными порывами. Он понимал, что испить эту чашу до дна необходимо.

– Да, в такие ночи как никогда понимаешь, что мир ничего не должен человеку. За окном страшный ливень, на многие мили нет и деревца, а значит, и пищи, но такое отношение к нам весьма справедливо, как вы считаете? – спросил силуэт слева. Раапхорст промолчал.

– Разве я не прав? – снова произнёс Дарх. – Вы так вни-

мательно смотрели сегодня за окно. Возможно, вы почувствуете то же самое.

Только сейчас Евгений понял, что старик говорит с ним, не шевеля губами, мысленно. Всё сказанное слышал только черноволосый мужчина, остальные же ни о чём не подозревали.

Раапхорст не спешил отвечать. Он не знал, стоит ли делиться чем-то сокровенным с малознакомым человеком, но всё же решившись, Евгений мысленно произнёс:

– Я согласен с каждым вашим словом.

– Так и думал. Позвольте поинтересоваться, у вас есть мечта? Хоть какая-нибудь, маленькая, простая? – спросил старик. Евгения удивил это вопрос, но не ответить он не мог.

– Она была у меня когда-то, но сейчас... Всё сгорело.

– Мечта необходима, она даёт право внутреннему миру жить, несмотря на внешний. А что касается пепла... Даже он может стать полезным, – Дарх безмолвно усмехнулся. – Нужно лишь удобрить им землю и ждать чего-то нового. Но что это была за мечта?

– О покое...

– Надо же, как забавно. Простите, но ведь вы так молоды, – вибрации старика звучали протяжно и успокоительно, но иногда перемежались с издевательским звоном. Голос Раапхорста, шероховатый, скрипучий, отдалённо напоминающий расстроенную скрипку, всегда звучал спокойно и слегка настороженно.

– Это правда, – сказал Евгений. – Я молод, но это не мешает мне видеть. Я же сказал, вы правы: мы заслужили ненависть стихии, разрушений, пришедших на смену цветущему саду. Мы призвали всё это сами и продолжаем призывать. Мечтая о покое, я пытался сдерживать этот распад хотя бы в рамках собственной жизни, но потерпел сокрушительное поражение.

– А что вы делали? Помимо мечтаний, конечно же?

– Вы, я вижу, хотите прочитать мне мораль, но у вас не получится. Меня нельзя обвинить в бездействии. Единственное, чего мне не хватило – это везения, – отозвался Раапхорст. – Я честно трудился, пытался дать миру что-то новое. Пытался любить, выстраивать отношения, чтобы в будущем иметь тёплый очаг, жену и детей. Я искренно верил, что у меня может получиться, но не видел главной своей ошибки.

– Какой? – старик слушал внимательно, и в его вопросе слышался подлинный интерес. Он продолжал разговор не из любезности, а потому что почувствовал в словах Раапхорста что-то важное и знакомое.

– Я думал, что мои исследования помогут науке, но в глубине души я, видимо, надеялся выделиться, стать особенным. Подобные стремления ведут к гибели, а не к покою и...

Раапхорст внезапно замолчал. Дождь слегка успокоился, чёрное пространство за автомобильными стёклами прояснилось, и Евгений что-то заметил боковым зрением. Это была короткая красная вспышка, появившаяся лишь на мгнове-

ние. Через пару секунд огонёк снова мелькнул где-то справа, там, где находилась громадная земляная насыпь.

– Что-то случилось? – на этот раз шёпотом спросил старик.

– Я что-то увидел, – так же тихо отозвался Евгений. – Возможно, мне показалось.

– Что? – вскричал нахальный юноша, до сих пор не спавший. – Говори! Ну же.

Раапхорст фыркнул и ощутил сомнение: а стоит ли отвечать? Он не хотел сеять панику и собирался было солгать, сославшись на усталость и плохое зрение, как вдруг к нему обратилась женщина с косами. Она попросила сказать правду. Евгений колебался, но, вспомнив слова Хильтера, которые вчера показались ему бредом, сказал:

– Красные огоньки. Я видел их только что. Там.

Мужчина ткнул пальцем в стекло.

– Дарх, немедленно поезжай! – приказала женщина. – Ты знаешь, что это может быть.

– Да, сейчас. Но куда? – последовал вопрос. – Мы можем скрыться, но не факт, что нас найдут, если мы слишком отдалимся.

Старик недовольно пожал плечами.

– Зато будем живы! Делай так, как считаешь нужным, – настаивала его собеседница. – Ты сам говорил о безопасности, так не забывай о ней. Вперёд!

Дарху ничего не оставалось, кроме как повиноваться. Он

завёл машину, старый мотор загудел, и Евгений заметил новые огоньки. Их становилось всё больше, и они не исчезали во тьме. Теперь это были не свечи, гаснущие при малейшем порыве ветра, это были прожекторы, способные гореть в самую страшную непогоду.

Наконец, их заметили и остальные. Женщина произнесла:

– Спокойно, мы вовремя их заметили. Всё хорошо.

– Что это? – спросил Евгений, почувствовав, как машина вздрогнула и подалась вперёд.

– Палачи, – загробным голосом отозвался парень. – Твари из металла и плоти, созданные до Последнего взрыва.

– Последнего взрыва? – Раапхорст округлил глаза. – Но это было несколько сотен лет назад. Что ты говоришь?

– Сейчас это не важно! – злобно воскликнул Дарх. – Смотрите внимательно! Если увидите их рядом, сразу говорите. Ох, проклятая темень, ничего не видно!

Машина набирала скорость. Железо грохотало, дождь снова усилился, и вода хлынула с небес, словно для того, чтобы помешать людям покинуть пустоши. Земля, песок и без того мокрые, сейчас превратились в кашу, так что вскоре вместо сильнейших толчков машину одолела новая напасть – её колёса стали увязать в грязи.

– Как всегда! – вскричал Дарх. – Что там? Видите их?

Юноша, безмолвная девушка и Раапхорст вгляделись в ночное пространство. Справа ничего не оказалось, зато пара огоньков блеснула слева и на этот раз совсем близко.

– Проклятье! – воскликнул старик, и машина, взвизгнув, вынырнула из очередной лужи и поехала дальше. Жёлтый свет фар пронзал пространство.

– Поезжай туда, – вдруг сказала женщина и указала налево. Посмотрев в ту сторону, Дарх заметил нечто громадное и тёмное. Ещё один завод, по всей видимости.

– Нет, – воспротивился седовласый мужчина. – Сама подумай, они могут скрываться внутри! Если мы поведём туда машину, нас окружат...

Дарх не договорил, но все и без слов поняли его мысль.

– Мы бы давно их заметили, – продолжала женщина. – Хотя бы огонёк, но посмотри, там пусто, темно. Значит, здание необитаемо. Если же ты продолжишь, так ехать, мы погибнем. Дождь размыл почву, мы можем рухнуть в какую-нибудь яму. Ну же, решайся.

– Как насчёт того, чтобы остаться здесь? – поинтересовался Дарх. – Это кажется более разумным, чем то, что ты предлагаешь. К тому же, ты сама приказала мне ехать, помнишь.

– Да, – согласилась его собеседница. – Но теперь мне кажется, лучше переждать опасность там.

Женщина снова указала на здание, которое едва проглядывалось в ночной темноте, но Дарх оставался непреклонен.

– Мы даже не знаем, что там. Это ещё опаснее, чем столкнуться с палачами, – твёрдо сказал он. – Я не готов так рисковать. И...

Что-то ударило в машину. Раздался громкий звук раз-

рываемого металла, автомобиль вздрогнул, и Раапхорст заметил, что в стенку транспортного средства вонзилось крестообразное лезвие. Девушка, сидящая рядом с Евгением, коротко вскрикнула и вдруг застыла с видом полного безразличия. Эовин, из-за тесноты сидевший вплотную к ней, ощутил, как недавно напряжённое тело, стало мягким и податливым, словно тряпичная кукла. Её голова упала на грудь, и сквозь пелену ужаса, Евгений услышал страшный крик нахального парня. Сильно толкнув Эовина, он протянул руки к девушке и, плача, стал хлопать её по щекам. Но та не отзывалась: крестообразное лезвие пронзило ей живот.

– Анна! – вскричала женщина с косами. – Что с ней? Ну же?

– Мертва, – тихо сказал Евгений. Он сидел, наклонившись вперёд, а за его спиной безутешный парень всё пытался воскресить только что убитую девицу.

– Все вон из машины, вон! Сейчас же! – рявкнул Дарх, но никто не двинулся с места.

Женщина с косами не отрывала глаз от Анны, бледной и безмолвной, юноша что-то кричал, Раапхорст же сидел, словно канув во тьму. На его лице теперь не отражалось ни страха, ни какой либо иной эмоции, лишь хладное безразличие. Мужчина впервые в жизни видел смерть человека так близко. Конечно, ему приходилось рассматривать трупы в анатомическом театре, даже самому их вскрывать, конечно, он посещал морг, будучи студентом, но то были лю-

ди незнакомые и как бы абстрактные. В сознании Раапхорста они представляли собой материал для исследований, и за набором органов, костей и мышц Евгений не видел человеческих жизней. Сейчас же всё оказалось иначе. Впервые увидев, как на глазах живой человек превращается в мертвеца, пустую оболочку, лишённую разума, Эовин ощутил нечто невероятное. Для него это был новый опыт, и мужчина изо всех сил пытался разобраться, определить отношение к тому, что только что произошло.

– Да, оставь ты её! – заорал Дарх, обращаясь к юноше. Но тот едва ли слышал его. Он плакал, продолжая хлопать покойницу по щекам и выкрикивать её имя. «Анна!» – в его устах звучало, как самый страшный возглас отчаяния, и Эовину на мгновение стало жаль нахального парня. Он узнал в нём себя. Как и Раапхорст когда-то, юноша сейчас потерял дорогого человека.

– Ну, всё, мне это надоело! Если надо, я силой вас отсюда вытащу! Пошли немедленно. Они уже близко! – вскричал седовласый мужчина, и только сейчас Евгений, женщина с косами и плачущий юноша пришли в себя. Очнувшись от иступления, они встрепенулись и посмотрели на водителя. Тот глядел на них, и взгляд этот был страшен. Старик крикнул что-то ещё, и тотчас оставшиеся в живых люди и Эовины выскочили из машины. Последним наружу вышел Раапхорст. Ощувив холодные капли и порывистый ветер, мужчина вздрогнул и огляделся. Красных огоньков становилось всё

больше, некоторые из них маячили вдалеке, некоторые же были совсем близко.

– Бежим, – приказала женщина. – Раапхорст! Раапхорст! – вдруг вскричала она и в ужасе попятилась. Юноша и старик тоже отшатнулись, не в силах кричать из-за страха. Эовин не сразу понял, в чём дело. Он успел лишь уловить странный скрежет, постукивание и прерывистый гуд, вдруг раздавшиеся позади, перед тем, как нечто громадное сбило его с ног. Что-то холодное и металлическое ударило Евгения в спину, и мужчина рухнул на влажный песок, издав сдавленный возглас.

«Бежать... Бежать...» – мелькнуло в его сознании, но сделать это было уже не в силах черноволосого мужчины. Он с трудом обернулся и замер, словно увидев собственную смерть. Над ним, гремя и скрежеща металлом, возвышалась чёрная фигура, отдалённо напоминающая человеческую. Невозможно было понять, кто это – человек, зверь, стоящий на задних лапах, или нечто иное, что-то, чего Раапхорст никогда не видел. Из кривых плеч создания торчали странные заострённые предметы, будто обломки металла, на его голове, маленькой и чёрной, горели два ярких красных огонька, и Эовин вспомнил мясника, так их боявшегося.

«Палач», – подумал Эовин.

Грохот механизмов стал нестерпим. Чудовище издало протяжный визг, и медленно наклонилось: из его спины, заметил Раапхорст, выдвинулось что-то, напоминающее ру-

ку. Суставчатый механизм, с продетым сквозь него чёрным шлангом, неторопливо потянулся к эовину, и игла на его конце засверкала, отражая красный огонь, горевший в глазницах палача. Гуд усилился.

«Что это? – словно в бреду, подумал Евгений. – Смерть... Смерть? Смерть!»

Раапхорст изо всех сил рванулся назад. Где-то позади он услышал вибрации Дарха: видимо, седовласый мужчина собирался атаковать. Евгений ускорился. Упираясь ногами и руками в песок, он отполз от чудовища не слишком далеко, но боевому эовину хватило этого сполна. Старик напрягся и пристально взглянул на палача. Раздался высокий зудящий звук, воздух напрягся, и палач, словно в него на большой скорости что-то врезалось, дёрнулся, пошатнулся и рухнул в грязь. Игла вместе с рукой вернулась в спину, и монстр взвыл голосом, в котором не угадывалось ничего ни человеческого, ни звериного.

Это ещё сильнее напугало Раапхорста, но он всё же нашёл силы встать. Вскоре он нёсся по песку, спотыкался, но не останавливался, стремясь к людям, с которыми совсем недавно сидел в машине. Он слышал их призывные крики. Наконец, эовин остановился рядом с женщиной, и она незамедлительно принялась его осматривать. На Раапхорсте не оказалось ни одной раны, он отделался только потрясением и небольшой болью в спине.

– Как ты, парень? – спросил Дарх. – Бежать сможешь?

Евгений неопределённо мотнул головой. Только что избежав смерти, он едва ли понимал, что с ним происходит. Мужчина вопросительно смотрел на своих покровителей и желал лишь одного, чтобы всё кончилось. Однако, всё только начиналось. Палач встал и, подняв голову, посмотрел на людей. Сейчас они стояли на холме и чтобы догнать их, монстру нужно было взобраться наверх. После двух попыток, не увенчавшихся успехом, он снова взвыл и двинулся куда-то во тьму. Его голос, напомилавший сирену, раздавался ещё несколько раз, но становился всё тише и тише. Когда чудовище скрылось в ночи, Дарх мрачно предостерёг: «Рано радоваться – придут ещё!»

– Нужно уходить, – сказала женщина. Никто не возражал.

IX

Новая квартира, выбранная сопротивлением для временного пребывания одной из его частей в Лейтриге, оказалась холодной. Дом, построенный в начале прошлого века, едва отапливался, и Максим Раапхорст, скрипя зубами и злобно поглядывая на проржавевшие батареи, проклинал всех на свете. Ему предстояло прожить здесь ещё, по меньшей мере, месяц, и это время казалось брату Евгения бесконечным. Кроме того, мужчину угнетало бездействие. Серьёзного дела пока не намечалось, и единственное, что оставалось делать повстанцам – развлекаться, играя в карты, рассказывая анекдоты разной степени пошлости и читая друг другу стихи собственного сочинения. Максим прожил с этими людьми не так много, но уже успел понять, что такое положение им нравится. Никто из них по-настоящему не хотел ввязываться в неприятности, и, казалось, только в Раапхорсте сохранился тот огонь, с которым он вступил в ряды сопротивления.

С тех пор мужчина почти не изменился. Он был верен себе и стремлению принести пользу людям и государству. Если же случались редкие минуты сомнения, Максим вспоминал брата, его рассказ о двух врачах, и решение находилось само собой. Впрочем, сейчас, как и было сказано, мужчину терзали не сомнения, а состояние бездействия.

– Когда же это кончится... – проскрежетал Максим.

– Чего? – вдруг спросил мужчина с веснушчатым лицом.

Он сидел, укутавшись в замаслившееся одеяло, а рядом, на диванах и матрацах, расположенных на полу, спали ещё несколько повстанцев.

– Надоело сидеть, – Максим встал и подошёл к окну. – Я понимаю, что нужно уметь ждать. Но ведь и ожидание должно иметь цель, а здесь мы будто оторваны от остальных, от дела. Тебе не кажется?

– Неа, – ответил его собеседник и придурковато улыбнулся. – Здесь хорошо. Кормят, деньги дают, к тому же безопасно, не стреляют. Нет, не понимаю я тебя, брат.

Раапхорст вздохнул и закрыл глаза. Его нутро обожгла волна гнева.

«Идиот... Такой же, как многие», – подумал Максим, но вслух ничего не сказал. Он устало потянулся, прошёлся по комнате, бывшей некогда гостиной, и теперь над чем-то раздумывал. Тут во входную дверь постучали, и Максим пошёл открывать. Веснушчатый повстанец, не скинув с себя одеяла, двинулся за ним.

– Про пароль не забудь, – сказал он, и Максим закатил глаза. О чём о чём, но о пароле и прочих формальностях Раапхорст прекрасно помнил. Подойдя к двери, мужчина задал вопрос, получил требуемый ответ, и впустил в квартиру явившегося человека. Это был невысокий чернобородый мужчина, одетый в серый дорожный плащ.

– Что-то случилось? – спросил Максим, но гость, хмурый и неприветливый, промолчал, махнул рукой и проследовал в гостиную.

Тем временем, связной, особо не церемонясь, растолкал спящих. Послышались недовольные голоса, сонное бормотание, но как только до повстанцев дошло, ради чего их разбудили, они успокоились. Рассевшись, кто где, они вопросительно смотрели на бородатого и ждали, когда он заговорит. Максим сел на потёртый стул, обшитый бардовой тканью, и весь обратился в слух.

– Господа, – хриплым голосом начал связной, – вчера получено письмо от осведомителя. В нём указаны данные и координаты, которые могут пригодиться. Действовать нужно немедленно.

«Наконец-то», – подумал Раапхорст.

– Что это значит? – спросил кто-то из повстанцев. – Нас куда-то направляют?

– Да, – бородатый кивнул. – Вам придётся не только покинуть город, но и приблизиться к пустошам на границе с Арпсохором. Если дело выгорит, мы получим то, что в будущем может положить конец правлению Атерклефера. По крайней мере, мне было так сказано.

– Так, а что там? – всё не унимался кто-то.

Связной укоризненно посмотрел на мужчину, задавшего вопрос, и, напустив на себя важный вид, изрёк:

– Всему своё время. Мне не докладывают, да к тому же

операция тайная. Единственное, что можно сказать точно... Там необходимо присутствие Максима Раапхорста. На этом, как мне известно, настоял сам осведомитель.

Максим удивлённо округлил глаза. Разведя руками и встав, он спросил:

– Что это значит?

– Только то, что тебя посылают на задание.

Максим покачал головой.

– Но откуда обо мне известно кому-либо вне нашей организации? – чуть помедлив, снова спросил мужчина. – Всё это странно. Этому осведомителю вообще можно верить?

– Мы работаем с ним несколько лет, и ни разу он не подвёл нас, – связной закивал. – А насчёт тебя, – мужчина щёлкнул пальцами, – полагаю, наше командование рассказало о тебе. По всей видимости, ты заинтересовал кого-то, кто может нам помочь. Разве ты не рад?

Раапхорст пожал плечами. В данный момент в нём боролись радость и опасение. Внезапная новость была, безусловно, хорошей, но сокрытие деталей и некий тайный покровитель, о котором до этого Максим слышал лишь мельком, внушали ему страх.

– Я понимаю, вы удивлены, но причин для опасений нет, – как можно бодрее воскликнул бородатый мужчина. – Едва ли кто-то сможет оказать вам серьёзное сопротивление.

Связной ухмыльнулся, и в комнате раздался негромкий одобрительный смех. Солдаты любили похвалу.

– Это задание связано с техникой? – вдруг догадался Максим, но бородатый сделал вид, что ничего не слышал. Он распахнул плащ, достал из внутреннего кармана какую-то пожелтевшую бумажку и вручил её одному из повстанцев.

– Здесь все данные: время, место и прочее. Поедите в товарном вагоне. На месте получите пару грузовиков. С кем надо, мы уже договорились. Основательно подготовьтесь: возьмите еду, тёплую одежду и прочее. До самой поездки старайтесь без особой необходимости не покидать дом – всё должно оставаться в строжайшем секрете. Но думаю, это вам и без меня известно.

X

Раапхорст без сил рухнул на землю, уткнулся лицом во влажную траву и замер, едва дыша. На мужчину навалились отчаянье и усталость, и он малодушно возжелал смерти. Но она, будто не услышав его, не пришла, и через час Евгений с трудом перевернулся на спину, бесцельно поводит взглядом по небу и заметил, как у горизонта занимается заря. Свинцовые тучи рассеялись, и небо, получив кратковременную свободу, посветлело.

Мужчина встрепенулся – его кольнуло воспоминание. Через минуту он попытался встать, что получилось у него только с третьей попытки. Губы мужчины зашевелились, и надорванным голосом он произнёс: «Все мертвы... Мертвы, и я не смог им помочь...»

На глазах Евгения навернулись слёзы. Он вздрогнул и в порыве отчаяния схватился за голову. Издав ужасающий возглас, похожий на звериный вой, Эовин упал на колени и замолк. Он чувствовал, как в его душе шевелится боль, дёргается, жалит, словно ядовитый червь.

– Их нет... – снова прохрипел мужчина, и тотчас, будто в насмешку над самим собой, вспомнил лицо каждого из своих новых друзей, перед тем, как они погибли. Ему не повезло наблюдать за этим, и после увиденного муж-

чину не поразили ни безумие, ни амнезия, и каждое впечатление минувшей ночи осталось с Раапхорстом до конца его жизни.

Палачи налетели внезапно. Во тьме они гремели и выли, скрежетали лезвиями, сверкали своими глазами-огоньками и обжигали людей нефтяным дыханием. Они шли и вели за собой смерть.

Вторым, после безмолвной девицы, умер юноша. Его настиг огненный столб, вырвавшийся из огнёмёта одного из палачей. Страшно визжа, огонь окутал парня и съел его кожу и внутренности в мгновение ока, превратив их в чёрный пепел. Третьей в этом ужасном списке значилась женщина с косами. Ей перерезало горло ржавой циркулярной пилой. Режущий звук, и вот голова отделена от тела и лежит на земле, а её глаза смотрят на мир стеклянным и пустым взглядом. Последним умер Дарх, получив удар в грудь молотом, вмонтированным в руку палача ужасающих размеров, одного из самых крупных, каких когда-либо кто видел. Несокрушимой громадой, он возвышался в темноте, и гремел так громко, словно в его животе находилась сама преисподняя со всеми её ужасами и страданиями. От удара, грудная клетка Дарха хрустнула, мужчина издал сдавленный крик, из его рта потекла кровь, и он тотчас умер, не успев испытать всех ощущений от разорванных в клочья органов.

Никто из спутников Евгения не смог ни атаковать, ни защититься. Механические монстры, несмотря на кажущуюся-

ся неповоротливость, действовали стремительно, разили на-верняка, не давая даже самого малого шанса на спасение. Как остался жив он сам, Раапхорст не помнил. Мужчина едва оставался в сознании после пережитого, но полагал, что ему просто повезло.

– Я сбежал, – Евгений горько усмехнулся, и его лицо исказила гримаса боли. – И теперь они лежат там покалеченные, бездыханные, окровавленные, смотрят в ту сторону, куда я ушёл, осуждающе, с ненавистью. Зачем я бежал, ведь мог умереть рядом с ними и получить столь долгожданный покой? Тогда бы я не страдал так, как страдаю сейчас. Или... всё-таки в этом был смысл?

Эовин снова встал и, подавив в себе горе, на дрожащих ногах пошёл вперёд, к жёлтым холмам, светлевшим вдали. Конечно, мужчина не знал пути, не знал, в верном ли направлении он движется, но надеялся, что избранная им дорога проведёт его вглубь Арпсохора, и эта надежда не позволяла остановиться. Нового нападения Евгений не боялся: мужчина думал, если его не убили за время, пока он лежал на земле, значит, палачи отстали, и пока что он в безопасности. Ступая по влажной земле, Евгений часто спотыкался, терял равновесие, падал, но всегда вставал и продолжал идти. Перед его глазами равнины сменялись холмами, песок – жалкими засохшими травами, но на сотни миль вокруг по-прежнему не было малейшего признака жизни.

Всё мертво, всё пустынно.

Через пару часов Евгений почувствовал голод. Остановившись, мужчина огляделся, но не нашёл ничего съестного: ни плодовых деревьев, ни ягодных кустов, ни съедобных растений, вроде щавеля, ни даже кореньев. Его окружала пустошь, давно не рождавшая ничего кроме сорняков, и искать здесь пищу было заведомо обречённым на провал делом. Разочарованно вздохнув, Евгений сел на землю. Теперь при нем не оказалось ни чемоданов, ни каких-либо вещей, кроме небольшого футляра, который мужчина носил с собой с самого начала пути. Эта небольшая вещица, скрывавшая в себе нечто ценное, стала последней надеждой Раапхорста, и расставаться с ней он не желал ни при каких обстоятельствах. Достав футляр из кармана, Эовин осмотрел его, помрачнел, вспомнив надежды, некогда связанные с тем, что находилось внутри, что-то пробормотал и убрал его обратно.

Подул слабый ветер, Евгений поёжился и только сейчас заметил, что его одежда промокла. После минуты размышлений, мужчина решил просушить её, пока эти проклятые места согревают скудные лучи. Сняв плащ и плотный свитер, Евгений положил их на солнечную сторону холма, у подножия которого сейчас находился, а сам остался в чёрной рубашке и в такого же цвета штанах. Снять брюки Эовин не решился. Несмотря на солнце, воздух был едва ли тёплым, и переохлаждение, отнюдь, не являлось пустым страхом.

– Возможно, здесь я умру, – Евгений усмехнулся. – Может быть, надо повернуть назад. Если повезёт, я прорвусь через

палачей, вернусь в Дексард, повинюсь перед кем надо и проведу остаток дней в тюрьме. Атерклефер добьётся победы, Елена будет знать, что я жив, Арнет тоже. Что ж, возможно, это выход...

Раапхорст задумчиво посмотрел назад, словно действительно собираясь вернуться, но с места не двинулся. Его посетила новая мысль, и мужчина схватился за неё, увидев в ней нечто важное.

– Я присоединюсь к сопротивлению. С ними мой брат, и, возможно, вместе у нас получится, – промолвил мужчина и добавил странно изменившимся голосом, скрипучим, холодным, надменным:

– Смешно. Я страдал по милости людей, даже не знавших меня лично. Пресмыкался, боялся их, но более я не стану прятаться и умолять. Чего бы мне это ни стоило, клянусь, это будет последняя война, которую развязал Дексард.

Евгений хотел сказать что-то ещё, но внезапно смолк. Он что-то услышал и теперь испугался, что звук, так похожий на человеческую мысль или голос, оказался лишь зыбкой галлюцинацией. О, как много бы отдал черноволосый мужчина, чтобы увидеть сейчас рядом человеческое существо!

Не дожидаясь, когда одежда высохнет, Евгений торопливо оделся, поднялся на вершину холма и осмотрелся. Звук ненадолго стих, но вскоре повторился, и Эовин ощутил радость.

«Кажется, я не один. Здесь есть люди, я не мог ошибиться.

Ну да, это они. Но что им здесь надо?»

Раапхорст насторожился. Последний вопрос умерил его пыл, и на всякий случай эовин спустился с холма. Мужчина вновь прислушался и понял, что к нему приближается человек – по всей видимости, молодая девушка. Через пару минут, подойдя достаточно близко, Евгений сумел заметить в её мыслях мужские имена, что могло означать две вещи: либо девушка вспоминает об этих людях, либо же – говорит с ними в данный момент. Первое показалось Евгению более вероятным, так как рядом с женскими мыслями иных не было, но позже Раапхорст предположил, что вместе с девушкой идут эовины.

Стараясь не выдать себя, он обошёл холм, пригнулся и, скрывшись в зарослях полыни, двинулся в сторону, откуда доносились мысли. С каждым его шагом, они звучали всё громче, и вскоре Евгений заметил трёх человек, одетых в странную одежду, представляющую из себя чёрные плащи с тремя белыми линиями на спине, заключёнными в середине в красную окружность.

«Клингенрайс», – подумал Раапхорст и попятился. Теперь главное для него было как можно тщательнее скрыть свои мысли. Единственная ошибка – и он погиб.

Пока трое военных разговаривали, эовин медленно отступал и слышал каждое своё движение. Вот он сделал очередной шаг, достаточно тихий, и повернулся на пару градусов влево. Вот он нашёл центр равновесия и приготовился к сле-

дующему шагу.

Мгновение и... Получилось!

Алгоритм был найден. Евгений отступал всё увереннее, как вдруг под его ногами скользнуло что-то чёрное, и Раапхорст отпрянул, заметив на земле змею. От страха мужчина мысленно вскричал и невольно выдал своё местоположение. Тотчас солдаты «Клингенрайс» прислушались и устремились к месту, где только что стоял Евгений. Эовин не двигался.

Путь Эдера, Невелис и Леона был труден.

Несмотря на данные, полученные из отрывков ответных писем, адресованных Бройму, выборочно предоставленных фон Райэллом, служащие «Клингенрайс» так и не узнали конкретного местонахождения точки, где Раапхорста заберёт самолёт. Добравшись до Фалькенберга и поговорив с мясником Хильтером и его супругой, эовины узнали лишь о неактуальном месте встречи у заброшенной мельницы, далее же им пришлось двигаться, полагаясь на интуицию.

К счастью, служащие «Клингенрайс» прибыли вовремя, и следы от колёс автомобиля, пусть и отчасти стёртые дождём, но вполне читаемые, стали для них путеводной нитью. Следуя по ним, Эдер, Леон и Невелис к утру явились к месту, где машина стояла в ожидании самолёта. Резкие следы, свидетельствующие о том, что автомобиль крайне быстро при-

шёл в движение, насторожили эовинов, но вместе с тем обрадовали: это означало, что что-то пошло не по плану Бройма, и Раапхорста всё ещё можно было поймать.

Новые следы были свежее и глубже прежних, и эовины с небывалым рвением двинулись вперёд. Впрочем, они не забывали об осторожности. Рядом с машинным следом они обнаружили глубокие вмятины, оставленные чем-то тяжёлым. Это могло говорить о многом, но эовины знали, что, скорее всего, это палачи. Через несколько сотен метров это подтвердила страшная находка.

Загнав машину на холм, солдаты обнаружили в низине, следующей за ним, нечто, напоминавшее металлическое тело. Существо, наполовину скрытое в глубокой луже, почти полностью было покрыто железом, ржавым и мятым. Из под поношенных, в некоторых местах разрушенных доспехов проглядывали механические элементы: усилители, пневмо-суставы, толстые пружины, обвитые вокруг каких-то цилиндров, чёрные мелкозубчатые шестерни, скрытые в области брюшины, и иные детали, сейчас, видимо, вышедшие из строя.

Маленькая голова чудовища, покрытая сварочными швами, была скрыта под слоем песка, и подойти ближе, чтобы разглядеть её, эовины не решились. Преодолев ещё несколько метров, они вышли из автомобиля, немного осмотрелись и вскоре обнаружили чужую раскуроченную машину и четыре изуродованных трупа. Трое из них лежали в отдале-

нии друг от друга в песке, а четвертый находился в машине. Все они представляли собой ужасное зрелище, заставившее Невелис в отвращении отвернуться. Она не выдержала и прижалась к груди Леона, будто рассчитывая на поддержку. Молодой человек, поняв это, сказал что-то успокаивающее, погладил девушку по голове, и та слегка успокоилась.

Эдер недовольно посмотрел на неё и изрёк:

– Ты солдат, и вид смерти не должен пугать тебя. Даже такой...

Невелис промолчала, испугавшись, что после первого произнесённого слова её тут же вырвет. Лишившись самообладания, она совершенно забыла о блокировке мыслей и потому, как выражались эовины, думала слишком громко. Леон, посмотрев на Эдера укоризненно, покачал головой, но старик отмахнулся. Поднявшись на ещё один холм, он посмотрел на молодых людей сверху вниз и проговорил:

– Нужно идти дальше. Здесь только четверо, и никто по описанию не похож на Раапхорста. Если не поторопимся, потеряем его. Пойдём пешком. Следов, сидя в машине, не увидишь, можно сбиться. Чтобы не опоздать, придётся бежать, но я думаю, это не проблема.

Спорить не стали. Невелис и Леон последовали за стариком, ни на секунду не переставая с содроганием вспоминать о растерзанных людях. Вскоре эовины напали на след. Среди вмятин на песке и мягкой земле, глубоких и чётких, оставленных палачами, они смогли различить человеческие следы

и тотчас ускорились. Медлить было нельзя...

– Быстрее! Хотите, чтобы фон Райэлл нас прибил? О, он может сделать всё, что угодно, не сомневайтесь, – поторапливал Эдер, и молодые люди, сами всё это прекрасно понимавшие, бежали из последних сил. Только через час они остановились. Судя по следам, последний участок пути Рапхорст преодолел, едва шевеля ногами.

– Он наш, – радостно ослабившись, воскликнул старик. – Я не знаю, прав он или виноват, но приказ я выполняю! Надеюсь, этот парень сможет идти, ведь тащить его на себе малоприятная работёнка.

– Да уж, – Леон ухмыльнулся. – Главное, чтобы у него вообще остались ноги. Вы видели, что с теми несчастными...

– Ну, хватит! – перебил Эдер. – Он жив! Смотрите внимательнее, мы почти догнали его.

XI

– Кто ты? – спросил Леон. Он подошёл к черноволосому мужчине, дерзко вскинул голову и приготовился атаковать. Тот не ответил, и молодой солдат повторил вопрос, почувствовав при этом смутное волнение. Раапхорст оставался безмолвен. К тому времени ветер усилился, небо заволокло тучами, и пустоши снова приняли свой привычный вид – серый и холодный.

– Отвечай! – прикрикнул Эдер. Евгений медленно повернулся.

– Меня зовут Евгений Раапхорст, – ответил эовин. – Что до вас?

«Это он. Наконец-то!» – подумал старик. Он улыбнулся и махнул рукой, приказывая этим жестом Невелис и Леону окружить черноволосого мужчину. Евгений догадался об их намерениях, но всё же спросил:

– Что вам нужно?

– Берите его молча, – приказал Эдер.

Раапхорст нахмурился.

– Полагаю, отвечать вы не хотите. Что ж, даже так мне кое-что известно о вас. Кого-то здесь зовут Эдер, а кого-то – Леон, вы служите в «Клингенрайс». Так? Я видел вашу форму. Кроме того, ваша спутница, кажется, тоже эовин, но со-

вершенно не думает о безопасности. Её мысли легко читаемы, – мужчина приподнял бровь и, подавив внутреннюю тревогу, улыбнулся.

Эдер пытался сохранять спокойствие, но тон, с которым говорил учёный, раздражал всё сильнее. Старый эовин не ожидал такой смелости от предателя, искавшего спасения во вражеской стране, и в первую минуту встречи был поражён. Недовольно посмотрев на пристыженную Невелис, Эдер вздохнул и снова махнул рукой. Солдаты продолжили наступление.

– Это весьма иронично... Я блуждал по пустошам несколько часов совершенно один и мечтал только о том, чтобы встретить людей, но теперь отдал бы всё, лишь бы вы исчезли, – Раапхорст перестал улыбаться. – Хотя, возможно, я сужу о вас преждевременно.

Его голос стал вкрадчивым, скрипящим, холодным, и солдаты «Клингенрайс» неприятно поразились, в очередной раз услышав его.

Тем временем, погода ухудшалась. Ветер тащил над землёй облачка серого песка, тучи набухали, и вскоре пошёл слабый дождь. Холодные капли закручивались в воздухе, падали на землю, на лица и одежду эовинов, оказавшихся в пустошах в это беспокойное время. На секунду отвлекшись, старик взглянул на небо и с недовольством подумал, что природа желает помешать им.

– Нам плевать на твоё мнение. Ты – предатель, и пой-

дѣшь под суд, – придав лицу выражение сдерживаемого гнева, строго сказал Эдер, и при последних его словах Леон, уже стоявший позади Евгения, кивнул в знак согласия.

– И обвинение составлено? И резон в моём возвращении есть, не так ли? – Раапхорст поморщился, будто ощутив боль. – Мне известно, зачем я нужен Императору, но беда в том, что его интересы не касаются меня. Я не соглашусь помочь ему.

– Твоё дело не обсуждать приказы, а выполнять их! Обязанность любого гражданина Дексарда радеть о судьбе государства, о чём бы оно ни просило, и какие приказы ни отдавало бы! И не тебе, предатель, критиковать Атерклефера, – побледнев, на одном дыхании выпалил Леон.

– Слова истинного солдата, – Евгений кивнул, печально посмотрел на воина, и тот побагровел от злости. – Возможно, ты даже прав, но мы не поймём друг друга, как бы ни хотели. Ты солдат, привыкший делать то, что прикажут, а я – учёный. Мыслить и сомневаться – моя природа, и изменять ей я не хочу.

«Наглец! – мелькнуло в сознании Невелис. – Он смотрит на нас, словно мы ущербные».

– Мне это надоело, – проскрежетал Эдер.

Он сделал шаг вперёд, и на информационном уровне зазвучала боевая вибрация. Евгений вслушался и улыбнулся: она понравилась ему. Её вторичное тело напоминало низкий металлический гул, глубокий и мрачный, будто кто-то

ударил по громадному колоколу: звук достойный сильного и верного солдата, коим и являлся Эдер.

В свою очередь Евгений занёс руку над головой, словно желая взяться за что-то, и закрыл глаза. В тот же миг раздалась новая вибрация, и старик заколебался: она напоминала звук старой расстроенной скрипки – металлический, некрасивый, но сохранивший в своей природе остатки первичной музыкальности.

– Ты что же, сопротивляться вздумал? – старик осклабился. – Я таких, как ты, взводами косил!

– Но я нужен вам живым, – Раапхорст открыл глаза и сощурился.

Он стал медленно опускать руку, и вскоре она оказалась направлена в грудь старика.

– Эдер! – вскрикнул Леон, и старик атаковал. Он ударил полсилы, и невидимая тетра-волна, призванная им, врезалась в землю в одном шаге от Раапхорста. Тотчас в воздух взвился чёрный столб земли, обдавший Евгения песком и ошмётками растений. Черноволосый мужчина побледнел, но с места не двинулся: на мгновение им овладел страх.

«Я не принадлежу им», – посмотрев на старика, подумал Раапхорст и приготовился атаковать в ответ.

– Не смей, мальчик! – рявкнул Эдер, но Евгений не послушал. Он пристально посмотрел в тусклые глаза эовина, вторичное тело псионической вибрации стало громче, скрипка зазвучала надрывнее, и командир, не успев защититься,

схватился за голову и завыл от боли.

– Прочь! – страшным голосом вскричал Леон. – Не тронь его!

Раздался резкий высокочастотный звук, воздух позади Раапхорста сгустился, завибрировал, затрещал, и тетра волна врезалась в спину черноволосого мужчины. Отлетев на пару метров, он рухнул на землю и придушенно застонал. В глазах потемнело, и пространство вокруг стало блеклым, нереальным. Через минуту, едва придя в себя, он попытался встать, но воины «Клингенрайс» уже стояли рядом и были готовы отразить любую атаку.

– Щенок! – Эдер сплюнул. – А ведь сильно приложился.

Невелис, до сих пор не проронив ни слова, сочувствующе погладила старика по плечу.

– Ты чудовище! – сказала она, обращаясь к Раапхорсту.

– Можно я ему руки переломаю? – Леон подошёл к Евгению и посмотрел на него, как на самое презренное существо, какое только может жить на свете.

– Нет, Леон. Вернём его целым. Иначе... – начал было Эдер, но вдруг замолк, услышав хриплый голос Евгения.

– Иначе, вас накажут, – закончил Раапхорст. – За эти несколько мгновений, я успел кое-что понять. Скажите, разве вам самим хочется делать то, что приказано? Разве вы не имеете собственной воли? Ну же?

– Мы воины, – вставил Леон, но его тут же перебил учёный:

– Но разве воины должны предавать себя?

– Довольно болтать. Мы и так потратили на него много времени. Пора возвращаться. Надеюсь, Раапхорст, вы удосужитесь встать и пойти с нами. Тащить вас на себе нет никакой охоты, – Эдер склонился над Евгением и злорадно осклабился. Черноволосый мужчина укоризненно покачал головой.

– Вы очень сильно ударили меня. Не знаю, не отнялись ли ноги, – сказал он.

– Не валяй дурака. Заканчивай этот спектакль и идём, – на этот раз голос снова подала Невелис.

– Но ведь я только начал, – Раапхорст с трудом встал и, шатаясь, приблизился к девушке. Леон напрягся, пространство вновь огласила резкая, на этот раз жужжащая, вибрация, и Евгений понимающе кивнул. Эдер, догадавшись, что дело идёт к драке, жестом приказал солдату остановиться и сам подошёл к Раапхорсту.

– Прекрати. Ты не в том положении, чтобы сопротивляться. Ещё одна попытка, и мы пойдём против приказа. Ты умрёшь...

– Значит, последнее, что я почувствую перед смертью, будет радость, ведь моя гибель станет первым актом вашего неповиновения. Конечно, три эовина – не богато, но ведь и я не так ценен, чтобы рассчитывать на большее, – ответил Раапхорст, и старик, посмотрев на него страшными глазами, ударил его кулаком под дых.

Боль, пронзившая тело, заставила Евгения согнуться. Едва дыша, и держась правой рукой за живот, мужчина рассмеялся – неестественно, жутко, болезненно. Солдаты «Клингенрайс» на всякий случай снова приготовились атаковать. Они привыкли, что с врагами, даже такими, как Раапхорст, нельзя вести себя неосторожно, ведь в любой момент они могут нанести удар в спину, прикрываясь безумным смехом.

Наконец, черноволосый мужчина отдышался и выпрямился. Он глубоко вдохнул и почувствовал, как Эдер застёгивает на его запястьях металлические фиксаторы.

«И всё ради того, чтобы меня вернули назад. Чтобы я преклонил колени и помогал тирану. Чтобы ковал его боевую мощь...» – подумал Евгений и вдруг ощутил толчок в большую спину. Мужчина поморщился и зашагал вперёд, направляемый рукой старого Эдера.

Они миновали полынное поле и двинулись по равнине, выстланной влажным песком и мелким камнем. Впереди находилась гряда из семи холмов, перед которыми Раапхорста и его уже покойных спутников настигли палачи. Теперь проходя мимо этих мест, Евгений желал, чтобы и его новых провожатых настигла та же участь. Ему не было жаль их, ведь наравне с покоем, черноволосый мужчина желал свободы, которой его лишали: не бездумного отрицания правил и неповиновения, но мирной воли, возможности поступать так, как он считает нужным, не принося вред окружающим. Но если его ограничивали в этом, Раапхорст ощущал страшный гнев,

и в его душе вспыхивал огонь ненависти. Довольно долго мужчина сдерживал его, но теперь был не в состоянии справиться с этим пламенем.

«У меня всё ещё есть шанс, – подумал Эовин. – Я могу атаковать»

Но он не успел ничего сделать. Эдер перестал толкать его и, остановившись, прислушался.

– Что-то не так? – спросил Леон.

– А ты сам не слышишь? – отозвался старик. – Замолчи и слушай. Ты, Невелис, тоже.

Солдаты покорно затихли. Вскоре до всех четверых донесли странные звуки, отдалённо напоминавшие птичьи крики, и Эдер помрачнел.

– Что это? – первой не выдержала светловолосая девушка. Она не спускала глаз с тёмных туч.

– Птицы, кажется, – сурово сказал старик. – Ничего не понимаю. Здесь их быть не может...

Евгений стоял сам не свой. Он слишком хорошо знал эти звуки, чтобы спутать их с чем-то другим, и потому его душа, и без того довольно испытывавшая, наполнялась страхом и надеждой. Эовин, словно перед прыжком в бездну, напрягся: перед ним была его последняя надежда. Сумеет ли он подчинить то, что приближается, и спастись или же нет: от этого зависела его дальнейшая судьба. Эовин понял это и теперь ждал момента, когда источник странных звуков окажется в поле зрения.

Вскоре крики стали громче, и солдаты «Клингенрайс» заметили три чёрные точки, стремительно несущиеся среди облаков и туч. Странные создания летали кругами, страшно визжали и, казалось, с каждым новым витком становились всё ближе к людям.

– Всем приготовиться. Если эти твари опасны и ранят кого-то, будем прикрывать друг друга. Пока что ничего не предпринимаем, ждём! – старик отдал приказы и, толкнув Раапхорста, поставил того на колени. Черноволосый мужчина стиснул зубы, с замиранием сердца следя за созданными им чудовищами, неизвестно зачем явившимися в эти проклятые места.

Наконец, птицы снизились. Одна из них, особенно наглая, пронеслась над головами эовинов, но не атаковала, словно ждала чего-то. Её собратья не отставали, но пока что держались выше. Их крики не смолкали ни на миг, и через несколько минут солдаты «Клингенрайс», уставшие и сосредоточенные, ощутили, как пространство начало вибрировать, колебаться, и колебания эти причиняли слабую боль. От них тянуло мышцы, каждая клетка тела приходила в движение, рискуя сорваться с предназначенного места и никогда на него не вернуться.

– Искажение тетра-поля... Но разве такое возможно? – с благоговейным ужасом прошептал Леон, не сводя глаз с воронов. Эти создания принесли на своих крыльях смерть, был уверен молодой воин, а потому не сдерживался, и его

пси-вибрация звучала всё громче.

– Не сметь! – рявкнул командир, но было поздно. Одна из птиц, наиболее крупная и быстрая, посчитав Леона угрозой, спикировала и впиалась когтями в плечо солдата. Тот закричал и, послав волну наугад, ударил ворона в левое крыло. Птица издала инфернальный вопль, забилась в воздухе, но наземь не упала и, выправившись, продолжила летать в соседстве собратьев.

– Вы видели? На крыльях красные полосы, – едва оправившись от испуга, воскликнул Леон. – Я таких никогда не видел. Никогда!

По его руке заструилась кровь.

– Можно подумать, ты вообще хоть что-то видел, – Раапхорст поднял голову и посмотрел на молодого солдата, как смотрят на глупого ребёнка. – Вы даже не представляете, что сейчас летает над нами. Это труд моей жизни, точнее, его малая часть. Если бы вы знали, если бы вы поняли меня, но вы лишь послушные машины, не способные мыслить...

– Что ты несёшь?! – вскричал старик. – Ты знаешь, что это? Ну же, говори...

– Это я должен спросить у вас. Неужели, вам не сказали? Даже я, будучи в изгнании, знал, что Атерклефер сделал с моими исследованиями. Он создал оружие!

Конечно, боевые эвины слышали об этом впервые, ведь Тито фон Райэлл, глава «Клингенрайс», в качестве источника информации для поисков сбежавшего учёного предостав-

для Эовинам не полные письма, а лишь выписки из них, чтобы не допустить утечки стратегически важной информации. Именно потому солдаты, схватившие Раапхорста, ничего не знали ни о птицах, ни о планах Императора, Евгений же был осведомлён Броймом, до его ареста.

– Что это значит?

– Над нами летает смерть. И я могу позвать её... – голос черноволосого мужчины сталью зазвучал в пространстве.

Тотчас страшные создания перестали кружить в небе и устремились на зов. Они миновали Невелис и Леона, увернулись от поспешной атаки Эдера и, не замедляясь, ударились в Раапхорста. Мужчина от неожиданности вскрикнул, но в тот же миг успокоился. Вороны, будто домашние животные, тёрлись о его ноги, без тени гнева смотрели на него чёрными глазами-бусинами, и Евгений, несказанно удивившись, узнал в этих птицах свои подопытные экземпляры. После случившегося, искажение тетра-поля прекратилось, и вороны перестали кричать: они нашли своего создателя, своего отца.

– Все прочь! – Эдер махнул рукой, и солдаты «Клингенрайс» отошли от Евгения. Зрелище, открывшееся перед ними, поражало, вызывало самые разные эмоции, но сильнее всех был страх.

Один из воронов ударил клювом по фиксаторам, и металлические осколки упали на песок. Евгений потёр затёкшие запястья и, подняв руку, на которую тотчас сел его освобо-

дитель, скрипучим вкрадчивым голосом произнёс: «Благодарю».

«Он разговаривает с ними! Он... Невозможно!» – мелькнуло в сознании Леона, но сомневаться не приходилось, ведь помимо молодого воина, то же самое видели и его сослуживцы.

Страхнув свободной рукой с правого плеча пыль, эовин задумчиво взглянул на солдат, осторожно погладил ещё одного ворона по чёрной голове и произнёс:

– Мне повезло, эти создания помнят меня, иначе нам всем пришлось бы тяжело. Впрочем, я могу говорить только за себя... Не думайте, что я желаю пойти с вами.

– Ты не посмеешь напустить на нас этих чудовищ! – с непоколебимой уверенностью, воскликнул Леон. – Тебе не победить!

Он инстинктивно заслонил собой Невелис и посмотрел на Евгения так, будто тот уже готовился атаковать. Лицо молодого воина выдавало смелость, его внутреннюю силу, его веру в собственную правоту, и эта неприкрытая отвага весьма позабавила бы Раапхорста при других обстоятельствах, но сейчас ему было не до смеха.

Услышав оскорбление в свой адрес, точнее почувствовав агрессию молодого эовина, чьи вибрации становились всё громче, вороны, злобно посмотрели на него, но остались подле Евгения. Черноволосый мужчина пожал плечами и, вытянув правую руку, сказал:

– Отчего же? Прошу, но не сильно.

Тотчас птица, только что сидевшая на запястье Евгения, взлетела и прежде чем эовины успели защититься, раскрыла клюв. Пространство пронзил страшный вой, чем-то похожий не электрическую сирену, и Леон, схватившись за голову, упал на землю. Тем временем, ужасающий звук стал затихать и в итоге, превратившись в шипящий гул, исчез. Эдер выпустил тетра-волну, но, не долетев до цели, она с грохотом разбилась о невидимую стену. Раапхорст удивлённо огляделся. Он не знал, которая из птиц защитила его, но на всякий случай мысленно поблагодарил всех троих.

– Ты не сбежишь! – прорычал старый эовин, и Евгений, улыбнувшись, театрально откланялся.

– Кто же мне помешает? – поинтересовался он. – Ты или твои дети? Сколько бы я ни был великодушен, но однажды мне это надоест, и угрожать начну я. Хотя, мне больше по вкусу мирные переговоры. Возможно, вы согласитесь, и мне не придётся отягощать душу бессмысленным убийством.

– Мы не отступим! Не мечтай! – воскликнула Невелис. Она сконцентрировалась, и Евгений услышал звук боевой вибрации. Он напоминал звон маленьких колокольчиков – подвижный, быстрый, высокий, живой. В нём присутствовало определённое очарование, и Раапхорст подумал, что так, по-детски весело, может звучать и душа Невелис.

Подождав пару секунд, девушка нахмурилась, на её носу собрались морщины, и, что-то крикнув, она скрестила руки

на груди, будто готовясь к погребению. Евгений отшатнулся, и тут совсем рядом с ним пронеслась обжигающая тетра-волна.

«Что-то новое. Её сила заслуживает внимания», – подумал Раапхорст. Вмиг после этого его творения, теперь уже все вместе, поднялись в воздух, желая атаковать в ответ, но Евгений остановил их. Вороны покорно вернулись к нему и встали рядом, на земле.

– В последний раз прошу, оставьте меня, – без тени насмешки попросил черноволосый мужчина.

– У нас приказ! – придя в себя и встав, проскрежетал Леон. – И даже перед лицом смерти, мы не повернём назад. Ты нужен нам, нужен Императору, фон Райэллу...

– Тому самому, которого вы так боитесь? – спросил Евгений. – Я до сих пор не понял, что вы об этом думаете. Сегодня было сказано достаточно о повиновении, долге, любви к родине и прочем, но я так и не услышал в этих словах вас самих.

– Молчи, предатель! – вскричал Эдер. Рядом с ним, испытав прилив сил, в едином порыве встали молодые солдаты, и старик, собрав последние силы, ударил.

Пространство огласил небывалый инфернальный раскат. Грянув, словно тротиловая бомба, он заставил взвиться в небо столь громадный пласт земли, что ещё около десяти минут в воздухе стояла плотная пылевая завеса. Вслед за Эдером, свою мощь продемонстрировали его сослуживцы, и,

вскоре заметив, сколь разрушительны их атаки, сами испытали ужас.

– Он мёртв, – схватившись за голову, простонал старик. – Подобный удар никто не в силах пережить. Даже сильнейшие из эвинов не способны устоять перед такой атакой. Теперь мы погибнем вслед за этим предателем, фон Райэлл сполна отыграется на нас...

– Не рассчитывайте, – послышался скрипучий голос, и солдаты «Клингенрайс» невольно вздрогнули. Тот, кого они уже считали мёртвым, оказался жив и был в состоянии говорить.

– Это невозможно!

– То же самое вы говорили про птиц, – Евгений вскинул руку, вороны закружили над его головой, и эвин ухмыльнулся. – Прошу в последний раз, отступитесь, и тогда никто из вас не пострадает. Но иначе...

– Никогда!

«О, несчастные, – раздражённо подумал Раапхорст. – Сколько бы я ни уговаривал, они стоят на своём. Эти глупцы готовы замарать руки в крови, отречься от самих себя, лишь получив приказ. Они привыкли подавлять в себе личность, подчиняться, не задавать вопросов... Возможно, изменить это не смогу даже я. Нет, если только не...»

Эвин перестал улыбаться. Он внимательно посмотрел на Невелис и вдруг, сам того не ожидав, нашёл в ней сходство с Еленой. Оно прослеживалось в чертах лица, движениях,

смелом взгляде, и Эовин решил начать с неё.

«Если только я не предложу им свободу. Возможно, в большей степени на месте их держит не упрямство, а страх. Что если, избавив их от вечного залога, я помогу им стать собой?».

Мерзкий металлический звон резал пространство, оглушал, выпивал силы. Девушка не успела отпрянуть. За её спиной возник Раапхорст и обхватил пальцами её плечи. Невелик попыталась вырваться, но Эовин держал крепко. Он наклонился и что-то зашептал, причём девушке показалось, что предатель улыбается. По её тренированному телу тотчас растеклось тепло, будто слова учёного могли оказать такое действие. На глазах солдата выступили слёзы, она плакала, не в силах совладать с Раапхорстом, с его скрипучим голосом, с его прикосновением.

Мужчина продолжал говорить, а Эдер и Леон плутали, запутавшись в псионических сетях. Их плащи порядочно запорошились пылью, на лицах запеклась кровь, руки и ноги от бесконечных падений, покрылись ссадинами и синяками, но мужчины продолжали искать, их цель была проста – обнаружить и усмирить Евгения, дерзнувшего сыграть в смертельную игру с боевыми Эовинами.

– Тебе нет смысла бояться меня, ведь я твой друг. Если быть точным, я друг для всех вас и хочу помочь. Разве тебе

никогда не хотелось простой мирной жизни, без страданий, что ты испытала, находясь в застенках военных училищ? Ну же, скажи мне. Я прав, и ты это знаешь... А раз так, есть ли резон сопротивляться? – голос Евгения становился громче, и его жертва кричала не в силах ответить. Эовин ласково улыбался, его чёрный силуэт по-прежнему обнимал девушку со спины, словно паук.

Сила, которую учёный вдруг ощутил, опьянила его. Теперь он не бежал от опасности, не боялся смерти, напротив, теперь он сам представлял угрозу. Его недавние преследователи превратились в слепых жертв, и новый мир, мир непоколебимой власти, открылся перед Раапхорстом. Эти двери распахнулись слишком резко, и душа Евгения не сумела совладать с сонмом соблазнов, атаковавшим её. От этого содрогнулся не только внутренний мир, но, кажется, изменилась и внешность, непостоянная физическая оболочка. Зеленоватые глаза эовина посерели, и без того худощавое лицо заострилось ещё больше, так что с него исчезло всё человеческое, всё живое. Теперь лицевой диск Евгения напоминал морду хищной птицы, забывшей обо всём на свете, кроме сиюминутной охоты.

Верные ему вороны кружили рядом, но не атаковали. Их задача заключалась в ином: следить за двумя мужчинами, упорно продолжавшими поиски, и в случае чего не допустить, чтобы они добрались до Раапхорста.

– Прошу, девочка, не глупи. Тебе нечего бояться. Поверь,

я способен разрушить оковы, которые мешают жить тебе и твоим друзьям. Только представь, тебе больше не нужно будет пресмыкаться, идти на сделки с совестью, сомневаться. Только слово, и ты свободна и живёшь так, как считаешь нужным, – продолжал уговоры Евгений, но Невелис сопротивлялась, будто от этого зависело, останется она в живых или нет. Она кричала, отбивалась, пыталась сбежать, но вновь и вновь на её плечах, красивых, притягательных, оказывались пальцы Раапхорста, солдат «Клингенрайс» вновь слышала голос черноволосого мужчины, вновь вырывалась, но с каждой минутой всё отчётливее осознавала бессмысленность своих упирательств.

Наконец, устав, она остановилась.

– Ты никогда не поймёшь, что движет нами. Мы не рабы, мы солдаты, и наш долг...

– Я слышу о долге в который раз, и это навевает бесконечную тоску. Неужели ты так слепа, что веришь в какой-то долг перед человеком, жаждущим власти? Кому ты служишь, девочка, за кого переживаешь? Скажи мне!

– Я больше ничего не скажу! – из последних сил вскричала Невелис. – Сначала отпусти их!

Раапхорст исчез, девушка обернулась, но не обнаружила его и позади себя. Эовин пропал, и солдат «Клингенрайс» ощутила прилив сил. В её душе шевельнулась надежда: неужели, всё кончилось?

Но то было лишь приятное заблуждение. Ничего не кон-

чилось, и вскоре в голове светловолосой девушки возник голос Раапхорста – холодный, вибрирующий, гулкий, усиленный псионическим эхо.

– Ты переживаешь за своих сослуживцев. Следовательно, они что-то значат для тебя. Так?

– Так! – Невелис надорвала горло, но продолжала кричать, будто силясь заглушить скрипучий голос, гуляющий в её сознании. – Так, и что с того? Неужели, ты не понимаешь, что такое дружба, привязанность, любовь? Если нет, мне жаль тебя. Прошу, хватит играть с нами, покорись и прими свою участь, – девушка вопила и сама не верила в то, что говорит. Слова слетали с её губ, будто по собственной воле, и были так же неубедительны, как и большинство прозвучавших сегодня угроз.

– Нет, милая, – голос Евгения наполнился болью, – я знаю, что такое любовь и братская, и обыкновенная, но отдал бы всё на свете, чтобы забыть. Но раз ты так тревожишься за людей, которых по неосторожности возвела в статус любимых и дорогих, я помогу тебе в память о былом. Неужели, ты не хочешь попробовать?

– Я никогда не стану такой, как ты...

– Этого и не нужно! – Раапхорст рассмеялся. – Согласись, и всё кончится! С вами я не пойду в любом случае, а потому вам надлежит пойти со мной. Подумай, в Дексард вы вернётесь как преступники, как солдаты, не справившиеся с заданием. Скорее всего, вас накажут и накажут жестоко. Разве

нет?

– Я не знаю...

– Знаешь! А раз так, что тебе мешает поверить мне?

– Ты предатель!

– Только на бумаге! Вспомни про умение думать, умоляю.

Что тебе обо мне известно? Ничего! Клянусь, я не лгу! Решайся!

– Хорошо!

Псионический шторм стих так же внезапно, как и появился. Эдер и Леон без сил упали на землю и потеряли сознание. Невелис оказалась единственной, кто смогла устоять. Она смотрела на Раапхорста, на плечах которого сидели три ворона, и в её душе нарастало тревожное чувство. Только что она согласилась на что-то, чего сама не понимала, в надежде, что страдания её сослуживцев прекратятся. Так и случилось, первая часть уговора была выполнена, но ведь существовала и вторая.

– Ты боишься? – спросил мужчина.

– Да, – призналась Невелис. – Я впервые пошла на предательство.

– Я не разделяю твою веру в людей. Более нет... Но ты поступила правильно, отказавшись от условных оков. За это я избавлю тебя от оков реальных. Прошу, сядь. Не бойся, я не нападу.

Не спуская глаз с мужчины, Невелис медленно села на землю, поморщилась и вздохнула, будто ожидая смерти. Но

Евгений не атаковал. Он подошёл к девушке, улыбнулся и заглянул ей в глаза.

«Это будет интересно, – подумал он. – Начнём».

Это был большой старый многоквартирный дом. Он находился на окраине какого-то прокопченного дымом городка, и совершенно не отличался от себе подобных построек, разве что выделяясь большей степенью запущенности. Замшелый фундамент, фасад, испорченный сыростью, прохудившаяся крыша – вот, что увидел Раапхорст, погрузившись в сознание Невелис. Перед домом расположился прямоугольный двор, беспорядочно заросший густым кустарником, в котором тонкими линиями струились тропинки, ведущие от неживлённой улицы к трём грязным, заплёванным подъездам. Снаружи было тихо, но где-то в доме Раапхорст различил несколько голосов.

«Возможно, стоит зайти», – подумал он и перенёсся внутрь здания. Миновав отсыревшие кирпичные стены, он оказался на лестничной клетке, тёмной и холодной. Электрическое освещение отсутствовало, и густую тьму слегка рассеивал внешний свет, проникавший сквозь грязные окна.

«Неудивительно, что бедная девочка пошла в солдаты. Из этой дыры и я бы сбежал».

Евгений вновь прислушался и понял, что голоса доносятся из квартиры, находившейся за потрёпанной коричневой

дверью с номером «9». Казалось, за ней кто-то ругается, и Раапхорст вздохнул: его предположение оказалось верным – центральный блок находился здесь.

Дело в том, что каждый солдат «Клингенрайс», при поступлении на службу, должен был пройти процедуру, исключаящую потенциальное неповиновение – установку «печати» – ментального блока, активировать который могли эовины определённого типа, именуемые Ключниками. Печати создавались на основе воспоминаний наиболее ярких и важных, посредством гипноза особого типа. Когда блок был готов, эти воспоминания подавлялись и уходили в область бессознательного, и извлечь их оттуда могли только Ключники. Суть данной процедуры состояла в том, что подавленное воспоминание связывалось с искусственно созданными инстинктами, губительными для эовина. Если воспоминание блока вступало в область сознательного, инстинкт активировался, и носитель печати был вынужден повиноваться ему – помимо воли, он оканчивал жизнь самоубийством, причём самым страшным образом, убивая себя своими руками – никакого яда или пули.

Поскольку Невелис являлась воином «Клингенрайс», она, как и все её сослуживцы, имела печать. Чтобы избавить девушку от тяжкого груза, Раапхорст и вступил в её область бессознательного. До этого, он никогда не предпринимал подобного, лишь слышал и кое-что читал, но сейчас отчего-то был уверен в своих силах настолько, будто эта процедура бы-

ла для него привычным делом.

«Если я найду центральное воспоминание и уничтожу связь между ним и инстинктом, девушка будет спасена», – подумав так, Евгений вошёл в квартиру. Дверь оставалась закрытой.

За ней мужчину встретила удручающая обстановка. Прихожая и коридор занимала уйма всевозможного хлама – коробки, старые картины, окурки, бутылки из под спиртного и т.д. Стены этого места покрывали изодранные, заплесневелые обои, на полу лежала бурая шелуха, крошки, толстый слой пыли, в воздухе стоял отвратительный тяжёлый запах мочи и гнили.

– С другой стороны, хорошо, что именно это воспоминание оказалось вытеснено. Бедная девочка, по крайней мере, успела пожить без этого ужаса в голове. Даже жаль напоминать ей о таком, – оглядевшись, промолвил мужчина. Он бесшумно проследовал на звуки голосов и оказался на кухне – маленькой комнатке, со ржавым краном над забитой мойкой, низким столом, заставленным бутылками, грязной посудой, и с одним мутным оконцем.

– Жри, что дают! – взывала полная женщина. Ударив по столешнице, она вскочила со стула, так что тот жалобно скрипнул, и нависла над бледной худенькой девочкой, сидевшей на полу. Та сжалась в комок от страха, в ожидании привычной оплеухи. Однако, подняв руку, женщина передумала, опустила её, поправила полы замасленного халата, в ко-

торый была одета, и ногой подтолкнула к девочке грязную тарелку с остатками какого-то мясного блюда. Серые кусочки, с застывшими комками жира испускали отвратительный запах, и сердце Раапхорста болезненно заныло.

«Это чудовищно», – подумал он. Иллюзорные девочка и женщина не видели его, и ему оставалось лишь наблюдать за сценой, ставшей ключевым воспоминанием.

– Мама... – жалобно пискнула девочка, но женщина не слушала её. Она снова уселась за стол и приложилась к бутылке. Где-то по столу пробежал потревоженный таракан, и бутылка была с грохотом водворена на место.

– Не хочешь есть – проваливай! – рявкнула мать. – Вообще, зачем ты появилась на свет? Чтобы я кормила тебя? Нет, милочка, чёрта с два. Не хочешь жрать мясо, иди на помойку, может, бездомные что-нибудь подкинут!

Девочка смотрела на заплывшую жиром женщину, и её глаза блестели, заполняемые слезами. Моргнув, Невелис встала, обхватила свои плечи и, задрожав, хотела было идти, как вдруг женщина страшно захрипела, взглянула на дочь испуганными глазами и замахала руками, будто ловя что-то. Девочка, тотчас всё поняв, истерично закричала, рванулась к ближайшему шкафчику, достала какие-то склянки, отшвырнула ненужные, подбежала к матери, но было уже поздно. Та издала последний захлёбывающийся крик и, потеряв равновесие, начала заваливаться на бок.

До смерти перепуганная девочка вытянула тонкие ручон-

ки, боясь, что её мать ударится об пол, но та уже падала, и Невелис не смогла её удержать. Побагровевшая алкоголичка навалилась на дочь своим весом и вместе с ней рухнула на пол. Девочка из последних сил завизжала, забилась руками и ногами, но ударившись о грязный паркет, на время замолкла.

Очнулась она через пять минут и, едва дыша, задёргалась, пытаясь выбраться из под заплывшего жиром тела. Но её сил не хватило даже на то, чтобы поднять ногу матери, и вскоре девочка, лишившись сил, перестала сопротивляться.

Евгений стоял, не веря своим глазам. Он знал, что ключевые воспоминания, по большей части, бывают шокирующими и сложными, но такого эовин не ожидал.

– Как больно, – сказал он. – Если бы я пережил подобное, вряд ли хотел бы вспоминать. Стоит ли заставлять её вновь прочувствовать этот ужас?..

Евгений задумался. Ему предстояло совершить сложный выбор. На мгновение эовину показалось, что никакая свобода не стоит этого, но вскоре он осудил себя за такие мысли.

– Она сильный человек, раз не сошла с ума после случившегося, – прошептал Раапхорст. – Тем сильнее она заслуживает жизни без чужого надзора. Я сделаю это, я причиню ей боль, разрушу печать, ну а потом... Пусть ненавидит меня, мне всё равно. Главное, чтобы она и её друзья ушли или встали на мою сторону...

Решив так, Евгений склонился над девочкой, погребённой под телом мёртвой матери и печально улыбнулся. Неве-

лис почти не дышала, но вскоре раздался стук в дверь, и Раапхорст понял, воспоминание продолжается.

– Я увидел довольно, – сказал черноволосый мужчина, закрыл глаза, и ключевая иллюзия рассеялась.

Теперь Раапхорст блуждал по сознанию светловолосой девушки, отыскивая связь с искусственным инстинктом. После часа поисков, Эовин добился своего.

– Ты свободна, – сказал он, и Невелис в тот же миг вскочила с земли, издав страшный вопль. Она вцепилась пальцами в кожу на собственной шее, попыталась порвать её, но вдруг успокоилась и упала на песок. От боли, резко ударившей по голове, Невелис застонала и вскоре ощутила, что против воли заплакала. Её посетило странное чувство – лёгкое, приятное, всеобъемлющее. То было освобождение, уничтожение дьявольского груза нависшей смерти.

XII

– Невелис! Невелис, что с тобой? Прошу, ответь! – испуганно вскричал Леон, склонившись над стонущей девушкой. На её шее остались красные полосы от ногтей, но в остальном Невелис не пострадала.

– Что ты с ней сделал?! Говори! – заорал молодой человек, обращаясь к Евгению. Но Раапхорст, за плечами которого теперь находилась походная сумка одного из солдат, молчал, и Леон, не дождавшись ответа, перевёл взгляд с девушки на седовласого эовина, тоже недавно пришедшего в себя. Эдер кашлял и пытался встать. С третьей попытки ему это удалось, и он подошёл к сослуживцам.

– Как вы? – едва слышно прошептал он. – Что случилось?

– Как много вопросов, – произнёс Раапхорст. – Вы многое хотели бы знать, не так ли?

Три взгляда устремились к нему – один был рассеянным, два других – злобными.

– Что с ней? – наконец, подавив волну гнева, сквозь зубы процедил командир эовинов. – Ей больно? Почему она стонет?

– Всё и так ясно! – закричал Леон. – Он убивает её! Так?

– О, бедный мальчик, – Раапхорст улыбнулся, – как ты глуп. Неужели, я похож на убийцу? Пока вы блуждали в

шторме, призванном мною, я мог множество раз положить конец вашим мытарствам, но, как видите, вы всё ещё живы. Интересно, почему?

Эовины молчали.

– Потому что, – поучительно продолжил Евгений, – я не похож на вас, впрочем, мы это давно выяснили. И у меня не было цели навредить. Нет. Я хотел лишь, чтобы вы оставили меня в покое, позволили жить так, как я хочу. И именно для того, чтобы доказать свои добрые намерения, я и дерзнул освободить вашу подругу. Она стонет от слабой головной боли, а плачет от радости, ведь оковы, наложенные так давно, пали.

– О чём ты?

– Полагаю, теперь вместе со страданиями, принесёнными давним воспоминанием, эта девочка обрела счастье. Ни один Ключник Дексарда отныне не сможет причинить вред вашей подруге, – пояснил Евгений. Он смотрел на собеседников, пытаясь угадать, что они чувствуют. Но те на несколько минут впали в ступор. Они молча сидели на земле и смотрели на Невелис так, будто она лишилась руки или ноги – сочувствующе, испуганно.

– Ты за это заплатишь, – вдруг промолвил Леон. – Я уничтожу тебя... Я...

– За то, что я помог ей?

– Лучше заткнись! Ты уничтожил её! Ты лишил её всего, что у неё было! – рассвирепев, заорал солдат. – Ты монстр,

заслуживающий лишь смерти. Ненавижу!

– Леон, тише... Ах, как больно, – открыв глаза, взмолились Невелис. Она продолжала стонать, но с каждой минутой, её страдания уменьшались, и девушка приходила в себя. Слезы по-прежнему стекали по её щекам и падали на и без того влажный песок.

– Девочка, скажи, это правда? Он против твоей воли разрушил печать? Только скажи, и мы раздавим его, – голосом, напоённым страхом, произнёс Эдер. Старый эовин побледнел, и Евгений почувствовал, насколько сильна злость, кипевшая в нём.

– Нет, что вы... – Невелис снова заплакала. – Я... Я сама... Сама согласилась. Простите меня. Я хотела, чтобы это прекратилось, чтобы он оставил вас в покое. Ах, какая я дура...

– Но... – Леон растерянно посмотрел на командира, а затем снова на девушку, – ведь это предательство. Невелис, ты предала Дексард, – жалобно забормотал он. – Ты попрала наш закон, ты...

Неожиданно на плече солдата оказалась рука Раапхорста. Леон инстинктивно отскочил и встал в боевую стойку, готовясь в случае чего ударить черноволосого мужчину, но тот стоял на месте.

– Ты глуп, – повторил Евгений. – Да, она пошла против закона, но не просто так. Ею руководила любовь к ближним. Теперь скажите мне, как вы поступите с ней? Неужели вы

настолько срослись с вашим пустым долгом, что не сделаете исключения даже ради друга?

– Эдер, – Леон оглянулся, – он прав, что нам делать?

– Поступать так, как велит закон. Вернёмся и всё расскажем. Невелис пострадала на задании, в её действиях не было злого умысла... – неуверенно ответил старик.

– А если нет? Если суд найдёт его? Выдумает?

– Иного пути нет. Я знаю только одно: мы не будем играть по правилам этой падали и не свернём с верного пути, – старик сплюнул в сторону Евгения. Тот улыбнулся и кивнул.

– Всё ясно. Значит, выбор сделан. Прощайте, – черноволосый мужчина неспешно двинулся прочь. Птицы поднялись в небо и закружили над своим создателем. Боевые эовины остались сидеть на песке.

– Мы просто так отпустим его?

– Пусть идёт. Мы не справились. Скажем об этом прямо, – старый воин закрыл глаза.

– Это позор, – сказал Леон. – Мы вернёмся посрамлёнными...

Ему никто не ответил. И пожилой эовин, и девушка сами понимали это, и какие-либо слова были излишни. Немного отдышавшись, девушка встала и, едва не упав, приблизилась к Леону. Молодой человек взял её под правую руку, старик – под левую, и в таком положении втроем они двинулись назад, туда, где оставили машину. Они часто оглядывались, будто надеясь, что предатель сдастся на их милость, но так

никого и не дождавшись, продолжали идти дальше. Каждому из солдат приходилось нелегко, но сложнее всего было Невелис. Мало того, что сейчас перед её глазами проносились травмирующие воспоминания прошлого, болела голова, так ещё девушка к своему ужасу осознала, что совершенно не чувствует раскаяния. Минутное сожаление прошло, и теперь Невелис искренне удивлялась, что её друзья так остро отреагировали на то, что теперь она свободна от печати и фактически – от угрозы смерти.

– Быть может, он прав, – негромко сказала она.

– Кто? Раапхорст? – решив, что это шутка, спросил Леон.

– Да. Он сказал, что, может быть, нам стоит пойти с ним.

Конечно, это бред, но с другой стороны, вдруг там окажется лучше, чем здесь... – неуверенно заговорила девушка. Старик, отпустив её, остановился и, поджав губы, строго спросил:

– Ты это серьёзно? Говори?

– Почему нет?

– Да потому что это его влияние! Ты думаешь как предатель, ты говоришь, как дезертир! Это омерзительно! – грянул Эдер. – Поклянись, что сказала это несерьёзно, и мы с Леоном сделаем вид, что ничего не слышали!

Девушка ничего не сказала и заплакала. Смягчившись, старый воин вновь взял девушку под руку и произнёс: «Прости... Я понимаю, что это всё от нервов. Нам всем тяжело пришлось, но обещаю, я сделаю всё, чтобы тебя оправдали»

«Жизнь – интересная штука. Кто бы мог предположить, что сегодня случится так много? Возможно, данный исход лишь случайность, но почему же то, что кажется мне неожиданным, не могло быть спланировано заранее? Фрактал вероятностей не поддаётся описанию, и весьма хорошо, что всё произошло именно так. Даже смерти невинных теперь не кажутся мне такими ужасными», – думал Евгений, шагая по влажному песку. Его тело била дрожь, взгляд мужчины наполнился лихорадочным блеском, но Раапхорст чувствовал себя прекрасно и не замечал ни страшного возбуждения, ни усталости.

– Сначала безумный бог душил меня скрипичными струнами, а теперь я лежу на палой листве бездыханный, но счастливый. Значит ли это, что я проиграл? Нет, я смотрю на звёзды, и мой разум свободен, ведь как ни странно, безумный демиург не был последней границей сущего, – взглянув на воронов, носившихся над ним, пробормотал мужчина. Он вспомнил текст старинной песни, прочитанный им в книге по искусствоведению, и улыбнулся, словно найдя в старых стихах ответ на какой-то важный вопрос.

«Жаль, что я не смог заставить их пойти со мной. Хорошо, что они отпустили меня и остались целы, но мне бы больше понравилось, если бы я смог изменить их и сделать своими союзниками. Несмотря на ядерную глупость, они вызвали во

мне сочувствие и симпатию. Интересно, отчего?» – мысленно промолвил Раапхорст, вспомнив боевых эовинов.

Один из воронов, словно ощутив смятение духа своего создателя, снизился и сел на плечо Евгения. Мужчина улыбнулся, словно встретил старого друга.

«Как странно, когда-то вы казались мне бесполезными. Пустое дело, обречённое на критику научного света. Но теперь, я понимаю, как страшно заблуждался. Вы не просто птицы, не просто оружие, вы инструмент моей воли. Только благодаря вам, я могу повлиять на мир», – мелькнуло в сознании эовина, и он, не выдержав нахлынувших чувств, нежно погладил чёрную птицу по спине. Ворон посмотрел на мужчину, каркнул и легонько ткнул клювом Евгения в щёку.

– Я не шучу, – восприняв это, как насмешку, ответил эовин. – Не так давно я хотел присоединиться к сопротивлению, но теперь понял, насколько это глупо. У них свои цели, у меня свои. Кроме того, я не думаю, что их методы мне подходят. Эти люди пытаются подорвать власть Атерклефера и не подозревают, что тотчас, как только он падёт, найдутся сотни великих родов, жаждущих занять престол. Никакие ухищрения и потуги повстанцев не смогут повлиять на это. Значит, нужно действовать иначе.

Ворон издал странный гортанный звук, и Раапхорст отчётливо услышал проекцию его мыслей, сверкнувшую на информационном уровне.

«Зачем?»

– Атерклефер лишил меня многого за то, что я делал то, что считал нужным. Из-за него я бегу, из-за него мне пришлось отказаться от любви, и из-за режима, им поддерживаемого, я всю жизнь терпел унижения. Но более не намерен. Должен настать конец хаосу, и я приближу его, – ничуть не удивившись, ответил Евгений. Птица моргнула, будто поняв его, и вдруг взмыла в небо.

– Лети, – улыбнувшись, сказал Раапхорст. – Я знаю, что ты и твои собратья вернётесь. Как бы смешно это ни звучало, но сейчас я отчётливо понимаю, что птицы бывают вернее и умнее многих людей. Они устают ходить, дышать, жить, но вы никогда не устанете летать – и в этом вы подобны мне – я никогда не остановлюсь!

XIII

Холодно и сыро...

Пятый полк встал под Этрином и должен был находиться там двое суток, до получения дальнейших указаний и прибытия третьего батальона, отставшего при переходе границы. Кроме того, командование обещало доставить дополнительные танки, партию оружия и что-то ещё, о чём простым служащим не следовало знать.

Пьеру было всё равно: он ждал предстоящий бой. Он, как и его сослуживцы, знал, рано или поздно они пойдут в наступление, и эта мысль не давала ему спокойно жить. Молодой человек не спал вторую ночь, плохо ел и с многочисленными своими знакомыми говорил как-то нехотя, мысленно обращаясь к завтрашнему дню. Сидя у палатки, на влажном бревне, где солдаты вчера принимали пищу, парень, одетый в серую армейскую форму, смотрел на древние городские стены, возвышающиеся в заболоченной низине.

«Зачем нам эта развалина?» – вчера спросил кто-то у полковника. Зря спросил: отругали, идиотом назвали, сказали, что и так понятно. Пьеру, наблюдавшему эту сцену, понятно не было, но спросить он не решался.

– Если надо, значит надо. Нас здесь не за вопросы кормят, – сам себе сказал он и на время успокоился, но сейчас

непонимание происходящего снова занимало его. Вместе с тем, парень размышлял, как он будет чувствовать себя, если ему придётся кого-то убить. С одной стороны, он знал, если есть великая цель, то в борьбе за неё можно лишиться жизни, но с другой – что если цели не окажется? Что если вся эта война лишь бессмысленная игра? Тогда убийство – не средство, а преступление? Обычно эти мысли пугали Пьера, но сейчас он вместо страха ощутил раздражение.

– Дурак, сам вляпался, – отругал он себя, не отрывая взгляд от центральной дороги, ведущей в Этрин. Тёмно-серой полоской она петляла по болотной равнине, вытекая из чёрной пасти громадных городских ворот. Она тонула в белом тумане, подсвечиваемом тусклым осенним рассветом, но Пьер всё равно хорошо её видел.

«Совсем скоро я могу оказаться там, на пути к смерти», – подумал парень, и неприятный липкий холод прошёлся по его телу. Юноша поёжился, но остался сидеть, будто был на посту. Некоторые его сослуживцы ещё спали, другие прохаживались меж палаток, иногда подходили к Пьеру, предлагали сменить его, но юноша отмахивался и говорил, что сидит просто так, без приказа.

Так он провёл утро, пока не объявили завтрак. Парень не хотел есть, однако, заставил себя встать, взять в руки котелок и пойти к походной кухне. Там под сенью деревьев, перед громадным котлом, пышущим жаром, уже выстроилось большинство его сослуживцев, и Пьер подумал, что стоять

ему придётся долго. Впрочем, он сгустил краски: солдаты двигались быстро, повар молниеносно раздавал порции каши, разливал компот по жестяным кружкам, так что совсем скоро очередь стала меньше, и юноша смог подобраться к кухне. Получив завтрак, Пьер отошёл и принялся искать место, чтобы поесть в одиночестве. Заметив земляную насыпь у края болота, Пьер взобрался на неё, нашёл удобное место, сел и принялся за еду. Пережёвывая пищу, он продолжал размышлять о предстоящем сражении, не в силах избавиться от тревоги, овладевшей им.

«Хоть бы подкрепление не пришло, – подумал он. – Если нас будет мало, командование не решится на штурм».

Юноша хотел в это верить, но что-то в глубине души подсказывало ему, что если Дексарду нужно захватить город, вроде Этрина, то он сделает это, даже пожертвовав солдатами. Данную мысль подтверждало и то, что полк, в котором служил Пьер, не являлся сколько бы то ни было значимым.

«Разменная карта», – так кто-то назвал его, подразумевая, что как только представится возможность, командование без зазрения совести пошлёт умирать добровольцев, таких же как Пьер, по большей части формирующих полк. Взволнованный такими рассуждениями, юноша вздрогнул, оторвал взгляд от городских ворот и оглянулся на сослуживцев. Кто-то из них ощущал то же, что и он, но в большинстве своём они оставались глухи и слепы к ужасам грядущего, предпочитая жить настоящим.

«Хорошо им, – мелькнуло в сознании Пьера. – Если бы я тоже так мог...»

Но к его несчастью, помимо ветреной натуры, он также обладал богатым воображением, и оно довольно часто перебивало беззаботность, о которой сейчас тосковал парень. В какой-то момент он даже пожалел, что покинул деревню, где прожил бок о бок со сварливой старухой и её внучкой, но потом усмехнулся своим мыслям:

«Я не домашний зверёк, а перелётная птица. Не знаю, что может привлечь меня настолько, что я заставлю себя осесть на одном месте. Пожалуй, остановить меня способна лишь смерть».

– Пришли! – вдруг закричал кто-то, и Пьер встрепенулся. Он наскоро позавтракал, спрятал котелок в вещмешок и бегом спустился с насыпи. Приглядевшись и ничего не заметив, парень остановил проходящего мимо солдата и спросил у него, что случилось.

– А, так наши явились. Отставшие... Теперь точно в наступление пойдём! – ответил тот, и Пьер, похолодев изнутри, двинулся дальше. Преодолев лагерь и оказавшись у его южного края, он, наконец, понял, о чём кричал дозорный. По неширокой лесной дороге, сырой и извилистой, к лагерю приближались боевые установки, машины с оружием и солдаты. Они громко переговаривались, едва соблюдали строй, смеялись и выглядели так, будто шли на праздник, но никак не на войну. Увидев это, Пьер развернулся и пошёл назад –

убитый и подавленный.

«Как так можно... – думал он. – Всё-таки я идиот».

Юноша вспомнил день, когда его выгнали из дома, день, когда он решил искать лучшей жизни в деревне, и что-то шевельнулось в его душе.

«Возможно, мне следовало остановиться тогда», – сам себе сказал парень и вдруг услышал, призывный крик одного из офицеров: солдат собирали на поле позади лагеря – должен был говорить сам полковник.

Пьер побрёл вслед за всеми, и вскоре он и ещё несколько тысяч его сослуживцев построились и приготовились слушать. В небе набухали грозовые тучи, начинался дождь, холодало, но солдаты послушно стояли на месте. Отставший батальон некоторое время шумел, но когда на поляне перед воинами возник полковник – Бертрам Найкри – воцарилась тишина. Мужчина с длинными седыми волосами, чертовски высокий, горбоносый, с серыми холодными глазами отчего-то внушал каждому из подчинённых чувство страха, и потому его власть и авторитет были неоспоримы.

– Вы хотите знать, что вас ждёт. Это закономерно, – сказал старик. – Наверняка, вы волнуетесь, отчего здесь нет обещанных танков, но это объяснить гораздо проще, чем вы думаете. Дело в том, что у нас есть нечто гораздо более удобное и мощное.

Рядом с Бертрамом стояли подполковники – командующие батальонами и ещё несколько офицеров, представляв-

ших свои отделения. Они молча смотрели на подчинённых, являя собой пример выдержки и самообладания. На самом деле эти люди только и ждали момента, когда Найкри отдаст приказ. В их глазах мелькал охотничий азарт, они жаждали разрушений, героических действий, движения. Они предвкушали скорое нападение и были счастливы.

– Что же это? – не сдержался один солдат.

– Это что ещё такое?! – гневно рявкнул один из командиров. – Кто разрешил вступать? Запомнить подлеца, после собрания получит по полной!

– Ну-ну, – Бертрам усмехнулся, – нам будет не до этого. Итак, господа, я надеюсь, вы понимаете важность сегодняшней кампании. Вас не просто так направили сюда, не просто так оторвали от линии центрального наступления. Всё это было сделано с целью испытать нечто новое, способное разительно ускорить наш триумф! Прошу вас, взгляните туда.

Бертрам указал пальцем влево, и многочисленные взгляды устремились к металлическому прямоугольному контейнеру, скрытому в лесной чаще. По солдатским рядам прошёл гул удивления. Найкри, довольный произведённым впечатлением, потёр ладони и продолжил:

– Теперь я хочу представить вам того, кто будет руководить наступлением. Да, это буду не я и не мои заместители, так как то, что сокрыто в контейнере требует особого обращения. Будьте знакомы – Инстернис Граус – специальный военный офицер, прикомандированный к нам из «Клинге-

райс». Специализируется на работе с...

– Позвольте, я сам.

Из-за спины полковника выступил высокий молодой мужчина, статный и строгий. На его плечи был накинут длинный зелёный плащ, под которым виднелся военный мундир с приколотыми на грудь медалями. Поправив фуражку с изображением когтистой лапы Дескарда, Граус улыбнулся.

– Да, конечно, – Найкри кивнул.

– Господа, – сказал Инстернис, – моя задача: облегчить вам существование и сделать так, чтобы каждый из вас вернулся домой. То, что скрывается там, – он взглянул на контейнер, – весьма вас обрадует. Сегодня вам не придётся рисковать жизнями. От вас потребуется лишь, прийти на завоёванную землю и собрать с неё урожай.

Солдаты непонимающе смотрели на него, отчасти не доверяя словам странного офицера, отчасти обрадованные тем, что им сулили. Пьер внимательно вслушивался в речь Грауса, отчего-то почувствовав волнение.

«Если нам такое обещают, значит, там находится нечто поистине разрушительное», – подумал юноша и содрогнулся, представив, во что может вылиться сегодняшней день.

– Есть ли у вас вопросы? – закончив приветствие, спросил Инстернис.

Никто не смел спросить. Однако, когда офицер собирался было уйти, раздался звонкий и сильный голос.

– Если вы здесь по приказу «Клингенрайс», значит, вы зо-

вин? – последовал дерзкий вопрос.

Граус сощурился, и строгость, проступавшая сквозь его черты лица и движения, возросла стократно.

– Вы правы, – ответил он, – я Эовин, и поверьте, вы тысячу раз поблагодарите судьбу за это.

– Значит ли это, что Эовины будут приняты в основную армию и выйдут за пределы «Клингенрайс»? – снова спросил тот же голос, и теперь солдаты против воли начали приглядываться к дерзкому наглецу. То был белокурый молодой человек, младший офицер с красивым и светлым лицом, хорошо сложенный и, видимо, довольно сильный. Единственное, что портило впечатление о нём: лихорадочный блеск в глазах.

– Как ваше имя? – спросил полковник, намереваясь наказать смельчака.

– Адел, – ответил офицер. – Адел Фриншлайт. Младший лейтенант.

– Вот как, – проговорил Инстернис. – Значит, вы радуете за чистоту состава? Не тревожьтесь, я здесь в качестве эксперимента. Всё будет зависеть от того, окажется ли он удачным. Но мы заболтались. Надеюсь, вы Фриншлайт, верны Дексарду и не потерпите промедления?

– Никак нет, – громко отозвался Адел, и Граус ухмыльнулся. Он смог довольно легко разобраться с заносчивым офицером.

– Не трогайте его, – минуту спустя, промолвил Инстернис,

обращаясь к полковнику. – Пусть он дерзок, но его настрой мне нравится.

XIV

– Здравствуйте, – тихо сказала полная женщина. Она мрачно взглянула на пару, остановившуюся перед ней, и покраснела. Это был её бывший муж и его новая жена – стройная молодая брюнетка. Две пары вышли сегодня в центр города и теперь встретились, причём так неудачно, будто сама судьба хотела причинить женщине неудобства. Это было тем более неожиданно и странно, что после эвакуации в Этрине осталось не так много людей.

– Папа! – воскликнула маленькая девочка, вырвала руку из ладони матери и бросилась к невысокому мужчине. От неожиданности тот отшатнулся, с него слетела шляпа, и краска смущения разлилась на его лице. Однако, позже он всё-таки пришёл в себя и обнял девочку. Брюнетка ласково улыбнулась и обратилась к полной женщине: «Какая милая у вас дочь!»

Та промолчала и с завистью отметила, что у новой жены чертовски красивые и ровные зубы. Сама она не могла похвастаться подобным, а потому старалась улыбаться как можно реже. Девочка же ничего не стеснялась, хотя была одета так плохо, что даже на окраине города стыдно показаться. Её мать знала это, а потому ещё больше растерялась, увидев, насколько лощёными и красивыми выглядели её бывший муж

и его брюнетка.

– Почему вы всё ещё здесь? – испуганно спросил мужчина. – Мест не хватило?

Бывшая жена удручённо кивнула и поставила небольшой пакет с продуктами, который до этого держала в левой руке, на тротуар.

– Не может быть, – протянул её собеседник. – Ты же с ребёнком! Как такое вообще могло случиться?

– Не знаю, – женщина пожала плечами. – Так уж вышло. Неразбериха... А вы-то почему здесь? Ты же мог заплатить...

– Мог, да не хватило. Нашлись побогаче. Кроме того, приоритет отдавался матерям с детьми. Потому я и удивлён, что тебя и дочь не забрали. Здесь явно что-то не так. Ты мне не врёшь?

– Слушай! – вспыхнула женщина, будто её в чём-то уличили. – Ты за словами следи! Я не посмотрю, что ты мужчина, как вдарю – шляпа опять слетит!

Она гневно посмотрела на бывшего мужа, затем на его новую жену и ощутила прилив сил, будто перед ней возникла негласная цель – во что бы то ни стало пережить этих людей.

– Ладно, успокойся, – недовольно ответил мужчина. – Лучше расскажи, как живёте. Вам всего хватает?

– Всё хорошо... Ничего. Не голодаем.

– Ещё чего не хватало! – вскричал он. – Я же даю деньги!

Девочка по-прежнему не отходила от отца. Она прижима-

лась к нему лицом, закрывала глаза, лучась искренним счастьем. Ничто на свете не могло заставить её сейчас отойти от него, пока он был рядом, пока был в настроении, пока всё так удачно складывалось. Если бы не она, её мать давно бы прошла дальше, но теперь была вынуждена стоять и смотреть как ребёнок, невзирая на всё случившееся, ластится к отцу-предателю.

– Я не трачу их. Когда умру, отдам дочке, – сказала мать. – Пока что нам хватает того, что я зарабатываю.

– А что вы делаете? Кем работаете? – с искренним интересом спросила брюнетка. Она смотрела на женщину без какой-либо неприязни и говорила без всякого стеснения, будто каждый день видела бывших своего мужа.

– Уборщица она, – вместо неё ответил мужчина. – Может, пора нормальную работу найти? Не всю же жизнь страдать...

Ощувив прилив злобы, женщина вновь вспыхнула. Она сжала пухлые кулаки, будто собираясь ударить обидчика, однако вместо этого, едва не задохнувшись, выпалила:

– Легко тебе говорить! Бросил нас, ушёл не понятно к кому, а теперь советы раздаёшь! Хороший отец, а муж ещё лучше!

– Мама, не надо, – взмолилась девочка, испугавшись, что после этих слов отец оттолкнёт её. Но он лишь погладил дочь по голове и проговорил:

– Не волнуйся, милая, всё хорошо. Просто мама, как всегда, нервничает.

– У меня идея! – воскликнула брюнетка, обращаясь к мужу. – Твоя дочь может погостить у нас пару дней. Ручаюсь, ей понравится!

– Да! – закричала девочка, подпрыгнув от радости.

– Нет! – оборвала мать. – Пойдём, нам пора.

Дочь, вздрогнув, ещё крепче прижалась к отцу и внезапно заплакала. Полная женщина подошла и уверенно взяла девочку за руку. Плач усилился, но мать была непреклонна.

– Пойдём! – грозно сказала она. – Вы ещё увидите. Как-нибудь... Сейчас опасно, или забыли, что войска Дексарда стоят под городом?

Они разошлись, и женщина вместе с дочкой зашагала по грязному тротуару, холодному и мрачному. В противоположность ему, вокруг возвышались красивые жилые дома, с опрятными фасадами, множественными эркерами и балконами, с чистыми окнами, сверкающими даже на скудном свете. Поглядев куда-то вверх, женщина подумала: «Тем, кто жил в этих чудесных домах, сейчас гораздо труднее, чем нам. Эти люди потеряли разительно больше».

Она прошла ещё немного, и вдруг в её сознании всплыли оскорбительные слова мужа: «Ты мне не врешь?». Вслед за этим воспоминанием, мелькнуло несколько мыслей.

«Подлец! Но он прав, я солгала, – сама себе сказала женщина. – А что я должна была ответить? Что продала место за деньги? Так, разве это плохо? Скоро сюда придут наши войска, нас спасут, никто не пострадает, а деньги останутся.

Это главное. И если так, то я ни в чём не виновата».

Тут она посмотрела на девочку, уже успокоившуюся и теперь беззаботно шагающую рядом, и едва слышно прошептала:

– Ты ещё мне спасибо скажешь... Билет стоил очень дорого.

С рождения девочки её мать более всего на свете желала для неё счастливого будущего, а потому всеми силами стремилась обеспечить дочь, сделать её жизнь светлой и счастливой. Самое себя эта женщина приносила в жертву иллюзорному будущему и с остервенением бралась за любую работу, лишь бы добыть денег. Однако, с уходом мужа средств для существования стало меньше. Его жалких подачек не хватало для обеспечения ребёнка, а потому брошенная жена не чуралась никаких методов, искренне веря, что поступая не совсем честно, она приближает лелеемое ею воображением будущее.

– Мам, а когда мы уедем? Ты говорила, что здесь опасно, – вдруг спросила девочка, заставив женщину вздрогнуть. Она никак не ожидала такого вопроса, полагая, что дочь полностью доверяет ей.

– Дорогая, – ответила мать, – ты не должна волноваться. Ведь я рядом, правильно? Правильно!

Ребёнок сощурился, взгляд девочки наполнился недоверием, но она ничего не сказала. Полная женщина заметила это и ласково добавила:

– Сейчас мы придём домой, поедем, а там видно будет. Наверное, скоро сюда придут солдаты.

– А они справятся с теми, из-за кого многие уехали? – вновь спросила дочь.

– Непременно, девочка моя, непременно! – с притворной радостью заверила мать. – А когда всё кончится, я тебе кое-что расскажу. Но пока что это секрет, и тебе не следует о нём спрашивать. Понятно?

– Да...

Шаг за шагом, они преодолели центральный район и по узким улочкам вышли на окраину Этрина. Их дом располагался в низине, у тёмной, поросшей мхом городской стены, и представлял собой настолько жалкое зрелище, что любой, кто видел его, ощущал странное неприятное чувство, будто смотрел на разложившегося покойника. Это было двухэтажное деревянное здание, с треснувшими стенами, покосившимися дверьми подъезда и сырым полусгнившим забором, отделявшим дом от кривой окраинной улицы. Под этим жутким строением каждую весну и осень скапливалось много воды, а потому первый этаж сейчас пустовал. На втором жили лишь мать с дочерью, а рядом с ними, в другой квартире, ворчливый старичок, редко показывающийся на люди. Крыша дома не уступала ни одной из его деталей и, как и все они, внушала сомнение в своей надёжности. Она давным-давно прохудилась, и теперь от влаги не было спасения. Единственное, что оставалось бедным жильцам – подставлять под веч-

но плачущие трещины в потолке всевозможную утварь.

Поднявшись по лестнице и достигнув нужной двери, женщина пошарила в кармане и извлекла из него связку ключей. Отперев квартиру, она пропустила вперёд девочку, а сама ненадолго задержалась на лестничной площадке. Для чего-то посмотрев на соседскую дверь, женщина задумалась.

«Может, зайти к нему...» – мелькнула мысль, но тотчас была отвергнута.

– Делать мне больше нечего, – послышался негромкий шёпот, и мать скрылась в квартире.

Её дочь уже сняла с себя намокший дождевик, повесила его сушиться на трубу в коридоре, и ушла в свою комнату. Ей нужно было отдохнуть.

– Бедная, – сказала женщина. – Ну, ничего, скоро всё будет по-другому! Это я тебе обещаю!

Она уверенно прошла на кухню и вдруг наткнулась на мокрицу. Маленький рачок полз по стене, и хозяйка квартиры, увидев его, брезгливо поморщилась.

– Откуда же вы лезете, твари несчастные! – с этими словами женщина метнулась в коридор, вытащила откуда-то из под груды ненужных вещей старую калошу, вернулась и с размаху ударила им по мокрице. По крайней мере, ей так показалось. За секунду до этого потревоженный рачок шлёпнулся вниз, и калош врезался в пустую стену. Впрочем, дальнейшую охоту женщина вести не стала: ей хватило и этого.

– Надо что-то приготовить. Да, хоть что-то, иначе будет

совсем плохо. Голод – это ужасно, особенно для ребёнка.

Решив так, мать принялась расхаживать по кухне, думая о том, что продуктов едва ли хватит на самое примитивное блюдо. Обычно это не мешало женщине экспериментировать и варить кашу из капусты или какую-либо другую жижу, которой она и кормила дочь, однако сейчас, после разговора с бывшим мужем, что-то изменилось.

«Нет, он прав! – подумала она. – Надо что-то менять... Всё-таки зря я не купила мясо... Да? Вздор! Пока хватит и того, что есть, зато деньги будут целее! Только бы солдаты вовремя пришли...»

За готовкой она провела пару часов и закончила, когда смогла добиться более менее сносного результата. У неё получилось подобие капустного супа, тем не менее, вкусом которого она всерьёз гордилась. В последний раз попробовав бульон, женщина обернулась и посмотрела на настенные часы. Стрелки показывали шесть вечера, на улице смеркалось, унылый день уступал место не менее унылому вечеру, и близилось время ужина. За городской стеной войска Дексарда по-прежнему вели себя тихо, и полная женщина продолжала верить в успех своего плана.

– Вот так и сидите. А лучше убирайтесь, – негромко сказала она и пошла будить девочку. Её следовало накормить.

Дочь лежала в постели.

– Вставай, дорогая, – прошептала женщина. Она села на край кровати и дотронулась до плеча дочери. Та открыла гла-

за и улыбнулась.

– Пойдём, суп стынет...

С ужином было покончено в самый короткий срок, несмотря на то, что доев свою порцию, девочка попросила добавки. Она ела с большим аппетитом, и полная женщина с радостью наблюдала за этим.

– Теперь спать, – дождавшись, когда тарелка опустеет, распорядилась женщина. Она уже валилась с ног от усталости и прекрасно понимала, что дочь едва ли захочет снова ложиться. Но попытаться стоило.

– Ну, мам... – заканючила девочка, но мать жестом заставила дочь встать из-за стола, после чего махнула рукой в сторону детской комнаты. Пришлось повиноваться. Девочка зашагала по коридору, и женщина облегчённо вздохнула: на сей раз всё обошлось без длительных уговоров.

– Ложись сразу же, – громко проговорила женщина. – Я зайду и проверю. Приятных снов.

Дочь не ответила, но всё-таки, зайдя в комнату, разделась и легла. Причиной тому было не послушание, а усталость, которая из-за скудного питания почти никогда не покидала девочку. Сон пришёл почти сразу, и единственное, что слышала она сквозь дремотную пелену, это лязг посуды.

Домыв тарелки и расставив их по местам в сушилке, полная женщина села на стул и посмотрела за окно. Осенний мрак уже поглотил всё вокруг, и лишь редкие фонари сверкали звериными глазами. Вздохнув, хозяйка квартиры про-

тёрла глаза и вдруг подумала, что нынешняя ночь уж слишком спокойна даже для окраины города.

«Ничего, всё образуется... Всё... Всё будет хорошо... Хорошо...» – постепенно женщина, убаюканная собственными мыслями, заснула. Её голова склонилась к столу и вскоре легла на мягкие полные ладони. Снов не было, лишь какое-то странное чувство скребло на душе, не позволяя сполна расслабиться. Изредка издавая жалобные стоны, женщина двигала во сне губами, словно прося о чём-то. Сейчас ей явно мерещилось нечто неприятное...

– Нет... Не надо... Уходите. Оставьте меня в покое! Прошу... – раздавалось приглушённое бормотание. Иногда слова становились громче и в один из таких моментов, хозяйка квартиры очнулась от кошмара, навалившегося на неё. Подняв голову, она огляделась, слегка хлопнула себя ладонью по лбу, и прошептала: «Привидится же такое...»

Она встала и на негнущихся ногах прошла в спальню. Женщина собиралась лечь в постель, как вдруг до её ушей донёлся странный звук, напоминавший унывный механический вой.

– Сирена, – ощутив прилив страха, сама себе сказала хозяйка квартиры. Она торопливо подошла окну и пригляделась. Рядом, на улице, ничего не происходило – мерзкий звук раздавался вдаль, и женщина подумала, что что-то случилось у центральных ворот.

«Во всяком случае, мы сможем сбежать», – мелькнула ли-

хорадоочная мысль, и мать пошла в соседнюю комнату, чтобы разбудить девочку. Но та уже не спала. Она сидела на кровати, в её глазах читался страх.

– Быстро одевайся! – послышался приказной голос матери.

– Что случилось?

– Пока ничего. Но прошу, оденься и будь готова!

Сборы заняли около двадцати минут. Девочка тепло оделась, полная женщина собрала небольшой мешок провизии и накинула на плечи дождевой плащ.

«Главное, успеть выбежать из дома. Если сюда полетят снаряды, наша хижина рухнет, как карточный домик», – думала она, не сводя глаз с окон. К сожалению, на улице почти ничего нельзя было различить, и мать от злости и беспомощности кусала губы. Тем временем, к звуку сирены примешался какой-то ещё. Он был похож на крики птиц, но гораздо громче, страшнее, пронзительнее.

– Что это? – спросила девочка. Она стояла у двери, и тусклый электрический свет, падающий с потолка, очерчивал её скулы, нос и лоб, будто желая показать матери, насколько жалко выглядит её ребёнок. Но та не обратила внимания на болезненный вид дочери и приложила палец к губам.

– Тише. Не знаю, – ответила она, холодея изнутри.

Страх сковал нутро, и хозяйка квартиры в очередной раз с содроганием подумала, что грязные стены и дырявая крыша едва ли смогут их спасти. Ожидание становилось невы-

носимым. Вновь и вновь, когда звуки усиливались, женщина готова была вместе с ребёнком выбежать на улицу и нестись, куда глаза глядят, но в тот же миг, когда решимость овладевала ею, звуки немного успокаивались, и надежда вновь воскресала. Мозг матери продолжал судорожно работать:

«Если придётся бежать, – думала она, – то куда нам идти? К мужу? Нет! Только не к нему. Дочь отдам, а сама сюда... Нет! Так тоже не годится! Получается, я бросаю ребёнка... Что же делать?»

Вдруг раздался стук в дверь. Девочка вскрикнула, мать побледнела, но всё-таки подошла и открыла. Это был сосед.

– Что вам? – спросила мать, из-за страха не в силах любезничать. Мрачный старик в чёрной рубашке и такого же цвета брюках недовольно посмотрел на неё и ответил:

– Быть может, вы знаете, что происходит...

– Дексард, – произнесла женщина, – что же ещё...

Кажется, старика эта новость несколько не испугала. Он усмехнулся и, подмигнув девочке, выглядывающей из-за спины матери, произнёс:

– Кажется, пришло моё время.

Хозяйка квартиры побледнела.

– О чём это вы?

– Да так. Я пришёл сказать вам, на случай если вы сомневаетесь, бегите и не раздумывайте. Я многое повидал в этой жизни, но столь страшных звуков не слышал никогда. Могу поспорить, что на земле не было ничего и никого до недав-

него времени, что могло бы их издавать. Возможно, грядёт нечто ужасное. И если не хотите лишиться жизни и дочери, мой совет – бегите!

– Вы эовин? – догадалась женщина. – Уходите!

– Не тревожьтесь, я уйду весьма скоро, – старик вновь улыбнулся и побрёл прочь, в свою квартиру. Мгновение, скрип двери, и сосед исчез. Женщина, бледная, как смерть, не отрывала глаз от лестничной клетки, и голос старика, будто эхо, до сих пор звучал в голове.

«Бегите... Бегите... Бегите...»

– Быстро, пойдём, – сказав так, мать взяла в одну руку мешок с едой, а во вторую ладонь дочери. Девочка крепко стиснула пальцы матери, свободной рукой убрала за ухо локон русых волос и вздохнула, поняв, что сейчас главное – не мешать. Наконец, они пошли. Выйдя из дома, они остановились у дороги, и только сейчас мать поняла, что решение отдать дочь бывшему мужу было самым верным. Она с жалостью посмотрела на девочку, зашмыгавшую в ночной темноте, и ощутила, как в груди образовывается ком. Поморщившись от этой неясной боли, женщина прикусила губу и снова зашагала.

– Куда мы? – прозвучал жалобный голосок.

– К папе...

Кажется, эти слова немного успокоили девочку, однако, тёмная улица и неожиданное бегство продолжали пугать её. Чувство страха усугубляло ещё и то, что дочь понимала: ма-

ма испугана не меньше чем она.

Итак, они шли. Холодный воздух вызывал дрожь, темнота – первобытный ужас, но нечеловеческие крики, доносящиеся уже из города, гнали вперёд, не позволяя остановиться ни на секунду.

«Он живёт где-то у восточной оконечности. Значит, сейчас направо, потом по площади, а далее по западному проспекту... Если там сейчас никого нет, мы сумеем добраться за час», – мелькнуло в сознании матери, и она увлекла дочь по направлению к мрачной стене, отделяющей два городских района.

Пройдя под кирпичной аркой, они оказались на широкой, хорошо освещённой площади перед часовой башней, и испуганно огляделись. Здесь стоял страшный шум, оглушительный гвалт, издаваемый тысячами людей. Бессчётное количество горожан вышли из домов и, глядя куда-то в небо, говорили и кричали так громко, что мать и дочь на пару минут совершенно растерялись. Практически каждый из собравшихся здесь держал в руках массивный электрический фонарь, так что улица, и без того светлая, сверкала множественными огнями.

Едва не падая от усталости, женщина и девочка подошли к какому-то человеку, и мать из последних сил закричала: «Что здесь творится? Вы знаете, почему здесь столько людей?»

Мужчина, к которому она обратилась, скорчил гримасу и

махнул рукой.

– Никто не знает. Крики какие-то, может, нападение... – проорал он в ответ и куда-то пошёл. Мать хотела было двинуться вслед за ним, но поняла, что преодолеть столь страшную толпу вместе с ребёнком едва ли возможно.

«Так, спокойно! – сама себе сказала она. – Ничего пока не произошло. Эти звуки могут быть чем угодно. Здесь мы не пройдем... Надо возвращаться домой. Как только я могла послушать этого старого сумасшедшего. Идиотка!»

– Мы возвращаемся. Ничего с нами не случится! – нагнувшись к девочке, твёрдо сказала мать и уже хотела было пойти к арке, как вдруг толпа заревела, звуки, внушавшие так много страха, стали громче, и полная женщина невольно остановилась. Она оглянулась, сначала ничего не поняла, но позже, посмотрев на небо, совершенно обомлела. Там, во мраке, среди туч и облаков стремительно носились чёрные точки. Она были едва различимы, но их выдавал невыносимый скрежет, тотчас заставивший людей в панике разбежаться.

– Грядёт конец света! – взвизгнул какой-то мужчина и без сознания рухнул на тротуаре. Его накрыло нахлынувшей волной людей, и он больше не вставал. Тысячи ног прошли по его телу, раздробили кости, продавили грудную клетку, превратили человеческую оболочку в фарш, и камни, которыми была вымощена площадь, обагрились кровью.

Крики толпы стали невыносимы. Полная женщина едва успела взять ребёнка на руки и подбежать к арке, как вдруг

звуки в небе усилились, слились в единую inferнальную мелодию, в которой различались птичьи крики и электрический вой сирены, и нечто невидимое ударило в башню, стоявшую у правого края площади. Люди в панике шарахнулись прочь, но громадная постройка из серого булыжника уже накренилась, её металлические части погнулись, завылели, и после роковой минуты строение обрушилось и погребло под собой несколько сотен человек.

Девочка пронзительно закричала, но мать больше не позволила ей смотреть на то, что происходило вокруг. Она бросилась прочь, а чёрные точки продолжали носиться в небе и кричать, кричать, кричать...

«Умоляю, кто-нибудь помогите. Я должна спасти её...»

Женщина слышала, как за ней несётся испуганная толпа, и изо всех сил перебирала ногами. Девочка на руках стала невероятно тяжёлой, и мать поняла, что виной тому усталость.

Тем временем, нечто, кружившее меж облаков, снова приготавлилось атаковать. Мгновение, нарастание вибрации, ещё мгновение и удар. На этот раз волна врезалась в массивное здание банка. В воздух взвился столб дыма, что-то загудело, и здание провалилось куда-то вниз. Лишь белая каменная крыша, изуродованная множественными трещинами, торчала над уровнем земли.

«Это конец», – мелькнуло в сознании матери пред тем как она, не заметив выбоины на дороге, упала и инстинктивно

отпихнула от себя дочь. Девочка покатила к обочине и замерла, уткнувшись лицом в пыль. От пережитого она потеряла сознание.

Ощущая дыхание и вибрацию, производимую множественными шагами, женщина вскрикнула, повернула голову, чтобы посмотреть на дочь и тут же ощутила, как в её спину врезается чей-то каблук. Мать закричала ещё громче, но люди не останавливались. Их гнал страх, и жизнь постороннего человека теперь для них ничего не значила. Кровь горячими струями хлынула по коже, женщина попыталась встать, но на неё наступали снова и снова, чьи-то ноги давили и плющили, ломали и рвали, так что вскоре она замерла и больше не двигалась. Искалеченная правая рука, наполовину оторванная от плеча, лежала в грязи, и пальцы на ней в предсмертном порыве были направлены в ту сторону, куда мать отбросила дочку. Та до сих пор лежала ничком и, к счастью, не видела и не слышала того, что происходило перед ней.

– Вот видите, Найкри: никто не пострадал, город вскоре будет уничтожен, слаженного сопротивления нет, и всё за одну ночь, – Инстернис стоял на вершине земляной насыпи и смотрел на клокочущий в низине Этрин. Город сверкал тысячами огней. Крики, звучащие за могучими стенами, оглушали, и Бертрам со страхом смотрел на специального офицера. Граус выглядел спокойным, слегка улыбался и внимательно следил за птицами, сеющими смерть по его приказу.

– Это ужасно... – едва шевеля губами, прошептал старик.

– Солдаты смотрят? – поинтересовался Инстернис.

– Конечно...

– Хорошо. Они должны видеть, как много может их страна. Надеюсь, они гордятся. Ещё бы... В мировой истории это впервые, когда целый город превращается в прах без единой потери со стороны нападающих, – Граус ухмыльнулся. – На рассвете всё будет кончено...

– Вы полагаете?

– А что может случиться? Ну же, скажите, что, по-вашему, способно помешать нам?

– Что если они мобилизуются, соберутся... – нехотя проговорил Найкри.

– Пусть собираются, – Инстернис пожал плечами. – С кем они будут сражаться? С птицами? Со своими же обезумевшими людьми? Может быть, с нами, защищёнными и как никогда сильными? Нет, Бертрам, нам никто не помешает, и сегодня же утром мы пошлём в столицу послание: Этрин взят!

XV

Ворон вернулся ночью, когда Евгений, замёрзший, обесилевший, но сытый, пытался уснуть, растянувшись на влажной траве. Рядом с ним, на земле, сидели две птицы, готовые в любой момент защитить создателя. Третья, самая большая, покинула Раапхорста вечером, ощутив волнение черноволового мужчины. Сам того не осознавая, он тревожился о судьбе освобождённой им девушки и двоих воинов, бывших рядом с ней. Птица заметила это и, не подав никаких знаков, унеслась вслед за недавними противниками Евгения. Теперь она должна была о чём-то рассказать.

Раапхорст не спал. Ощущая собственное неровное сердцебиение, он мысленно пролистывал события прошедших месяцев и надеялся, что это поможет ему расслабиться. Но сон не приходил, и черноволосый мужчина начинал нервничать. Появление птицы, привело Евгения в чувство. Эовин поднялся с травяного ложа, отряхнулся и поднял руку, приглашая ворона сесть. Птица издала приветственный крик, снизилась и несильно вцепилась когтями в запястье Раапхорста. Мужчина посмотрел в глаза ворона и мысленно спросил: «Где ты был?»

В сознании возник образ пустошей и три тёмных фигуры, шатающиеся, слабые, растерянные.

– Они до сих пор идут? Неужели они явились сюда пешком? Едва ли... Возможно, они заблудились, – Евгений тотчас понял, зачем птица показывает ему его бывших врагов и мысленно поблагодарил ворона.

За предположением Раапхорста последовал гортанный звук, изданный птицей, и новый образ – ужасающий, невероятный. Одной секунды Евгению хватило, чтобы решиться.

– Мы идём к ним! Они далеко? Проклятье! Тогда летите вперёд и помогите им. Во что бы то ни стало сделайте это, – воскликнул эовин и взмахнул рукой, тем самым призывая птиц поторопиться. Вороны повиновались. Они взмахнули крыльями и понеслись вверх.

«Зачем я это делаю? – сам себя спросил Раапхорст. – Неужели я настолько боюсь одиночества?»

Мужчина нахмурился, но тотчас оставил эти мысли и изо всех сил бросился бежать за воронами. Силы его давно иссякли, болели мускулы, болело сердце, но Евгению было всё равно. Он понимал только то, что нечто неодолимое заставляет его помогать бывшим врагам. Возможно, то было человеколюбие...

– Проклятье! – взвыл Эдер, оттолкнув Невелис. Позади неё из ниоткуда возник палач. Циркулярная пила на его левой руке заскрежетала, но старик оказался проворней. Тетра-волна с визгом врезалась в обезумевшую машину, и

монстр, упав на спину, забарахтался, словно жук. Светловолосая девушка успела лишь вскрикнуть, и справа от неё рухнул ещё один монстр, сражённый ударом Леона. Мужчина тяжело дышал, озирался, стискивал зубы, но не отступал. Он как никогда понимал, что сейчас на кону не только его жизнь, но и жизни дорогих ему людей.

– Надо бежать, – прохрипел старик. – Мы не справимся, их слишком много!

Действительно, палачи наступали. В воздухе ощущался запах бензина, и то тут, то там, во мраке вспыхивали красные огоньки.

– Ты прав, – Леон кивнул. – Нужно прорваться через них и... И как-то поступить с Невелис. Ты же видишь, она едва ходит.

– Ты понесёшь её. Я попытаюсь расчистить путь. Иначе нельзя, – голос Эдера звучал твёрдо, и молодой солдат понял, что спорить бессмысленно. Он кивнул и подошёл к девушке. Невелис улыбнулась, и сердце воина заныло: её улыбка была жалкой, сквозь неё проступал страх. Незаметно для Эдера Леон прошептал: «Не волнуйся, я сделаю всё для тебя».

Тем временем, палачи приближались. Окинув их взглядом, старик подсчитал около сотни машин. Они гремели у подножия холма, на котором находились загнанные солдаты, и лишь самые лёгкие предпринимали попытки взобраться. В этом заключалось преимущество эовинов, но сдерживать пусть и редкие атаки становилось всё сложнее.

Мало того, что воины заблудились на обратном пути, так ко всему прочему добавилось и самочувствие девушки. Ей постоянно становилось плохо, подступала тошнота, и Невелис просила остановиться. Так они двигались несколько часов, и только к вечеру осознали, что всё это время ходили кругами. Вскоре их настигла новая опасность – механические чудовища, и эвинам пришлось бежать. На довольно высоком холме они нашли убежище, но опасность приближалась, и оставаться на месте становилось невозможно.

Услышав голос Леона, девушка ощутила, как сердце забилось быстрее, и на её глазах навернулись слёзы. Она вздрогнула и прильнула к молодому человеку, сама того не ожидая. А между тем, в её порыве не было ничего странного, ведь как бы ни была она сильна, Невелис поступала, как и все женщины: искала помощи, утешения, защиты у мужчины. Душа Леона наполнилась радостью. Этого момента он ждал давно.

«Я защищу тебя», – мысленно сказал он, и взял Невелис на руки.

Тем временем, Эдер, подготовившись к атаке, обернулся и промолвил:

– Счастья вам...

Леон не успел ответить, ведь в этот же миг старик издал ужасающий вопль, и вибрация, спиралью закручиваясь в воздухе, ударила в центр толпы палачей. Раздались взрывы, вспыхнули оранжевые языки пламени, и дым чёрными жирными клубами устремился к небу. Мужчина с девушкой на

руках ринулся в толпу, объятую огнём. В лица беглецам ударил жар, влажная земля пружинила под ногами, и Леон, не останавливаясь ни на секунду, мысленно молил богов, давно канувших в забвение, о помощи.

Вокруг метались взбешённые машины. Их доспехи горели, красные глаза-огоньки лопались, и по уродливым железным лицам текли струйки крови. Будь молодой мужчина слабее, он наверняка повернул бы, но он был силён и, заставляя себя не вглядываться в окружающий ад, мчался вперёд. Эдер, нанёсший первый удар, последовал за молодыми людьми и атаковал палачей всякий раз, когда они преграждали путь. Раздавался визг, огонь метался в пространстве, перекидываясь с одной спины, покрытой сварочными швами, на другую. Железные когти, дрели, выпирающие из лиц, гигантские кривые лезвия, дополнительные руки-костыли, прогнившие трубы, ржавые головы – всё горело и сливалось в безумную массу, достойную адского полотна.

Звуки, разносившиеся над пустошами, были под стать зрелищу: скрежет, гром, низкий вой, взрывы. Стоило лишь огню добраться до топливного бака одного из палачей, как тотчас грохот становился нестерпим, и новое пламя, больше и жирнее, поднималось к небу. Оно двигалось, оно танцевало, а палачи, словно живые свечи, носились по влажному песку, падали, поднимались, сталкивались, пока окончательно не покидали этот мир.

Вскоре Эдер обогнал Леона и теперь расчищал путь, слов-

но метельник, установленный на передней части локомотива. Вибрации старика, так напоминавшие колокольный гул, раздавались снова и снова, и палачи, охваченные огнём, падали и больше не поднимались. Но чудовищная толпа, тем не менее, не становилась меньше – появлялись новые палачи, а силы старика постепенно истощались. Неожиданно командир остановился. Он обернулся и посмотрел на солдат «Клингенрайс» – испуганных, ослабших, но по-прежнему наполненных стремлением жить во что бы то ни стало.

– Что ты скажешь, Леон, если я сделаю это? Ведь ты понимаешь, иначе вы не спасётесь, – губы старика искривились в странной улыбке. Он поднял руку над головой и щёлкнул пальцами. Молодой солдат, словно загипнотизированный, следил за ним. В первое мгновение он хотел закричать, отговорить, переубедить командира, но позже, вспомнив о Невелис и об упрямстве старика, молча кивнул и закрыл глаза. Он ощутил ком в горле и резкую боль, мелькнувшую в груди.

– Значит, время пришло? – солдат услышал свой собственный голос – неуверенный, слабый. Старик кивнул, опустил руку и сел на колени. Невелис что-то прокричала, но Леон заставил её замолчать.

– Как ты можешь? – не унималась девушка. – Ты этого не допустишь, верно? Эдер, не смей!

Однако, секундой позже посмотрев на Леона, Невелис замолкла по собственной воле: в глазах воина блестели слёзы,

и его лицо – мужественное, отмеченное чертами благородства и силы, сейчас приобрело столь жалкое выражение, что девушка почувствовала страх.

«Шторм...» – мелькнуло в её сознании, и, словно услышав это, Леон ещё крепче обнял Невелис. Близился роковой момент, который должен был положить конец адской ночи. Эвины знали, что последует далее. Им надлежало бежать, но Леон не мог ступить и шагу. Он смотрел на старика и понимал, что видит его в последний раз. Из оцепенения молодого солдата вывел голос Эдера:

– Не грусти, мальчик. Ты же знаешь, всё, что исходит из мира иного, туда же и...

– Возвращается, – договорил Леон, и старик кивнул.

Всё произошло стремительно. Настолько, что ни Леон, ни Невелис, не поняли, как они оказались на земле. Они успели лишь недалеко отбежать от Эдера, после чего страшная тетра-волна ударила их и повалила на песок. Закрыв девушку своим телом, мужчина стиснул зубы и зажмурился. Вокруг бушевало пламя, гремели палачи, они метались, словно разъярённые звери, но волны, испускаемые стариком, неизменно настигали их и превращали в груды ржавых обломков. Псионический шторм был самым грозным оружием эвинов и применялся единожды за всю жизнь. Высвобождая чудовищное количество энергии, воин мог достигнуть любой це-

ли, но неизменно уничтожал себя. Его тело не справлялось и за считанные минуты погибало, становилось слабым, лишалось жизненной силы. Именно на это и пошёл Эдер, чтобы дать молодым шанс выйти из пекла живыми.

Это закончилось так же внезапно, как и началось. Волны иссякли, низкая вибрация стихла, и молодые люди после минуты ожидания с трудом встали на ноги. Оглядевшись, они задрожали – палачи были отброшены, многие обуглившееся остовы чернели в догорающем пламени, но за ними, на сотни метров возвышались невредимые чудовища. Даже жизнь боевого зовина не смогла положить конец кровожадным машинам.

– Вот и всё, – прошептала девушка. – Мы не сможем уйти. Они не выпустят нас...

Леон нахмурился и строго посмотрел на Невелис.

– Не смей так говорить! Мы спасёмся, верь мне!

Девушка недоверчиво улыбнулась, но спорить не стала. Машины загудели, и сотни изуродованных временем механизмов пришли в движение. Они шли медленно, и зовины видели, как сквозь невысокое пламя к ним приближаются гротескные чёрные силуэты с красными точками вместо глаз. Леон и Невелис прижались друг к другу. Девушка ожидала смерти, молодой воин же судорожно продумывал план спасения. Но на ум ничего не приходило, лишь мысль – «Сражаться до последнего!» Так воин и решил поступить: ничего иного не оставалось.

Внезапно где-то вдалеке послышались уже знакомые вибрации.

– Птицы? – удивлённо проговорил Леон. – Не может быть... Он хочет добить нас! – эти слова воин произнёс грозно, ощутив ненависть.

– Нет, – отозвалась Невелис. – Ему это не нужно...

– Ах, так ты знаешь, что ему нужно! – сорвался солдат. – Что же, расскажи!

Девушка внимательно посмотрела на мужчину и произнесла:

– Не говори со мной так, будто я в чём-то виновата. Мне известно не больше чем тебе, просто я думаю, Раапхорст не желает нам зла. Он мог давно расправиться с нами с помощью своих монстров. Ему не было нужды ждать палачей, ведь даже мы, солдаты «Клингенрайс», не смогли ничего сделать. Забыл?

Леон раздражённо мотнул головой, но вынужден был согласиться. Действительно, Раапхорст не имел цели для нападения, но вибрации, всё усиливающиеся, несомненно, принадлежали его птицам. Тем временем, механоиды с грохотом ковыляли к своим жертвам. Что руководило этими некогда живыми созданиями? Голод, ненависть ко всему живому? Безумие? Пожалуй, оставалось лишь догадываться, ведь до сих пор никто точно не знал, что за существа населяют пустоши и откуда они взялись. Кто-то говорил, что палачи задумывались как оружие, кто-то – что они лишь промыш-

ленные машины, вышедшие из под контроля. Но находились и те, кто говорил о переселении душ, о дьявольских ритуалах, проводимых эовинами-отщепенцами, и прочих мистических теориях. Так или иначе, дать достоверного ответа никто не мог, а потому о палачах старались не говорить. К тому же, большинство жителей Дексарда ровно так же, как и Арпсохора, не подозревали о существовании железных чудовищ. Рассказать о них могли лишь очевидцы – жители приграничных районов, но делали они это редко и неохотно, ведь даже самое малое воспоминание могло воскресить ужас, неизменно проникавший в человека при первом взгляде на алые точки, вдруг возникшие в ночи.

«Что же это такое? Если Невелис права, и предатель не желает нам зла, значит, он хочет помочь... Нет, это невероятно...» – подумал Леон и наугад ударил куда-то в металлическую толпу, надеясь выиграть хотя бы несколько минут для раздумий.

Птичьи вибрации продолжали усиливаться, и вскоре слышались крики. Подняв голову, солдат пригляделся, но ничего не заметил. Тучи, снова наплывшие на небо, чернели беспроглядной тьмой, и различить среди них силуэты воронов было невозможно. Молодой солдат мог ориентироваться разве что на звуки, но птицы двигались так стремительно в небесной выси, что вскоре Леон оставил это занятие.

«Пусть делают, что хотят», – сам себе сказал воин и в ужасе огляделся. Всё больше палачей пытались подняться

на холм, и от грохота, издаваемого их телами, закладывало уши, дрожала земля. Где-то позади уцелевших монстров, доргорали останки их собратьев. Иногда кто-то из механоидов останавливался и осматривал тела павших, рассчитывая, видимо, добыть необходимые детали. Однако, Леон, по молодости привыкший искать нечто человеческое даже там, где его априори нет, решил, что палачи скорбят. Эта догадка заставила солдата замешкаться, и он не заметил, как позади них на холм почти взобрался один из наиболее лёгких техно-палачей. Своим строением он напоминал человека, за исключением пары дополнительных рук. Он бесшумно переступал по песку на своих металлических ногах и вскоре встал за спиной светловолосой девушки. Наконец, всё-таки что-то почувствовав, солдат обернулся и закричал. Монстр поднял над головой Невелис когтистую лапу.

На лице девушки отпечатался страх. За долю секунды она всё поняла, и осознание близости смерти парализовало её. Зрение Леона сфокусировалось на Невелис, и солдат увидел в мельчайших подробностях, как ржавое зазубренное лезвие приближается к белой шее. Он закричал и закрыл глаза. Послышался странный звук, что-то ухнуло, засвистело, расплылось в пространстве низкими частотами и вдруг стихло. Леон стоял оглушённый и боялся не то что пошевелиться, но и открыть глаза.

«Она мертва, – мысленно повторял он. – Она мертва...»

Мужчина услышал биение своего сердца и через секунду

понял: по его щекам текут слёзы. Он не мог совладать с собой и в этот миг был готов отдаться на растерзание палачам, полагая, что более смысла сопротивляться нет. Вдруг чья-то рука, лёгкая и холодная, коснулась его плеча. Леон вздрогнул и отшатнулся. Открыв глаза, он около минуты безмолвно смотрел на Невелис, живую и невредимую, и не мог поверить в то, что видит её.

– Ты... – только и сумел сказать солдат и заключил девушку в объятия. Она улыбалась и тоже ничего не говорила, видимо, почувствовав, что слова сейчас неуместны.

– Прости меня, – дрогнувшим голосом взмолился Леон. – Я не сумел защитить тебя и думал, ты мертва. Какой я идиот!

– Не надо... – прошептала девушка. Вдруг, из-за её спины выглянули два ворона, и, заметив их, солдат вздрогнул. Он попытался оттолкнуть Невелис, но она, догадавшись о его намерениях, остановила его.

– Они не причинят тебе зла. Благодаря им, я спасена.

– Но как... Они не могли знать, где мы. Значит, они следили. Как мы не заметили их? Как?!

Девушка не успела ответить. Палачи, вдруг отошедшие на второй план, сейчас снова напомнили о себе. Дрожь земли усилилась, и птицы, до этого сидевшие с эовинами, взмыли в небо. Они помнили о приказе Евгения, защищать его бывших врагов и теперь готовились к нападению.

– Рано расслабляться, – сказала Невелис. – Я думаю, сейчас они продолжат бой, начатый нами. Мы должны успеть

прорваться, когда они будут атаковать.

– Одни чудовища бьются с другими, – мрачно заметил Леон, но спорить не стал.

Вороны двигались молниеносно. Мгновение, и скопище гремящих монстров поразила невидимая мощь.

XVI

Грузовик, чей кузов был скрыт грязным тёмно-зелёным тентом, в сопровождении десяти подобных машин ехал, подпрыгивая на кривой выщербленной дороге. Шёл слабый дождь, и редкие мёртвые деревья, чернели там и тут. Серые безжизненные холмы вздымались у горизонта, и Максим Раапхорст, глядя на это, испытывал чувство, отдалённо напоминающее грусть. Он сидел рядом с солдатами сопротивления, но не слышал, о чём они говорили. Мужчина не мог выкинуть из головы случившееся не так давно.

«Кто же этот осведомитель, о котором говорил связной? Они доверяют неизвестно кому, и считают мою осторожность странной. Неужели, по их мнению, я должен верить тому, кого даже не видел?» – размышлял Максим и отвлекался от своих мыслей, лишь когда грузовик подпрыгивал на колдобинах слишком сильно. Мужчина тотчас брался рукой за металлический каркас кузова, боясь рухнуть на пол, где сидели те, для кого не нашлось места на лавках.

– Вот оно, – неожиданно сказал кто-то и ткнул пальцем в пространство. Максим посмотрел в указанном направлении и похолодел. Подойдя к краю кузова, он высунул наружу голову и так остался стоять, не в силах оторваться от зрелища, открывшегося ему. Во взгляде мужчины мелькнула тревога,

причиной которой стало громадное здание, расположившееся в нескольких километрах от дороги, по которой ехал грузовик. До строения оставалось ещё так много, но оно уже было хорошо видно, и Эовин понял: оно невероятно большое. Его фасад имел грязный тёмно-оранжевый оттенок, и центральная башня, обшитая ржавым железом, возвышалась на многие метры над основным заводским ангаром. Он был гораздо ниже, но составлял большую часть здания, по сути, являясь его основой.

– Мы туда едем? – спросил Максим. В ответ раздался смех, и мужчина понял, что был прав.

«Даже подумать страшно, что там кроется», – подумал Раапхорст и сел на место. Он надеялся, что до страшного здания они доберутся ещё не скоро.

В палате было светло и тепло. Белые занавески свисали по обе стороны чистого окна, и солнечный свет ярким параллелограммом падал на гладкий, выкрашенный оранжевой краской, пол. Пахло спиртом и чем-то сладким, приятным. На тумбочках у каждой из четырёх кроватей лежало свежевывстиранное бельё; в коридоре, за белой дверью, слышались шаги и чьи-то голоса, впрочем, ничуть не нарушавшие приятную обстановку этого места. Пьер лежал в постели с загипсованной рукой и поглядывал по сторонам, ни о чём не заботясь. Иногда он что-то насвистывал, и даже ра-

нение в руку, полученное на одном из плановых занятий по стрельбе, не мешало ему радоваться жизни. Юноша не унывал и был в прекрасном расположении духа. Того же нельзя было сказать о его соседе с перебинтованным лицом. Обычно он лежал, отвернувшись к стене, и не произносил ни слова, словно забыл, как говорить.

«Надо же, – думал Пьер, глядя на могучую спину, иногда вздрагивающую под одеялом, – тогда перед полковником он был живее. Что же с ним случилось?»

Но спросить об этом не представлялось возможности. Сосед почти не вставал, а если ему приходилось подняться с постели, он тотчас спешил покинуть палату, боясь даже взглянуть на Пьера. Такое поведение, конечно, показалось юноше странным, но после коротких раздумий, он решил не вмешиваться, а потому сейчас, дожидаясь обеда, ни о чём не волновался. Лишь единожды юноша задумался и даже помрачнел, вспомнив, как их заставили смотреть на падение Этрина.

«Город сгорел за секунды», – мелькнуло в сознании Пьера, и он поспешил отогнать эти мысли. Он заставил себя улыбнуться и постепенно вернул то состояние, в котором пребывал последние несколько часов.

– В конце концов, я должен был знать, что на войне без гибели никуда. Такое уж это дело, – шёпотом произнёс парень. – Всё могло сложиться гораздо хуже. Без монстров, которыми руководил Граус, я и многие солдаты могли и вовсе умереть...»

Сказав последние слова, парень усмехнулся и вновь посмотрел на спину молчаливого соседа. Тот по-прежнему лежал лицом к стене и, кажется, спал. Тут в коридоре зазвенел колокольчик, и Пьер радостно хлопнул здоровой рукой по бедру. Он понял: всех созывали на обед. Парень встал, и собирался было выйти из палаты, как вдруг остановился, отчего-то вспомнив о соседе. Немного покашляв, Пьер сказал:

– Вы идёте? Обед.

Ответа не последовало. Юноша пожал плечами и вышел в коридор.

«Какое мне дело...» – решил Пьер и торопливо зашагал по направлению к столовой вместе с остальными немногими пациентами.

Несмотря на то, что война уже началась, раненых было крайне мало. Основные боевые действия планировались на более поздний срок, а потому сейчас в госпитале, расположенном в одном из захваченных поселений, находились в большинстве своём такие же неудачники, как Пьер, получившие ранения в ходе обучения стрельбе или споткнувшиеся на ровном месте и заработавшие перелом.

Юноша бодро ступал по гладкому полу и оглядывался по сторонам, словно рассчитывая, увидеть нечто, что точно ему понравится и упрочит и без того прекрасное настроение. Впереди мелькнул светлый прямоугольник окна, и юноша решил подойти и посмотреть на внешний мир. Приблизившись к подоконнику, парень опёрся на него здоровой рукой

и слегка наклонился, желая разглядеть, сквозь стекло, нечто у горизонта. Желтели берёзы, листья покрывали землю, и сквозь них кое-где до сих пор проступала зелёная трава, казавшаяся, живой и свежей. Погода выдалась на редкость ясная, а потому Пьер жадно всматривался в каждую деталь, открывшегося перед ним пейзажа. Солнце ярко освещало землю, истосковавшуюся по эфемерному теплу, в небе неспешно плыли облака, и иногда где-то кричали птицы.

Насмотревшись, юноша собирался было пойти дальше, как вдруг к нему подошла девушка в белом халате и красным крестом, повязанным на левую руку.

– Вам плохо? Почему на обед не идёте? – строго спросила она, взглянув на парня. Тот, облачённый в больничный халат, пожал плечами и совершенно растерялся.

«Какая бойкая, – подумал он и мысленно сравнил её с Миленой. – Нет, та была овечка, а эта – львица!»

– Молчите? – продолжала врач. – Ну же, скажите хоть что-то! Я ведь не ругаю вас. Как вы себя сейчас чувствуете?

– Прекрасно, – сдуру ответил Пьер, во все глаза глядя на собеседницу. Девушка, действительно была красива, впрочем, не более того: стройная фигура, светлые волосы, невысокая, чистая и строгая. Что-то в этом сочетании зацепило юношу, и потому сейчас он вёл себя, словно лишился ума.

– Правда? – девушка улыбнулась. – Так пойдёмте в столовую. Вы же не хотите, чтобы вас ждали?

Юноша помотал головой и, будто в полусне, пошёл за вра-

чом. Она двигалась быстро, и парню показалось, что в ней чертовски много силы, несмотря на довольно хрупкую фигуру.

– Как ваше имя? – обернувшись, спросила девушка.

– Пьер. Пьер Врей, – ответил юноша, отчего-то подумав, что он похож в этот момент на ребёнка, стеснительного и слабого. – Я рядовой... – поспешно добавил он, решив, что это важно. – Здесь с простреленной рукой.

Врач кивнула. Через минуту она оставила Пьера у столовой и пошла прочь, на прощание сказав:

– Приятно было познакомиться. Будьте осторожны, огнестрельное ранение – вещь неприятная. Выздоровливайте.

– Подождите, – набравшись смелости, неожиданно выпалил парень. – Как ваше имя?

– Алисия Винтехальт, – девушка не обернулась, даже не остановилась, лишь слегка замедлилась.

Юноша кивнул. Он стоял у дверного проёма, перед ним проходили какие-то люди, но Пьер не видел их, погружённый в прелестные фантазии, где он и Алисия шли, держась за руки. Девушка очаровала солдата, и через пару минут он понял, что чувствует себя ещё лучше, чем пару часов назад. Теперь приятное томление и прекрасное настроение переросли в некое чувство, тем не менее, назвать которое любовью, юноша пока не дерзнул.

«Нужно встретиться с ней вновь, и тогда всё станет понятно», – подумал он и на негнущихся ногах вошёл в столовую.

Вернувшись в палату, Пьер застал соседа в точно таком же положении, в каком оставил его перед обедом. Мужчина с перевязанным лицом, лежал на правом боку, укрытый одеялом, и мерно дышал.

– Эй, – набравшись решимости, позвал парень, – вы в порядке? Обед уже прошёл, но если пойдёте сейчас, может быть, ещё успеете что-нибудь съесть.

Голос юноши был чист и притворно весел, однако Пьер испытывал нечто вроде волнения. Он помнил своего соседа, помнил, как он не побоялся заговорить с полковником, как один посмел подать голос, не взирая ни на разницу в званиях, ни на присутствие Инстерниса. Сейчас же тот смельчак превратился в безмолвного пациента, не желающего ни говорить, ни есть.

Слова Пьера остались без ответа, но парень был почти уверен, что его слышат. Дело в том, что после сказанного, дыхание мужчины с перевязанным лицом стало тише, и Пьер догадался, что тот хочет выглядеть спящим.

«Это не моё дело, но...» – юноша переступил с ноги на ногу и вздохнул, ощутив прилив любопытства.

«Здесь будет слишком скучно, если я всё так оставлю. Стоит наладить отношения с этим молчуном. Может быть, он разговорится, и мы хоть в карты сыграем», – решил Пьер. Он сжал кулаки, сделал два шага по направлению к занятой

кровати, дыхание лежавшего мужчины стало совсем тихим, и, достигнув цели, парень дотронулся рукой до его плеча.

– С вами всё в по...

– Пошёл вон! – подскочив так, что ножки кровати страшно грохнули по полу, взревел сосед.

Пьер в ужасе отшатнулся, едва не упав на больную руку. Сердце его бешено заколотилось, и юноша не смог ничего сказать. Он безотрывно смотрел на лицо мужчины, повернувшегося к нему. Бинты скрывали правый глаз, и в центре повязки краснела алая капля – сгусток крови.

«Он лишился глаза», – догадался юноша и, придя в себя, встал и отошёл к своей кровати. Его сосед по-прежнему смотрел на него единственным глазом, и в этом взгляде читались презрение и ненависть.

– Извините, – прошептал Пьер.

– Что мне твои извинения? – твёрдым голосом отозвался мужчина. – Вот всегда так! Хочешь побыть один, подумать... Но нет! Подселят такого, как ты! Любопытное ничтожество! Лучше бы меня тогда насмерть избили...

Пьер молча слушал. От этих слов в его душе всколыхнулись гордость и обида, однако, юноша понял, что действительно виноват.

– Я не хотел, – после минуты молчания сказал он.

– Нет, хотел! – ответил мужчина. – Видишь же, что ни говорить, ни есть не хочу. Думаешь, это от вредности?

Пьер покраснел.

– Нет, что вы, просто....

– Что? Ну же, говори, и смотри мне в глаза... Иначе, это неприлично!

Юноша удивлённо воззрился на перебинтованное лицо Адела Фриншлайта, и понял, что даже с одним глазом, этот мужчина вызывает в нём неподдельное восхищение.

– Я сказал «смотри», а не «пялься». Есть разница, не находишь? Ну же, что тебе надо? Только не говори, что волнуешься о ком-то, кроме себя. Не поверю.

Парень замешкался. Он захотел было признаться и сказать, что ему всего лишь стало скучно, но догадался, что эти слова вызовут неминуемый гнев.

– Отчего же, не поверите? – как можно спокойнее спросил он. Его сосед покачал головой.

– Никого не волнует чужая судьба. Ни тебя, ни меня, ни кого бы то ни было вообще.

Пьер раскрыл рот, чтобы возразить, но Адел перебил его и махнул рукой.

– Ты мне надоел, – сказал он. – Замолчи и больше не лезь. Ничего не хочу слышать. Ты же должен понимать хоть что-то...

На этом попытки юноши наладить контакт прекратились. Тому способствовал гневливый нрав Фриншлайта, ненависть, звучащая в каждом слове, и тот факт, что Пьеру вско-

ре стало не до скуки и не до соседа. Каждый день он виделся с Алисией и постепенно, сам того не осознавая, позволял чувствам точить своё молодое сердце. Её взгляд, улыбка, движения, голос – всё это, словно стрелы, казалось, были направлены в одну цель и успешно её достигали. Молодой человек влюбился, и осознание этого стало для него одновременно и счастьем, и проклятьем, ведь до нынешнего момента юноша никого по-настоящему не любил. Теперь же он отчётливо понял, игры кончились, и в случае чего, потеря Алисии станет для него нестерпимой.

«Неужели нужно было мотаться так долго, чтобы однажды встретить её и захотеть остановиться? – думал парень. – А как же моя перелётная натура? Она успокоится или даст о себе знать позже? Что если она явится, и всё пойдёт прахом... Нет, от Алисии я не отступлюсь. Сломаю себя, но не отступлюсь!»

Но признаться в своих чувствах он не торопился. Юноша выяснил у одного из пациентов, пожилого мужчины со сломанной ногой, что Алисия не замужем, не обручена и вообще не имеет никого на примете. Это придало парню уверенности, и он решил молчать, до тех пор пока не удостоверится наверняка, что сиюминутный порыв не заставит его сбегать, как то было с Миленой. Потому он терпел, но не лишал себя возможности показывать свою преданность избранной девушке. Юноша улыбался ей, говорил вежливо, тщательнейшим образом подбирая слова, придерживал двери, пропус-

кал вперёд и не слишком успешно в силу своей травмы помогал ей. Он гадал, видит ли и понимает ли она его поступки, догадывается ли, какая цель скрыта за ними.

«Она умна, так что, скорее всего, она всё поняла, – убеждал себя парень, лёжа по ночам без сна. – Как только придёт время, я всё скажу ей, но пока я не могу быть в себе уверен».

Через пару дней заговорил Фриншлайт. Вечером, когда Пьер вернулся из столовой и собирался перед сном пролистать журнал, один из многих, которыми снабжали войска, Адел встал с кровати и подошёл к парню. Юноша пристально посмотрел на него, припоминая, не потревожил ли он чем-то соседа. Но тот хоть и был собран, но далеко не разгневан. Сев на стул, стоявший у окна, Фриншлайт взглянул на улицу за стеклом и сказал:

– Послушай, я бы хотел попросить у тебя прощение. Я не должен был так вести себя. Был не прав, признаю.

Пьер встал. Он не знал, что ответить.

– Ну, так что? Ты до сих пор злишься? – с едва различимым напряжением, видимо, из последних сил сдерживаемым, проговорил Адел. Он по-прежнему смотрел в окно, желая казаться спокойным и незаинтересованным, но скулы, сведённые напряжением, выдавали его истинное настроение. Пьер вздохнул и покачал головой.

– Нет. Ничего страшного. Я не держу на вас зла.

– Это радует.

Голос Фриншлайта был холоден, будто мужчину совер-

шенно не волновал нынешний разговор, будто он затеял его лишь ради развлечения.

«Но почему, он так напряжён? – про себя подумал Пьер. – Ему что-то нужно...»

– Ладно, хорошо, что всё так закончилось, – весело сказал юноша и собирался снова погрузиться в журнал, как вдруг Адел, оглядевшись, спросил:

– Скажи, ты знаешь, где здесь запасной выход?

«Вон оно», – сам себе сказал юноша и недоуменно пожал плечами, рассудив, что в таком деле он не помощник. Фриншлайт нахмурился, одна из его бровей была скрыта повязкой, но и она сдвинулась вниз; взгляд единственного глаза наполнился холодной строгостью.

– Не лги, – грозно проговорил Адел и шагнул к Пьеру. Тот отшатнулся и поднял здоровую руку, готовясь защищаться. Но мужчина не думал нападать. Он понимал, что своего он может добиться лишь уговорами или угрозами, но не физическим насилием.

– Зачем вам... Тебе? – жалким голосом спросил юноша. – Ты хочешь сбежать? Если так, то проблемы будут и у меня.

– А, так ты боишься! – едва удержавшись от крика, воскликнул мужчина. – Трус и ничего больше! Неужели так?

«Как же тебе объяснить, что не в моих интересах бросать тень на и без того неидеальную репутацию. Если Алисия узнает об этом, она никогда не станет моей», – ощутив холод, скользнувший где-то в груди, подумал парень.

– Да, я боюсь, – ответил он, надеясь, что это признание успокоит соседа, но тот разошёлся ещё больше.

– А я не боюсь! Видишь это? – он пальцем указал на повязку. – Это сделали со мной несколько дней назад. Думаешь, мне легко? Так вот, если не хочешь, чтобы я сделал с тобой то же самое, говори!

Пьер побелел.

– Ты хочешь отомстить?

– В том-то и дело! – сквозь зубы процедил Адел. – Им показалось, что это забавно. Им показалось, что они имеют право калечить меня!

В его единственном глазу сверкнул гневный огонёк, и парень понял, что терять этому человеку нечего. Слишком горд он был, слишком высоко себя чтил, а потому не мог стерпеть обиды, нанесённой ему.

– В конце коридора есть дверь, – нехотя ответил юноша. – Подожди, пока смотрящая за этажом уснёт и иди. Ключ возьми у неё. Проверишь каждый в связке, я не знаю, какой именно нужен. Ночью в палаты не заглядывают, поэтому до утра тебя не хватятся. Кстати...

– Что? – Адел скрестил руки на груди. – Чего замолчал?

– Почему ты не можешь вылезти через окно? Здесь невысоко, – сказал Пьер и тотчас пожалел об этом. Лицо Фриншлайта и без того бледное, стало совсем меловым. Он покачал головой и злобно усмехнулся.

– Попробуй с моей раной.

– Прости... И, пожалуйста, если тебя увидят, не говори, что я помог. Очень прошу...

– Буду молчать. Можешь не сомневаться. Ну, всё, я пошёл, – Адел махнул рукой, наскоро оделся и вышел из комнаты. Дверь за ним бесшумно закрылась, и Пьер остался один. Сон как рукой сняло.

На следующее утро Адел вернулся в палату слабый и уставший. Едва держась на ногах, офицер подошёл к своей кровати и рухнул на неё, не раздеваясь. Халат, ещё вчера бывший белым, теперь стал серым от налипших на него земли, песка и травы. Пьер, только задремавший и теперь разбуженный появлением Фриншлайта, поднялся с постели и подошёл к соседу. Тот выглядел неважно, но отчего-то на его бледном лице играла улыбка.

– Что случилось? Тебя заметили? – взволнованно спросил юноша, но Адел не ответил и закрыл глаза. Сон одолевал его после трудной ночи, и противиться ему было бессмысленно.

«Если сюда войдут, мы пропали», – мелькнуло в сознании парня, и он торопливо накинул на Адела белое покрывало.

– Ключи где? – склонившись над полусонным мужчиной, спросил юноша. Адел что-то неразборчиво пробормотал, и Пьеру пришлось толкнуть его.

– Ну чего тебе?! – раздался возмущённый голос.

– Ключи, – как можно спокойнее повторил парень, и Адел,

едва ворочая языком, сказал:

– Да там они, у старушки. Я вчера сразу их на место положил.

– То есть, дверь открыта?

– Да...

Пьер побледнел, огляделся, будто испугавшись, что их подслушивают, но от Фриншлайта отстал.

«Ладно, – подумал он, – раз здесь его никто не заметил, значит, пока что я в безопасности. Мало ли отчего дверь открылась, может, замок сломался... Интересно, что с ним случилось, что он такой довольный явился. Да ещё с синяками... Не иначе, отомстил, как и задумывал».

Но спросить об этом парень смог только вечером. До этого момента в палату пару раз заходил врач, осматривал Пьера, но к Аделу не подходил.

– Хорошо, что он спит так долго. Он пострадал, и ему нужен отдых. Постарайтесь его не беспокоить. Я ещё раз зайду и сделаю ему перевязку. Надеюсь, к тому моменту он проснётся, – усмехнувшись, сказал мужчина в белом халате и вышел. Русоволосый юноша с облегчением выдохнул. Ему стоило большого труда не показывать страх, кроме того, он боялся, что врач заметит грязные следы на полу, оставленные Аделом, но тому, кажется, было всё равно.

– Остаётся только ждать, – прошептал Пьер. Он посмотрел на Фриншлайта и в злобе прикусил губу.

«Если бы не ты...» – мелькнуло в сознании юноши, но

мысль оборвалась, и порыв ненависти прошёл. Парень в задумчивости заходил по палате и, сам того не заметив, растащил пыль по разным концам комнаты.

«Раз так, остаётся действовать на опережение. Судя по всему, он убегал в поселение, где квартируются части нашего полка. Если ему удалось сделать задуманное, значит, скоро жди беды. Пока этого не случилось, нужно поговорить с Алисией. Да!» – решив так, юноша подошёл к умывальнику, сполоснул лицо холодной водой и, сделав глубокий вдох, кивнул своему отражению в настенном зеркале. Покинув палату, парень пошёл по направлению к северному крылу, рассчитывая по дороге встретить девушку и объясниться с ней. Однако, миновав коридор, Пьер никого не увидел, а потому, оказавшись перед лестницей, решил подняться на третий этаж. Он зашагал по серым ступеням и вдруг на лестничной площадке, залитой светом, проникающим сквозь широкое окно, он столкнулся с Винтехальт. Девушка хотела идти дальше, но парень загородил проход. Врач удивлённо посмотрела на Пьера.

– Пропустите, – попросила она, и сердце юноши оборвалось.

«Она говорит со мной, словно с посторонним...»

– Извините, – сказал он, и краска залила его лицо и уши, – я хотел поговорить с вами. Это очень важно...

Голос Пьера был жалок и столь трогателен, что врач была вынуждена кивнуть в знак согласия.

– Вы себя хорошо чувствуете? – по привычке спросила она.

– Нет... Или да, – неуверенно отозвался парень. – По правде говоря, я сам не знаю, хорошо мне или плохо. Явно непривычно.

– Рука? – поинтересовалась Винтехальт, и Пьер покраснел ещё больше.

«Да она смеётся надо мной! – подумал он, не спуская глаз с Алисии. – Или, может быть, мне кажется...»

– Н-нет, скорее, сердце...

– Это серьёзно. Вам помочь вернуться в палату? – ласково предложила девушка, и парень, и без того настропаленный, не выдержал. Он посмотрел на собеседницу с такой болью, что Винтехальт отступила, и улыбка исчезла с её лица. Пьер, заметив, что выманил на разговор настоящую Алисию, проговорил:

– Вы ведь всё понимаете.

– Нет, не понимаю.

– Я люблю вас! – выпалил юноша и покраснел ещё сильнее. – Разве это так сложно, разве я не достаточно хорошо намекал? Ведь вы... Ты умна и, конечно же, всё видела. Ну же, ответь. Я влюбился в тебя сразу, как только встретил, и...

– Хватит, – перебила Винтехальт, злобно блеснув глазами. – Теперь всё ясно. Я до последнего убеждала себя, что мне кажется, но, как видно, зря. Мне абсолютно всё равно, любите вы меня или нет. Одно знаю точно, вы мне безраз-

личны. Конечно, я прощаю вас, ведь вы солдат и наверняка считаете, что жизнь – это приключение, в котором обязательно должны быть любовь, риск, чувства и прочее. Однако, это не так. Насколько мне известно, не один из полков нашей армии пока что не участвовал в настоящем бою, и это значит, что вы ещё ничего не знаете о войне.

– Причём здесь это? Я говорю не о войне, а о чувствах.

– А я говорю о вашей наивности. Я видела людей, прошедших сквозь жернова войны. И от одного вида этих искалеченных тел, мне хочется умереть. Я ухаживала за ветеранами авеклитской войны пять лет, и после этого во мне не осталось сил любить. Я могу улыбаться, я могу быть милой и нежной, но это не значит, что я люблю своих пациентов. Носить маску искренности и быть искренней – не одно и то же. Всё это я сказала к тому, что вы ещё ребёнок, склонный к фантазиям. У нас не может быть будущего. Более того, у меня ни с кем не может его быть, а потому забудьте о своей глупой привязанности и идите, куда шли.

Пьер пошатнулся. Иллюзии, заполнившие его душу тёплыми волнами, вдруг взметнулись, вмиг замёрзли и застыли острыми безжизненными пиками. Они распоролы внутренний мир Пьера, заставив парня издать жалобный стон. Винтехальт смотрела на него с поражающим безразличием. Через минуту она повернулась и зашагала по лестнице на второй этаж.

– И ещё... – остановившись, сказала она, – не смейте боль-

ше докучать мне. Только медицинские вопросы.

Пьер не слушал. Всё произошло так быстро, что он до сих пор не мог поверить, что всё кончено. На дрожащих ногах он двинулся вслед за девушкой, но не для того, чтобы уговорить её, а чтобы вернуться в палату, лечь в постель и умереть.

– Как много бы я отдал сейчас, чтобы мой сосед сошёл с ума и кинулся на меня с ножом. Ради приличия я бы, конечно, сопротивлялся, но в глубине души был бы ему благодарен. Нет, всё-таки в моём положении война – наилучший выход. Поле боя, благородная смерть от вражеской пули. Это прекрасно, – шептал Пьер, приближаясь к палате. Он слышал биение своего сердца, ощущал непрекращающуюся боль в солнечном сплетении и какой-то частью своего естества понимал, что она может продлиться не один месяц. Такое с ним уже бывало прежде.

К тому моменту, когда Пьер вошёл в комнату, Фриншлайт уже выспался и встал с постели в отличном расположении духа. Первым делом мужчина принялся чистить свою одежду, тщательно обирая с халата каждую травинку и складывая в одну кучку на полу. Туда же он ребром ладони смёл рассыпанный по полу песок и теперь раздумывал, как бы незаметно выбросить всё это в окно. Тут открылась дверь, и мужчина вздрогнул, однако, заметив Пьера, успокоился и, напустив на себя привычную холодность, спросил:

– Где был? Доложил уже?

Этой грубостью он хотел задеть юношу, чтобы потом пе-

ревести всё в шутку, но Пьер даже не посмотрел на соседа, а лёг в постель, как был – в одежде. Он закрыл лицо руками и что-то неразборчиво пробормотал, будто уговаривая себя успокоиться. Адел нахмурился, но продолжил импровизированную уборку, будто ничего не случилось. Он был слишком горд, чтобы расспрашивать кого-то. По его разумению, если человек хочет говорить, его не нужно просить об этом – он всё расскажет сам. Если же он молчит, значит, время ещё не пришло, и душевный груз ещё не позволяет ему открыть рта.

Наконец, дело было сделано, песок и трава выброшены в окно, а их остатки рассеяны по полу, так что уборщица, обычно появляющаяся в обед или чуть позже, скорее всего, ничего не заметит.

– Спасибо тебе, – сказал Адел, сев на свою кровать. – Не знаю, что у тебя случилось, да мне это и не нужно. Просто прими благодарность. Мало того, что ты помог мне, рассказав про ключи, но и не выдал меня. Думаю, ты благородный человек.

Фриншлайт замолк. После минуты, проведённой в тишине, он решил, что Пьер заснул, но тот вдруг привстал и, взглянув на соседа, ответил:

– Не за что... Только ты ошибаешься, я далеко не благороден.

– Думай, как знаешь, но моё мнение мне дороже. К тому же, отчасти благодаря тебе, я отстоял свою честь. Наверное, мне опасно о таком рассказывать, но мне удалось ото-

мстить обидчикам сполна. Эти животные вместе с несколькими офицерами вчера напились. Ближе к ночи, они совершенно лишились человеческого облика, забыли обо всём на свете, включая и оружие. Ты ведь знаешь, что рядовым и прочей голодраны не полагается пистолетов, только винтовки, а вот офицеры – другое дело. Мой-то у меня отняли за прошлую драку, поэтому шёл я безоружным, а там уже воспользовался ситуацией и кое-что подобрал. Может быть, это подло, но мне, честно говоря, было всё равно. Можешь поверить, те, кого я пришёл наказывать, даже не узнали меня, лишь затем, когда я навёл на них дуло пистолета, они всё поняли и вспомнили.

– Ты убил их? – очнувшись, спросил Пьер. В его голосе послышался страх.

– Хотел, но нет. Я не убийца. Прострелил пару коленей и локтей, только и всего... По-моему, за мой глаз это равноценная месть, – помрачнев, сказал Адел.

Пьер вздохнул, лёг и снова застонал, от напряжения сжав кулаки.

– Что с тобой? – не выдержал Фриншлайт. Он не хотел вмешиваться, но поведение соседа показалось ему странным, и теперь мужчина раздумывал, не связано ли это с его ночным делом.

«Он раскаивается, что помог мне? – подумал офицер. – Если так, он, наверное, страшно переживает. Причём зря, если кому и надо бояться, то только мне».

– Да так, – сказал Пьер. – Не обращай внимания.

– Если это из-за твоего сообщничества, не волнуйся. Даже если, всё откроется, а это, скорее всего, случится со дня на день, максимум что ждёт меня – это разжалование, ну а ты... О тебе никто не узнает, – проговорил Адел.

– Подожди... – сказал русоволосый юноша. – Ты знал, что тебя найдут, и всё равно пошёл на это? Но тогда, как же твой недавний вопрос, не сдал ли я тебя. Разве это важно?

– Во-первых, это была шутка. Я хотел подтрунить над тобой, кроме того, я знаю, что это не в твоих интересах. А во вторых... От твоих поступков зависит, каким человеком ты являешься: благородным или подлым. Мне стало интересно, как в этом случае себя проявишь ты, – объяснил Фриншлайт. Пьер усмехнулся.

– Теперь мне это безразлично. Резон скрываться исчез, но я, в любом случае, ничего не выболтаю.

– Странно, раньше тебя это волновало. Ты чего-то боялся?

– Ударить в грязь лицом перед... Не важно.

Больше они не говорили.

На следующие сутки, рано утром в коридоре послышались шаги, и в палату вошли трое мужчин в чёрных одеждах. Пьер и Адел спали и не слышали, как один из вошедших указал пальцем на них и негромко сказал:

– Берём вон того, у стенки и этого тоже. Мало ли, что расскажет...

XVII

Твари рвали друг друга на части. Металл, кровь и плоть сплелись в один клубок, который позже сгорел, оставив после себя изуродованный остов и омерзительный запах, выдумать который мог лишь чей-то извращённый ум. Одна птица погибла, схваченная ржавой трёхпалой пародией на руку, но остальные выжили и свою миссию завершили. Леон и Невелис были спасены, но путь, которым они добрались до старого бетонного здания, в чьём подвале и укрылись вместе с Раапхорстом, забыли напрочь. Бедняжка Невелис, испытывавшая за последние сутки так много, потеряла сознание, и мужчинам не оставалось ничего, кроме как снять с себя верхнюю одежду и устроить для девушки постель.

– Пойдём, – сказал Евгений. – Теперь всё зависит от неё. Ей нужен покой.

Леон не ответил, но когда Раапхорст зашагал прочь, последовал за ним. Они вышли в соседнее помещение, слабо освещённое керосиновой лампой, найденной здесь же. Серые стены, поросшие плесенью, казалось, были настроены враждебно, но больше помещений под землёй не было. В конце комнаты находилась полусгнившая лестница, ведущая к тяжёлой металлической двери – единственному выходу из этого подвала.

Раапхорст задумался. Вспомнив о чём-то, он погрузил руку в карман и достал какой-то предмет. На мгновение он сверкнул на скудном свете, и эовин убрал его в сумку, брошенную на полу. Молодой солдат злобно посмотрел на учёного.

– Не думай, что ты победил. Мы всё равно уйдём, – зазвучал стальной голос..

– А как же «высокая» миссия? Твои хозяева будут недовольны. Ты же сам это знаешь, – сказал Евгений. Парень принял это за оскорбительную шутку и дёрнулся, ощутив, как его нутро обожгла волна злости.

Раапхорст смотрел на юношу, не меняясь в лице. В глазах Евгения не было издёвки, да и интонация, с которой он произнёс последние слова, не могла служить доказательством пренебрежительного отношения эовина. Нет, он сказал это спокойно и уверенно, словно по-настоящему заботясь о своих преследователях.

– Ещё не поздно прикончить тебя...

Раапхорст улыбнулся и кивнул.

– Есть иной выход. Ты и твоя подруга можете пойти со мной. Это ваш шанс выжить.

Холодный скрипучий голос Раапхорста одновременно злил и обескураживал солдата. Возмущение вновь овладело им, и Леон сквозь зубы процедил:

– Пойти с тобой, предателем, после того, что ты сделал... Большого позора нет!

– Не мне судить, но есть несколько весомых доводов, говорящих в пользу моего предложения. Во-первых, теперь, когда печати сняты, вас возненавидят ещё больше. «Эвины, потерявшие лояльность – какой ужас!» – воскликнут люди. Во-вторых, вы окажетесь в незавидном положении военных, упустивших столь драгоценную добычу, как я. И, в-третьих... Кто знает, сможете ли вы вырваться за пределы пустоши. Техно-палачи надёжно стерегут добычу, хотя железа в них и больше, чем плоти и ума.

Воин молчал. Ему было сложно решить столь непростую задачу. Пойти с Евгением, означало стать дезертиром, предать армию, стать отщепенцем, но отвернуться от него, значило подвергнуть собственную жизнь и жизнь младшего по званию солдата невероятной опасности. Кроме того, сам Райэлл обещал в случае неудачи жестоко наказать их.

«Странно, что Эдер забыл об этом и принял решение вернуться. Возможно, он был готов принять кару... О, если бы можно было понять, какое из двух зол меньше», – мелькнуло в сознании солдата, и он вздохнул.

– Ко мне! – воскликнул мужчина, и на его плече тотчас оказался громадный ворон с красной линией на крыле. Через пару секунд где-то наверху послышался шорох, и из тьмы возникла вторая птица. Верные стражи эвина всегда были где-то рядом.

– Ты можешь размышлять сколько угодно. Из круга этих мыслей даже я тебя вырвать не смогу, ты слишком упрям. Но

подумай вот о чём: я не убил вас, пощадил и, сверх того, даровал свободу. Я не желаю зла ни вам, ни кому бы то ни было ещё. Моя цель – люди, которые ведут Дексард и весь мир в пропасть. Посмотри вокруг и ужаснись, если хоть немного способен думать: небом владеет свинец, ржавчина точит металл, пустошами правят монстры, выкованные из стали и плоти. Ты думаешь, так было всегда или, что раз уж таковы условия, им нужно подчиняться? Нет, мальчик, нет. Нашим миром владеют страшные исковерканные боги. Когда-то они давали людям энергию, кормили их, согревали, но потом вышли из под контроля и из нежных покровителей превратились в жестоких палачей. Имя им – прогресс, технологии, совершенство. Мы забыли, кем они когда-то являлись, но ныне они – тени себя былых, жаждущие крови, страданий и боли – Запустение, Смерть и Алчность... Они уничтожили большую часть того, что было создано за тысячи лет строительства цивилизации, а с цепи их спустили люди. Заметь, это было так давно, но шлейф разрушения тянется до сих пор. В былые времена никто не предотвратил катастрофу, а мы платим и ныне, если же сейчас никто её не остановит, платить будет нечем. И дело не в войне, дело в том, что Дексард станет средством и полигоном для действия гораздо более ужасающего, чем война... Я боюсь, он станет точкой отсчёта, которая начнёт подготавливать Судный день.

Помочь мне или нет – твой выбор. Ты можешь стать дезертиром и спасти умирающее существо, или же сохранить вер-

ность Императору и слиться в единую силу, способную поставить жирную точку на этом самом существе. В любом случае, повторяю, выбирать тебе.

– Если всё так, как ты говоришь, это значит одно – изменить ход истории невозможно. Мы слишком слабы. Если же ты считаешь иначе, значит, ты страдаешь манией величия. Короче, ты безумец, – усмехнулся солдат. – Я вижу, ты манипулируешь мной!

– Людям нужен тот, кто отпустит им грехи. Посмотри на них, – Раапхорст поднял подбородок, указывая на птиц, – они готовы карать, стоит мне лишь помыслить об этом. Неужели ты думаешь, я не смогу совладать с человеческой жестокостью, если управляю жестокостью животной, и более того, обладающей чудовищной силой. Кто, если не я? Присоединись ко мне, стань первым камнем в строении, которое поднимет род людской над грязью былых времён, или же преклони колени перед детьми, решившими обуздать силы, понять которые они не в состоянии, и умри.

– Пафосная речь, не более, – фыркнул солдат. – Мне пора. Иди, куда пожелаешь, но меня и девушку не трогай. Мы не станем предателями.

Леон развернулся и вскоре скрылся в дверном проёме, оставив Евгения одного. Мужчина в задумчивости закрыл глаза; его речь оказалась напрасной. Тут птица на правом плече хищно щёлкнула клювом.

– Посмотрим, что скажет его подруга. Я думаю, у неё боль-

ше рассудительности, хотя она так молода. Непростительно молода... В таком возрасте ей надлежит быть дома рядом с почтенными родителями, но она носится по пустошам, ломает собственную жизнь и... Впрочем, её нельзя осуждать, военная муштра ломает и не столь прекрасные создания.

Вдруг где-то снаружи здания что-то ударило в стену, раздалась вибрация, и с потолка осыпалась пыль и штукатурка. Видимо палачи вновь пытались проникнуть внутрь.

Евгений нахмурился, столкновение со столь могущественными чудовищами сейчас было крайне не вовремя. Ворона мрачно покосилась на дверь в соседнее помещение и что-то прохрипели на своём птичьём языке.

– Что бы там ни было, ещё одного из вас я не потеряю, – изрёк мужчина и сел на один из уцелевших пластиковых стульев, у заплесневелой стены.

Часть 3 – «Битва при Лайде»

I

Холод, окутавший Пустоши, облака, тяжёлые и мрачные, сопровождали эвинов на протяжении их пути. Те шли измождённые и слабые, едва преодолевая чудовищную усталость. Каждый страдал, каждый нёс свой груз, но тяжелее всех приходилось Невелис. Она по-прежнему испытывала моральную боль из-за вернувшихся воспоминаний. Её терзали образы прошлого, и девушка бессознательно пыталась укрепить настоящее, сделать так, чтобы нынешняя жизнь вытеснила из памяти минувшие дни, гнетущие и ненавистные. По воле этого порыва она, сама того не осознавая, всё больше привязывалась к Леону, ища в нём поддержку. Мужчина чувствовал это, и любовь, которая не так давно была лишь миражом, захватывала его всё сильнее, заставляла переживать за Невелис, страдать, испытывать её боль. Но эти страдания не пугали его, напротив, возможность стать защитником светловолосой девушки, её тенью, вечным спутником, нерушимым щитом и облегчить её страдания, пусть даже в ущерб себе, приносила ему счастье.

Да, в настоящий момент, несмотря на страдания, несмот-

ря на тяготы длительного странствия, Леон Граф был счастлив, правда, чувству этому мешало присутствие Раапхорста и предательство, на которое солдату всё же пришлось пойти.

«Как я мог согласиться? – в один из дней, сам у себя спросил мужчина. – Ещё не поздно повернуть... Ещё есть шанс на спасение! Нужно только...»

Солдат сделал глубокий вдох. Он взглянул на Раапхорста, идущего впереди, сжал кулаки, будто приготовившись ударить, но тут в его сознании возник грозный образ фон Райэлла, и Леон одумался.

«И на что Эдер рассчитывал, приказав нам вернуться в столицу?! Нас всех убили бы, это точно...»

Евгений же шёл, не слыша мысленных стенаний Леона. Он молчал и незаметно наблюдал за своими спутниками, пытаясь нарисовать в сознании наиболее точные их портреты. Раапхорст знал, только досконально изучив бывших солдат, точно поняв, что для них важно, он сможет стать им другом. Не жестоким тираном, каким они видят его сейчас, но защитником и лидером.

«Он контролирует девушку, демонстрирует своё покровительство и делает это так, словно между ними есть нечто большее, чем армейские устав и присяга. Раз так, пока следует воздержаться от разговоров с ней. Молодые сердца так ревнивы, они преисполнены чувством собственности, и любой, кто пытается, пусть даже невольно, задеть его, приравнивается к врагу. А этот мальчик и так не лучшего обо

мне мнения».

– Быть может, пора отдохнуть? Вы устали? – обернувшись, спросил Евгений. Невелис радостно улыбнулась, Леон кивнул. Придя к соглашению, таким образом, эовины расположились у одного из множественных холмов, с той его стороны, где было сравнительно сухо. Еда заканчивалась стремительно, и мужчины, не договариваясь, почти всё отдавали Невелис. Та сопротивлялась, но в итоге, под общим натиском Евгения и Леона, соглашалась и принимала их жертвы. Так случилось и сегодня. Едва заставив девушку поесть, эовины с облегчением вздохнули, едва ли осознавая, как они похожи в данный момент.

– Ладно Леон – он мой любимый... друг, а потому и беспокоится обо мне, но вы... ты Раапхорст! С чего такой альтруизм? – прикончив первую баночку консервы, спросила Невелис.

Евгений пожал плечами.

– Я тоже друг, – сказал он. – Правда, не любимый, но всё же...

– В таком случае...

– Давайте, побережём силы, – оборвал Раапхорст. – Пусть здесь не слишком удобно, но если развести костёр, можно будет вздремнуть.

– И привлечь палачей, – недовольно добавил бывший солдат.

Евгений закрыл глаза, и через пару минут в небе разда-

лись привычные крики эовранов. Птицы стремительно кружили над землёй, играли друг с другом, явно давая понять, что здесь безопасно.

– Ладно, – согласился Леон и пристально взглянул на Раапхорста. – Только смотри, чтобы птицы, не ошиблись. Наши с тобой жизни – пустяк, но Невелис... Раз уж даже ты жертвуешь собой, предатель, значит, наша цель защитить её. Так?

«Нет, кажется, всё впустую. Ещё немного, и я прикончу его», – подумал Евгений, но вслух произнёс:

– Так.

На следующее утро, когда костёр догорел, и от чёрного угольного пятна на земле в воздух поднимался лишь лёгкий пар, эовины проснулись, наскоро позавтракали и снова двинулись в путь. Им предстояло пройти не так много – граница Арпсохора приближалась с каждым днём, но даже небольшое расстояние казалось обессилевшим путникам бесконечным. В дороге они почти не разговаривали: было не до того. Лишь изредка Леон обращался к Невелис со словами поддержки. Мужчина обещал скорое избавление, и девушка, желая верить хоть во что-то, не возражала. Раапхорст же подавал голос по вечерам, когда нужно было объявлять привал. Что и говорить, он со всей присущей ему самоотдачей сосредоточился на роли защитника, лидера и теперь, забыв и о брате, и о Елене, поставил перед собой цель – спасти бывших солдат, во что бы то ни стало.

«Они не заслужили того, что с ними сделал Дексард», – думал он. Мысль эта сопровождала Евгения на протяжении последних двух недель и была особенно приятна, создавая иллюзию сочувствия. Впрочем, Раапхорст, по большей части, был честен с собой и в глубине души знал, что за этой весьма благородной маской скрываются мотивы гораздо более корыстные. Он рассчитывал, что в будущем молодые люди помогут ему, в качестве благодарности, разделят его цели, станут камнями в фундаменте возводимого им здания.

«Но знать об этом им необязательно. Однажды они и сами поймут, что поступить иначе я не мог. Поймут и простят...»

Полдня пути пролетели незаметно. Небо потемнело, воздух стал холодным, острым, и пора было остановиться и отдохнуть. Евгений собирался объявить конец дня, как вдруг Леон сощурился, будто приглядываясь к чему-то, и радостно воскликнул:

– Кажется, там мост! Слышишь, Невелис, мост!

Раапхорст мысленно приказал воронам проверить догадку солдата. Те, не издав ни звука, покорно устремились вперёд и вернулись через пару минут. Леон оказался прав: впереди, действительно, находился мост. Он был перекинут через глубокий овраг, на дне которого текла грязная обмельчавшая речонка, несущая в своих скудных водах тину, металлические обломки, кусочки дерева и прочий мусор.

– Значит, это правда? – спросила Невелис.

Обернувшись и взглянув на девушку, Евгений отметил,

что она необычайно обрадована. Это значило одно: чтобы не стать для этого ребёнка врагом, нужно согласиться на столь поздний переход. Вздохнув, Евгений снова взвалил на плечо походную сумку и вспомнил о брошенных им чемоданах.

«Сейчас они смотрелись бы здесь, как минимум, забавно. Нет, что бы я там ни думал, пока что эти дети – мои спасители, не наоборот. Что толку в спасении от палачей, если у тебя нет припасов...»

– Мы идём? – на всякий случай спросил Леон. Он уже успел ощутить любовь Евгения к власти, а потому ожидал отказа. Но к его удивлению, черноволосый мужчина в ответ кивнул и неспешно зашагал прочь. Молодые люди двинулись следом.

Вскоре они остановились перед старым, проржавевшим мостом, чье пролётное строение от разрушительного действия времени готово было в любой момент рухнуть. В железобетоне, сыром и кое-где поросшем мхом, зияли дыры, серая каменная поверхность была покрыта трещинами, и каждый камень, и каждая доска здесь своим видом заставляли сомневаться в их надёжности. Речка бесшумно текла где-то внизу, почти незаметная, обмельчавшая и, кроме того, скрытая чёрными каменными выступами, торчащими по краям оврага.

– Вы уверены? – спросил Евгений, взглянув на мост.

– Да, – сказал Леон. – Или ты думаешь, мы должны остаться здесь?

– Ни в коем случае, – Раапхорст махнул рукой. – Если вам так не терпится, мы пойдём сейчас, но как только окажемся по ту сторону, остановимся и переночуем. Надеюсь, это вам подходит.

Бывший солдат кивнул. Невелис, вне себя от радости, обняла Леона и, через секунду взглянув на Раапхорста, тихо сказала: «Спасибо».

Первым пошёл Евгений, перед этим, на всякий случай, приказав птицам держаться поблизости. За ним последовали Леон и Невелис, взявшись за руки.

Шаг за шагом эвины неспешно преодолевали умирающий мост, ни на секунду не спуская глаз с дороги. Одно неловкое движение, досадная невнимательность, и жизнь любого из путников могла оборваться. Каждый понимал это, а потому ночной переход протекал в тишине и полном сосредоточении. К счастью, даже в сумерках бетонные плиты и отсыревшие доски были хорошо видны, а потому эвинам не составляло особого труда обходить трещины и дыры. Нет, если пролётное строение чудом ещё могло выдержать, то опоры древнего моста находились в гораздо худшем состоянии и представляли угрозу намного большую. Они нависали над путниками трапецевидной металлической конструкцией, которая независимо от движения эвинов издавала странный, похожий на плач скрежет. Кроме того, с отсыревшего металла падали холодные капли, так что складывалось впечатление, что он плачет. Невелис, подумав об этом, ещё сильнее

прижалась к Леону, и тот ободряюще шепнул:

– Не бойся. Всё кончится благополучно. Мы спаслись от толпы чудовищ, а здесь всего лишь мостик.

Девушка улыбнулась.

На середине пути Раапхорст обернулся и, удостоверившись, что его спутники целы, сказал:

– Осталось ещё немного. Прошу, будьте осторожнее.

Ему никто не ответил. Леон нахмурился, будто раздосадованный излишней заботой. Невелис вздохнула. Ещё немного постояв на месте, собравшись с силами, они вновь пошли. Скрежет усилился, стал громче, унывнее, но мистический ужас исчез, и теперь девушка двигалась увереннее, чувствуя поддержку Леона. Осторожно ступая по замшелому камню, эовины слышали собственные шаги, которые в ночной тишине звучали жутко, и каждый из путников желал оказаться в безопасности, по ту сторону заброшенного моста.

«Хорошо, кажется, мы справились. Вскоре можно будет отдохнуть», – подумал Раапхорст.

Мужчина улыбнулся в темноте, предчувствуя скорое спасение, как вдруг позади раздался испуганный крик, после чего Леон, как подкошенный, рухнул на бетонную плиту и тяжело задышал от напряжения. Сначала Евгений не понял, что случилось, но, заметив, что Невелис куда-то исчезла, догадался: «Она провалилась».

Подбежав к бывшему солдату, совершенно не заботясь о собственной безопасности, черноволосый мужчина схватил

девушку за руку и мысленно приказал Леону: «Не смей отпустить!»

Тот кивнул и, скрежеща зубами, попытался встать на колени. Вскоре ему это удалось.

– Давай, – прохрипел Евгений.

Изо всех сил они потянули Невелис вверх. Вскоре над уровнем бетонной плиты показалась её голова, затем выглянули плечи, и через пару минут девушка была спасена. Едва не лишившись чувств, она прильнула к груди Леона и заплакала, более не в силах сдерживаться. Мужчина попытался успокоить её, но понял, что это бесполезно. Он и сам был в шоке, его сердце бешено колотилось, руки дрожали, и лишь Раапхорст выглядел спокойным, по крайней мере, бывшему солдату так показалось, ведь в темноте сказать наверняка было сложно.

– Спасибо тебе, – сказал Леон. – Без тебя...

– Всё хорошо, – Евгений улыбнулся. – Она не упала.

Нынешний вечер, проведённый у костра, отличался от всех остальных. Леон не перечил Раапхорсту, не смотрел на него волком и был странно молчалив. Евгений не мог этого не заметить, поэтому перед тем как лечь спать, он подошёл к солдату, чтобы поговорить. Тот посмотрел на него и улыбнулся. Черноволосый мужчина хотел что-то сказать, но Леон оборвал его жестом и произнёс лишь одно слово:

– Прости...

II

Первый город Арпсохора, встретившийся эовинам на пути, Нойвен, представлял собой небольшое поселение, занятое семьями солдат-пограничников, отбывающих здесь срок службы. Путники явились с запада, со стороны вражеской границы, так что вскоре городок, привыкший к тишине, заклокотал.

– Кто эти люди? – шептались меж собой горожане. – Шпионы Дексарда?

– Ну, разумеется!

– Нет, как можно? Вы посмотрите на них. Едва на ногах стоят.

– На то и расчёт! Да вы только посмотрите, во что они одеты...

Домыслы множились, а, тем временем, Раапхорсту, Леону и Невелис нужно было всего лишь поесть и отдохнуть после тяжёлого пути. Эовины никому не желали зла, но коллективное сознание отрезанного от мира поселения, чьи жители были и без того напуганы начавшейся войной, наделил пришельцев поистине дьявольскими чертами. Потому мирные жители при виде путников в ужасе разбежались, и друзьям ничего не оставалось кроме как идти по пыльным обезлюдевшим улицам в надежде, что хоть кто-то согласится

помочь. К полудню они миновали центр города, вышли на какую-то площадь, вымощенную убитым старым камнем, и остались там, более не в силах двигаться. Они сели на скамейку, стоявшую под голой липой, и, несмотря на холод, задремали, прижавшись друг к другу.

Очнулись они через час. Их разбудили шаги, громыхавшие по площади. Открыв глаза, Невелис, Леон и Евгений огляделись. Вокруг них, на расстоянии около десяти метров, выстроились несколько мужчин в военной тёмно-синей форме. В руках каждый держал винтовку и, видимо, был готов стрелять по первому приказу старшего офицера. Тот стоял в центре – усатый чернобровый мужчина – и строго смотрел на пришельцев.

– Дёрнетесь, и конец. Поняли? – грозно проговорил он, проведя ребром ладони по шее.

Невелис, услышав непонятную речь, в ужасе округлила глаза. Леон, прислушавшись к чужеродным мыслям и поняв их, кивнул, Евгений побледнел.

– Хорошо, – произнёс солдат. – Кто вы? Только не врать, иначе исход будет тот же самый, как если бы вы попытались бежать. Ну же...

Леон хотел что-то сказать, но Евгений жестом остановил его. Сконцентрировавшись, черноволосый мужчина мысленно ответил: «Мы граждане Дексарда».

– Предатели? – будто не заметив, что Евгений ответил, не открывая рта, спросил командир пограничников.

– Чтобы предать, надо сначала поклясться в верности, – на этот раз Евгений ответил на ломаном арпсохорском наречии и тотчас пожалел: Леон, также немного знавший этот язык, поменялся в лице и побледнел. Низвергнутые идеалы презрительно смотрели на него, и взгляд этот был невыносим.

– А вы, значит, не клялись? Ты-то, может, и нет, а твои дружки? Ясно же, что на них военная форма. Предатели, значит, и больше никто, – офицер замешкался, не понимая, почему черноволосый мужчина, произнёсший первые слова так чётко и понятно, теперь заговорил с ужасным акцентом. Так ничего и не поняв, озадаченный солдат подошёл к сидящим. Те не шевелились, помня о прозвучавшей недавно угрозе.

– Мы не хотим причинять вам вред, – снова заговорил Евгений и приготовился на всякий случай мысленно переводить. – Мы идём в столицу. Я друг императрицы Дексарда – Софии Атерклефер, принцессы Альстрайм.

Раапхорст вздохнул. Он надеялся, что эти слова как-то повлияют на ситуацию, изменят её в лучшую сторону, но его попытки говорить на чужом языке лишь рассмешили командира и солдат. Мужчины с винтовками дружно засмеялись, словно услышав похабную шутку, и замолкли, когда старший офицер махнул рукой. Он подошёл ближе и внимательно посмотрел на Евгения.

– Даже если бы это было так, а доказательств крепче слов у тебя нет, то даже тогда тебя приняли бы где-нибудь ближе к

столице, но не здесь. Вражеская императрица такой же враг, как и все дексардцы. А теперь пойдёмте. Нам нужно допросить вас, делать это лучше в каземате. Взять их!

Путники молча сидели на скамье и не реагировали на солдат, на их приказы и крики. Друзья поняли, среди пограничников не было эовинов, и это значило, что бояться их не стоило. Закрыв глаза, Евгений сосредоточился, в пространстве завывала расстроенная скрипка, затем что-то щёлкнуло и стихло. Пограничники зашатались, словно пьяные, и вскоре покинули площадь, забыв и о пришельцах, и о только что прозвучавшем приказе. Эовины же на время стали как бы невидимыми, незаметными, незначительными.

Ещё немного посидев, они встали и снова побрели по улицам, скрытые псионической завесой Раапхорста. Эовраны бесшумно следовали за ними, наблюдая за хозяином сверху. Наконец, друзья нашли то, что искали. Это было неказистое двухэтажное здание с серым каменным крыльцом, узкими окнами и высокой крышей. Над дверьми висела изрядно потрёпанная непогодой вывеска: «Гостиница».

С трудом переведя наполовину стёршееся слово, эовины вошли внутрь.

– Всё-таки я предатель... – сказал Леон, снимая с себя верхнюю одежду. – Как бы ты ни убеждал меня, но я отрёкся от своей клятвы.

Евгений молчал.

– Я презираю себя, – продолжал Леон. – Я слабак, клят-

вопреступник, ничтожество...

Невелис, услышав это, хотела было возразить, но Раапхорст не позволил ей. Он покачал головой и как можно спокойнее сказал:

– Клятва – это не подпись в договоре о пожизненном рабстве. Клятва – это проявление добровольного желания служить или, если хочешь, высшей любви. Любви к человеку, государству, чем и кому угодно. Если ты не любишь, зачем страдать?

– Но я любил...

– Нет, ты любишь и сейчас. Дексард и Невелис. Разве не так?

– Так.

– Вот и продолжай их любить и надейся, что нам удастся спасти их. Об остальном забудь, – Раапхорст нахмурился. – Я понимаю твои страдания, ведь я предал то, что любил, но такова жизнь. И, поверь, изменить её в наших силах. Перестань тревожиться, помоги мне, и тогда я обещаю, ты вернёшь всё, что тебе дорого.

Эовин вздохнул и, как ни в чём не бывало, воскликнул:

– А теперь нам нужно набраться сил! Конечно, грабить честных людей не слишком приятно, но иного выхода у нас, увы, нет.

Вскоре они, воспользовавшись беззащитностью служащих гостиницы, сытно пообедали, получили хорошие номера и чистую одежду.

– Надо было им сразу снять форму «Клингенрайс», – оставшись в отведённом ему номере, сам себе сказал Раапхорст. – Так у нас было бы меньше проблем. Впрочем, видимо, усталость не позволила мне подумать об этом раньше. Кажется, всё идёт так, как нужно. Завтра мы продолжим путь, но предварительно, нужно...

Когнитивные способности эовинов во многом превосходили человеческие. Мышление, внимание и память позволяли им воспринимать окружающий мир чётче, быстрее выстраивать логические цепочки, а также запоминать чудовищные объёмы информации. Поскольку чужестранные эовины явились в Арпсохор, практически не зная языка, на следующий день они принялись усиленно закрывать этот пробел. Язык – это система, стройная и логичная, а потому, чтобы научиться говорить и формулировать мысли, достаточно понять закономерности, составляющие эту систему, и выучить, для начала, несколько сотен слов. Потому Невелис, Леон и Раапхорст посетили городскую библиотеку, и, обложившись, учебниками, словарями и сборниками лингвистических статей, просидели там около десяти часов. Вышли они оттуда бледные, измождённые, но весьма довольные – теперь между ними и окружающими рухнул ещё один барьер.

– Теперь мы можем спокойно идти в столицу. По пути нас

не арестуют, если только не попадётся эовин. Но это вряд ли. К тому же, в случае чего, мы сможем за себя постоять, – сказал Раапхорст, и друзья остановились посредине узкого тротуара, в тени от фасада серого четырёхэтажного дома.

– Может, расскажешь, что мы будем делать в Вольтате? – произнёс Леон. – Пока что я не понимаю, зачем нам туда идти. Чего ты желаешь добиться? Зачем тебе столица Арпсохора?

Невелис вопросительно посмотрела на Раапхорста. Тот ответил:

– Я иду не в столицу, а к людям, которые способны помочь нам. С их помощью, я вырву страну из лап Атерклефера, и тогда не будет нужды скрываться в чужой.

«Он сошёл с ума», – мелькнуло в сознании Невелис.

– Нет, девочка, – Евгений улыбнулся, – я знаю, о чём говорю. Взгляните сюда.

Черноволосый мужчина запустил руку в карман и извлек на свет крупный футляр. Бывшие солдаты с удивлением вззрились на него, и во взгляде каждого из них мелькнул немой вопрос: «Что это?»

Раапхорст, став серьёзным, ответил:

– Это наше спасение.

Ш

Спустя неделю, показавшуюся путникам вечностью, они вошли в Вольтат – столицу Арпсохора. Громадный старый город с обилием многоярусных зданий, изборождённый широкими улицами, соединяющими площади и парки, украшенный мраморными статуями и ширококронными деревьями, ныне уснувшими – он в первые же несколько минут очаровал эвоинов. Близился полдень, солнце освещало холодный камень тротуаров и городских стен, окна сверкали раскалённым металлом, и столица принимала свой наиболее выгодный облик. Путники шли, едва ли помня, что находятся в центре вражеского государства, замороженные и раздавленные красотой Вольтата. Вокруг сновали тысячи людей, по заасфальтированным дорогам, издавая страшный шум, проезжали машины, в пространстве мелькали десятки цветов, кто-то смеялся, кто-то кричал, и никто, совершенно никто, не обращал внимания на друзей. Это было им на руку. Отвлекать от себя такое количество людей они при всём желании не смогли бы, кроме того, им требовалось найти дорогу ко дворцу Правительства. Сделать это в незнакомом городе они могли лишь с чьей-то помощью, а значит, скрываться за завесой псионической пелены было нельзя.

Столичная жизнь шла своим чередом, а путники продол-

жали двигались вперёд, мысленно переговариваясь друг с другом, советуясь, размышляя над дальнейшими действиями. Вскоре, приняв решение, Раапхорст отделился от бывших солдат «Клингенрайс». Поискав в толпе подходящего человека, Евгений, сделал выбор и подошёл к невысокому разносчику газет. Купив у него сегодняшнее издание и вручив ему вместо денег, пару камней, подобранных на дороге, Раапхорст около минуты расспрашивал его, после чего вернулся к спутникам весьма довольный. Кратко пересказав недавний разговор, он указал ладонью на юг, и эовины снова пришли в движение.

– Совершенно верно, речь шла об аудиенции, – светло-волосый юноша, одетый в бордового цвета одежды, поклонился и непроизвольно отступил на шаг, заметив недобрый взгляд седовласого мужчины, стоявшего перед ним.

– Ты не шутишь? Если тебя до сих пор после сельской глуши дурманят запахи дворца, то будь добр, хотя бы не рассказывай мне об этом. Ты думаешь, мне есть дело до каких-то оборванцев? К тому же таких наглых... Нет, это всё вздор, и ты, верно, смеёшься надо мной. Что ж, тебе простительно, ты молод, но не забывай, что говоришь с канцлером страны, в которой живёшь! – всё это Адриан Греф говорил, то хмурясь, то улыбаясь. Решив, что с молодого слуги хватит, старик зашагал к выходу, но юноша вновь подал голос.

– Прошу простить меня за дерзость...

– Ну? – Греф обернулся, и его глаза, чем-то напоминающие орлиные, сверкнули раздражением.

– То, о чём я говорил, никакая не шутка. Трое эвинов, действительно, стоят у дворцовых ворот. Разумеется, их никто не пропустит, однако, один из них утверждает, что знаком с нынешней Императрицей Дексарда – Софией Атерклефер, в девичестве...

– Не продолжай, – оборвал Адриан. – Я понял. Хорошо, я всё тебе объясню. Проще один раз ткнуть собаку мордой...

Он прошёлся по чёрному с красными прожилками мрамору и остановился у двери, выходящей на балкон. Молодой слуга был вынужден подойти.

– Просто подумай, что ты предлагаешь? – снова заговорил Греф, скрестив руки на груди. – Организовать незнакомцам аудиенцию с Императором? Идиотизм! Если уж на то пошло, то бывшая принцесса Альстрайм такой же враг, как и Атерклефер! К тому же, где гарантии, что у ворот стоят не какие-то проходимцы? Откуда ты знаешь, что они не задумали чего-то плохого? Эвины очень опасны, доказательств их добрых намерений нет, а раз так, то ты, глупец, тратишь моё время...

– Господин, я... – залепетал слуга, но тут в залу, где происходил разговор, вошла девушка в пышном голубом платье. Она уверенно, не сбавляя скорости, подошла к канцлеру и одарила его неласковым взглядом.

– Надеюсь, мне вы позволите отнять ваше, безусловно, драгоценное время? – строго спросила она, и щёки её зарделись. Пожилой мужчина взглянул на неё сверху вниз, улыбнулся и ответил приятным бархатным голосом:

– Ну, разумеется, Ваше Высочество.

Её глаза – единственное, что придавало её облику непоколебимую решимость. В остальном же молодая особа представляла собой премилое зрелище. Её светлые волосы ниспадали на плечи закрученными локонами, щёки пылали от возмущения, свойственного романтичным натурам, на подбородке темнела ямочка. В целом же лицо принцессы напоминало лицо куклы, но куклы, не лишённой жизни. С удовольствием разглядывая его, канцлер жалел, что он так стар и не может рассчитывать ни на что кроме дружеского поцелуя. Правда, сейчас и о нём можно было забыть.

– Оставьте нас, – приказала принцесса, и молодой слуга тотчас сорвался с места.

– Чем я могу быть вам полезен? – не прекращая улыбаться, спросил Грэф.

Принцесса на мгновение замешкалась. Её взгляд лишился недавнего неудовольствия, щёки покраснели ещё сильнее, но, поборов смущение, девушка промолвила:

– Мне не повезло подслушать ваш разговор. Честное слово, этого больше не повторится!

Адриан понимающе закивал.

– Конечно-конечно! – поддержал он. – Это лишь досадная

случайность, и винить вас за это нельзя.

– Издеваетесь?

– Нисколько! Прошу вас, принцесса, не волнуйтесь. Никто не осудит вас за капельку лишнего любопытства. Если же таковые найдутся, я лично прикажу урезать им языки и закрыть в самой сырой камере глубоко под землёй! – Греф театрально всплеснул руками, и на его лице отразилось выражение поддельного испуга.

Это выглядело так забавно, в противовес словам мужчины, звучавшим серьёзно и грозно, что девушка против воли заулыбалась, не в силах выдержать дурачеств старого канцлера.

– Так что вы хотели? – спросил он, заметив, что добился желаемого: принцесса сменила гнев на милость.

– Вы только что говорили о каких-то странных незнакомцах. Я прошу вас принять их, пусть даже это будет сопряжено с риском, – посерьезнев, сказала собеседница Грефа. Тот покачал головой.

– Дело в том, Ваше Высочество, что в нашей стране слишком много мошенников и лжецов, и уделять каждому из них время просто непростительно. Ваш отец так занят... Страна требует от него твёрдости в эти непростые времена, и отвлекать его по пустякам, согласитесь – самое настоящее преступление. К тому же, вы подвергаете риску не только себя, но и свою семью. Подумайте об этом, – Адриан вздохнул и развёл руками.

– Тогда, для начала, с ними поговорите вы, – предложила девушка. – Я уверена, у вас найдётся свободный отряд боевых эовинов, которые не дадут случиться несчастью. Этим вы меня весьма обяжете. Разумеется, мне известно, что вы человек занятой и не обязаны тратить время на всякую ерунду, но, полагаю, не настолько, чтобы проигнорировать приказ принцессы. Ведь он – не ерунда. Ведь так?

– Ваше Высочество, госпожа Альстрайм, вы...

– Кроме того, кажется, вам недавно сказали, что эти незнакомцы упоминали имя тётушки. Раз так, следует это проверить, – перебила принцесса. – Я надеюсь, вы поняли меня. Если не получится устроить аудиенцию сегодня, проведите её завтра, а пока предоставьте этим странным людям кров и приставьте к ним стражу. Думаю, это не очень сложно. Я права?

Греф что-то пробормотал, недовольно скривил губы, но всё-таки был вынужден согласиться. Добившись своего, принцесса улыбнулась, попрощалась со стариком и покинула залу в прекрасном расположении духа. Выйдя в коридор, и теперь ступая по гладкому полу янтарного цвета, в окружении старинных картин, гобеленов, предметов мебели и молчаливых, словно автоматы, лакеев, принцесса Алисия Альстрайм думала о том, действительно ли странные пришельцы знакомы с её тётушкой, так давно покинувшей страну. Точно она не знала, но всей душой надеялась, что это так, ведь иначе, думала она, без таких чудесных совпадений этот

мир был бы слишком скучен.

IV

Древние металлические ворота завывали, словно духи бездны. Где-то наверху раздался электронный писк, сигнализирующий о внешнем вмешательстве в систему завода, и створки пришли в движение. Медленно и неохотно они открывались, напоминая пасть чудовищного зверя, огромного и безжалостного, выкованного из метровой толщины стали или титана. За ними располагался протяжённый тёмный коридор, чьи бетонные стены со множеством ржавых подтёков давно поросли мхом. На полу лежали металлические скобы, каменная крошка, сантиметровый слой пыли. Откуда-то сверху падали холодные капли, ярко сверкая на синеватом свете, испускаемом фонарями солдат сопротивления.

Покинув кузов машины, Максим Раапхорст одним из первых приблизился к зияющему страшной чернотой проходу.

– Ждём приказа! – сказал кто-то, и Раапхорст покорно отступил назад. Он дотронулся до своей винтовки, словно желая ощутить поддержку, вздохнул и прислушался к псионическому полю. Было тихо. Если здесь и находились люди, то сейчас они либо ушли, либо их мысли экранировались стенами ужасающего здания.

Обернувшись, Максим слегка улыбнулся. Его сослуживцы, с которыми не так давно он весело переговаривался, сей-

час стояли молчаливые и серьёзные. Они не спускали глаз с прохода, будто всякий миг ожидая внезапного нападения. Раапхорст хотел было сказать им, что не ощущает никакой угрозы, но передумал, решив, что лишняя осторожность не помешает.

«Это место ещё преподнесёт нам сюрпризы», – подумал он, и лицо его помрачнело. – «Очень странно, что на пути сюда нам не попало ни пункта досмотра, ни единого охранника...»

Тут из машины, остановившейся неподалёку от ворот, слышался властный мужской голос:

– Слушайте все. Это он!

Солдаты подошли. Раапхорст тоже прислушался, догадавшись, что только что была установлена связь с тайным осведомителем. В первые пару минут слышался лишь шершавый шум радиопомех, но вдруг он прервался, и раздался голос, молодой, приятный, уверенный, наполненный силой.

– Друзья, – сказал он, – сейчас вы стоите на пороге завода компании «Кригард». Добро пожаловать. Некогда мне приходилось бывать здесь, впрочем, в данный момент это не важно. Сейчас главное, захватить здание и удерживать его столько, сколько я скажу.

Последовала пауза.

– Никогда до этого момента я не подводил вас, – вновь прозвучал голос. – Мои наводки были верны, а советы полезны. Полагаю, моя поддержка необходима, так что доверь-

тесьте мне, и я обещаю вам, вы достигнете того, чего желаете. Тирания Атерклефера падёт, и тогда вы перекроите Дексард так, как пожелаете, построите новый мир, не скованный алчностью, жаждой власти и единоличного процветания. Вы верите мне?

– Да, – сказал кто-то из солдат.

– Да! – хором грянули они. Их сердца преисполнились дурманящим, чувством гордости.

– Тогда вас ждёт успех, – сказал осведомитель. – Но ближе к делу. Как вам уже известно, «Кригард» недавно послала сюда группу учёных, предположительно для доработки какого-то оружия. Скорее всего, они по-прежнему находятся здесь. Ваша задача найти тех, кто согласится сотрудничать. Остальных – убить. Охрана здесь тоже присутствует, но её минимум, так как вряд ли кто-то мог предположить, что вам станет известно об этом месте.

– Что за оружие? – спросил командующий, сидящий у радиопередатчика. – Мы должны знать?

– Вы всё увидите сами, – сказал осведомитель. – Всё равно, единственный, кому придётся контактировать с ним, это Максим Раапхорст. Его способности следует использовать.

В воздухе повисла тишина. Удивлённые солдаты – все, как один, перевели взгляды с машины на Максима, а затем на командира, который, увы, как бы ни хотел, не смог бы объяснить значения только что прозвучавших слов. Пожилой мужчина, одетый в тёмно-зелёного цвета утеплённое паль-

то, тяжело задышал, и в глазах его мелькнула тревога. После нескольких минут тишины, в течение которых загадочный осведомитель молчал, ожидая ответа, командующий собрался с мыслями и, едва ворочая языком, проговорил:

– Но как можно? Раапхорст в сопротивлении всего ничего, а вы доверяете ему столь важное задание. Простите, мы, конечно, не сомневаемся в вас, это немыслимо, но, может быть, вы всё-таки подумаете ещё раз? Если же ваше решение окончательно, то, прошу, хотя бы объясните его нам, иначе может сложиться не самая благоприятная обстановка для дальнейшего сотрудничества.

Дерзость старика заставила осведомителя негромко рассмеяться.

– Вы, спрашиваете о том, чего всё равно не поймёте. Я дам вам объяснение, но вы должны помнить, что данный план был разработан центральным штабом. Он уже утверждён, и вам остаётся лишь следовать ему. Раапхорст должен кое-что доработать в оружии, созданном «Кригард», чтобы вы имели возможность воспользоваться им без вреда для себя, – теперь голос звучал надменно, холодно, жёстко, и солдаты сопротивления почувствовали страх.

– Ещё вопросы есть? – поинтересовался осведомитель. – Там внутри вы найдёте всё необходимое, Раапхорст, например, чертежи. Вам следует ознакомиться с ними и сделать всё, чтобы сопротивление, наконец, одержало верх.

– До связи, – сказал командир. Сеанс связи прервался, ин-

струкции были получены, и повстанцам не оставалось ничего иного, кроме как следовать им.

Подойдя к Максиму, старик сказал: «Сделай это, мальчик. С войной нужно покончить как можно скорее».

Удивительно, но стрелять не пришлось – учёные и малочисленная охрана, как только увидели незнакомых людей, вооружённый и злых, тотчас сдались на их милость, и повстанцы, так никого и не убив, заперли несчастных в одной из комнат в подвальном помещении. Позже они должны были завербовать учёных, готовых к сотрудничеству, а пока рассредоточились, получив приказ обследовать здание. Раапхорст остался в ангаре, кто-то пожелал подняться на башню и осмотреть её, кто-то вызвался сторожить пленных и заодно изучить подвал.

«Где же это оружие? – думал Максим. – Что я могу сделать с ним? Что я могу улучшить в нём?»

Он ходил кругами по первому этажу, непонимающим взглядом смотрел на окружающие его многочисленные трубы, станки, гидравлические прессы, странные механизмы и прочее, но не видел во всём этом единой картины. Вскоре Раапхорст утомился и мысленно выругался, подумав, что судьба его слишком часто преподносит трудности, справиться с которыми, кажется, невозможным. Эта мысль заставила Максима сжать кулаки. В данный момент мужчина ощу-

щал гнев и желал лишь одного: чтобы окружающий его хаос умирился, чтобы наконец-то в бушующем безумстве жизни появилось что-то логичное, понятное и простое.

Мужчина сел у стены, рядом со ржавой горячей трубой, сложил руки на коленях и закрыл глаза. От странного механизма, установленного справа, исходил зимний холод, левое плечо эовина ощущало тепло от старой трубы, на ладонях Максима застыла пыль, и грубая кожа отчего-то саднила. Но вскоре всё прошло. Постепенно, следуя воле Раапхорста, его сознание сливалось с бессознательным, становилось хаотичным, лёгким. Оно отделялось от тела, ощущало вибрации, танцующие в толщах Вайроса, вступало с ними в контакт, закручивалось, теряло форму, память, всякое воплощение.

Вспышка, и не стало Раапхорста, не стало вибраций, не стало звуков, цветов, запахов и тактильных ощущений. Осталась лишь информация. Осталось лишь всеобъемлющее тело Вайроса. Осталась основа. Лишившись личности, Раапхорст, а точнее – инстинктивный остов его информационной сущности, наблюдал за пустотой. Она была непреодолима, она была всевластна, и лишь какое-то чудо не позволяло вошедшему в неё эовину остаться в ней навсегда. Происходило нечто, не подвластное пониманию, нечто, за гранью мыслимого, и непреодолимая тьма отступала сама собой, открывала взору страждущего информационные пласты, скрытые в ней.

Инфо-частицы обретали форму и звучание, они кружи-

лись, они танцевали, но Раапхорст не видел и не слышал их. Лишённый зрения и слуха, он воспринимал информацию так, как не может воспринимать ни один человек. Он был терпелив, и нужные знания сами входили в него, сами становились его частью, обогащали его, заставляли его страдать или радоваться, любить или ненавидеть, но ощутить их благотворное или губительное влияние, Эовин мог лишь, когда возвращался в рамки родного измерения, когда информационный океан отпускал его. Это могло произойти буквально через пару минут от начала медитации, но в информационном поле разум мог пробыть бесконечно долго. Единственное, что защищало псионический остов от безумия – отсутствие в лоне Вайроса времени.

Наконец, всё кончилось. Максим очнулся бледный, тяжело дыша. Он открыл глаза и со страхом взглянул себе под ноги, затем окинул взглядом стены, трубы, тянувшиеся вдоль обнажённой кирпичной кладки, белый потолок, находившийся так высоко, что разглядеть сеть труб и подвешенных проводов, крепившихся на параллельных балках, можно было лишь с большим трудом.

Некоторое время Раапхорст сидел поражённый и смотрел в одну точку, ничего не видя. Теперь он знал, где находится оружие, что оно из себя представляет, и какие доработки ему требуются. Это было чудовищное знание, обладать которым нельзя пожелать даже врагу, но Максим понимал, поделиться им будет необходимо. Просто напросто, чтобы не сойти

с ума.

Мужчина посидел ещё немного, затем встал, ощутил слабость, охватившую тело, мелкую дрожь в коленях и попытался улыбнуться, будто желая приободрить себя. Но получилось это с трудом: вместо улыбки лицо мужчины исказила жуткая гримаса. Поняв это, он оставил попытки бессмысленного самообмана и пошёл куда-то вперёд. Оглядевшись, эовин вздрогнул. Тяжёлый сумрак, царивший в громадном ангаре, внушал чувство мистического страха, будто механизмы, установленные здесь, обладали разумом и наблюдали за каждым, кто осмеливался войти в пределы чудовищного завода. К тому же, по какой-то причине, сослуживцы Раапхорста покинули первый этаж, так что первая размеров комната оказалась практически пуста.

– Это место не для людей. Оно для механического воплощения их безумия, – промолвил мужчина.

Вдруг в чёрном дверном проёме, ведущем в следующее помещение, мелькнул свет фонаря, и к Раапхорсту вышел командующий. Он шёл, казалось, довольный и бодрый, но подойдя к Максиму, проговорил грозно и даже раздражённо:

– Что-нибудь нашёл? Чтоб этот осведомитель под землю провалился! Мы по-прежнему не можем обнаружить это оружие, будь оно неладно! Ты можешь хотя бы представить, где оно находится? Что с тобой? Раапхорст!

В глазах у Максима потемнело. Он минуту собирался с мыслями после чего ответил:

– Мы уже нашли его. Мы находимся внутри. Понимаете?

– О чём ты? – спросил пожилой мужчина. – То есть как это?

– Здание – это и есть оружие, – ответил Раапхорст, и в его глазах сверкнул первобытный страх. Собеседник эовина, поняв смысл слов подчинённого, попятился и остановился, упёршись плечом в острый край пластинчатого механизма с двумя кривыми трубками, уходящими в пол. Что-то прошептав, старик закрыл лицо руками и так остался стоять. Максим же, чуть придя в себя, продолжил:

– Мы не поняли этого сразу, но мы проникли во чрево гигантского чудовища и теперь бродим по его внутренностям, рассматриваем его кишки. Если оживим его, всё изменится. Но как именно?

– Плевать, – ответил пожилой воин, убрав ладони от глаз. – Пусть оно станет хоть самым воплощением зла, мы выполним приказ, и остановим Атерклефера. Понял? Мы сделаем это, и не важно, что будет дальше. У нас есть приказ...

V

Ближе к вечеру, когда в небе засверкали звёзды, и воздух похолодел, когда жизнь в столице слегка замедлилась, и в окнах домов зажёгся свет, эвоинов пропустили на территорию дворца. Врата, представляющие собой плетёные створки из чёрного металла, открылись, и навстречу друзьям из мглы вышел отряд дворцовой стражи. Мужчины, одетые в красно-золотую форму личной императорской гвардии, остановились перед пришельцами. Двое солдат, стоявших впереди, держали в руках электрические фонари, слепя уставших путников. Те едва держались на ногах. Старший офицер, на чьём мундире красовались знаки отличия в виде трёх медалей и одной красной ленты с продольными белыми полосами, выступил на шаг и осмотрел Евгения, Леона и Невелис, явно мысленно что-то отмечая.

– Пройдёмте с нами. Канцлер распорядился принять вас, – сказал он.

Друзья, от волнения едва сумев понять чужую речь, радостно переглянулись: они достигли своей цели. Несколько минутами позже, после тщательного досмотра, они шли в сопровождении солдат по серому камню обширной дворцовой площади, и взгляды их цеплялись за окружающие картины, частично скрытые мглой, но оттого ещё более загадоч-

ные и удивительные.

Далеко впереди, заметили друзья, расположился причудливый корпус дворца. Его окна горели ярким желтым светом, так что множественные украшения фасада в виде лепнины и тёмных кованых элементов были видны даже ночью. Крылья здания образовывали полукруг и были обращены своей внутренней частью в сторону приближающейся процессии, и настенные барельефы, изображающие головы тигров и львов, грозно смотрели на пришельцев. Дальше, в разных местах площади, были установлены мраморные пилоны-монументы, от подножия которых поднимался едва различимый дымок. Под каждым из них горел вечный огонь, в память о жертвах, принесённых Арпсохором в далёкой уже Войне Поглощения. Пройдя мимо одного из таких памятников, друзья, ведомые стражей, повернули направо, в сторону восточного крыла. Слева от них поверхность площади поднималась, и за небольшой хорошо освещённой аллеей с голыми деревьями, отгороженной невысоким металлическим забором, стояли фонтаны, которые не так давно работали, но теперь стояли тихие и забытые.

«Надеюсь, нас накормят», – мысленно сказал Леон, рассчитывая, что зовины, которые, несомненно, находились в отряде стражи, услышат его. Но ему никто не ответил кроме Раапхорста и Невелис.

Вскоре они остановились у лестницы, ведущей к громадным дубовым дверям –одному из входов во дворец. Под-

нявшись по ступеням, путники, словно во сне, не ощущая собственных тел, позабыв обо всём на свете, вошли внутрь. Первая комната была небольшой, но аккуратной, и практически всё её содержимое состояло из тёмного дерева: лакированный пол, стены, потолок, поддерживаемый арочными конструкциями, мебель, а также двери, ведущие в следующее помещение. Миновав первую и вторую комнаты, а также обширный холл с двойной лестницей, спускавшейся на первый этаж двумя полукольцами, процессия вышла в коридор. Громадные окна здесь были занавешены тяжёлыми шторами бордового цвета, каждая арка освещалась четырьмя белыми лампами, а пол напоминал шахматную доску: в нём чередовались белые и чёрные мраморные квадраты. Пройдя всё это, трое друзей и стража, остановились перед ещё одними дверьми.

– Дальше будет коридор и несколько комнат. Вам позволено выбрать любую: все они хорошо отапливаются, в каждой есть электричество и горячая вода. Вы можете отдохнуть, принять ванну и поесть. Еда находится в овальном помещении, в конце коридора, – сказал старший офицер и, как бы невзначай, добавил:

– Постарайтесь обойтись без глупостей. Несмотря на то, что вы эвины, сбежать вам не удастся. Это место охраняется лучше любой крепости, и попытка навредить кому бы то ни было здесь будет приравняться к государственной измене, пусть вы и не граждане Арпсохора, и караться смерт-

ной казнь. Надеюсь, вы меня поняли.

Сказав так, он повернулся и вместе с подчинёнными зашагал прочь. Когда шаги солдат стихли, эовины, позабыв и о прозвучавших угрозах, и о шаткости своего положения, ринулись в конец коридора, туда, где их дожидалась еда. Молниеносно утолив голод, друзья вернулись в коридор, выбрали себе по комнате и разошлись, желая переодеться, принять душ и отдохнуть. Они решили встретиться завтра утром и всё обсудить, сейчас же – отдаться чисто человеческим радостям, например, вдоволь выспаться.

Ночь пролетела незаметно. В покоях путников не было окон, чтобы следить за временем суток, зато в каждой из них висели круглые часы, мерно и приятно тикающие. Потому, когда Евгений очнулся после десяти часов крепкого сна, он первым делом взглянул на белый циферблат и удивился, увидев, что стрелки показывают полдень.

«Надо же, – подумал мужчина, – не предполагал, что смогу проспять так долго».

Он потянулся и встал. Прислушавшись к мысленному фону, эовин убедился, что его спутники находятся неподалёку и с облегчением вздохнул.

Одевшись, Евгений прошёлся по комнате, сел в кресло и закрыл глаза.

«Что же теперь нас ждёт? – сам у себя спросил он. – Конечно, это большая удача, что нас приняли. Интересно, как же так получилось... Я не рассчитывал, что кто-то сразу же

прислушается к нам, потому заранее и подготовил комнаты в гостинице на окраине. Нет, это какое-то чудо. Чудо, которым надо воспользоваться. Но какой шаг предпринять? Как доказать, что я не враг Арпсохору?»

– Сказать им правду, – ответил Раапхорст. – Пусть они решают, что со мной делать, но я не отступлюсь до тех пор, пока не добьюсь своего, пока не верну всё на свои места, пока не остановлю Атерклефера и «Кригард». К счастью, мне есть, что предложить Арпсохору. Мои бедные дети, простите меня, но я должен принести вас в жертву. Вы будете залогом того, что я не предаю эту чужую, незнакомую мне страну.

За эовинами явились в первом часу. Это был молодой человек, явно не военный в сопровождении двух солдат. Он застал друзей за завтраком в овальной комнате и, извинившись за вторжение, сказал, что их ожидает некто по фамилии Грэф. Леон, носивший фамилию Граф, подумал, что ослышался, но позже понял, что это всего лишь странное совпадение. Он вопросительно посмотрел на Раапхорста, интересуясь, что тот ответит.

– Мы будем через десять минут, – улыбнувшись, ответил черноволосый мужчина.

Зал, где их принял канцлер, был огромен, как и почти все помещения, Императорского Дворца. Пожилой мужчина в чёрном френче с белыми обшлагами стоял в центре комна-

ты, на полу янтарного цвета и смотрел куда-то вдаль.

– Вам дано пять минут, – заметив друзей, сказал он. – Если не поторопитесь, я обещаю, просто так вы отсюда не выйдете. Нет, дворец вы покинете запросто, но куда попадёте после? На улицу или в темницу? Если не хотите испытать судьбу, говорите как можно скорее!

– Меня зовут Евгений Раапхорст, – сказал Эовин, едва ли заботясь о произношении. – Со мной мои друзья. Мы бежали из Дексарда и теперь хотели бы кое-что вам предложить.

– Забавно. Что же?

– Будет правильнее, если мы сделаем это предложение непосредственно императорской чете, – ответил Евгений. – Могу только сказать, что предложение это научно-технического характера и будет крайне важно для вас.

– Изобретение? – Адриан усмехнулся. – И это всё, что вы хотели сказать? Печально... Думаете, сейчас стране до того?

Он сделал паузу и покачал головой.

– Ваше время идёт, – меланхолично напомнил пожилой мужчина. – Но пока что вы не сказали ничего дельного. Вас следовало бы выпроводить отсюда, а по-хорошему, вообще не впускать, но вам повезло. Кстати, как вы сказали ваша фамилия? Раапхорст? Позвольте поинтересоваться, уж ни родственник ли вы того самого Раапхорста, который несколько десятков лет назад поднимал восстание в Дексарде? Только не лгать!

– Я его сын, – Евгений через силу улыбнулся. – Это что-

то меняет?

– Не особо, – признался Греф. – Итак, значит, сын погибшего революционера желает что-то предложить Императорской чете Арпсохора. Это нелепо, но... Хорошо! – улыбнувшись странной улыбкой, Греф обернулся и хлопнул ладонями. – Назовите хотя бы одну причину, по которой я не должен бросить вас в камеру за вашу неслыханную наглость, и я обещаю, что организую аудиенцию.

«К тому же, если послушаюсь, принцесса разгневется. Ах, проклятая девчонка! Ладно, пусть веселится. Если эти чужаки кого-то убьют, вина будет лежать на ней, а не на мне», – гневно подумал канцлер, наблюдая за тем, как Раапхорст неспешно приближается к выходу на балкон. Солдаты, выстроившиеся у стен громадного зала, не спускали глаз с эовина и были готовы предотвратить любой его замысел, если он покажется им странным или опасным. Однако, чужак ничего не предпринимал. Он безмолвно стоял перед застеклёнными дверьми и смотрел куда-то вдаль, будто ожидая чего-то. Его мрачная фигура, обрамлённая холодными лучами зимнего солнца, чернела на фоне небесной синевы. Мысли незнакомца экранировались, никто из солдат не слышал их, а потому, почувствовав угрозу, командир подошёл к Грефу и тихо доложил об этом.

– Что ты делаешь? – спросил Адриан. – Если ты что-то задумал, мой тебе совет: не стоит. Здесь целый отряд стражи, среди членов которого есть боевые эовины. Пусть ты тоже

принадлежишь к роду способных читать мысли, но тебе не победить. Просто ответь на заданный вопрос или убирайся к чёрту! Ну?

– Скажите, – вместо ответа промолвил Евгений, – вы знаете, чему противостоите? Я имею в виду, в войне, которую развязал Дексард? Ведь есть в нынешнем конфликте что-то необычное, что-то чего вы не понимаете?

– Зубы заговариваешь? Если так, то тебя немедленно...

– Тогда я скажу за вас. Скорее всего, вас беспокоят птицы. Не так ли? Ну, не стоит меняться в лице. Я знаю больше, чем многие. Это первая причина. Вторая: я знаю, как можно победить и знанием этим с удовольствием поделюсь, если увижу императорскую чету лично. И, наконец, третья: у меня есть доказательства. Прошу, посмотрите наружу, и вы сами во всём убедитесь.

– Господин Греф, не надо! – воскликнул командир дворцовой стражи. – Возможно, это уловка. Мы пойдём первыми.

Старик развёл руками.

– Да, пожалуйста, я полностью в вашей власти, – сказал он и боязливо отошёл от окон. Евгений усмехнулся.

– Там всего лишь две птицы...

Но стражу было не переубедить. Старший офицер, игнорируя слова Евгения, приказал солдатам встать по обе стороны от каждого окна и балконных дверей, а сам подошёл к Раапхорсту на тот случай, если тот попытается выкинуть что-то. Встав вплотную к черноволосому эовину, командир

прошептал:

– Если хоть кто-то пострадает, тебе конец!

Евгений не ответил.

– Что это? – вдруг заметив две чёрные тени, мелькнувшие за окном, спросил Адриан. – Немыслимо! То есть, вы хотите сказать...

– Именно так, – после короткой паузы, промолвил Раапхорст. – Просто скажите, я прав? Действительно ли вас волнует это самое невысказанное? Какие-то птицы? Или я ошибся?

В зале воцарилась тишина. Черноволосый эовин не спускал глаз с канцлера, который не мог решиться. Его терзали сомнения, но все они разбивались об один неоспоримый факт: Евгений знал о воронах.

– Ты прав! – разозлившись, наконец, вскричал старик. – Чтоб ты провалился! Ну, что там у тебя?!

Он подбежал к окну, невзирая на просьбы старшего офицера, и в ужасе застыл, увидев за стеклом двух чёрных воронов, сидящих на каменных перилах балкона. Птицы с интересом смотрели на канцлера, и в их глазах, бездонных, словно тьма, старик увидел смерть. Он сразу понял, что в этот миг смотрит не на простых воронов, тварей, порождённых природой, а на нечто, искусственно выращенное, к появлению которого Раапхорст имеет самое непосредственное отношение. Адриан взирал на гибельных посланников, и холод заструился по его жилам. Не в силах больше сто-

ять перед безмолвными монстрами, он отпрянул от дверей и закрыл лицо руками. Евгений в сопровождении командира солдат подошёл к Грефу и положил руку ему на плечо. Старик вздрогнул и, отняв ладони от глаз, прохрипел:

– Этого мало. Неужели ты думаешь, что я поверю каким-то дрессированным птицам?

Евгений ухмыльнулся.

Тотчас нечто незримое ударило в дверь, и стекло рухнуло на пол тысячами осколков. Птицы проникли в зал и уселись на сверкающей люстре под потолком. Солдаты, издав общий возглас удивления, приготовились атаковать, но старик махнул рукой и изо всех сил прокричал:

– Не смей!

После он схватил Евгения за запястье. Черноволосый эовин улыбнулся.

– Значит, вы верите мне? – спросил он.

– Разбить стекло могла и простая птица...

– Вы и сами в это не верите. Спросите любого эовина, находящегося здесь, и он скажет вам, что перед тем, как стекло разбилось, прозвучала псионическая вибрация. Причём такая, что издать её не смогли бы ни мои друзья, ни я сам, – Евгений пожал плечами.

Греф погрозил пальцем, и на его лице заиграла нервическая улыбка.

– Молодой человек, ты меня убедил, – наконец, сказал старик. – Хорошенько подготовься. Завтра ты получишь

свою аудиенцию. Но учти, если ты не сможешь произвести такого же впечатления, какое произвёл сегодня, пеняй на себя. Арпсохор переживает не самые лучшие времена, следовательно, и его правитель. Поэтому продумай сразу, что именно ты предложишь и как докажешь, что это выполнимо. Птицы – это хорошо, но на этом ведь твоё предложение не заканчивается?

– Вовсе нет, – сказал Евгений. – Завтра вы всё сами услышите и поймёте. Благодарю вас за уделённое внимание, господин Греф.

– Это было невероятно! – вечером, сидя за обеденным столом, воскликнул Леон. – Я и не понял, что ты оставил воронов снаружи.

Раапхорст только что прикончив последнее блюдо, сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел куда-то в пустоту взглядом, полным любви и удовлетворения. Возвращённый к реальному миру голосом друга, Евгений поднял голову, усмехнулся и ответил:

– Немного театральности не повредит. Грефу понравился мой ход, пусть он и был рискован.

– Да уж, – согласилась Невелис. – Если бы канцлер испугался ещё больше, стража начала бы стрелять, и тогда...

Евгений кивнул.

– К счастью, всё обошлось, – промолвил он. – Вступать в

противостояние с потенциальными союзниками – не слишком удачный ход. Это забавно, но столь простую истину я понял, лишь встретив вас. Спасибо вам за это.

Воцарилось молчание.

– Спасибо вам за компанию, но я, наверное, пойду, – минутой позже сказала девушка. – День был тяжёлый, и...

Она встала, собираясь идти, как вдруг Раапхорст снова подал голос:

– Подожди.

Мужчина поманил Невелис, и она послушно подошла к нему. Посмотрев в глаза черноволосого эовина, девушка ощутила страх: ей показалось, что Евгений смотрит не на неё, а куда-то внутрь, будто видит её душу. Она непроизвольно отступила, не в силах отвернуться от Раапхорста.

– Скажи, – промолвил он, – тебя ничего не тревожит? В конце концов, я произвёл тогда страшную операцию, и, несмотря на прошедшее время, мне кажется, ты по-прежнему испытываешь боль. Если так, я прошу прощения... Меньше всего я хотел навредить тебе, и это правда. Кроме того, мне интересно, не посещает ли тебя сожаление, раскаяние за твоё согласие?

– Нет, – Невелис тяжело задышала. – Не жалею. Я думала, ты убьёшь Леона и Эдера, если я не соглашусь, поэтому сейчас душа моя спокойна, даже несмотря на моральную боль. Это неприятно, но моё решение было верным.

– Хорошо...

– А убил бы? – потупившись, вдруг спросил бывший солдат. – Ты можешь сказать правду. Теперь я иначе смотрю на тебя. Пусть, ты и толкнул меня на предательство, пусть, ты ни в грош не ставишь мой кодекс чести, но ты спас Невелис и освободил её... Для меня это главное.

– А не так давно, вы были уверены, что это не освобождение, а гнуснейший из поступков, – Раапхорст рассмеялся. – Хотя в чём-то вы правы, но ближе к делу. Нет, Леон, я не хотел вас убивать. Мне нужно было лишь выиграть время и, возможно, склонить кого-то из вас на свою сторону, не более того.

– Зачем?

– Зачем? Непростой вопрос, – мужчина встал и подошёл к окну, выходящему на юг, на тихий парк, где иногда прогуливались жители дворца. – Ответ на него я и сам не знаю. Можно по-разному воспринимать мою нужду в вас. Быть может, я манипулирую вами, чтобы получить выгоду. Или же испытываю к вам искреннее чувство любви и питаю надежды, что вы станете моими союзниками. Как знать... Единственное, в чём я твёрдо уверен: все мои действия направлены вам во благо. Не скажу, что это из-за вас или из-за моего альтруизма. Скорее, действия, которые я предпринимаю и буду это делать, несмотря ни на что, способны сделать вас счастливыми. Пусть, это самонадеянно, но я так считаю.

– Ты честен... – Невелис, освободившись от влияния взгляда Евгения и решив остаться до конца разговора, подо-

шла к Леону и села рядом. Теперь Раапхорст находился напротив них – тихий и мрачный.

– Выбор между Невелис и долгом был сложен? – двумя минутами позже спросил он, взглянув на Леона. Молодой мужчина покачал головой.

– Я совершил его, лишь когда мы спасли её. Тогда, на мосту, – сказал он и почувствовал руку девушки на своём плече. Леон взглянул на неё и улыбнулся, ощутив чувство, посещавшее всякий раз, когда Невелис нуждалась в нём – счастье.

– Я понял, – произнёс Раапхорст. – Но, кажется, мы засиделись. Нам пора отдохнуть: завтра предстоит важный день.

– До завтра, – сказал Леон.

– Спокойной ночи, – отозвалась девушка.

Они встали и собирались уходить, как вдруг Евгений, остановившись в дверях, сказал:

– Вы не обязаны мне верить, но я хочу, чтобы вы знали... Знали, что вы мне дороги...

VI

Арочный мост закрытого типа, соединяющий центральный корпус дворца с трёхэтажным зданием, скрытым в опустевшем саду, горел на солнце. По нему шли эовины и Адриан Греф, как никогда серьёзный и сосредоточенный. Его взгляд, обжигающе холодный, был неподвижен: сейчас канцлер испытывал страшное напряжение, а потому всем своим естеством углубился в бездну размышлений, пытаясь предугадать исход будущей аудиенции. Потому он и не оглядывался, не суетился, не говорил.

Позади него кроме Евгения, Невелис и Леона, находились боевые эовины, каждую секунду защищающие сознание Грефа от постороннего вмешательства. Но друзья не пытались покушаться на разум пожилого мужчины, и путь до места встречи они прошли без происшествий. Вскоре коридор арочного моста прервался. Перед процессией предстали дубовые двери, за которыми, как догадался Евгений, их ждала императорская чета.

– Надеюсь, вы готовы, – промолвил Адриан.

Он напрягся и отворил двери. Внутри здание оказалось округлым. Его стены были скрыты книжными шкапами – десятками, а может быть, и сотнями. Книги в красных, зелёных, коричневых и тёмно-синих переплётах, пестрели по-

всюду. Их корешки, украшенные, по большей части, золотым тиснением, имели весьма любопытные наклейки: «Арпсохор – история», «Последний взрыв», «Три столпа алчности», «Правящие роды» и т.д.

Евгений с интересом рассматривал книги, удивлялся их редкости и не сразу заметил, что наверху, над вторым этажом, куда эовины только что попали, находится балкон. Помещение за ним было скрыто украшенной цветами аркой, там стояло ещё множество шкафов и стеллажей, хранилась коллекция редчайших книг, и, кроме того, там вошедших дожидалась правящая фамилия Арпсохора.

Минутой позже послышались шаги, и к краю балкона вышла дама в светло-голубом платье. Её вид поразил Раапхорста. Он догадался, что это императрица Арпсохора – Эвильен Альстрайм, но её внешность была так проста и естественна, что эовин на мгновение засомневался. Несмотря на аудиенцию – весьма важное мероприятие, она была одета почти по-домашнему, её волосы собраны в хвост, на руках и шее ни одного украшения, если не считать небольшую брошь, приколотую к платью.

– Вы уже здесь? Хорошо, – мягким грудным голосом сказала женщина. – Прошу поднимайтесь. Все, кроме охраны.

– Но госпожа... – попытался воспротивиться Греф. Однако, Эвильен махнула рукой и скрылась. Адриан вздохнул. Он подошёл к Евгению и грубо схватил того за локоть.

– Если что-то выкинешь, тебе конец! – прошептал канц-

лер и подтолкнул Раапхорста к лестнице, скрытой за одним из громадных шкафов. Евгений ничего не ответил.

Вскоре он вместе с Невелис, Леоном и Адрианом предстал перед императорской четой. Муж и жена – Тенеран и Эвильен Альстрайм расположились за аккуратным столиком, накрытым белой кружевной скатертью. В его центре стоял стеклянный заварочный чайник, наполненный тёмно-янтарной жидкостью.

Заметив друзей и канцлера, император встал и подошёл. Он с улыбкой подал руку Евгению, затем всем остальным и пригласил их присоединиться к чаепитию. Раапхорст, удивлённый столь радушным приёмом, не спускал глаз с Тенерана, словно пытаясь понять, о чём же он думает. Конечно, он мог попытаться прочесть его мысли, но что-то удерживало эовина: то ли совесть, то ли внезапно явившееся уважение к человеку, с которым он только что познакомился. Так или иначе, взгляд Раапхорста касался лишь внешности, взглянуть на душу Тенерана мужчина не решился.

– Прошу вас, почувствуйте себя, как дома, – промолвила императрица.

– Но не забывайте, что в гостях, – добавил Греф. – Ваше величество, разве можно просто так, без охраны...

Но Эвильен снова не обратила внимание на ворчливого старика. Она встала, вышла в соседнее помещение и вскоре вернулась, держа в руках поднос с дополнительными чайными чашками. Она быстро расставила их и в каждую налила

чай. Эовины безмолвно наблюдали за её уверенными движениями, силясь проникнуть в тайну столь тёплого приёма. Видимо, догадавшись об этом, Тенеран усмехнулся и сказал:

– Вы можете не волноваться. Здесь нет никакой уловки. Просто после тяжёлых дней, полных забот и волнений, иногда хочется отдохнуть, а вы стали прекрасным дополнением.

– Мы благодарим вас за это, – за всех ответил Раапхорст.

– За чай? – пододвигая к Евгению чашку, ласково спросила императрица.

– Не только. За аудиенцию, за доверие... Честно говоря, мы этого не ожидали.

– Я слышу акцент! – Эвильен обернулась к мужу. – Они, действительно из Дексарда! Мы должны расспросить их о Софии. Вы же говорили Адриану, что лично знакомы с ней? – она снова повернулась к Евгению.

Тот, слегка смутившись, кивнул.

– Как она? – спросил Тенеран.

– Она очень расстроена тем, что происходит между вашими странами, – ответил Раапхорст.

– Иначе и быть не может, – сев за стол и сочувствующе кивнув, промолвила императрица. – София – очень хороший человек, в отличие от мерзавца Атерклефера. Мне не стоит так говорить, но когда я вижу людей, столь помешанных на власти, не всегда могу сдержаться!

– Ну, полно, милая, – Тенеран погладил её по плечу. – Пусть сперва выпьют чаю, а затем мы обсудим всё, что нуж-

но.

Эвильен выразила согласие. Она снова вышла в соседнюю комнату и принесла оттуда два блюда с выпечкой

Невелис и Леон, чувствовавшие себя неловко, переглянулись. Они неуверенно взяли по сладкому пирожку, съели, отпили чаю и только сейчас ощутили некую уверенность. Император, заметив это, произнёс пару одобрительных слов, и на его лице снова появилась добрая особая улыбка. Улыбка, обладать которой мог лишь одновременно правитель и отец, человек, любящий подданных, свою страну, желающий ей процветания и мира. Евгений, не спускавший глаз с Тенерана, сразу узнал её, ведь довольно часто видел нечто подобное у сестры императора – Софии Атерклефер.

Черноволосый мужчина тоже принимал участие в чаепитии, не переставая гадать, понравится ли этим людям его предложение. Захотят ли они ответить на силу Дексарда силой ещё большей?

Наконец, как только, выдался удачный момент, он сказал:

– Вы знаете, зачем мы здесь. Полагаю, господин Греф рассказал о нас, а раз так, то мы можем начать разговор.

– Конечно-конечно, – император усмехнулся. – Мы много слышали. На тринадцатом пункте вашей характеристики, как раз после «нахальных сумасбродов» и «безумцев», я попросил Грефа остановиться.

Евгений побледнел.

– И... И вы приняли нас после этого? – едва не позабыв

арпсохорский язык, проскрипел Раапхорст. Его голос, как всегда, выдавал его волнение и сосредоточенность.

– Понимаете, – Тенеран смахнул с рубашки воображаемую пыль, – мы правим целым народом и давно научились понимать, говорит ли человек правду или лжёт. В данном случае, Греф за грубыми словами пытался скрыть свою вами заинтересованность, то впечатление, которое вы произвели на него. Поэтому вскоре мы добились от него правды.

– А охрану всё-таки лучше позвать, – недовольно вставил Греф.

– Канцлер! – Эвильен строго посмотрела на него. – Уймись!

– Молчу-молчу, – старик скрестил руки на груди. – Доверяйте им, доверяйте... Только потом не жалуйтесь старику Грефу, что что-то стряслось.

– Ничего не случится, – Тенеран покачал головой. – Во-первых, наши гости не террористы, а во-вторых... Определённые меры безопасности уже приняты. Не сочтите это за недоверие, но иначе поступить мы не могли.

– Разумеется, – Евгений кивнул. – Значит, я могу начать?

– Конечно. Говорите. Говорите, но помните, что мы можем как принять ваше предложение, так и отвергнуть его. Адриан рассказал нам о небольшой демонстрации ваших питомцев, но также упомянул, что это ещё не всё. Прошу, будьте честны с нами. Откровенность – лучший залог дружбы, – промолвила Эвильен и села рядом с мужем.

Минуту другую они сидели в тишине.

– Я могу дать вам оружие, коим обладает Дексард, – начал Евгений. – Это эовраны, и в этом, собственно, заключается всё предложение. Если вы дадите мне финансирование, должное оборудование и время, скажем, полгода, я смогу предоставить вам не только полчище эовранов – моих, как вы выразились, питомцев, но и показать совершенно иной организм, обладающий чудовищной силой. После такого ответа Дексард падёт...

Раапхорст осёкся. Он виновато посмотрел на Леона, затем на Тенерана и продолжил:

– Не подумайте, что я желаю вреда родному государству. Это не так. Просто, я умею наблюдать и понимаю, что жадность Атерклефера погубит не только Дексард, но и Арпсотор, а далее весь мир. Просто вообразите: если вы поможете мне, то предотвратите гибель вашей Родины и помешаете дальнейшему распространению войны, а это невероятно важно. Наш мир страдает, он изуродован человеческой жестокостью, и однажды чаша терпения переполнится. Нас поглотит мрак! Катастрофа за катастрофой, внешний миропорядок сотрёт всякое упоминание о человечестве. Это будет коллапс планетарного масштаба, а потому мешкать нельзя.

– Значит, вами движут мотивы по сути своей альтруистические? – задумчиво промолвила Эвильен. – Но откуда мы знаем, что вы не используете ваше же оружие против нас? Ведь, согласитесь, такая вероятность есть.

– Вы говорите так только потому, что не знаете меня, – Раапхорст пожал плечами. – Конечно, вы вправе подозревать, но я прошу о помощи, а не требую её и, уж тем более, не приказываю вам помочь. Выбор будет за вами, и я смирюсь с любым вашим решением. Но... Давайте, представим, что вы отказались. Что будет тогда? Дексард победит.

– Этого нельзя сказать наверняка... – вмешался Грэф, но Раапхорст прервал его жестом.

– Даже не сомневайтесь. С чудовищами, созданными по образу и подобию моих эовранов, Дексард уже победил вас. Нужно лишь немного времени. Перед их силой не устоит человек, а эовинов в Арпсохоре не так много, чтобы формировать из них армейские части. Так или иначе, Атерклефер установит здесь свою диктатуру, и мир, поддерживаемый вами, станет прахом. Хотите ли вы этого? – Раапхорст пристально посмотрел на Генерана.

Император оставался спокоен.

– Кажется, вы пытаетесь напугать нас, – налив себе ещё чаю, промолвила Эвильен. – Но ведь та чудовищная сила, о которой вы говорите, тоже может стать причиной мирового коллапса. Ведь вы не уверены, что сможете полностью её контролировать. Риск есть всегда, и его необходимо учитывать, иначе последствия могут быть ужасны.

– Но если я самонадеянно скажу, что всё продумал, поверите ли вы мне? Что вы сделаете, если я поклянусь вам в своей верности? – спросил Евгений. – Можете подумать об

этом. Я буду ждать столько, сколько нужно.

Тенеран нахмурился. Секунду спустя, он встал и подошёл к окну. Опершись на подоконник, заваленный книгами, Император посмотрел куда-то вдаль и обернулся к гостям.

– Вы, Раапхорст, убедительны, но моя жена тоже права. Риск велик. Не считаться с ним мы не можем, ведь на наших плечах покоится судьба всей страны. Возможно, я заслужу ваш гнев, но скажу откровенно, пока что я не вижу необходимости помогать вам...

– Смешно! – Евгений в мгновение потерял самообладание, тоже встал и окинул присутствующих страшным взглядом. – Если вы не верите мне, то подождите, и сами увидите, как ваша страна превратится в немую пустошь! Бойтесь риска? Бойтесь, что я обману? Но у меня нет ничего, кроме призрачной надежды, на ваше покровительство! Так каковы же мои причины для предательства?

– Как ты смеешь?! – взвыл Греф, но Тенеран остановил старика и позволил Раапхорсту договорить.

– Мой отец пытался всё изменить! Он мечтал о светлом будущем и поплатился за эти мечты. Да, у него ничего не вышло, и не то что бы я желал продолжить его дело или отомстить за смерть родного человека, но мне больно смотреть на то, чем стал наш мир. Я не хочу жить на руинах, я хочу восстановить то, что ещё не до конца погублено, и если вы этого не понимаете, то мне не о чем с вами больше говорить! Продолжайте бояться, продолжайте подсчитывать потери и

смерти сограждан, продолжайте подыгрывать Атерклеферу, продолжайте умирать... – черноволосый эовин резко обернулся и зашагал прочь. Леон и Невелис испуганно взглянули на него, в надежде, что мужчина остановится. Но тот был полон решимости.

– Не выпускать его, – приказал Греф. Стража заблокировала лестницу, и Раапхорст был вынужден остановиться.

– Просим вас, вернитесь, – промолвила Эвильен. – Мы не хотели бы, чтобы всё закончилось так...

– Всё закончится гораздо хуже, если вы не решитесь, – уже спокойнее сказал Евгений. – Поступайте, как хотите... Я не могу вас переубедить!

– Тогда мы поступим следующим образом... – проговорил Тенеран. – Вы должны предоставить нам ваши исследования в письменном виде и одного или двух существ, которых вы создали. Мы покажем их научному совету. Там есть весьма талантливые люди, потому, смею надеяться, они смогут по достоинству оценить ваши труды.

– И какой от этого прок? – Раапхорст усмехнулся.

– Мы будем понимать принцип действия вашего оружия. Это даст нам некоторую уверенность, – ответил Тенеран.

– Но вы же только что...

– Ваш эмоциональный спич воодушевил меня. Если мы примем все меры осторожности, то ваше предложение можно будет рассмотреть серьезно.

– То есть, вы согласны?

– Почти... По крайней мере, вы заинтересовали меня, а это уже полдела. Раз так, то прошу вас, останьтесь. Самая сложная часть разговора позади, а мы бы так хотели послушать о вашем путешествии. О том, как вы пришли в Арпс-хор, – император говорил спокойно и размеренно, не теряя присущего ему обаяния. Его слова заставили Евгения успокоиться и снова сесть за стол к несказанному счастью Леона и Невелис.

Предстояло рассказать о многом, и в следующие полтора часа Эовин, решив быть честным до конца, поведал свою историю с самого начала.

VII

Реза Тиен застала Коби в его рабочем кабинете. Юноша сидел за столом и что-то писал, погрязнув в бюрократических заботах. Его рука лениво выводила буквы чёрной перьевой ручкой, взгляд, погасший и серый, скользил по листу сверху вниз, а в сознании Ацфела мелькала мысль о бегстве. Впрочем, о нём он думал постоянно, и Тиен не обратила на это внимание, сочтя мысли генерального директора за привычное нытьё. Она бесшумно открыла дверь, вошла и в который раз насладились реакцией юноши на её появление. Увидев её, Коби выронил ручку, задрожал и его пустой взгляд впервые за день стал осмыслен: он наполнился страхом. Едва не заикаясь, парень спросил, зачем она пришла. Девушка пожалала плечами и села на край стола, задев лампу под зелёным абажуром. Та с грохотом рухнула на пол, и Ацфел от резкого звука побледнел, словно покойник.

– Я пришла по делу. Оно срочное, так что успокойся: играть сегодня с тобой я не буду. Если только ты не захочешь сам... – подняв руку, негромко сказала Тиен.

– Нет! Не надо! – вскрикнул Ацфел. – Что тебе надо?! Я сделаю всё. Правда...

– Мне нужен батальон специального назначения. Тот, о котором мы уже говорили, помнишь? Сфорце сказал, он го-

тов. Это так?

– Насколько я знаю, да... Но... Что вы хотите сделать? Неужели началось, и...

Реза рассмеялась и дотронулась до плеча Коби, с радостью отметив, что тот едва сдерживается, чтобы не закричать.

– Нет, мальчик. Пока рано. Просто кое-кто покусился на нашу собственность. Глупые повстанцы Дексарда... Они искренне верят, что Граббенкриг – это игрушка для войны. Впрочем, неважно. Так как? Ты подпишешь приказ о мобилизации, дашь мне координаты и ключевое слово? Иначе полк – лишь груда тел.

Коби помрачнел ещё сильнее.

«Им не хватило того, что я рисковал сотрудниками ради их прихотей. Им не хватило моих денег, моих заводов и моих разработок. Нет! Теперь они хотят начать ещё одну войну! Пусть я умру, но не позволю им убивать дальше!» – Коби ощутил кипучую волну ненависти.

– Милый мальчик, у тебя доброе сердце, но, кажется, ты не понимаешь, к чему мы стремимся. Мы не хотим воевать, мы хотим править. Этот мир нуждается в сильном правителе, и Сфорце им станет, – Тиен, сбросив на пол какие-то бумаги и писчие принадлежности, потянулась, словно кошка, и легла на стол. Она посмотрела на юношу снизу вверх и своими тонкими белыми пальцами коснулась его щеки. Ацфел едва стерпел это и лишь потому, что животный страх парализовал его. Он снова думал о том, о чём думать не следова-

ло, и всякий раз ожидал за это наказание. Но сегодня Тиен была благосклонна.

– Ну же, я жду, – сказала она, и Коби, без всякой запинки, выдал координаты полка и ключевое слово. Девушка тотчас слезла со стола. Она подошла к Ацфелу и поцеловала его в лоб. После этого Тиен развернулась и зашагала к двери. На выходе она остановилась и сказала:

– Сфорце хочет построить новый мир, и тебе в нём отведено место. Цени это и перестань нас ненавидеть. Ты не поверишь в моё раскаяние, но подумай вот о чём: боль, которую мы терпим и остаёмся живы, делает нас сильнее. Раз так, то мои, как ты думаешь, издевательства, были тебе во благо...

– Это звучит нелогично...

– О, поверь. Гений фон Сфорце способен комбинировать самые разные элементы, поступки, чувства, мысли. В его руках хаос становится порядком, и однажды ты поймёшь, для чего это делалось.

В тёмно-зелёном тенте, принадлежавшем командующему экспериментального полка Инстернаису Граусу, сегодня собралось множество людей. Это были старшие офицеры во главе с полковником Найкри, приглашённые для обсуждения дальнейших действий. Мужчины были взволнованы, так как впервые на их блистательном пути, пути крови и сла-

вы, появилось осязаемое препятствие. До нынешнего момента кампания на территории Арпсохора проходила успешно. Враг терял город за городом, тысячи солдат умирали или сдавались в плен, запасы ресурсов, как то: топливо, уголь и древесина, стабильно увеличивались, и, в целом, ничто не предвещало затруднений. Но всё-таки они возникли, и с ними надлежало разобратся.

Верховный штаб, командуя боевыми действиями, предполагал определённые сложности на пути в столицу, а потому послал в проблемный регион экспериментальный полк, зарекомендовавший себя за время войны самым лучшим образом. И теперь Инстернису, Найкри и ещё несколькими офицерам предстояло разработать план, в меру эффективный и исключающий большие жертвы.

– Мы находимся в крайне интересном положении, – встав у стола с расположенной на нём подробной топографической картой, промолвил Граус. – Я вижу, вы не разделяете моё мнение и весьма взволнованы, господа, но думаю, зря.

– Зря... Как же! – сказал кто-то с явным неудовольствием в голосе.

– Да, именно так, – Инстернис ничуть не смутился. – Я знаю, о чём говорю. Итак, что мы имеем: от столицы нас отделяют всего полгода пути, не более. Это ерунда, но есть загвоздка... Данный регион на юге занимает овражистая местность, на севере – болота. Пройти можно и там, и там, но с определёнными потерями. Это нам категорически не подхо-

дит, но выход, всё-таки, есть.

– Лайд? – спросил Бертрам. – Мы нападём на крепость Арпсохора, бывшую неприступной столь долго? Это опасно...

– Разумеется, – Инстернис кивнул. – Я не спорю, уважаемый Найкри. Только ты, должен понимать, что альтернативы нет. Либо непоправимые потери, либо Лайд... Хотя, нет! Есть ещё один вариант – пустоши, но там, не сложно догадаться, ещё опаснее. Потому, мы будем штурмовать город. Да, эта цель, достигнуть которой крайне сложно, но штаб уже отдал приказ, а потому мы подчинимся. Кроме того, на Арпсохор нападали лишь единожды, и то государство давно пало, так что шансы у нас есть.

Мужчина помолчал, собираясь с мыслями, после чего произнёс:

– Чтобы облегчить задачу, командование послало сюда человека, чья помощь будет необходима. Ценнейший кадр при данных обстоятельствах. Ведь о фортификационных и архитектурных нюансах Лайда известно так мало... Прошу, расскажите, всё, что знаете.

Воцарилось молчание. Мужчины переглянулись, и вдруг к столу с картой подошёл седой пожилой солдат, бывший, судя по отличительным знакам, в чине капитана. Он встал рядом с Граусом и заговорил:

– Мало кто знает, но я, господа, по происхождению арпсохорец. Жизнь мою можно описывать долго и обстоятель-

но, но думаю, это излишне. Нужно лишь сказать, что некогда отец мой служил здесь архитектором, а я – малое дитя, не нашёл себе иного развлечения, кроме как разглядывать архитектурные карты, в превеликом многообразии лежавшие на его рабочем столе. Когда проект был закончен, отец перебрался в Дексард, благо, в то время отношения между странами позволяли сделать это. И теперь, по прошествии стольких лет, я поделюсь с вами теми обрывками информации, которые смог запомнить. Как не сложно догадаться, бумаги тех времён давным-давно были засекречены и уничтожены, а потому я единственный, не считая нашу неудачливую разведку, кто может помочь.

Офицеры стояли поражённые и возмущённые.

«Что это за шутки такие! Как мы можем доверять бывшему арпсохорцу? Отчего Инстернис даже не предполагает обман?!» – читалось на их лицах.

– Обмана быть не может, – Граус улыбнулся. – За это можете не переживать, пока я здесь... Продолжайте!

Старик поспешно заговорил:

– Лайд разработан так, что в случае захвата города, вражеские силы смогут пройти только по центральной его улице: она довольно широка и пересекает город насквозь. Если же вражеское войско рассредоточится, скажем, чтобы заняться мародёрством, и солдаты пойдут по окраинным улицам, коих насчитывается всего пять, их встретит веское сопротивление. Лайд – задумывался как город-крепость, пото-

му в угоду военной практичности его создатели пожертвовали удобством горожан – в нём отсутствуют площади, переулки, и окна каждого из домов оснащены железными заслонами в целях обороны. Для того же чтобы попасть в помещение, расположенное, например, в центре многочисленных построек, входа в которое нет ни на одной из улиц, нужно преодолеть протяжённые коридоры, скрытые внутри зданий.

– Чем же вам главная улица не по душе? Это ловушка? – спросил кто-то из офицеров.

– Именно, – старик кивнул. – Если мы двинемся по центральной улице, которая больше напоминает горизонтальный водосточный канал, правда, без воды, то угодим в когти жителей Лайда. Дома на той улице расположены на возвышении около двадцати метров. Их фундамент стоит на кубических бетонных резервуарах, являющихся основанием улицы. В резервуарах тех находится горючая жидкость. Дождавшись, когда мы окажемся в зоне поражения, наши враги используют оружие, и струи легко воспламеняющейся жидкости хлынут прямо на нас под действием сжатого газа. Мы превратимся в обугленные трупы за пару минут.

– А они уже знают о нашей силе? – спросил кто-то, обращаясь к Инстернису.

– Разведка не знает, – лаконично ответил тот. – Так что вы предлагаете, капитан? Есть ли у этого города, который, конечно не идёт ни в какое сравнение с Этрином, слабое место?

Старик задумался. Он покачал головой и ответил:

– Слабость Лайда заключается в том же, в чём и сила. Если мы сможем взорвать резервуары с горючей жидкостью, прежде чем окажемся в городе, то крепость сгорит вместе с жителями. Конечно, кто-то выживет, и нам придётся сражаться, но так у нас хотя бы появятся шансы. Единственная проблема – это методы... Как нам осуществить задуманное...

– Это очень просто, – Граусам щёлкнул пальцами. – Я пожертвую несколькими особями. Найкри, передайте младшим офицерам, чтобы предупредили полк – через два дня нам предстоит первое настоящее сражение. Пусть будут готовы! Мы потеряем массу времени с этим Лайдом, это точно, но победим, пусть не сомневаются.

– Так точно, – словно рядовой, отозвался полковник. Он кивнул и торопливо покинул тент. Оставшиеся офицеры переглянулись – в их взглядах читались страх и возбуждение.

С того момента как Пьер и Адел были схвачены прошло несколько недель. После допроса, в ходе которого выяснились все подробности ночного побоища, солдат поместили в передвижную камеру, которую в полку использовали, когда следовало усмирить гипотетических бунтарей. Она представляла собой фургон на колёсах, обшитый толстыми металлическими листами. Окон в нём не было – их заменяли

узкие горизонтальные щели у пола и потолка, сквозь которые в камеры поступал не только свет, но и свежий воздух.

Пьер и Адел находились в соседних помещениях и потому могли разговаривать, впрочем, в последнее время им не хотелось. Они осознавали ужас своего положения, и осознание это выпивало их жизненные силы, каплю за каплей.

«Что теперь?» – думал Пьер, сидя на полу и обхватив колени руками.

«Что с нами будет?» – мысленного спрашивал себя Адел, прислонившись к холодной стене. Он издал слабый стон.

– Что-то случилось? – спросил Пьер. – Позвать кого-нибудь?

– Нет, – Фриншлайт в темноте покачал головой. – Просто подумал, что мы ничего не можем сделать.

– О чём ты?

– Вот смотри: на улице мимо нас всякий день снуют солдаты, проезжают машины, полные боеприпасов и оружия. Полк готовится к чему-то. Где-то там, у себя в тенте, сидит Инстернис и, наслаждаясь своей властью, отдаёт приказы. Он уверенно идёт к цели, а о нас не вспоминает. Да, мы для него преступники, заслуживающие наказания, но... – Адел взял паузу. – Только что я окончательно понял, что мы бессильны. Мы будто находимся в ядовитой комнате. Знаешь, раньше была такая пытка... В камеру с одним небольшим застеклённым оконцем помещали человека. Оконце то выходило в газовую камеру, где своей смерти ожидали родные

и близкие этого человека. Ему предоставлялся выбор: сотрудничать или нет. Если он отказывался, дорогие ему люди умирали на его глазах. Мы тоже, видимо, смотрим на нечто ужасное, но выбора у нас, в отличие от пытки в ядовитой комнате, нет.

– Я всё равно тебя не понимаю, – признался Пьер. – По твоей аналогии нечто ужасное – это действия нашего полка. Мне казалось, ты достаточно сознателен, чтобы хранить верность армии, даже несмотря на свой проступок. Ты ведь добровольно пошёл на службу, если память мне не изменяет.

– Я был гордец, – Адел рассмеялся. – Я хотел доказать, что могу стать великим, а теперь сижу в камере с человеком, которого невольно втянул в этот ужас.

Фриншлайт ненадолго замолчал. Он продолжил, только после того как подавил в себе чувства.

– Не знаю, может, эта ситуация изменила меня. Во всяком случае, гордыня отступила, и к войне я охладел. Ведь я думал, что всё будет иначе. Что солдаты окажутся благородными и честными людьми, хотя бы, офицерский состав, что командование будет нам чем-то вроде семьи, а на деле... Нет, я разочаровался в службе. В службе и в себе. Я больше не хочу смотреть ни на жизнь полка, ни на сражения, ни на что. Не хочу слышать приказов... Я хочу покоя и свободы. Но что я могу...

– Знаешь, я не виню тебя, – сказал Врей. – Когда нас забрали, мне было чертовски страшно, но теперь всё равно.

Он немного помолчал и снова заговорил:

– Там, в госпитале, я влюбился в девушку, признался ей и после отказа едва не сошёл с ума. Но теперь я даже не вспоминаю об этом. Возможно, оттого, что я не знаю, как долго протяну... Быть может, я умру завтра. Буду расстрелян как военный преступник или что-то вроде того. А раз так, то смысла беречь раны нет.

Адел не ответил, но Пьер услышал, как его собеседник ухмыльнулся. Юноша прикусил губу и подумал, что зря затеял этот разговор, но что-то заставило его продолжить.

– Мне тоже надоела армия. Поэтому, если нас вдруг простят, я уйду и никогда больше не возьму в руки оружия... Ну, может быть, если только, сам этого захочу, – промолвил Пьер.

– Я поступлю так же, – отозвался Адел. – Но, думаю, мы зря тешим себя иллюзиями. Нас не отпустят. По-крайней мере, без веской причины. И...

Офицер хотел сказать что-то ещё, как вдруг у входа в фургон раздались шаги, и в замочной скважине послышалась возня. Дверь со скрипом открылась, и внутрь с электрическими фонарями вошли четверо мужчин. Он приблизились к камерам, и один из них пробасил: «Живо к стене!».

Заключённые повиновались.

– Что-то случилось? Нас отпускают? – спросил Пьер.

– Заткнись, – ответили ему, после чего парень услышал, как солдаты отпирают решётчатую дверь камеры. Вскоре на

запастьях Пьера и Адела оказались наручники, и нерадивых солдат повели к выходу.

«Едва ли нас ведут, чтобы погрозить пальцем и простить. Нет, здесь что-то не так», – решил Адел. Он покорно шёл и не решался задавать вопросов, рассудив, что пока не время и не место. Наконец, он вместе с Пьером оказался на заснеженной поляне перед металлической камерой. Офицер ожидал увидеть всё, что угодно, включая эшафот, но к его удивлению перед ними предстал Инстернис Граус собственной персоной. Он был одет в офицерскую форму – чёрные брюки и китель, руки в перчатках, на голове – фуражка с чёрным козырьком.

– А вот и они, – губы Эовина расплылись в улыбке. – Думаю, вы оба весьма напуганы...

– С чего бы? – огрызнулся Адел. – Я один здесь виноват, значит, один и должен бояться! Правда, мне плевать, отдадите вы меня под трибунал или убьёте прямо здесь по законам военного времени.

– То есть, своей вины ты не признаёшь? – Граус лукаво сощурился.

– Признаю, – Фриншлайт потупился, – я не должен был позволять эмоциям и гордыне взять над собой верх. Впрочем, тех ничтожеств, которые теперь, наверняка, остались калеками, мне ничуть не жаль. Я просто подогнал их тела под их души, ничего больше. Нет, я виноват не в том, что покалечил их, а в том, что позволил себе – дворянину и офи-

церу, пасть до мести этим ничтожествам. В былые времена, члены моего рода на такую шваль даже не посмотрели бы!

Инстернис после того как Адел замолчал начал увесисто хлопать ладонями, не произнося ни слова. Эта реакция вызвала у Пьера жуткое ощущение того, что Граус на что-то решился.

– У тебя будет возможность доказать своё высокое происхождение, – промолвил мужчина. – Весьма хорошая возможность.

VIII

– Ты пришёл по своей воле... Это не может не радовать. Проходи, садись, – Эйрих указал ладонью на одно из кресел, стоявших у подножия тронного возвышения. Сам фон Сфорце сидел за столом и смотрел на вошедшего Коби сверху вниз. Молодой человек нервничал, но, тем не менее, после приглашения подошёл.

– Я постою, – ответил он.

– Как хочешь, – Эйрих пожал плечами. – Не будем тянуть. Зачем ты явился?

Юноша молчал.

– Не волнуйся.

Сфорце встал и неторопливо спустился по ступеням. Приблизившись к юноше, он взял его за запястье и провёл к чёрному кожаному креслу. Усадив Ацфела, Эйрих отошёл на два шага и сцепил руки за спиной, давая понять, что он по-прежнему ждёт, что скажет его гость.

– Ладно, – сказал парень, – ты всё равно поймёшь, лгу я или нет. Скажи, зачем ты послал Резу? Что случилось?

– Она тебе не сказала? Мои марионетки почти сделали то, для чего я их использовал, и теперь пришло время от них избавиться, иначе они решат воспользоваться оружием, которое временно оказалось в их руках.

– То есть, ты собираешься перехватить Машину? А если они уже успели доработать её? – Коби старался не смотреть в глаза своему собеседнику. – Что будет тогда?

– Без разницы. Реза, так или иначе, справится. Эта Принцесса Хаоса способна на многое. Ты пришёл, чтобы узнать это?

– Да. Как я и думал, грядёт бойня. Скажу прямо, мне надоело это! – Коби, вдруг забыв о страхе, словно напружиненный, вскочил с места и, округлив глаза, уставился на бледное лицо своего мучителя.

Эйрих развёл руками и усмехнулся, будто услышав слова неразумного ребёнка.

– Очередной протест? Очень мило, но скучно. Ты делаешь так всякий раз при нашей встрече, – промолвил эовин. – Я понимаю твою усталость, но ради всеобщего блага надо иногда чем-то жертвовать. Если бы не твои полномочия и моё инкогнито, которое надо сохранить, я бы отпустил тебя, но, увы...

– Какого блага? Какого, чёрт тебя подери, блага?! – не своим голосом заорал парень, сам испугавшись этого вопля. – Хватит нести бред! Чудовище!

Коби, возбуждённый и озлобленный, подскочил к эовину и схватил того за воротник чёрной рубашки. Сфорце не сопротивлялся. Он лишь посмотрел на взбесившегося Ацфела, и в глазах его мелькнуло скорбное чувство. Мгновением позже Коби пришёл в себя и отпустил Эйриха. Отойдя от

него, парень закрыл глаза, готовясь к худшему, но наказания не последовало. Фон Сфорце вздохнул и сел на пол.

– Ступай, – сказал он. – Подожди, и ты увидишь призрак того мира, который я хочу построить. И если эта иллюзия тебе понравится, то ты извинишься. Если же нет – можешь уходить. В конце концов, я действительно чудовище, но ты не имеешь права говорить это.

Ацфел с удивлением смотрел на Эйриха, и в душе его смешивались жалость и горечь. Юноша не мог даже представить, что монстр, который без колебания обрекал тысячи людей на смерть, может быть таким покорным и жалким.

– Ты ещё здесь? – спросил Сфорце. – Иди. Иначе останешься здесь навсегда.

Ацфел сорвался с места. Он знал, Эйрих непредсказуем, и за лживой маской спокойствия может скрываться самое неуёмное бешенство.

Стены завода дрожали. Чёрные трещины перерезали цемент и бетон, опутывали строение, словно сеть паутины. Откуда-то изнутри чудовищного здания исходил оглушительный скрежет, так что казалось, что нечто острое скользит по гигантской металлической поверхности. Балки рушились, фундамент рассыпался и медленно с дрожью выступал из земли. Вокруг в воздух поднимались громадные клубы песка и пыли. Центральная башня гудела, раскачивалась из сторо-

ны в сторону и через несколько минут с дьявольским лязгом обрушилась на ангар лавиной бетона, стекла и стали. Крыша основного здания тоже рухнула, и откуда-то из под земли в воздух начала подниматься громада, объятая дымом и пеплом. Где-то в её центре адским пламенем горел алый прожектор, вокруг которого из многочисленных труб вырывались оранжевые языки пламени. Воздух оглашался оглушительными раскатами, исходившими из утробы дьявольского механизма, и страшный жар обдавал всё вокруг на многие метры.

Машина ожила, и теперь двигалась по направлению к Арпсохору, направляемая рукой Максима Раапхорста. Находясь в рубке управления – мрачной и закопчённой комнате с протяжёнными техническими панелями, мужчина многочисленными ловкими движениями заставлял адскую машину плыть по воздуху. Учёные, согласившиеся сотрудничать с сопротивлением, помогали ему, находясь на нижних технических этажах Греббенкрига. За спиной эовина стоял командир, остальные повстанцы рассредоточились по телу стального монстра.

– Поторопись, – приказал пожилой мужчина. – Мы должны быть у Лайда как можно скорее, пока есть шанс доказать Арпсохору, что мы достойны помощи в борьбе с Атерклефером.

Адел и Пьер с сумками, нагруженными взрывными устройствами, приближались к городским стенам глубокой ночью следующих суток. То и дело, друзья по несчастью драгивались до своих голов и тихо постанывали – блок, наложенный Инстернисом, причинял тупую тяжёлую боль. Звёзды сверкали в ночной вышине, было спокойно, и воздух наполнился холодной тишиной. Едва чувствуя собственные ноги, молодые люди шагали вперёд, не осознавая, что обрекают себя на смерть. Они не могли воспротивиться, ведь беспрерывно в сознании звучали слова: «Идите. Как только услышите первый взрыв, вы станете свободны».

Эта формула парализовала людей, сделала их покорными и слабыми, заставила их забыть о собственных жизнях, о самих себе в угоду желаний жестокосердного эовина.

– Больше не могу, – чувствуя, как спина наполняется судорожной болью, прохрипел Пьер. Молодые люди двигались на пределе сил, пытаясь сопротивляться гипнозу Грауса. Всё тщетно... Единственное, что они могли сделать, это выполнить приказ и только после этого освободится от губельного воздействия. Медленно, но верно, солдаты продвигались к крепостным стенам Лайда, и с каждой минутой те вырастали, становились больше, заслоняя всё большую часть неба.

– Отвлечь... Мы должны отвлечь их внимание, – в бреду бормотал Адел, и Пьер согласно кивал, чувствуя, как отнимаются ноги, как плечи, натруженные и тяжёлые, сводит судорогой.

Наконец, это случилось. Раздался мерзкий звук серены, и многочисленные прожекторы на крепостных стенах осветили дорогу, ведущую к городу. Пьер и Адел остановились. Закрыв глаза, они одновременно рухнули на колени, будто показывая, что готовы сдаться на милость врагу. Тотчас откуда-то сверху раздался голос, многократно усиленный: «Кто вы? Что вам нужно? Немедленно поворачивайте назад, иначе мы откроем огонь. У вас есть тридцать секунд!»

Но мужчины не двигались, будто ничего не слышали и не видели. Голос Грауса всё настойчивее приказывал им вплотную подойти к стенам Лайда и активировать взрывчатку, но напрягая последние силы воли, солдаты сдерживались и стояли на коленях. Капли пота стекали по их лицам, от напряжения Пьер и Адел мелко дрожали.

– Двадцать секунд! – снова вскричал неизвестный на стене. – Кем бы вы ни были, вас ждёт смерть, если не повернёте. Ну же!

Пьер и Адел не шевелились. Им стоило невероятных усилий не подчиниться голосу Инстерниса, гулко звучавшему в сознании. Лишь чудом им удалось заставить себя остановиться, когда осознание близкой гибели стало совсем невыносимым.

– Проклятье! – раздался всё тот же голос. – Спуститесь и проверьте их! Что? Не положено? Кому ты рассказываешь, идиот! Я лучше тебя знаю наши порядки! Да, возможно, они солдаты Дексарда, но, чёрт возьми, я не пристрелю их, пока

не удостоверюсь! Можешь доложить начальству!

Несколькими минутами позже городские ворота открылись. Пьер и Адел, заметив это, едва были способны держаться в сознании. Из города вышел небольшой отряд. Члены его, вооружённые винтовками, подошли к вражеским солдатам, которые теперь дрожали так сильно, что могло создаться впечатление, что они бьются в судорогах.

– Болезные какие-то, – сказал один из воинов. – Проверьте, что у них в сумках. Если ничего подозрительного, отпустим их.

Кто-то подошёл к полуживым друзьям, и вдруг вскричал:

– Здесь взрывчатка! Чёрт побери, пристрелить их?

– Не вздумай, вскричал другой солдат! Там есть счётчик?

Что? Проверь!

Несчастному солдату ничего не оставалось, кроме как снова подойти и осмотреть содержимое заплечных сумок.

– Есть, – изрёк он после нескольких секунд тишины. – Правда, они не активированы.

– Тогда оставьте сумки и приведите этих двоих, – последовал приказ. – Кажется, им плохо, и они не могут сделать того, что им было приказано. Заберём их и допросим.

– Это ловушка! – воспротивился кто-то из отряда. – Если возьмём их, можем подставиться.

– Возможно, ты прав, – согласился командующий. – Но у нас может появиться шанс узнать больше о вражеской армии. К тому же, в чём смысл такой ловушки? Заслать шпи-

онов, притворившихся больными неудачниками-подрывниками? Как-то странно. Помимо прочего, они не эовины, хотя и есть в их сознании что-то, что меня настораживает. Возможно, на них наложен блок. Решено, мы...

– Что ж, дорогой Найкри, кажется, наш обманный манёвр не сработал. Как бы я ни был силён, но эти ребяташки не могут сделать и шагу. Раз так, нам предстоит напасть сейчас, – Инстернис прошёл к выходу из тента.

– Прикажете, – добавил он, – выпустить птиц. Я думал, ложным взрывом у городских стен мы сможем посеять панику, но раз мы потерпели неудачу, нам стоит как можно скорее ударить. Лайд падёт, как и множество других городов, в этом я уверен. Но действовать нужно решительно!

IX

– Значит, вы считаете, что Машина пришла в движение...

– Реза обернулась к человеку в стальной броне. – Просчитать траекторию возможно?

– Разумеется, если повстанцы резко не повернут, – слышался глухой голос из под железной маски.

Девушка сложила руки за спиной и прошла два шага по сетчатой металлической площадке, вмонтированной в верхнюю часть шагохода. Громадная паукообразная машина гудела, и из её сопел, расположенных над кабиной, вырывался густой дым.

– И где же, милый, она окажется, например, завтра? Я бы хотела перехватить её до того, как повстанцы ринутся в Лайд, – Тиен приблизилась к солдату и обвила руками его стальную шею. Её пальцы белые, словно снег, заскользили по холодному металлу.

– Боюсь, к тому моменту будет поздно, – прогудел воин. Та помрачнела и отпустила его.

– Сфорце это не понравится... – негромко произнесла она. – Если бы я могла стереть память каждому, кто увидит Машину... Но, конечно, найдётся кто-нибудь, кто выживет и успеет сбежать. Хорошо, что хоть вы, безмозглые солдаты, ничего и никому не расскажете.

– Так что вы прикажете?

– Выдвигаться к Лайду, как можно скорее! Мне всё равно, что о нас станет известно. В данном случае, тайна не так важна, как оружие, что мы можем потерять. Если это произойдёт, то в дело придётся вступать Эйриху, а это едва ли входит в его планы. Его терпение поистине необъятно, и если он ждал так долго, то сейчас открывать карты явно рановато.

Город, ставший последним серьёзным препятствием для войска Дексарда на пути к столице Арпсохора, пылал. Птицы чёрными стаями носились в воздухе, желая до последнего человека истребить жителей Лайда. Некоторые из эовранов сгорали в языках пламени, танцующих над крышами домов, некоторые поднимались выше и оттуда своими воплями разрушали и без того покорёженные дома и башни. Центральная улица города в первые минуты нападения превратилась в адский канал, в котором бушевали газ и огонь. Многие дома стояли, объятые жаром, в их стенах зияли дыры, пробитые осколками первого взрыва. Ночное небо поминутно озарялось новыми вспышками сгорающего газа, и звёзды блекли от этого света.

Инстернис Граус наблюдал за падением Лайда издалека. Его глаза сверкали, и сердце занималось от наслаждения безумием нынешней ночи. В руках этого человека сосредоточилась невероятная мощь, и он опьянел от неё. Эо-

вин не думал о мучениях арпсохорцев, не боялся с минуты на минуту послать в пекло собственных солдат: сейчас для него не существовало ни сожаления, ни совести, ни страха, лишь неуёмное стремление продлить мгновения безграничного могущества.

Полк, которым он руководил, стоял далеко позади него, скрытый от глаз гипотетических наблюдателей густыми кронами старых сосен. Солдаты тоже смотрели на полыхающий Лайд, и настроение между ними было неопределённым. Одни воины разделяли чувства своего командира – радостно смеялись, не отрывая глаз от города, другие же, напротив, видели в происходящем самую страшную бойню за всю историю недолгой войны и потому стояли мрачные и подавленные. Их не впечатлял вид смерти, не впечатлял вражеской город, истлевающий от жара, так как, несмотря на безусловность этой победы, она досталась войску Дексарда едва ли честно.

«Мы даже пальцем не пошевелили, не произвели ни единого выстрела, и вот оно – результат налицо – город пал», – думали солдаты. Они почти не держали строй и позволяли себе переглядываться и перебрасываться тихими фразами. Да и был ли смысл соблюдать дисциплину, когда сам командующий полком смеялся, будто сумасшедший, глядя на то, как где-то вдали гибнут люди?

– Он безумец... – сам себе сказал Бертрам Найкри, стоя от эовина на довольно приличном расстоянии. – Только бе-

зумец может смеяться, глядя на то, как в буре огня, сметающей всё на своём пути – и бетон, и сталь – умирают живые существа. Даже во время войны у нас должно быть чувство уважения к врагу. В конце концов, мы находимся на их земле, но это... Нет, пора в отставку. Больше я не собираюсь быть участником подобных боен.

– Найкри! – весело вскричал Инстернис, и у старика ёкнуло сердце.

«Неужели услышал...» – испуганно оглядевшись, подумал Бертрам.

– Ну же, подойдите! – не переставая смеяться, кричал Граус, и оттого его голос звучал гротескно и пугающе.

Всё-таки старик приблизился.

– Посмотри, мой друг, – нежно проговорил специальный офицер. – Эти несчастные не успели ничего понять, как вдруг Лайд взлетел на воздух. По-моему, мы встали на совершенно новую ступень ведения войны. Столица будет в восторге, как вы думаете?

Найкри молчал.

– А, впрочем, неважно. Мне безразлично, что обо мне думает правительство. Я лишь эовин, не достойный высокого положения. Но здесь я ваш безусловный бог, и, честно говоря, это чертовски мне нравится. Скажи, старик, отречёшься ли ты от своих недавних мыслей и присоединишься ко мне, или же бросишь своих солдат в самый разгар войны? – Инстернис выглядел весёлым и расслабленным, но в его глазах,

то и дело, мелькал гневный огонёк.

– Я не пойду за вами. Передам полномочия и удалюсь, – чувствуя, как от страха его ноги подкашиваются, прохрипел Бертрам. – Я не могу принять ваших методов. Послать двух молодых людей, пусть и провинившихся, на верную смерть – это чудовищно!

– Разве? – Граусам приподнял левую бровь. – Не думал, что вы такой человеколюбец. Неужели вам не всё равно?

– Я сказал своё слово, – повторил Найкри. – Как только всё закончится, мне придётся послать донесение в столицу и снять с себя полномочия. Подождите немного, и меня не станет.

Инстернис усмехнулся. Обернувшись и подойдя к старику, он прошептал:

– Ты сам выбрал свою судьбу. Тебя не станет сейчас.

Старик в ужасе взглянул на Грауса и перед смертью заметил лишь одно – глаза эовина стали иссиня-чёрными.

– Врача! Немедленно! – возопил Инстернис, обернувшись в сторону леса. Раздались ответные крики солдат, и через несколько минут к покойному полковнику из густых лесных зарослей выбежал человек в форме полевого врача. Осмотрев тело, он вздохнул и сказал:

– Полковник мёртв. Вы были здесь... Скажите, что случилось?

– Он стал задыхаться, а потом упал. Бедный старик... – как можно печальнее промолвил Инстернис.

– Да. Пока точно сказать не могу, но это мог быть сердечный приступ, – заметил врач. – Что теперь? Вы, конечно, фактически командующий, но, может быть, послать сообщение в столицу?

Граусам, подавив усмешку, кивнул.

– Я так и сделаю. Только закончим текущую операцию, а далее я обязательно доложу об этом прискорбном случае. В конце концов, армия много потеряет с уходом Найкри – он был первокласным командиром.

Разобравшись с врачом, Инстернис вернулся к прерванному занятию – наблюдению. Его взгляд, холодный и спокойный, снова заскользил по почерневшим стенам Лайда, по центральным воротам, разбитым взрывной волной, по чудом державшимся обугленным крышам. До его ушей доносились вопли пламени, смешавшиеся с людскими криками, и губы безумного эовина растягивались в улыбке. Всё шло как нельзя лучше, строго по плану. Город практически пал, солдаты, охранявшие его, пока не давали о себе знать, а значит, путь к столице утром, скорее всего, окажется свободен. За этими приятными мыслями, Инстернис не заметил, как наступил рассвет. Небо подёрнулось бежевой дымкой, и воздух, кажется, стал ещё холоднее. Солдаты уже порядком устали стоять на месте, а потому обрадовались, когда Граус приказал им продвигаться к городу.

– Будьте осторожны. Вы видите, что огонь не стих. Кроме того, я отзываю воронов, а потому, если в городе есть вы-

жившие, вы будете сражаться с ними, не полагаясь на дополнительную поддержку, – сказал мужчина, и солдаты тотчас пришли в движение – взяв в руки оружие, мужчины нестройными рядами двинулись к Лайду. Под ногами хрустел снег, и к этому моменту, небо стало наполняться бледной голубизной. Вокруг было тихо, лишь где-то за городскими стенами слышались звуки разрушения – трещал огонь, осыпался камень.

– Всем быть начеку! – прокричал один из командующих. – Не думаю, что там кто-то остался после этого ада, но расслабляться нельзя. От жителей такого города можно ожидать чего угодно.

– Так точно! – послышалось с разных сторон, и воины Дексарда продолжили своё шествие. Вскоре они проникли в Лайд через разбитые центральные ворота и неспешно двинулись по окраинным улицам, на тот случай, если где-то на центральной сохранился запас горючей жидкости. Все понимали: одно неосторожное движение, и они погибнут так же, как жители города-крепости. Поле боя было непредсказуемо, огонь перекидывался с крыши на крышу, поглощал здание за зданием, а потому каждый метр пути мог таить внезапную опасность.

Но Инстернису было всё равно. Он желал лишь одного: как можно скорее освободить путь для основных сил Дексарда и, разумеется, первому из всех подобраться к столице. Нет, Граус не жаждал славы, не стремился выслужиться, не

искал ни положения, ни денег. Вместо этого он хотел вновь ощутить пьянящее чувство безраздельной власти, какое испытывал уже второй раз за всю жизнь. Этрин был лишь жалкой прелюдией, Лайд подарил Инстернису уже более яркие впечатления, подстегнул его извращённое воображение, и теперь эовин предвкушал то наслаждение, какое он получит, штурмуя столицу. Потому он и забывал о вверенных ему солдатах, и гнал их, едва ли испытывая угрызения совести. Он по-прежнему стоял у опушки леса, на крутом возвышении, мысленно призывая эовранов. Птицы, изрядно потрёпанные жаром, покорно летели на зов. Сначала Инстернис пытался считать их, но вскоре понял, что львиная доля его сил не вернулась, и прекратил.

«Даже столь могущественные создания не могут спастись от смерти. Что ж, об этом надлежит помнить», – подумал он и снова устремил взгляд к полыхающим развалинам Лайда. Солдаты уже скрылись из виду, а потому Граусу пришлось прислушиваться к их мыслям. Почти каждый воин ощущал смутный страх, большинство желали вернуться, оставшиеся же, напротив, – поражали своей решительностью. Эта безумная отвага понравилась Инстернису, и он решил по завершению операции наградить наиболее смелых солдат.

– Если, конечно, хоть кто-нибудь вернётся, – ухмыльнулся мужчина.

В таком состоянии он пробыл около двух часов. За это время на опушке установили радиоприёмник, так что эовин

мог, более-менее, следить за ситуацией. То и дело, из аппарата с множеством проводов, торчавших из его корпуса, раздавались голоса старших офицеров, командующих продвижением по вражеской крепости. Сетчатый динамик гудел, связь часто прерывалась, но в целом обстановку Граус уяснил.

– Кажется, сопротивление всё-таки есть, – промолвил он. – Жаль, что на таком расстоянии я не могу точно сказать, где оно находится.

Внезапно в динамиках послышались звуки стрельбы и грозные крики солдат. Инстернис насторожился, но через двадцать минут, связь возобновилась, и Эовин получил доклад. Из него, он узнал, что произошло краткое столкновение с выжившим населением Лайда, но сопротивление уже подавлено.

– Судя по всему, они напуганы и угнетены случившимся, – говорил докладчик. – Потому не могут обороняться в полную силу. Если так пойдёт и далее, мы с лёгкостью захватим город.

– Отлично! – Граус сцепил пальцы в замок. – Продолжайте.

– Есть! – отозвался солдат.

– И ещё... – добавил Инстернис. – Вы помните тех несчастных, что мы держали в «загоне»? Я послал их перед началом операции, но что-то пошло не так, и теперь я не чувствую их присутствия. Вы не видели их тел? Кажется, они не успели войти в город.

В динамике около минуты стояла тишина, прерываемая лишь радиопомехами. Граус нахмурился.

– Ну, что? – раздражённо спросил он.

– Кажется, их я не видел. Тел на подступах к городу не было, иначе я бы запомнил, – хриплым голосом ответил один из командиров.

– Ладно, это неважно. Обойдите Лайд, добейте выживших и откройте противоположные ворота.

После привычного – «Есть!» – сеанс радиосвязи завершился. Граусам заложил руки за спину и вдохнул утренний воздух.

«Лучшего утра за всю мою жизнь, кажется, не было. Даже если случится так, что эти двое выжили, это ни на что не повлияет. В конце концов, мы почти открыли двери войскам Дексарда, а сделать нечто подобное – значит, заслужить место на страницах истории, и мелкие промахи не столь важны», – подумал Инстернис, и его лицо посветлело.

Приятные мысли отвлекли офицера, и он ничего не заметил. Когда же к нему подошёл солдат и обратил его внимание на странные звуки, зазвучавшие где-то вдали, командир пришёл в себя, прислушался и потребовал выслать отряд разведки. Его приказ был незамедлительно выполнен, и эовин, несколько озабоченный, проследовал к оставшейся части полка.

– Все слышали, что Найкри скончался? – как можно громче спросил мужчина. – Безусловно, это страшная потеря.

Старик был прекрасным командиром, но даже это горе не должно посеять смуту в наших рядах. Будьте сознательны и доведите дело до конца. Со своей стороны я обещаю послать сообщение в столицу с просьбой поставить новое командование. Ну да ладно... Я прошу всех вас приготовиться. Основная часть полка уже в городе и...

Инстернис не успел договорить. Звук, который раздался недавно, вдруг стал многократно громче, и через мгновение перерос в дьявольский утробный грохот. Солдаты в ужасе шарахнулись на землю, раздались возгласы, и кто-то закричал: «Ложись! Самолёты!»

Граус, преодолевая страх, посмотрел наверх. Небо, перерезанное сосновыми стволами и ветвями, неожиданно исчезло – вместо него Эовин увидел всепоглощающую черноту, в которой изредка мелькали всполохи пламени. На минуту Инстернис остолбенел, и, не владея собой, схватился руками за голову и рухнул на колени. Его лицо исказила гримаса первобытного страха, и мужчина ощутил, как сильно дрожит его тело. В воздухе вдруг запахло мочой – видимо, кто-то из солдат не выдержал.

– Что это... Во имя богов древности, что это? – шептал Граус, пока его подчинённые, словно дети, кричали, не в силах совладать со страхом. Солдаты не могли встать на ноги, а потому ползком пытались покинуть страшное место, пока дымящая громада, ревушая голосом самой бездны, стремительно плыла по небу. С каждой минутой она замедлялась,

но ни Инстернис, ни его армия, ставшая за считанные секунды жалкой и беспомощной, не замечали этого.

– Ах, какая милая вещица! – Реза хлопнула ладонями. – Я и не думала, что она настолько велика. А её скорость! Великолепно!

Девушка подбежала к одному из солдат батальона и схватила его за руку в стальной перчатке.

– Это потрясающе, но всё-таки мы опоздали... – заметила Тиен, и в её глазах мелькнул радостный огонёк. – Раз так, то я смогу развлечься. Надоели эти чёртовы овраги! Слушать всем!

Воины, выстроившиеся на небольшой поляне, среди коряг и омертвелых деревьев, враз грянули: «Так точно!», после чего девушка забралась на площадку паукообразного бронехода и воскликнула:

– Вы должны ждать! Когда я со всем разберусь, вы пойдёте в Лайд и уничтожите всех, кого только можно. Выжить не должен никто! Забудьте о жалости, о своей человеческой сути, просто развлекайтесь и проследите за тем, чтобы ни одна живая душа не смогла сбежать из города! Рассчитываю на вас.

Вновь раздался привычный выкрик, и Реза, вскинув руки, поманила командира батальона. Мужчина, закованный в броню, молча забрался в кабину бронехода, девушка же

осталась на привычном месте.

– Прошу, милый, веди это чудовище к городу. Я хочу посмотреть на Машину поближе.

Тем временем, Максим Раапхорст правил многотонной машиной и успевал лишь поражаться тому, как легко у него это выходило. Он носился от одной приборной панели к другой, дёргал за рычаги, рубильники, нажимал десятки кнопок, но почти не уставал. Вид, открывшийся со стометровой высоты, завораживал, и Эовин жалел лишь о том, что у него нет времени насладиться им как следует.

– Проклятье! – взревел командир.

– Что случилось?

– Сам посмотри! – закричал старик. – Лайд разрушен! Мы опоздали и только зря раскрыли тайну. Теперь вряд ли нам удастся договориться о сотрудничестве с Арпсохором!

Максим в растерянности развёл руки.

– И как нам теперь быть?

– Хотел бы и я знать, – огрызнулся старик и подошёл к оконцу, расположенному в правой части рубки управления. Несколько минут командир молчал, раздумывая над тем, как поступить. Как только решение было продумано, старик вернулся к Максиму.

– Так или иначе, у нас есть оружие, и было бы глупо упустить столь удобный случай для его испытания. Да, кажется,

союз с Арпсохором нам не светит. Ну и что? Мы справимся своими силами, благо, теперь их у нас предостаточно, – собеседник Раапхорста провёл пальцем по усам. – Добей эту крепость, мальчик, а вместе с ней и войска нашей милой страны. Эти твари должны умереть! Все до единого!

Максим побледнел, и тысячи мыслей хлынули в его сознание. Едва удержавшись на ногах, мужчина опёрся о приборную панель. Угрызения совести вернулись к нему, но делать было нечего – командир был прав: уничтожить тварей, разжигающих войну – одна из задач сопротивления. Повернувшись к старику, Максим кивнул. Торопливо отщёлкнув несколько тумблеров, мужчина вывел на экран, находившийся посередине технической панели, данные внешних датчиков и, активировав защиту основных частей Машины, заставил выдвинуться из чёрных недр титанового эллипсоида два исполинских ствола. Вместе с тем, тёмно-коричневая поверхность завибрировала, и створки, установленные под центральным алым огнём, стали со скрежетом раздвигаться. За ними, словно щупальца, висели громадные чёрные трубы, концы которых подсвечивались оранжевыми лампами.

– Решайте, сэр, с чего мы начнём, – сказал Максим. – Ударим по городу тепловым зарядом или же... Честно говоря, я не знаю, как правильно это называется. Что-то вроде создания пространственных искривлений. Некоторые эвины умеют это делать, но не в таких масштабах. По крайней мере, я с подобным не сталкивался.

– Это не будет опасно для нас? – старик поднял правую бровь, в его глазах мелькнуло сомнение. – Ты знаешь устройство этого оружия.

– Мы в безопасности настолько, насколько позволяет система этой машины. Не думаю, что нам что-то угрожает, – промолвил Максим. – Хотя, честно говоря, искажитель пространства – единственная часть нашей крепости, устройство которой мне не понятно. Кажется, оно комбинирует в себе технику и органику, что может значить только одно...

– Что же?

– Сращение плоти, – многозначительно изрёк Раапхорст, – возможно, некогда принадлежавшей эовинам.

Собственный голос звучал для него, как во сне, и Максим, то и дело, думал: «Что я творю? Зачем я спрашиваю и рассказываю, зачем предлагаю? Нет, это безумие! Безумие в чистом виде, но отговариваться поздно... Если всё пойдёт прахом, надеюсь, что хотя бы брат меня не осудит. В конце концов, все мы решаемся на что-то, что противоречит нашей природе, а раз так, то и я не стану исключением. Не знаю, правильно это или нет, обречь людей на верную смерть, но я сделаю это, а дальше пусть меня судят и казнят. Я приму любую кару».

– И тебе не страшно работать с таким? – словно испытывая мужчину, спросил старик.

– Страшно, – признался Раапхорст. – Но ведь наше дело правое, так?

– Так, мальчик, так, – командир кивнул и улыбнулся доброй отеческой улыбкой. – Ломай их. Пусть их разорвёт на части!

Выбор был сделан, и Максим повиновался. Снова нажав пару кнопок, Раапхорст активировал скрытый механизм, и из технической панели выдвинулись два рычага-манипулятора. Взявшись за них, Максим неторопливо повёл руки вперёд. Трубы завyli и медленно стали вытягиваться, свисая, словно кишки из распоротого живота. Когда они опустились на один уровень с землёй, Раапхорст убрал руки от рычагов и снова забегал между приборными панелями, едва успевая следить за обстановкой снаружи. Вскоре, его действия возымели эффект: трубы стали подниматься и одновременно разъезжаться по разные стороны от дымящейся Машины – одна по часовой стрелке, вторая – против. Когда они остановились, то образовали горизонтальный отрезок с оранжевыми огнями на его концах.

– Осталось лишь выбрать цель, – сказал Максим. – Мы поразим город или тех несчастных, что мы видели в лесу?

– Город, мальчик, город, – отозвался старик. – Никаких полумер!

Раапхорст собирался было продолжить настройку оружия, как вдруг снаружи раздался дьявольский вопль, на секунду заглушивший даже грохот механической утробы. Максим насторожился.

– Что это? – вскричал старик.

Около минуты Максим молчал, но как только понял, в чём дело, воскликнул:

– Птицы!

«Значит, это правда...» – мелькнуло в голове у командира, и в этот же миг стая эовранов пролетела совсем близко от рубки управления. Птицы носились из стороны в сторону, кричали и, то и дело, били псионическими волнами корпус Машины. Но дьявольский механизм, усовершенствованный гением Раапхорста был неуязвим, и атаки птиц проходили впустую.

Инстернис, стоя среди погнувшихся и сломанных сосновых стволов, что-то кричал и смеялся. Птицы, оставшиеся после операции при Лайде, снова и снова получали телепатический сигнал: «Уничтожить. Уничтожить. Уничтожить!» Видя, что ничего не получается, командир, оставшийся без войска, бесновался и был не в силах остановиться. Какая-то часть его разума говорила, что его усилия бессмысленны, но упрямство возобладало, и эовин посылал на гибель последних существ, оставшихся в его распоряжении.

– Пустьдохнут! Пусть мрут! – завывал Инстернис. – Если кто-то и способен сразиться с этим демоном, то это я! Даже умереть можно! Не жаль!

Мужчина едва не падал от переутомления, он ощущал близость смерти и мысленно готовился к ней, как вдруг со стороны города раздался металлический лязг. Замолчав и посмотрев в ту сторону, эовин заметил приближающийся

бронеход.

«Неужели сопротивление всё-таки собралось...» – подумал Граус, но вскоре понял, что ошибся.

– Это твои птички летают? – осведомилась нахальная девица, глядя на специального офицера сверху вниз. Она была одета до ужаса легко – чёрная блуза, на груди расшитая белыми цветами, прозрачные рукава с оборками и тонкие облегающие брюки с опять же чёрным, блестящим на свету поясом.

– Мои... – растерянно отозвался мужчина. – Вы кто такая? Из Лайда?

– Нет, дитя моё, – Тиен осклабилась. – Я совсем не из Лайда, можешь быть спокоен.

– Что вы хотите?

– А вот эту машинку, – девушка указала пальцем на дымящуюся громаду, ревущую над городом. – Если расскажешь о птичках, я помогу тебе, и даже без армии ты одержишь победу. Я обещаю...

За мгновение специальный офицер пришёл в себя и ответил девушке с максимальным самообладанием.

– Как бы я ни хотел удовлетворить вашу просьбу, но, увы, не могу. Если вы, милочка, полагаете, что справитесь с тем, что зависло над Лайдом с помощью жалкого бронехода, то глубоко заблуждаетесь! – сказал Инстернис и сам поразился, как в таких обстоятельствах он смог выдержать торжественный тон, к которому прибегал всякий раз, общаясь с жен-

ским полом.

– Отчего же? – спросила Реза.

– Мои птицы – самое совершенное оружие современности, но даже они не могут справиться с этим... Что уж говорить о вас, пусть, вы и знаете пару приёмов рукопашного боя, к примеру, – мужчина усмехнулся. – А теперь не мешайте, я должен умереть достойно. Если же вы решите помешать мне, я вас...

Он в растерянности замолчал и огляделся: его собеседница, недавно стоявшая на бронеходе, куда-то исчезла. Эовин попытался обнаружить её психическое присутствие, но поле оказалось чистым. Совершенно чистым, если быть точным, и это ещё сильнее насторожило Грауса. Он посмотрел на человека в броне, до сих пор сидевшего в кабине бронехода и ужаснулся, поняв, что тот совершенно ни о чём не думает, будто и не человек вовсе.

– Невозможно! – произнёс Инстернис, и тут же позади послышался уже знакомый голос.

– Направь птиц на те стрелки, – Реза указала на Машину, готовую ударить. – Твои атаки «в лоб» бессмысленны.

– Чёрта с два! – взревел Граус. Он обернулся и послал в Резу жужжащую тетра-волну. Девушка рассмеялась и ловко отпрыгнула в сторону, однако, Инстернис предвидел это. Он за долю секунды перенаправил атаку и всё-таки настиг Тиен. Удар пришёлся ей прямо в грудь.

«Она эовин, – догадался Граус. – И стоит признать, до-

вольно сильный. Однако, перед такой атакой ей не устоять».

Мужчина улыбнулся и подошёл к месту, где волна ударила девушку. Там, на лесном подзоле, лежало тело с кровавой дырой в груди. Руки странной особы были распростёрты на земле, и Инстернис оценил их красоту, белую кожу, изящные черты...

– Смерть ждёт, – промолвил Граус. – Надо хотя бы поцарапать эту громаду, а затем... Жаль, появление девчонки смутило меня. Теперь запал будет не так силён. Да, чертовски неприятно.

– Надо же! – дьявольский смех раздался у ног мужчины.

Вздрогнув, Инстернис отскочил и в ужасе воззрился на девушку, медленно поднимающуюся с земли.

– Надо же! – повторила она. – Не думала, что наткнусь на столь сильного соперника! Ты явно не среднестатистический эовин. О, ты ещё пригодишься!

Реза рывками, словно кукла, встала на ноги, отряхнулась и щёлкнула пальцами. Тотчас птицы, окружившие Машину стали возвращаться, и, заметив это, Инстернис в гневе что-то закричал.

– Пока я лежала бездыханная, успела кое-что понять и кое-чему научиться. Пусть ваши птички не так сильны, как хотелось бы, но... Они могут оказаться полезными. Особенно, если их немного улучшить, – Тиен дотронулась до груди, и рана закрылась сама собой – кровь остановилась, и разорванная плоть сошлась.

Специальный офицер замолк, не веря, что действительно видит это. Реза пожала плечами, будто не понимая удивления мужчины, и взмахнула рукой.

– Ты знаешь, я даже рада, что ты отказался выполнять приказ. Действительно, зачем жертвовать птицами и отказывать себе в незабываемом зрелище? Сейчас мы посмотрим, так ли этот стальной монстр силён, как говорил Сфорце, – сказала она.

– Мы умрём! – воскликнул Граус.

– Но ведь, кажется, именно этого ты и хотел, – Тиен приблизилась к офицеру.

– Я хотел умереть в бою, а не так... Я не самоубийца! – вскричал Инстернис, чем вызвал смех девушки.

– Мы не умрём, будь спокоен. Пусть ты и испытываешь ненависть по отношению ко мне, а ведь мы знакомы всего полчаса, но ты мне понравился. Ты станешь отличным дополнением в плане фон Сфорце. Радуйся, это великая честь. Если правильно себя покажешь, тебе будет дарована великая сила, но об этом позже. Мне надо передать приказ.

Она замолчала, и Граус услышал псионический голос: «К городу не приближаться! Танки и бронеходы увести».

– Итак, продолжим, – сказала Тиен.

Вновь исчезнув и оказавшись на внешней площадке шагохода, она поманила Инстерниса, и тот, после коротких раздумий, взобрался по металлической лестнице. В первые мгновения он хотел воспротивиться и снова начать бой с Резой,

но что-то в глубине его души заставляло его подчиняться. Возможно, Граус понял, что его мощь по сравнению с мощью таинственной незнакомки ничего не стоит, и это задело его самолюбие. Возможно, его заинтересовали посулы Резы и перспектива стать сильнее и испытать новые чувства. Так или иначе, специальный офицер, чьи солдаты разбежались, кто куда, встал рядом с Тиен, и шагочод двинулся к Лайду.

– Там могут быть мои солдаты... – сказал он, вспомнив о людях, посланных им в пекло.

– Разве тебе есть до них дело? Мне показалось, что тебя заботит лишь собственная судьба. И, кроме того, ведь ты видел, что стало с людьми, стоило им лишь увидеть Машину. Нет, теперь взывать к их мужеству бессмысленно. Они не станут слушать тебя, – ответила девушка.

Граус прикусил губу и кивнул. Он был поражён хладнокровием Тиен, её стойкостью и той лёгкостью, с какой она говорила о смерти.

«Она похожа на меня, – подумал он. – Никогда бы не подумал, что такое прелестное создание может быть таким жестоким. Кажется, я начинаю восхищаться этой тварью...»

– Кажется, это первый комплимент, который я запомню на всю жизнь. Стоит признать, даже Сфорце не думал обо мне так мило!

Граус побледнел. Девушка слышала его мысли – мысли эовина, многократно защищённые психическими блоками. Мужчина ощутил страх, в его голове закрутились мысли о

бегстве, но Реза снова подала голос.

– Не тревожься, – сказала она. – Если бы я хотела убить тебя или как-то навредить, то сделала бы это. Забудь о страхе, ведь совсем скоро мы станем свидетелями невероятного действия. Полагаю, нас можно считать счастливыми.

– Они улетели, – встревожено проговорил Максим. – Что бы это ни было, эти птицы обладают чудовищной силой. Они не добрались до нас лишь потому, что мы защищены особым полем. Не выдержи оно, и мы погибли бы.

Старик сглотнул.

– Тогда давай покажем им, что и мы можем играть в наступление! – прохрипел он, после чего подошёл к Максиму и положил руку на его плечо. – Продемонстрируй всю мощь нашего оружия. Плевать на город, плевать на людей. Мы обязаны покончить со всем этим!

Раапхорст в который раз кивнул. Он подошёл к технической панели и извлёк из неё чёрный квадрат-кнопку.

– Приготовьтесь, – промолвил мужчина. – Вскоре Лайд перестанет существовать.

– Смотри, дорогой, – Реза обняла Инстерна. – Не каждый человек может похвастаться тем, что видел, как Граббенкриг искажает пространство. Полагаю, это его первое ис-

пытание, и вот мы в первых рядах!

Офицер со страхом смотрел на то, как стрелки, выступившие из утробы дьявольского эллипсоида, начинают мелко дрожать, и на их концах зажигаются алые огни. С каждой секундой они становились всё ярче, и пространство вокруг них накалялось. Воздух стал вибрировать, и свет, искажаясь, создавал иллюзию волнообразных движений.

– А что будет, когда эта штука соприкоснётся с видимой материей... Прекрасно! – мечтательно протянула Реза. Граус молчал.

Наконец, приготовления завершились, и Максим активировал оружие. Свет на концах чёрных стрелок стал ослепительно ярким, что-то зажужжало, и раздался омерзительный вой, перемежающийся низкими рычащими частотами. Нечто пронзило воздух, отчего он начал колебаться, и через невыразимо малый промежуток времени врезалось в центр города. Пламя, танцующее на городских крышах, стремительно взметнулось в небо, а камень, сталь, стекло и дерево без всякого звука начали терять форму. Материя закручивалась в спирали, вытягивалась, сжималась, рвалась и, словно единая масса, смешивалась и куда-то текла. Небольшие её крупинки отделялись и плавно парили в воздухе, окислялись, сгорали, так что вскоре над изуродованным Лайдом нависло облако из пепла и пыли.

– Невероятно... – прошептал Граус, поражённый увиденным.

– Да, но ты смотришь лишь на смешение неорганической материи. Позволь показать кое-что поинтереснее, – отозвалась Тиен, после чего дотронулась ладонью до правого виска Инстерниса. Мужчина не успел произнести и слова, как вдруг его взгляд унёсся куда-то далеко вперёд.

– Я направила тебя в город, – пояснила Реза, – чтобы ты мог увидеть, что такое оружие способно сделать с людьми. Это совершенно очаровательно.

И вскоре Инстернис понял, о чём она говорила. Где-то среди тысяч коридоров Лайда, он заметил нескольких солдат с закопченными лицами и опалённой формой. Двое из них стреляли куда-то в темноту, а оттуда в ответ раздавалась встречная пальба. В какой-то момент одна из пуль попала в мужчину с чёрными волосами, и тот растянулся на полу. Вскоре под его телом образовалась кровавая лужа. Оставшиеся в живых что-то прокричали и бросились бежать, как вдруг через двадцать метров стены и пол перед ними завибрировали, и мужчины остановились. За ними на свет вышли последние выжившие защитники Лайда.

Никто не понял, что им грозит опасность, а потому перестрелка продолжилась. Впрочем, длилась она недолго. Как только псионическая волна вошла в силу, она искривила камень, из которого был выложен этаж, и в тот же миг коснулась людей. Раздался ужасающий вопль, и человеческая плоть начала смешиваться с камнем и пылью. Кожа растягивалась и рвалась, обнажая мышцы, которые в свою очередь

растекались, словно вода. Они застывали кровавыми ошмётками на кусках искажённого камня и арматуры, кровь же, смешиваясь с пылью, плавала в пространстве густыми тёмными каплями. Рёбра одного из солдат, вдруг с треском вырвались из спины. Лицо другого мужчины, будто расплавленное, потекло вниз. Глаз сместился в область носа, рот же, двигаясь по спиралевидной траектории, переместился на место левого уха. В то же время камень медленно сливался с изуродованными телами, вплавляясь в кожу, органы, руки и ноги.

Душераздирающие вопли закончились быстро. Инстернис смотрел на всё это с чувством отвращения, но далеко не страха или жалости.

– Ну как тебе? – поинтересовалась Реза, вернув сознание Грауса в его тело. Мужчина пальцами потёр глаза и улыбнулся такой улыбкой, будто увидел нечто приятное, но запрещённое.

– Смешанные ощущения, – сказал эовин. – Я не понимаю, что это. Похоже на галлюцинацию. Это действительно происходит сейчас?

Он кивнул в сторону Лайда.

– Можешь не сомневаться, – промолвила Реза. – Конечно, ты ничего не понимаешь, ведь это оружие создано на основе технологий былых столетий. К сожалению, многие из них были утрачены, например, технология заслонов. Потому дорабатывать машинку пришлось тому, кто может проникать

вглубь прошлого. Это была необходимая жертва. Ведь без неё твои птицы бы вмиг разнесли эту прелесть вдребезги.

– И что теперь? – спросил Граус. – Вы решили бросить это оружие?

– Я здесь именно затем, чтобы вернуть его. И можешь быть уверен, я сделаю всё, чтобы сегодня мы с тобой покинули это место внутри демонической машины, – ответила девушка и отпустила Инстерниса. Её пальцы соскользнули с его плеч, и молодая особа потянулась.

– Подведи нас поближе, – попросила она, обернувшись к мужчине в кабине бронехода, и через минуту паукообразная машина пришла в движение.

– Ты с ума сошла! – поняв замысел Резы, вскричал Инстернис. – Будь ты хоть в тысячу раз сильнее меня, ты не справишься с этим... С этим! Я не могу позволить тебе умереть. Пусть, ты и внушаешь мне страх, пусть ты помешала моим планам, но... Но ты дала обещание показать нечто большее, а раз так, то сдержи его! Не смей идти на верную гибель!

Реза с удивлением воззрилась на мужчину, и впервые её лицо стало серьёзно.

– Не думала, что кто-то всерьёз будет обеспокоен моей безопасностью. Спасибо тебе за это, но не волнуйся – я знаю, что делаю.

– Я не мог и вообразить, насколько мы сильны, – прошептал командир, схватившись за ржавую скобу, выпирающую из стены. Старик тяжело дышал, и его лицо, изборождённое морщинами, то становилось пепельно-серым, то краснело. Максим тоже испытывал моральное давление, но, в отличие от командира, не мог позволить себе и минуты отдыха. Он продолжал носиться от одной панели к другой, непрерывно повторяя про себя: «Я чудовище... Эти люди мертвы. Все мертвы!»

Наконец, он остановился и посмотрел на город, окончательно потерявший первоначальную форму. Теперь он представлял собой нечто, пропущенное через мясорубку и спрессованное чьими-то неумелыми руками. Расплавленное стекло проступало сквозь смесь камня и металла, человеческие останки, изуродованные и обугленные, слились с цементом, черепицей и деревом, обнажив кое-где кости, жилы, лёгкие и мышцы.

– Я больше не могу, – признался мужчина. – Это выше моих сил.

Командир ничего не ответил: он и сам понимал, что дальше мучить подчинённого нет смысла.

– Заканчивай, парень, – проговорил старик. – Мы сделали довольно. Думаю, дальше рвать землю на части не стоит.

Раапхорст нажал несколько кнопок. Воздух за пределами Машины перестал вибрировать, и материя успокоилась. Чёрные стрелки задрожали и начали медленно опускаться.

Вскоре они втянулись внутрь механической утробы, и створки шлюзов закрылись. Максим облегчённо вздохнул и сел на пол – металлический, горячий. Он хотел немного отдохнуть, но тут откуда-то снизу раздался стук, и в рубку управления через люк проник солдат сопротивления.

– Я от остальных ребят, – пояснил он. – Передать поздравления! Как мы их... Как! А чего вы такие смурные? Эй, ну что с вами?

– Пошёл вон... – прохрипел Раапхорст. – Слышать тебя не хочу...

Солдат в растерянности посмотрел на старика. Тот в ответ махнул рукой.

– Иди, – негромко сказал он. – Передай остальным, чтобы готовились к возвращению. Мы испытали оружие и теперь можем лететь в Дексард.

Солдат кивнул и покинул рубку. Максим закрыл лицо руками и что-то простонал. Командир сел рядом с ним и обнял правой рукой.

– Не волнуйся, всё забудется, – произнёс он. – Ты думаешь, у меня в жизни не было ситуаций, когда мне приходилось косить людей пачками? О, поверь, бывало и не раз! Тут главное с ума не сойти – многие, видишь, не выдерживают, начинают винить себя, сокрушаться. Ты это дело брось! Слышишь, парень? Брось! Тут и без тебя полно виноватых. Да хоть бы и я. Ведь ты подчинённый. Что с тебя взять? Ничего!

Внезапно снаружи что-то сверкнуло фиолетовым светом,

и мужчине и старику пришлось встать.

– Что это? – спросил командир.

Раапхорст молча нажал несколько кнопок, тем самым направив внешние датчики на источник света и изменив положение Машины относительно города – теперь она медленно сместилась на юг. На небольшом экране в центре технической панели появилось изображение длинноволосой девушки, стоявшей на странного вида шагоходе. Рядом с ней находился высокий черноволосый мужчина.

– Это люди? – удивлённо протянул старик. – Неужели они смогли выжить?

– Это не люди, – мрачно проговорил Максим. – Я могу ручаться, что ни один из ныне живущих не способен на такое! Ни человек, ни эовин!

Старик побледнел и в ужасе округлил глаза. Слова Раархорста не на шутку напугали его.

Тем временем, девушка подняла руки так, что её ладони оказались на уровне плеч. Оборки на рукавах едва заметно колыхались на ветру, и волосы странной особы то поднимались, то ниспадали на плечи светлыми локонами. Реза готовилась к атаке. Мгновение, и экипаж дьявольской машины потерял сознание, лишь Максим смог устоять. Заметив, как старик рухнул навзничь, он бросился к нему и попытался привести в сознание, но тщетно. Догадавшись, что виной всему псионическая атака, эовин вернулся к экрану – девушка по-прежнему стояла на месте и вглядывалась в дымящую-

ся громаду Машины. Активировав внешний голосовой усилитель, мужчина прокричал в приёмник: «Немедленно убираться! Кем бы ты ни была, если повторишь атаку, мне придётся атаковать в ответ!»

Его голос зазвучал над погибшим Лайдом неразборчивым утробным басом, но Реза Тиен всё поняла. Она улыбнулась, изящно поклонилась, и Раапхорста ослепила новая вспышка света.

– Я пришла, чтобы забрать то, что принадлежит Эйриху фон Сфорце, и ты, мальчик, не сможешь помешать, – где-то совсем рядом послышался женский голос. Максим обернулся, но в рубке, кроме него и старика, никого не оказалось.

«Ничего не понимаю! Всё так странно, одно неоспоримо – она чертовски сильна», – подумал он и тотчас получил ответ.

– Да, мальчик, ты прав – я, действительно сильна. Прошу, сдавайся. Меня не удержать жалким щитом, как тех птиц. Я заберу своё в любом случае, но мне не хочется, чтобы вследствие этого ты погиб. Как я поняла, именно ты доработал Граббенкриг. Если я права, ты можешь быть полезным, – промолвила Реза, и Максиму пришлось закрыть уши руками. Голос Тиен сводил с ума.

– Ну же, – продолжала увещевать Реза. – Я смогу дать тебе всё, что пожелаешь – оборудование, финансирование, полную свободу действий! Ты будешь созидать, ты будешь творить, ты будешь вершить судьбы... Только представь!

Раапхорст с криком шарахнулся в сторону, будто надеясь,

что неловкое движение и удар головой о железную стену положат конец его мучениям. Но этого не случилось. Эовин лишь споткнулся. Около минуты он лежал на полу, не издавая не звука, после чего засмеялся и едва слышно прошептал:

– Ты сильна, но не всемогуща! Я не знаю, кто ты, но твои силы не безграничны! Иначе ты бы знала, что меньше всего на свете меня привлекает создание оружия.

– А ведь я ничего не сказала про оружие, – произнесла Тиен. – Совсем недавно ты умертвил тысячи людей. Возможно, тебе захочется искупить свою вину, создавая технологии не ради войны, но ради мира. Что скажешь?

Максим поднялся на ноги, устыдившись своего малодушия.

«Пусть хоть галлюцинации начнутся, а больше я не отступлю! Старик был прав – я не виновен. Я сражался и сражаюсь за справедливый мир, за мир, в котором не будет места ни Атерклеферу, ни чудовищным птицам, ни дьявольским машинам!» – мелькнуло в сознании эовина, и он преисполнился мужеством и уверенностью. Он приблизился к технической панели, и через несколько секунд из вершины гигантского эллипсоида выдвинулся чёрный металлический столб.

– Значит, сдаваться ты не намерен, – Реза пожала плечами. – Ну, тогда я прибегну к тому, что заставит тебя пасть на колени.

Девушка силой мысли оттолкнула Инсерниса, закрыла глаза, и окружающий мир, словно задетый кистью безумного художника, преобразился. Небо, бывшее до этого серым, почернело, а земля, вместе с останками города и белым снегом, приобрела фиолетовый оттенок. Где-то у горизонта что-то вспыхнуло оранжевым светом, и в воздухе зазвучала угрожающая вибрация. Позже послышался гром, и черноту неба пронзили белые молнии.

– Немыслимо! – вскричал Максим. – Это не гипноз, это... Невозможно!

– Вполне возможно, мальчик, – с издёвкой отозвалась Реза. – Видишь ли, манипуляции с тетра-частицами – не предел моего могущества. Пси-частицы также подвластны мне, но здесь, как ты уже догадался, они ни при чём. Причина того, что произошло, кроется в базисах.

Раапхорст не ответил. Он собирался активировать оружие, но вдруг замер, заметив на земле нечто странное. Огромное коричневое тело со множеством сегментов и острых ножек стремительно двигалось меж сугробов, приближаясь к Машине. Сконцентрировавшись на странном создании, Максим смог разглядеть его голову, и вопль ужаса вырвался из горла мужчины. Существо, напоминавшее сколопендру, носило человеческую голову – лысую, с полными губами, пухлыми детскими щеками и совершенно чёрными, как небо в этом странном мире, глазами.

– Мои дети! – рассмеялась Реза. – Идите! Идите, и пока-

жите мне, на что способны! А ты, Раапхорст, продемонстрируй мощь Машины. Мне интересно, сможет ли она отбиться от порождений моего безумия!

Эовин не успел ничего понять, как вдруг в небе мелькнуло нечто, отливающее стальным блеском. В воздухе за ним оставался жирный дымный след. Побледнев, мужчина пригляделся и вновь почувствовал, как холодные когти страха вонзаются в его сердце. Новое чудовище было похоже на человека, из спины которого росли четыре металлических авиационных крыла, будто когда-то бывших частью военного самолёта. Краска на них стёрлась, и сталь во многих местах заржавела, но демоническое создание двигалось так быстро, будто вместо железных обрубков за его спиной находились могучие птичьи крылья. Тело полумеханического монстра было серого цвета, а лицо напоминало безжизненную маску с белыми пустыми глазницами. Губы чудовища изредка вздрагивали, и тогда можно было увидеть железные бритвы, вмонтированные в дёсны вместо зубов.

Мужчина судорожно нажал на кнопку запуска, и из верхней части Машины с характерным звуком выдвинулись массивные орудия. Поспешно откорректировав внешние датчики и синхронизировав их с пушками, Максим произвёл активацию. В тот же миг гуд, издаваемый Граббенкригом, усилился, и пространство пронзили сверкающие и жужжащие заряды. Одни были направлены на механизированного ангела, вторые – на сколопендру с детским лицом. Оба монстра,

заметив опасность, издали омерзительный высокочастотный скрежет, рванулись в стороны, но было поздно, и заряды Машины настигли их. На несколько минут пространство заволкло дымом, когда же он рассеялся, Максим понял, что своей атакой лишь раззадорил посланцев Резы. Ни на одном из них не было и царапины.

– И это всё? – спросила девушка. – Прошу, покажи больше! Ты можешь!

Раапхорст закрипел зубами – нахальство Тиен злило его. Собравшись с мыслями, мужчина хотел было снова применить искажитель, но тотчас догадался, что здесь он не будет работать. Сила Резы состояла в том, что с помощью базисов – основ мироздания, она изменяла саму суть вещей, а потому повторно изуродовать их у Раапхорста не получилось бы. Поняв это, он в гневе стукнул кулаком по стене. Чуть остыв, он прошептал: «Остаётся только одно...»

– Ну, наконец-то! – вскричала Реза. Она щёлкнула пальцами, и её внешность переменилась: её запястья начали кровоточить, из-за колючей проволоки, возникшей из ниоткуда. Она была намотана на руки редкими кольцами, напоминавшими браслеты. От каждого такого круга к голове девушки тянулись металлические нити, образуя нечто вроде нимба, покрытого шипами. Теперь она была готова к атаке Граббенкрига.

Тем временем, сколопендра добралась до Машины и, оторвавшись от земли, оказалась где-то в области алого прожек-

тора. Раапхорст активировал электрическое поле, и монстр завыл, однако не упал и продолжил держаться, впиваясь в металл заострёнными ножками. Механизированный ангел тоже приближался, клацая зубами. Его крылья задымили ещё сильнее, и из винтовых двигателей вырвалось пламя. Максим, недолго думая, снова активировал пушки, и град зарядов полетел в крылатое чудовище. Ангел заслонил лицо руками и был вынужден изменить траекторию. Раапхорст ожидал это, и когда монстр отлетел на нужное расстояние, ударил его из центрального орудия. Столб, зафиксированный над Машиной, засверкал синим светом, у его основания мелькнуло несколько электрических зарядов, и после секунды мерзкого воя он выстрелил тонким алым лучом. Он за долю секунды пронзил ангела в области груди, и чудовище с грохотом рухнуло вниз. Его крылья распались на металлические обломки, и порождение безумия Резы сгнуло в фиолетовых снегах. Оставшуюся энергию, выработанную специально для двух ударов, Максим перенаправил на электрическое поле, и сколопендра сорвалась. Она с визгом упала на землю и ринулась прочь, видимо, рассчитывая разыскать ангела.

– Куда же ты, милая? – почувствовав азарт битвы, прохрипел Раапхорст. – Не думай, что я так легко отпущу тебя!

Вновь заработали пулемёты, и сверкающие искры стали врезаться в снег, по которому неслось чудовище с детской головой. Некоторые из них попадали в цель, но, как и в пер-

вый раз, не причиняли монстру вреда. Они лишь оглушали и раздражали его. Этого Максим и добивался.

«Интересная тактика, – подумала Тиен. – Пожалуй, справиться с ним будет не так просто... Великолепно!»

Наконец, сколопендра обнаружила в снегах погибшего ангела. Она остановилась, видимо, желая интегрировать плоть погибшего собрата в свою собственную, но тут Реза крикнула:

– Довольно! Мне хватило этого сполна! Предел прочности, установленный мной, ты преодолел, а раз даже мои творения бессильны перед Машиной, значит, её создание – не пустая трата времени. Благодарю тебя, Раапхорст! Ты помог.

Но Максим не слушал её. Он продолжал палить, рассчитывая в суматохе задеть и Резу. Заряды взрывали снег, поднимали белоснежные клубы в воздух, жужжали, мелькали в пространстве со скоростью, недоступной человеку. Наконец, подходящий момент настал. Раапхорст снова активировал столб, и алый луч устремился к паукообразному шагоходу. Реза рассмеялась и вдруг исчезла вместе с черноволосым мужчиной и тем, кто находился в кабине. Максим что-то прокричал, но было поздно: луч ударил по бронеходу и тот взорвался, распавшись на тысячу деталей и механических ошмётков. Раапхорст вне себя от бешенства активировал внешние датчики, надеясь найти Резу, но та вместе с двумя мужчинами уже возникла за его спиной.

– Здравствуй, Максим, – нежно промолвила она, и эовин

потерял сознание.

X

При появлении Адриана Грефа Раапхорст встал с места. В его глазах мелькнул живой интерес.

– Ну что? – взволнованно спросил мужчина. – Согласие или отказ? Они рассмотрели мои исследования?

Старик лукаво улыбнулся и пожал плечами.

– Ваш запрос принят, – после короткой паузы сказал Греф. – Теперь официально вы глава отдела военных разработок. Поздравляю...

Губы Раапхорста расплылись в улыбке.

– Спасибо, – только и мог вымолвить он.

– Теперь вы должны оправдать надежды, возложенные на вас, – серьёзно сказал старик. – Война – дело нешуточное, да вы и сами это понимаете... Не скажу, что я в восторге от сотрудничества с вами, но если господин Тенеран и госпожа Эвильен доверяют вам, значит, могу доверять и я. Отныне, можете считать меня вашим другом и союзником.

– Спасибо, Греф, ещё раз, – сказал Раапхорст. – Я ценю это. И не волнуйтесь, надежды я оправдаю и даже больше... Я покончу с властью Атерклефера, приложу все усилия для этого.

– Значит, действительно, волноваться не о чем, – старик улыбнулся и зашагал прочь. – Хорошенько отдохни, завтра

тебе предстоит осмотреть свои новые владения и познакомиться с новыми людьми. Среди них будут как друзья, так и враги.

Раапхорст не ответил. Проводив канцлера взглядом, он вернулся на прежнее место и закрыл глаза.

«Всё идёт так, как нужно. Ещё немного и я добьюсь покоя, к которому так долго стремился...».

Часть 4 – «Чудовища»

I

Бледный юноша упал у ворот императорской резиденции в начале января. Он был хорошо одет, в его кармане лежал кошелёк, полный национальной валюты Арпсохора, но, несмотря на это, парень был так измождён, будто много километров бежал без отдыха, хотя в пределах города мог за просто нанять автомобиль. Возможно, такое состояние являлось следствием ужасающего стресса, который испытал молодой человек.

В полдень к центральным воротам вышло двое стражей.
– Ты кто? – грубо спросил один из них.

Парень, со свистом втягивая воздух, пытался отдышаться, а потому долго не отвечал. Воины, не привыкшие сочувствовать, злобно посмотрели на пришельца, но всё-таки дождались, когда тот придёт в себя. Наконец, сделав ещё один глубокий вдох, он произнёс: «Коби Ацфел. Глава компании Кригард».

Тотчас об этом было доложено канцлеру и начальнику тайной полиции. Приняв все меры предосторожности, юношу к вечеру впустили во дворец.

Громадная тронная зала, украшенная золотом и красным атласом, богато меблированная, совсем не поразила Ацфела. Юноша был так напуган и возбуждён, что не обращал внимания на окружающую его красоту. Его взгляд, больной и острый, был направлен на возвышение в конце залы, где на двух тронах восседали муж и жена – Тенеран и Эвильен Альстрайм. Император и императрица в окружении вельмож холодно смотрели на молодого человека, понимая, что он один из тех, кто виновен в могуществе Дексарда.

– Ради вас мы прервали совет, – произнесла Эвильен. – Если вам есть, что сказать, то будьте любезны начать. Иначе, вас ждёт участь весьма незавидная.

Юноша потупился; на его щеках блеснули слёзы.

– Моё имя...

– Нам известно, – перебил Адриан Греф, стоявший по правую руку от императора. – Говорите по существу: зачем явились, каковы ваши цели?

Парень после нескольких секунд раздумий ответил:

– Вы, верно, считаете, что я как никто другой виновен в нынешнем конфликте между Арпсохором и Дексардом. Это не так...

– И вы хотите рассказать об этом? – догадался Тенеран. – Если так, можете рассчитывать на внимание, но не забывайте, что лгать не в ваших интересах. Любая недомолвка может

стать решающей, раз уж вы так любезно сдались нам. Итак...

Коби вздохнул и тыльной стороной ладони вытер слёзы. Когда он снова заговорил, его голос дрожал, но юноша преисполнился надеждой. Его взгляд прояснился, и паузы между предложениями стали короче. Коби чувствовал, что его рассказ – не просто история, не просто слова, объединённые мыслью... Нет, это была его исповедь, его признание собственных прегрешений, собственной слабости, неспособности противостоять злу. Аудиенция с правительством длилась три часа, в течение которых Ацфел рассказал обо всём, что мучило и страшило его. Он поведал о Сфорце, о Резе, об их планах и могуществе, бывшем, по мнению парня, поистине безграничным. Император, его жена и вельможи слушали Коби, не издавая ни звука. Даже Греф, по началу пытавшийся перебивать и задавать вопросы, теперь не смел вставить и слова. Каждый в тронном зале понимал: информация, которую предоставил Коби, бесценна. Наконец, когда солнце скрылось за горизонтом, и многоярусная электрическая люстра под потолком загорелась жёлтым светом, монолог парня завершился.

– Пожалуйста, принесите стул господину Ацфелу, – приказала Эвильен, и через минуту в зал вошёл лакей в красной форме, неся в руках массивный стул.

– Прошу вас, скажите, вы верите мне? – спросил юноша и закашлялся. После нескольких часов разговора Коби страшно хотел пить. Заметив это, императрица приказала подать и

питьё. Пока Ацфел пил, Тенеран встал с трона и проговорил:

– Мы верим вам, молодой человек. Судя по тому, что вы знаете так много и о «Кригард», и о сотрудничестве с Дексардом, вы действительно из фамилии Ацфел. Конечно, ваш рассказ странен, но нынешняя война заставляет о многом задуматься, и многое переосмыслить. К тому же... Несколько наших полков, посланных к Лайду, после его падения, говорили, что от города осталась изуродованная масса. Конечно, можно было подумать, что это глупое преувеличение, но не тогда, когда одно и то же рассказывают тысячи солдат. Нет, что-то здесь не так, и ваше объяснение кажется мне единственно возможным...

– Значит, вы поможете мне? Вы... – Коби улыбнулся жалкой улыбкой, и в голосе его зазвучала радость. – Вы остановите фон Сфорце? Вы победите его? Умоляю, не убивайте мою веру в вас, ведь я явился сюда именно затем, чтобы искать поддержки.

– Вам нужно отдохнуть, – уклончиво ответил Тенеран. – Вы чересчур возбуждены. Прошу, успокойтесь. Вам незамедлительно будет предоставлена комната, еда и питьё. Как только вы придёте в себя, мы вернёмся к этому разговору, можете не сомневаться.

– Но...

– Всему своё время. Ваш рассказ требует обсуждения, – поддержал Грэф. – В конце концов, излишняя спешка иногда мешает даже сильнее, чем промедление. Ни о чём не вол-

нуйтесь и отдыхайте.

Коби хотел было возразить, но вдруг понял, что действительно устал и дальнейшие его упирательства будут расценены как самодурство человека, лишённого сил. Подумав так, юноша кивнул. Он собирался покинуть тронный зал вместе с двумя лакеями, но тут перед ним отворились двери, и в помещение вошёл черноволосый мужчина, на одном плече которого сидел крупный ворон с красной полосой на крыле.

– Простите, господа: я без приглашения, – сказал он, поклонившись, – но у меня есть информация, поделиться которой с вами, я считаю, необходимо!

– А, Раапхорст, – как старого друга, поприветствовал его Тенеран. – Ты вовремя. У нас тоже есть кое-что, что тебе следует знать. Проходи.

Евгений слегка улыбнулся и двинулся к тронному возвышению, как вдруг, юноша, проходивший мимо него, остановился и вцепился в руку эовина. Раапхорст замер и спокойно посмотрел на Коби, бледного и взволнованного.

– Вы... Простите, за грубость но... – заикаясь, заговорил Ацфел. – Как ваше имя?

– Евгений Раапхорст, – ответил мужчина. В тот же миг он захотел прочесть мысли странного юноши, но сдержался, напомнив себе, что каждый человек имеет право на тайны.

– Значит, я не ослышался! – радостно вскричал парень. – Я видел кого-то с такой же фамилией. У Сфорце... Его звали Максим Раапхорст.

– Что? – не поверил Евгений. Он внимательно всмотрелся в лицо Коби, пытаясь припомнить, видел ли его раньше, но тотчас понял, что нет.

– Значит вы из Дексарда или из сопротивления? – предположил Эовин. – А хотя какая разница... Прошу, расскажите о брате!

Черноволосый мужчина напрочь забыл о цели своего визита, об информации, которой недавно так хотел поделиться. Теперь он желал одного – узнать о судьбе Максима.

– Тебе нужно было явиться на пару часов раньше, – усмехнулся Греф, не отходя от императора. – Этот мальчик рассказал нам много интересного. Правда, о твоём брате умолчал...

– Я вспомнил об этом, только когда услышал фамилию этого господина, – попытался оправдаться Ацфел, не спуская глаз с Евгения. – Я ничего не хотел скрывать, честно...

– Неважно, – сказал Тенеран. – Вы, господин Ацфел, можете идти. С Евгением вы поговорите позже. Сейчас у нас есть дела поважнее.

Раапхорст помрачнел, но согласился. На прощание он лишь спросил:

– Скажите одно: он жив?

– Да, – промолвил Коби. – Он жив, но в опасности...

Как только Ацфел удалился, император приказал вельможам также покинуть тронную залу. Он позволил остаться лишь Грефу.

– Итак, какие новости ты принёс? – немного погодя спросил Тенеран. – Есть успехи?

Раапхорст, немного помедлив, произнёс:

– Весомые...

Лаборатория Евгения располагалась в центральной башне дворца, белой громадой возвышавшейся над его крыльями. Просторное светлое помещение округлой формы с тонной разнообразного оборудования: секвенц-проекторами, генераторами энергии и вычислительными машинами, было оборудовано хирургическими секциями, зоной с вольерами, где жили птицы, крематорием и прочими рабочими зонами. Под началом черноволосого эовина здесь трудились около пятидесяти учёных, отобранных Раапхорстом. С момента начала их изысканий прошло около месяца, и результаты трудов учёных были велики. Армия Арпсохора пополнилась тысячами эовранов, что, по крайней мере, повысило шансы дать отпор специальным подразделениям Дексарда, медленно, но верно приближавшимся к столице. Кроме того, Евгений работал над чем-то, что по его словам могло в один момент положить конец войне, и именно это он вознамеривался показать императорской чете.

Дверь в лабораторию со скрипом открылась, и в стерильный мрак помещения проник жёлтый луч электрического света. Щёлкнув рубильниками, Раапхорст подал энергию, и

лампы под потолком лаборатории, слегка зажужжав, осветили храм науки. Вслед за Евгением вошли император, императрица и Адриан Греф, с любопытством озирающийся по сторонам. Изредка старик, не справляясь с удивлением, начинал шептать: «Вот так дела... Батюшки, что это? Ишь, жужжит ещё...»

– Канцлер! – одёрнула его императрица. – Руками здесь ничего не трогай, не для твоего ума помещение-то.

– Что правда, то правда, – согласился он. – Чтобы разобраться, что делать с этими машинами, да ещё и изобрести что-то своё, нужно быть первейшим мудрецом.

– Раапхорст, ты слышал? – рассмеялся Тенеран. – Наш старик сделал тебе комплимент. Для него это большая редкость!

Евгений, показавшийся в дверном проёме соседней секции, улыбнулся и жестом пригласил всех проследовать за ним.

– Я весьма польщён, – сказал он, – но поберегите похвалу до того момента, как увидите финальное звено моего проекта. Эовраны – это хорошо, но на данном этапе развития военной мощи Дексарда, они не гарантируют нам победу, в каких бы количествах мы их не производили. У Атерклефера было больше времени, да и опыта в использовании моих птиц в качестве оружия у его войск хватает. К тому же не забывайте про Лайд... Ведь вы сами сказали мне, что одними воронами там дело не обошлось. Раз так, то мы должны

противопоставить Дексарду нечто совершенно новое.

– Так что это? – спросил Генеран.

Раапхорст открыл ещё одну дверь, за которой оказалось просторное затемнённое помещение. Найдя в темноте какую-то кнопку и включив свет, мужчина пригласил императорскую чету и канцлера взглянуть на то, что находилось в комнате. Несколько секунд спустя, те вошли внутрь и, увидев то, о чём говорил Раапхорст, застыли в изумлении.

В центре лабораторной секции в окружении секвенц-проекторов, анализаторов и датчиков, присоединённых к выпуклым стеклянным экранам, висевшим на стенах, находилась трёхметровая капсула, заполненная зеленоватой жидкостью. Помимо неё внутри стеклянной утробы находилось нечто чёрное, костлявое, покрытое перьями. Когтистые лапы существа, напоминавшие человеческие руки, были прижаты к груди, и четыре массивных крыла сложены за спиной. Голов у чудовища было две. Одна из них, казалось, смотрела на вошедших, вторая же была повёрнута в противоположную сторону на длинной чёрной шее. Тело странного создания представляло собой смесь человеческих пропорций и плоти хищной птицы. В фигуре монстра, пусть и деформированной, явно проглядывался человеческий торс, плечи, руки, поясница, ноги – всё покрытое чёрным пером. Веки его были смежены, но даже сквозь них можно было разглядеть выпуклые глазницы чудовища – огромные, чёрные, неживые. Позвоночник ужасающего гибрида, выпирал из спины, нату-

го обтянутый тёмными мышцами. В некоторых местах, казалось, их не было вовсе, в других же – находилось слишком большое их сосредоточие. Из-за этого неравномерного распределения создание выглядело большим, недоразвитым. Все присутствующие заметили это, но Евгений смотрел на монстра с нескрываемым восхищением, будто не замечая всех его дефектов и недостатков.

– Что это такое? – первая не выдержала Эвильен. – Никогда не видела такого ужаса...

Раапхорст обернулся к императрице и улыбнулся холодной улыбкой.

– Внешность бывает обманчива, – сказал он.

Следующим голос подал Адриан.

– Это чудовищно! – заявил старик. – Я даже не хочу думать, как у тебя... у вас получилось создать такое... Омерзительно! Хуже твари я в своей жизни не видел!

Евгений промолчал. Ему было нечего ответить – он ждал вердикт императора, ведь всё зависело от него. Переведя взгляд на правителя, Раапхорст заметил, что Тенеран стоит у капсулы задумчивый и мрачный, будто совсем недавно его постигло несчастье.

– Ваше величество, – промолвил Евгений, – вам стоит лишь приказать, и это создание перестанет существовать, но тогда мы не сможем противостоять армии Дексарда...

– Должен быть иной выход! – настаивала Эвильен. – Я знаю, что чертовски далека от биологии, или того, чем вы

занимаетесь, Евгений, но выращивать таких монстров просто невысказано! Это противоречит природному миропорядку, неужели это не очевидно? Ведь вы сами говорили, что хотите добра нашему проклятому миру, но с такими средствами вы ничего не добьётесь. Вместо блага, к которому вы так стремитесь, вы ещё больше раззадорите силы, которых так боитесь, и которые уважаете! Прошу, одумайтесь!

– Довольно, – перебил Тенеран. – Я принял решение. Евгений может продолжать свои исследования до тех пор, пока не добьётся результата.

– Но Ваше Величество! – вскричал Адриан, но, правитель не стал слушать старика. Он обернулся к Раапхорсту и сказал:

– Твоё создание не радуется глаз, это правда. Но если оно способно помочь в спасении страны, то прошу, действуй. Только, пожалуйста, убедись, что оно не выйдет из под контроля... Иначе моя жена окажется права, и ты всё погубишь.

Евгений закрыл глаза и снова улыбнулся – радостно, нежно.

– Я не подведу вас, – сказал он. – Это не в моих интересах, можете быть уверены.

II

– А мне он нравится, – сказала Алисия. – Профессор Агелих, не иначе вы завидуете!

Принцесса гуляла в сопровождении фрейлин по заснеженному парку в предвечерних часах, когда к ней подошёл лысый темнобородый мужчина в чёрном утеплённом пальто. Она видела его несколько раз у отца, однако, узнала его имя только сейчас.

– Франц Агелих, – поклонившись, представился незнакомец. – Профессор биологии.

– Уж слишком много биологов в последнее время, – заметила девушка, обращаясь к одной из фрейлин. Та в ответ звонко рассмеялась, её смех подхватили остальные придворные дамы, но Агелих не смутился. Он одарил Алисию снисходительным взглядом, каким смотрят на неразумных детей, совершивших какую-либо глупость, и та вспыхнула от стыда.

– Что вам угодно? – спросила она, желая как можно скорее отделаться от профессорского общества.

– Я уже говорил это вашему отцу, но он не слышит меня, а потому – вы моя единственная надежда на то, что мои слова не останутся без внимания, – заторопился Агелих. – Дело во

том, что... Только не подумайте, что причина в моих амбициях! Это не так! Я пекусь о судьбе государства и хочу со всей ответственностью заявить: Евгений Раапхорст – опасный шарлатан! Да!

Принцесса, услышав это, остановилась.

– А мне он нравится. Профессор Агелих, не иначе вы завидуете!

От этих слов мужчина покраснел и гневно дёрнул головой, желая продемонстрировать своё возмущение.

– Это вовсе не так! – сквозь зубы процедил он. – Гордость не застилает мой взор. Возможно, я один зрячий среди всех! Я вижу, насколько опасен Раапхорст.

– Хорошо, – ответила принцесса, возобновив своё шествие, – вы настроены решительно, но чем я могу вам помочь? Я совсем ничего не понимаю в науке. Единственное что я знаю, так это то, что наша страна находится в весьма сложной внешнеполитической ситуации. Дексард грозит поработить Арпсохор, а Раапхорст предлагает решение. Неужели он лжёт нам? Кажется, это не так, и научный совет одобрил его план.

– Мои коллеги одобрили его по незнанию! – упорствовал мужчина. – Раапхорст опасен! Его эовраны непредсказуемы и...

– Ладно! – перебила Алисия. – Я поняла – вы хотите довести меня до белого каления! Или говорите, что вам нужно, или оставьте эти попытки. В конце концов, как я могу

помочь, если слышу лишь голословные обвинения? Ну же!

Мужчина нахмурился.

– Поговорите с вашим отцом. Пока Раапхорст творит что-то непонятное там, – Агелих указал пальцем на центральную башню дворца, – я работаю над тем, что действительно может помочь! Мне не хватает лишь внимания...

– Предложите ваше решение научному совету. Я уверена, вас выслушают, – промолвила Алисия, не переставая идти. Она рассчитывала, что рано или поздно назойливый учёный отстанет от неё. Но тот не отступал.

– Я боюсь, мой проект не утвердят, – признался он. – На предварительных слушаниях, его уже поместили, как «подозрительный и ненадёжный».

– Значит, это плохой проект, – сказала девушка, едва ли понимая, насколько это ранит её собеседника.

После этих слов Агелих, едва помня себя, он вскричал:

– Нет! Не смей так говорить, глупая девчонка! Не смей!

Его взгляд наполнился кипучей ненавистью, и мужчина, резко развернувшись, зашагал прочь. Ошарашенная Алисия смотрела ему вслед и не могла понять, как тихий и боязливый мужчина в один момент стал страшен, будто дикий зверь.

– Профессор Агелих, вернитесь! – для чего-то прокричала она, но Франц не обернулся. Он уверенно шагал к воротам, отделяющим территорию дворца от города, уверяя себя, что сделал всё, что мог.

«Больше унижаться я не могу и не буду... Если они не хотят выслушать меня, значит, мне придётся заставить их! Заставить слушать, заставить считаться со мной, заставить уважать... О, я продемонстрирую им истинную мощь человеческого гения, на которую не способен даже эовин – Евгений Раапхорст!» – про себя говорил мужчина, и в груди его томила злоба.

Вскоре покинув дворец и выйдя в город, мужчина нанял машину, и та доставила его к северной окраине столицы. Заплатив и выйдя наружу из душного автомобиля, Франц оказался в захудалом тёмном районе Вольтата, где обитали в основном те, у кого не хватало средств на жизнь в более благополучных кварталах. По краям узкой заснеженной улочки стояли неказистые двухэтажные дома, возведённые ещё при предыдущем императоре – ныне изуродованные старостью и пренебрежительным отношением жильцов.

Оглядевшись, Агелих пошёл вдоль по улице, видимо, направляясь к пустырю, в одном из концов которого стояла невысокая бетонная будка с железной дверью. Пустырь располагался в удалении от жилых домов, так что Франц не боялся, что его заметят. Достигнув будки, он достал из кармана связку ключей и открыл ржавую тяжёлую дверь. Проникнув внутрь и ступив на каменную лестницу, ведущую вниз, профессор запер дверь и неспешно начал спускаться. Вскоре он заметил белый выключатель, вмонтированный в холодную кирпичную стену, щёлкнул им, и с потолка в коридор хлынул

неживой электрический свет. Через минуту Франц добрался до следующей двери, которую ему так же, как и первую, пришлось сначала отпереть, а потом запереть уже изнутри. За ней находилась просторная комната, в дальней стене которой зиял чёрный пролом. Улыбнувшись, Агелих подошёл к нему и вскоре оказался по другую его сторону. За ним располагалась лаборатория – громадная база, неизвестно когда и кем, построенная под землёй.

Включив свет и насладившись жужжанием ламп, мужчина бросил взгляд в центр помещения, где на специальном возвышении с ржавым металлическим трапом, ведущим к южной стене, стоял ужасающих размеров танк. Мало того, что своими габаритами он мог конкурировать с некоторыми моделями бронеходов, но также был оборудован странного вида антеннами, а у его основания крепились массивные суставчатые механизмы. Из разных концов лаборатории к танку тянулись тысячи проводов электропитания и несколько прозрачных трубок, по которым циркулировала красная и зеленоватая жидкости.

– Вот я и вернулся, брат, – сказал Агелих и неторопливо зашагал к танку.

Он слышал, как внутри что-то шевелится и сопит, и радовался этим звукам, как сердцебиению собственного ребёнка. Поднявшись по металлическим ступеням к башне боевой машины, профессор с большим усилием освободил вход и проник внутрь. Тотчас в утробе танка зажглись мно-

гочисленные огоньки – красные, жёлтые, оранжевые, которые, впрочем, почти не освещали окружающее пространство. Ступив на металлический пол и подойдя к невысокой двери, Агелих отворил её и оказался в довольно просторном помещении, в центре которого на скелетообразном механизме застыло чёрное нечто. К его сухому, морщинистому телу было присоединено множество трубок, скрывавших ноги и тазовую кость. Руки и шейный отдел монстра крепились к суставчатым манипуляторам, позволявшим изуродованному существу двигаться. При виде профессора, нечто издало приглушённый хрип, и открыло глаза – жёлтые с сеткой красных капилляров. Сморщенная кожа на его лице задёргалась, будто монстр хотел что-то сказать.

– Прошу тебя, побереги силы, – произнёс Франц. – Я пришёл с плохими новостями.

Тотчас послышались псионические вибрации, и Агелих насторожился.

– Не надо, – попросил он. – Успокойся.

Монстр дёрнулся на металлических фиксаторах и издал гортанный звук. Скрипнув, манипуляторы пришли в движение, и профессор в ужасе шарахнулся в сторону.

– Прошу, выслушай меня... – взмолился он. – Брат, прошу...

Эти слова внезапно возымели действие – чудовище остановилось и закрыло глаза, будто давая понять, что профессор может объясниться. Франц, мелко дрожа, вздохнул и за-

говорил.

– Они пренебрегли и мной, и тобой. Я показал проект научному совету, но мне отказали, это ты помнишь. Я добился аудиенции с императором, но и Тенеран не стал меня слушать. Сегодня я предпринял последнюю попытку и подкараулил принцессу. Она, как и её отец, выказала сомнение и пренебрежение, поэтому официально показать тебя людям я не могу, – промолвил Агелих и в тот же миг ощутил, как костлявая лапа монстра схватила его за шею. Вскрикнув, Франц попытался высвободиться, но чудовище, шипя и хрипя, сжимало пальцы всё сильнее. Несмотря на его тело, искалеченное и на первый взгляд слабое, чудовище обладало невероятной силой.

– Но, я... Всё равно... – задыхаясь, шептал Франц, – всё равно освобожу тебя... Это единственный выход. Отпусти...

Чудовище сощурилось и медленно, будто нехотя, отпустило биолога. Тот упал на колени и закашлялся. Это продолжалось в течение нескольких минут, после чего мужчина улыбнулся и посмотрел на чудовище, нависшее над ним громадой их плоти и металла.

– Я сделаю всё, чтобы ты снова увидел свет, – промолвил Агелих. – И я заставлю всех принять тебя. Ты совершеннейшее существо, какое когда-либо жило и мыслило, и мы докажем это, даже если придётся умертвить множество людей. Просто ложись на меня, и совсем скоро мы покажем ничтожествам, пренебрегшим нами, твоё могущество!

Ш

Утром следующих суток Раапхорст стоял у дверей в покои Леона и Невелис. Молодые люди теперь открыто жили вместе и делили на двоих три комнаты, не считая ванной и кухни. Черноволосый мужчина трижды постучал и скрестил руки на груди, приготовившись ждать, сколько потребуется. В эту минуту он вспоминал себя самого, некогда влюблённого и окрылённого, и его душу наполнял ироничный смех.

– Если мне и Елене препятствовал весь Дексард, и мы ухитрились видеться друг с другом и проводить наедине длительное время, то об этих милых детишках и говорить нечего. Им никто не мешает, и их счастье совершенно, а потому они могут позволить себе опоздание, чтобы побыть вместе ещё какое-то время, – негромко сказал Евгений.

Однако, он не учёл того факта, что для молодых людей на протяжении большей части их жизни главным принципом являлся долг, а потому пообещав что-либо, они держали слово, даже если это влекло за собой некоторые неудобства. После того, как Раапхорст постучал, прошло около двух минут, и двери бесшумно открылись. Первой в коридор вышла Невелис, за ней последовал Леон. Евгений оглядел их, поприветствовал, и все трое двинулись к выходу из крыла.

– Ты уверен, что нам можно с ним говорить? Он может

быть шпионом, и в таком случае мы подведём нас под удар, – заметил Леон. – Вряд ли Греф позволил тебе...

Евгений пару минут шёл молча. Лишь когда вопрос повторила Невелис, он ответил:

– Старик явно не в состоянии запрещать после вчерашнего. Думаю, он не будет сердиться.

– А что было вчера?

На ходу обернувшись, Раапхорст строго посмотрел ей в глаза, затем перевёл взгляд на Леона, давая понять, что это строжайший секрет. Молодые люди всё поняли.

– Я показал им финальное звено моего проекта, – произнёс мужчина. – И, кажется, Греф был весьма впечатлён, – в голосе Евгения зазвучал смех. – Поэтому насчёт него можете не волноваться. Кроме того, тот юноша, которого я видел вчера у Тенерана, упомянул о моём брате, а раз так, то я, наверное, имею право поговорить с ним прямо сейчас.

Тем временем, они прошли крыло, коридор прервался, и друзья оказались в центральном корпусе дворца. Повернув направо, они двинулись дальше, туда, где, по мнению Раапхорста, поселили странного пришельца.

– Ты не знаешь, где именно он может находиться? Если нет, мы потратим годы, чтобы обойти каждую комнату, – промолвила Невелис.

– Кажется, это вы были служащими «Клингенрайс», а значит, кому как не вам, заниматься поисками, – пошутил Евгений. – На самом деле, ты права, – минутой позже согласился

он. – Я не знаю, куда его поселили, но надеюсь на счастли-
вое совпадение. В конце концов, если провидение будет не
на нашей стороне, мы можем послушать псионическое поле.
Оно точно даст ответ.

Но этого не потребовалось. Оказавшись в следующем ко-
ридоре, друзья заметили невысокого юношу, стоявшего у ок-
на. На улице поднялась метель, и молодой человек с интере-
сом следил за тем, как ветер гонит снежную пелену, закручи-
вает её, попутно ударяясь о прочное стекло. Услышав при-
ближающиеся шаги, Коби повернулся. Узнав Раапхорста, он
улыбнулся, будто увидел старого знакомого.

– Я ждал вас, – сказал он. – Я почему-то знал, что вы най-
дёте меня.

Остановившись, трое эовинов переглянулись.

– Вы упомянули о моём брате, – ответил Евгений, – пото-
му я не мог поступить иначе. Меня зовут Евгений Раапхорст,
пусть, это вам уже известно. А вы...

– Моё имя Коби Ацфел. Я генеральный директор военно-
го концерна «Кригард», – добродушно промолвил юноша. В
тот же миг лицо Евгения изменилось – на нём застыли удив-
ление и гнев.

– Что же вам нужно здесь? – спросил Леон. – Хотите пред-
ложить поддержку Арпсохору, чтобы загрести ещё больше
денег? Интересно, если так, как отреагирует Атерклефер –
сочтёт это за предательство и уничтожит вас, или же побо-
ится, раз уж наделал столько долгов?

Коби, будто не замечая враждебного настроения, пожал плечами.

– Скорее, второе, – предположил он, – ведь ни о каком предательстве не может быть и речи. Дело в том, что «Кригард» не принадлежит Дексарду, как полагает разведка Арпсохора. Но давайте поговорим обо всём в более приятной обстановке. Я прошу вас, пройдёмте в мои покои. Там можно будет беседовать так, что услышит сам император, а раз так, то ваш визит только пойдёт на пользу и мне, и правящей фамилии Арпсохора.

Юноша усмехнулся и неторопливо зашагал вдоль по коридору. Раапхорст и его спутники, заинтересованные, взволнованные и отчасти озлобленные, двинулись следом. Вскоре они расположились в гостиной Коби – Раапхорст в кресле перед камином, Невелис и Леон на диване, напротив широкого окна, выходящего в сад.

– Так о чём вы желаете поговорить в первую очередь? – учтиво поинтересовался Коби. – О концерне или же вашем брате, Евгений?

– О брате, – мрачно отозвался Раапхорст. – Скажите, где он сейчас?

– В головном офисе «Кригард», если ничего не изменилось, – ответил Ацфел и тотчас добавил. – Мы можем перейти на «ты». Мне, кажется, так будет удобней.

Евгений кивнул.

– Где находится этот офис? – теперь вопрос задала Неве-

лис. – И как понимать ваши слова в коридоре? Как может военная компания Дексарда не принадлежать ему?

Коби нахмурился и вздохнул.

– Ложь моей семьи всё так запутала, что докопаться до истины будет не просто. Позвольте, я начну с самого начала, и тогда, думаю, вы поймете.

– Как мы можем верить тебе? – вмешался Леон. – Ты враг!

Бывший солдат хотел было сказать что-то ещё, но ему помешал Раапхорст.

– Не забывай, – сказал черноволосый мужчина, – нас тоже считали врагами. Я думаю, чтобы поддержать справедливость, мы можем быть менее подозрительными. К тому же, судя по всему, господин Ацфел не эовин, и любая фальшь станет сразу заметна.

Леон нахмурился, но возражать не стал.

– Я прошу тебя, – Раапхорст обратился к Коби, – расскажи всё, что знаешь о моём брате, твоей компании и союзе с Дексардом. Почему-то мне кажется, что ты, как и мы, не хочешь, чтобы Атерклефер одержал верх...

Юноша побледнел.

– Вы даже не представляете, насколько Атерклефер жалок по сравнению с настоящим врагом, – надорванным голосом ответил Ацфел. – Это началось очень давно. За сотни лет до этого момента. В то беспокойное время человечество вступило в эпоху глобальных военных конфликтов, и фактическая власть на земле сосредоточилась в руках трёх военных

конгломератов: восточного – «Аварен», южного – «Огтар» и западного – «Хатрис». Мало того, что при их поддержке к власти во многих ведущих державах пришли угодные им люди, эти корпорации захватили львиную долю предприятий, занимавшихся добычей основных производственных ресурсов – топлива, металлов, сырья для химической обработки и прочего. Кроме того, в их хищных лапах оказалась крупная и военная промышленность, а также передовые исследовательские лаборатории, разрабатывающие технологии, что называется, опережающие время.

Несмотря на такое могущество конгломератов, не все государства были покорны их воле. Находились нации, сопротивлявшиеся гегемонии капиталистических гигантов, впрочем, их попытки свергнуть столь утвердившуюся власть мало что меняли. Концерны, с неограниченными ресурсами и бесконечным военным и научным потенциалом, с лёгкостью подавляли восстания, карали зачинщиков беспорядков и продолжали править миром с трёх концов. И так могло продолжаться бесконечно долго, если бы не их жадность. С каждым годом, конгломераты поддерживали всё больше военных кампаний, желая захватить очередной лакомый кусок и расширить сферу своего влияния. Разумеется, это влекло за собой новый хаос, и события в мире медленно достигали точки кипения. Войны корпораций вскоре встали поперёк горла не только государствам, не вовлечённым в бойню и желающим мирно развиваться, но и тем, кто напрямую за-

висел от концернов.

Финал этого ужаса нам, более-менее, известен – это событие получило наименование «Последний взрыв», когда с лица земли был стёрт город, олицетворявший совершенство и гармонию человеческой расы. Название его уже забылось, мне известно только то, что он был возведён задолго до того, как в мире настала власть Конгломератов. За время своего существования он, конечно, поистрепался, но не утратил былого очарования. Его построили в мирное время, в месте с тёплым климатом, а потому он был лишён крепостных стен и прочих военных укреплений, так надоевших современным людям. Последний островок мира, защищаемый многими державами, как напоминание о том, что некогда у людей была надежда на светлое будущее. Там жили простые люди. Кто-то занимался торговлей, кто-то земледелием, кто-то искусством... И всё это в один момент было уничтожено, когда корпорация «Огтар» вторглась на территорию «Аварэна». Разумеется, нельзя утверждать, что причиной объединения государств для борьбы с Конгломератами стало именно уничтожение города-символа, но, по крайней мере, повстанческое движение создавало такую видимость. Скорее всего, державам просто надоело подчиняться, но как бы там ни было, на этот раз корпорации не смогли удержать власть.

– В общих чертах это нам известно, – произнёс Леон. – Пока что ты не рассказал ничего нового.

– Да, я так и думал, – ответил Коби. – Но вам известны

лишь общие черты тех событий, я же знаю детали, о которых у современных историков не осталось никаких данных. Например, мне известны имена владельцев трёх корпораций, так как моя семья входила в совет правления одной из них. Однако, это не главное...

– Что же главное? – спросила Невелис.

– Просто так истребить Конгломераты не удалось. Да, «Аварэн» и «Огтар» пали, но «Хатрис»... Он не ушёл в небытие: его хозяева скрылись, затаились и принялись ждать. Перед тем как исчезнуть, они успели забрать большинство новейших разработок, теоретических материалов и определённые запасы ресурсов, а потому повсеместный технологический крах и общая деградация научного знания, не коснулись их. Так закрытой общиной жили бывшие хозяева мира, лелея надежду вернуться к власти и отомстить непокорным народам. Проходили десятки и сотни лет, поколения сменяли одно другое, и мир окончательно потерял свой былой облик. И вот настал момент, когда последний потомок из рода фон Сфорце, рода, некогда владеющего компанией «Хатрис», вышел из тени. Собственно, он и является причиной нынешней войны, причиной, по которой пал Лайд и умирают сотни тысяч и миллионы людей. Именно он тайно правит «Кригард», именно он манипулирует Дексардом, именно он сталкивает людей лбами и...

– Ну, а ты? – вмешался Леон. – Почему ты здесь?

– Мне стало известно слишком многое и дальше терпеть

я не смог. Но позвольте рассказать всё по порядку. Дело в том, что моя семья создала «Криард», взяв за основу систему Конгломератов. Мои прапрабабушка и прапрадед возвели головной офис на нейтральных территориях, там, где пустоши выходят в бухту между Фраосом и соседними материками, – произнёс Коби. – Их предки когда-то входили в правящий круг одного из концернов, потому у моей семьи была примерная схема действий.

– Как только они скрылись от человеческого гнева? – задумчиво проговорил Леон.

– О, это интереснейшая история, но думаю, в подробностях излагать мытарства моих родичей будет излишне. Скажу лишь, что хитрости и терпения им было не занимать. Они не только смогли скрыться от возмездия, но и на протяжении многих лет сохраняли и приумножали свои капиталы. Мои предки бывали в других странах, обрастали связями, укрепляли влияние, пока не пришёл час отыгаться. «Криард» – это их масштабный проект. Я должен был стать его наследником, но, увы, всё сложилось совсем не так, как рассчитывали родители... Они скоропостижно скончались в результате несчастного случая в одном из тестовых ангаров, всё их богатство и вся власть стали моими, но удержать их я не смог. Вскоре явился фон Сфорце и тайно захватил концерн, и мне пришлось подчиняться.

– Возможно, я не имею права спрашивать об этом, но что тебе мешало воспротивиться? – поинтересовался Евгений.

Коби потупился.

– Нет, – ответил он, – вы можете спрашивать обо всём. С одной стороны, я боялся гнева этого чудовища, а с другой... Я думал, что сохраняя хотя бы видимость власти над «Кригард», я чту память погибших родителей. Не хочу оправдываться, но скажу, что предпринимал бессчётное количество попыток пойти наперекор фон Сфорце и той особе, что явилась вместе с ним – Резе Тиен, однако, всё впустую...

– Хорошо, это понятно, – сказал Раапхорст. – С «Кригард» тоже разобрались... Хотя... Неужели Дексард вслепую доверился, по сути, внешней силе? На месте Атерклефера я бы попытался подчинить её себе.

– Насколько мне известно, Дексард пытался сделать это, но, признаюсь, могущество «Кригард» завязано на ресурсах и поддержке государств вне Фраоса. Даже основные фабрики и заводы моей компании находятся там. Атерклефер догадывался об этом, а потому, скорее всего, решил, что сотрудничать проще, чем враждовать. Я не знаю, что творится в его голове, но могу предположить, что изначально он надеялся захватить Арпсохор и, используя ресурсы побеждённой страны, подчинить нас, своих союзников, себе. Что ж, мне будет интересно посмотреть на императора, когда он поймёт, что всё это время им манипулировал Эйрих фон Сфорце. Повторюсь, именно он является зачинщиком войны и он, как никто другой желает поработить Арпсохор, раз уж Дексард фактически в его власти. Когда это случится, Эйрих получит

обширнейшие запасы ресурсов обеих стран в своё пользование, и тогда, после тщательной подготовки, начнёт мировую экспансию. Для начала он захватит покровителей «Кригард», а далее... Не берусь судить, – промолвил Коби.

– Значит, ты думаешь, нам противостоит потомок людей, много лет назад правивших третьей планеты? – недоверчиво протянул Леон. – Но если вся его сила сейчас заключена в «Кригард», то мы можем попытаться напасть, если Атерклефер не сумел сделать этого.

– Подожди, – перебил Раапхорст. – Но при чём мой брат? Насколько я знаю, он связался с сопротивлением, и ни о каком Сфорце речи не шло...

Коби печально улыбнулся.

– Это чудовище всё предусмотрело. Сфорце манипулировал и Атерклефером, и сопротивлением. Повстанцы были нужны ему, чтобы, в случае чего, устроить неприятности императору. Возможно, он узнал о твоём брате и он для чего-то ему понадобился, – промолвил юноша.

Раапхорст побледнел.

– Мой брат – крайне талантливый механик. В его власти проникать в память Вайроса, – сказал черноволосый мужчина. – Если Сфорце заинтересован в каком-либо изобретении, то...

– Я много не знаю, – продолжил Ацфел, – но ты прав. Эйрих часто говорил о каком-то оружии, и полагаю, оно обладает разрушительной силой.

– Уничтоженный Лайд, – напомнила Невелис. – Может быть, эта трагедия связана со Сфорце.

– С чего ты взяла? – спросил Леон.

– Мои птицы не способны на такое, – за девушку ответил Раапхорст. – Из донесений разведки нам известно, что стало с тем городом. Сомневаюсь, что даже тысячи эовранов могут сотворить такое. Нет, там было что-то ещё, о чём мы не знаем...

– Реза Тиен, – догадался юноша. – Месяц назад Сфорце посылал её на какое-то задание, и после этого она вернулась вместе с двумя мужчинами – один из них твой брат, а второй... Не знаю... Кажется, его звали Инстернис. Может статься, именно она виновна в падении Лайда даже больше, чем армия Дексарда. О, это не простая девушка! – почти шёпотом произнёс он. – Сфорце пару раз называл её Принцессой хаоса и говорил, что её сила стоит целой армии. Думаю, она вполне способна на это... Её жестокости нет равных, и боюсь, справиться с ней невозможно.

Парень бледный и взволнованный по очереди оглядел собеседников и на лице каждого прочёл одну эмоцию – страх.

– Инстернис, значит... – промолвил Леон.

– Ты что же думаешь, это тот самый? Мало ли людей с таким именем, – одёрнула его Невелис.

– Только он мог связаться с особой, уничтожающей города, – невесело усмехнулся мужчина. – Конечно, возможно, его принудили, но что-то мне подсказывает, теперь он пре-

красно себя чувствует.

Заметив вопросительное выражение на лице Раапхорста, Леон пояснил:

– Инстернис, о котором упомянул Коби, скорее всего, один из служащих «Клингенрайс». Мы пару раз пересекались с ним, и могу сказать, хуже человека не существует!

Черноволоксы́й мужчина кивнул.

– Давайте подытожим... Дексард обещает через пару месяцев взять Вольтат, «Кригард» манипулирует и Атерклефером, и повстанцами, которые, к слову, весьма опасны. Мы только что узнали о тайном наследнике «Хатрис», претендующем на мировое господство, о его помощнице, чьей мощи нет равных, по словам Коби, и теперь должны что-то придумать.

– Может быть, нужно выманить Сфорце? – предложил Ацфел. – Сделать так, чтобы он покинул стены головного офиса и...

– Нет, молодой человек! – вдруг раздался старческий голос. Все, как один, вздрогнули и повернулись в сторону выхода. Там в сопровождении двух стражников стоял Адриан Греф, строгий и величественный. Холодно посмотрев на тайное собрание, он произнёс:

– Для начала, вы должны рассказать о вашем плане императору, и если тот одобрит, действовать!

– Вы подслушивали! – возмутилась Невелис.

– Можно подумать, вы этого не знали, – старик рассмеял-

ся. – Ну же, идёмте, – добавил он. – Этот мальчик не лгал. Вчера он говорил то же самое в слезах, а потому, скорее всего, заслуживает хоть какого-то доверия. Полагаю, Генеран позволит вам действовать, Раапхорст, раз уж вы являетесь гарантом боевой мощи Арпсохора. По крайней мере, запрещать вам что-либо планировать он не будет. Но учтите, все ваши соображения будут бесполезны, если они не понравятся императору или военному совету, так как и с мнением последнего тоже нужно считаться. Так что, вы готовы?

– Вполне, Греф, вполне, – Раапхорст улыбнулся. – Вы организуете аудиенцию незамедлительно, или нам придётся подождать, пока у вас появится настроение?

– Очень смешно, – прокаркал старик. – Вперёд.

IV

Разрешение было получено быстро. На аудиенции Тенеран не противился, но, как и Греф, напомнил о военном совете: «Генералы – народ крайне капризный, так как мнят себя первейшими защитниками государства, что, впрочем, отчасти является правдой. Но если их что-то не устроит, могут возникнуть трудности, потому перед тем как высказать своё мнение, продумайте всё».

Раапхорст был согласен. На кону стояла жизнь его брата, судьба двух государств, и, конечно, надежда на будущее без чудовищ, порождённых учёным. За шанс на победу эовин отдал бы многое.

– Вам нужна какая-либо помощь? – поинтересовалась Эвильен. – Возможно, информация?

– Да, – сказал Коби. – Благодаря мне, они теперь знают очень много, но ни мне, ни им не известно, о том, что на самом деле произошло с Лайдом. Я могу лишь предполагать, но принесут ли мои домыслы пользу, не знаю.

В тронном зале воцарилась тишина. Император и императрица переглянулись, а затем жестом позвали канцлера. Греф стремительно оказался у тронного возвышения и, выслушав правителей, что-то заговорил, отрицательно мотая головой. Тенеран всё-таки настоял на своём, так что старик

вернулся к друзьям весьма недовольный.

– Вы, – он ткнул пальцем в грудь Коби, – пойдёте туда в сопровождении двух эовинов из числа императорской стражи. Мало ли какие мысли загуляют в вашей голове... А вы! – вскричал канцлер, обернувшись к Евгению, Леону и Невелис. – Учтите, если в доносе этих стражей мне хоть что-то не понравится, я сделаю всё, чтобы предотвратить ваши зловредные действия...

– Греф, – Раапхорст сощурился, – вы знаете, нам можно верить.

– Возможно, – старик пожал плечами. – Однако, лучше перестраховаться. В вас троих я почти... Подчёркиваю – «почти», не сомневаюсь! Но вот в молодом человеке, бывшем владельце военного концерна... Скажем так, у меня есть причины быть настороженным.

– Согласен, – Раапхорст кивнул. – Так что именно вы хотите показать нам? О каком месте вы говорили?

Греф оглянулся на Тенерана. Император кивнул, и только после этого канцлер ответил:

– Неделю назад наши солдаты схватили двух человек. Те говорили на языке Дексарда, и, как вы понимаете, мы не могли просто оставить их. К тому же, им явно нужна была помощь... Кажется, они жили в заброшенном доме, у одного из небольших городов Арпсохора и питались... Собственно, понятия не имею, что они там ели.

– Вы думаете, они отбились от армии Дексарда? – пред-

положил Леон.

Старик кивнул.

– Кажется, так.

– Странно, что они не попытались вернуться, а остались в Арпсохоре.

– О, поверьте, когда вы поговорите с ними, всё поймёте. Сейчас они находятся в дворцовом лазарете. Полагаю, их состояние удовлетворительно, и вы сможете кое-что узнать, – произнёс Грэф. – Впрочем, не думаю, что это вам чем-то поможет. Их рассказ напоминает бред сумасшедших.

– Если они столкнулись с Резой Тиен... – начал Коби, но его перебил старик.

– О девушке они ничего не говорили. Только о командире своего полка – Инстернисе Граусе, о котором вы упомянули в сегодняшнем разговоре, молодой человек.

– Я так и думал! – вскричал Леон. – Это он! Больше никому!

– Так или иначе, – произнёс Тенеран, – вам пора. У меня и моей супруги есть дела, однако, если полученная информация поможет вам, прошу, дайте нам знать. Я с радостью выслушаю ваш план.

– Я прослежу, – заверил Грэф, и друзья покинули тронный зал.

Люди, о которых говорил канцлер, почти оправились. По-

лудикая жизнь в течение месяца, несомненно, оставила на них отпечатки, однако, сейчас Пьер Врей и Адел Фриншлайт чувствовали себя почти так же, как до страшного испытания. Впрочем, кое-что в них изменилось безвозвратно. Став друзьями, пусть и по несчастью, они, сами того не осознавая, повлияли друг на друга разительно, и теперь между ними существовала не только связь, состоящая из пережитых трудностей, но и определённая духовная общность. Ветренный, пустоголовый Врей вдруг осознал, что помимо его желаний существует долг, верность и ответственность, и осознание это заставило его раскаяться во многих ошибках минувшего. Адел же – холодный, расчётливый и гордый, понял, что жизнь гораздо проще, чем он о ней судил до этого. Эта мысль позволила ему со спокойной душой отпустить боль и отчаяние, что он уже успел испытать. Молодые люди, будто поделились друг с другом тем, чего у каждого из них было в избытке, и тем самым привнесли в свои жизни долгожданный баланс.

Пусть внешний мир был жесток, но друзья, преодолевая голод, лишения и холод, находили силы жить и верить в лучший исход. Только это позволило им выжить, только это позволило им восстать не только над хаосом внешним, но и над хаосом внутренним. Теперь же они находились в тёплой светлой палате, сытые, отдохнувшие, и переговаривались, пытаясь предугадать, какая судьба их ждёт. Изредка они начинали спорить.

– Нас казнят. Это точно, раз уж мы всё им рассказали, – говорил Адел, лёжа в постели. Пьер не соглашался.

– Они могли уже давно сделать это. Неужели ты думаешь, нас вылечили, накормили и отмыли, чтобы просто убить? Нет, им нужно что-то ещё... А может быть, они отпустят нас...

– Какой же ты наивный, – промолвил Фриншлайт. – Как только ты стал моим другом, не понимаю...

– Раньше тебя беспокоила не только наивность, но и происхождение, так что ничего удивительного. Просто ты хороший человек, хоть и подозрительный гордец, – ответил Пьер.

– Надеюсь, ты прав, – произнёс Адел. – Не в том, что я хороший человек, а в том, что нас пощадят. Не хотелось бы умирать после всего, что мы пережили...

Дверь отворилась внезапно. Бывшие солдаты насторожились, увидев, как в палату заходят незнакомые люди. Это были двое мужчин, крайне задумчивых, взволнованный юноша, девушка и чем-то недовольный старик. Оказавшись в палате, они окружили Пьера и Адела, судя по всему, с намерением что-то узнать.

– Надеюсь, среди них есть переводчик, – ухмыльнулся Фриншлайт, – иначе наша беседа будет малосодержательной.

– В этом нет необходимости, – сказал Евгений. – Я и некоторые из моих друзей владеют языком Дексарда.

Черноволосый мужчина улыбнулся и сел на деревянный стул, стоявший между кроватями. Аделу и Пьеру тоже при-

шло встать, хотя светловолосая девушка и попыталась отговорить их.

– Что вам нужно? – первым спросил Пьер. – Кто вы?

– Слишком долго объяснять, – Раапхорст покачал головой. – Просто знайте, я один из тех, кто виновен в нынешних триумфах Дексарда, и больше всего на свете хочу исправить то, что натворил.

– Как вас понимать? – протянул Адел.

Евгений вздохнул.

– Я создал эовранов. Тех птиц, что принесли победу Атерклеферу. Хотя они и не предназначались для войны, но... Сделанного не вернёшь.

Адел и Пьер переглянулись, словно спрашивая друг у друга, не сошёл ли этот человек с ума.

– Расскажите нам, что случилось в Лайде, – попросил Леон. – Мы хотим помешать Атерклеферу и тому, кто стоит за ним. Если мы поймём, чему противостояем, у нас появится шанс на победу.

– После того, как мы расскажем, от нас избавятся? – угромо поинтересовался Адел.

– Нет, – ухмыльнулся Адриан. – Мой император помиловать вас, если вы остаетесь в Арпсохор. Никто вас и пальцем не тронуть. Вы можете не верить, однако, слово императорский дом нерушимо!

– Поверьте нам, – добавила Невелис, – нам нужна помощь, только и всего.

Леон и Адел задумались. Уверения Адриана едва ли убедили их, однако, слова Невелис, внешне столь светлой и доброй, внушали доверие, а потому друзьям предстояло совершить выбор – отказать и ждать последствий или же открыться малознакомым людям ради туманной, пусть и высокой, доброй цели. Раздумывая над дальнейшими действиями, бывшие солдаты провели в тишине около минуты, после чего ответил Фриншлайт:

– Если вы нам не лжёте и действительно хотите остановить Атерклефера, Грауса и всех, кто причастен к нынешним зверствам, мы поможем.

– Твой друг согласен? – Леон посмотрел на Пьера.

– Ещё как! – воскликнул юноша. – Мы расскажем вам всё, что знаем. Впрочем, едва ли вам это поможет. Нам пришлось бежать. Так получилось, что мы провинились, и Граус заставил нас стать пушечным мясом. Мы должны были отвлечь жителей Лайда и умереть, но что-то сорвалось, и нам удалось устоять.

– Он подчинил себе вашу волю, – догадался Леон. – Подобные манипуляции на союзниках запрещены даже служащим «Клингенрайс», но Инстернису плевать. Значит, поэтому вы не повернули назад, а бежали вглубь Арпсохора?

Друзья кивнули.

– Понятно, – сказал Евгений. – Пожалуйста, продолжайте. Вспомните каждую мелочь, это очень важно.

V

– Нынешнее десятилетие выдалось занятным. Теперь может показаться, что мы в крайне невыгодном положении, но так интереснее, – заметил Сфорце. – Коби сбежал, и рычаги воздействия на «Кригард» практически исчезли, инцидент в Лайде вскоре получит огласку, так как ты не можешь быть уверена, что никто не выжил. Это вынуждает меня признать, что далее бездействовать я не могу.

Реза лежала на мягкой софе и, закрыв глаза, вполуха слушала Эйриха. Она знала, что он не злится и не переживает, а лишь проговаривает вслух мысли, занимавшие его.

– Это прекрасно, – отозвалась она. – Если ты, наконец, выйдешь из тени, триумф нам гарантирован.

Сфорце ухмыльнулся.

– Возможно, ты права, но я планировал сделать это несколько позже, – сказал он. – Тогда бы мы могли быть уверены в победе, сейчас же...

– У нас лишь слегка понизились шансы, – перебила Реза, – Не более того. Да, бегство Ацфела неприятно, но ведь в нём есть и плюсы. Ты никогда не был рад тому, что мы принуждаем его делать что-то, для него не свойственное. Теперь тебя не будет лишним раз донимать совесть. Более того, мне кажется, ты притворяешься озадаченным, и в глубине души

рад, что он сбежал. Ведь это ты приказал мне оставить его в покое и не вмешался, хотя, скорее всего, догадывался о его намерении. Нет, Сфорце, ты доволен, вот только, не пойму, зачем разыгрывать эту трагедию.

Бледный эовин ухмыльнулся.

– А ты проникательна. Пусть мальчик, так ненавидевший меня, посмотрит на мир за пределами этого здания и решит – такой уж я плохой, как он думал, или нет. Мне было интересно, по-прежнему ли ты понимаешь меня. Что ж, принцесса, ты как всегда права.

– Значит, ты намеренно создал эти трудности? – спросила Реза.

– Пусть, я логичен и терпелив, но иногда и мне хочется привести в жизнь хаос. К тому же, эти, как ты выразилась, трудности весьма условны. «Кригард» сыграл свою роль и более нам не нужен, утечка информации о Лайде усилит наших врагов, но не гарантирует их победу, зато, в итоге наша игра станет интереснее.

– И рискованнее, – напомнила Реза. – Хотя, конечно, ты это осознаёшь лучше меня.

– Как там Максим? – вдруг спросил Эйрих, желая переменить тему разговора. – Ты возлагала на него большие надежды. Мне интересно, оправдались ли они.

– Он не хочет помогать нам, – с притворной печалью в голосе ответила Тиен. – Мальчик считает, что он человек высокой морали и не имеет права множить человеческие смер-

ти. Странно, что он не задумался об этом, когда уничтожал Лайд.

– Очень жаль. А что со вторым?

– С первым, ты хотел сказать. Сначала я подобрала бедняжку Инстерниса, а затем уже Максима.

– Он более лоялен к нам, так?

– Ага, – Реза кивнула. – Он мечтает о силе, равной моей. Он думает, что связавшись с нами, сможет сполна удовлетворить свои садистские наклонности. Видел бы ты, как он смотрел на порождения моей субреальности. О, он именно тот, кто нам нужен.

Эйрих встал с трона.

– Конечно, Максим Раапхорст ценнее этого безумного офицера, но Граус может стать важным звеном в грядущем действии, если всё пойдёт прахом.

Эовин немного помолчал и произнёс:

– Надеюсь, когда Арпсохор падёт, и все формальности касательно правительства утрясутся, мы сможем найти создателя птиц, которых ты доставила с поля боя. Мне чертовски интересно, что за человек этот Евгений Раапхорст.

– Хочешь, чтобы он присоединился к тебе? – догадалась Реза.

– Почему нет? – Сфорце кивнул. – В конце концов, поддержка столь гениального эовина станет ещё одним гарантом нашего успеха.

Тито фон Райэлл приближался к рабочему кабинету императора без всякой спешки, будто визит к правителю был для него так же обыден, как чашка кофе с утра. В руках, заложенных за спину, глава «Клингенрайс» держал какие-то бумаги. Слегка потирая их указательными пальцами, старик щурился от удовольствия, и в душе его, казалось бы, давно переставшей откликаться на проявления внешнего мира, поднималось приятное томное чувство. Впрочем, оно родилось не от радости за ближнего, нет. Его первопричиной являлось злорадство, тёмное предвкушение грядущей бойни. Миновав с десяток членов личной охраны императора, Райэлл достиг нужной двери и постучал. Оказавшись в кабинете, Эовин поклонился и сел в кресло напротив рабочего стола. Атерклефер что-то писал и, казалось, не замечал главу «Клингенрайс». Тито приготовился ждать, но император, не отрываясь от бумаг, спросил: «Принес?»

– Да, разумеется, – старик кивнул.

– Очень хорошо, – протянул правитель. – Более не задерживаю.

Райэлл торопливо встал. Он собирался покинуть Ричарда, но вдруг его посетила какая-то мысль.

– В чём дело? Тебе что-то нужно? – спросил Атерклефер, заметив, что Эовин замешкался.

Тито виновато улыбнулся.

– Позвольте мне присутствовать при подписании этих до-

кументов. Я покончу с собой, если пропущу столь важное событие!

Ричард ухмыльнулся.

– Оставайся, – сказал он. – Мне по нраву твой настрой, ведь приказ действительно важный. Война длится уже довольно. Наша мощь позволяет закончить её прямо сейчас, но... Как, по-твоему, Райэлл, почему мы до сих пор не взяли столицу Арпсохора? Ведь дорога от Лайда открыта.

– Исчезновение Грауса полгода назад? – предположил Тито.

– Нет, – отмахнулся император. – Инстернис был весьма талантливым офицером, этого нельзя отрицать, но ни он, ни безымянная катастрофа, случившаяся при Лайде, не являются причинами нашего промедления. Дело в том, что мне хочется показать нашему народу, что нынешняя война – не просто очередная Веха, не просто рядовое событие, а нечто важное.

– Очень мудро, – промурлыкал Райэлл. – Однако, многие были бы счастливы, если бы вы несколько ускорили события. Вы ждали долго, и люди, полагаю, всё поняли.

– Да, – Ричард кивнул. – Далее тянуть я не буду, – император перевёл взгляд на бумаги, принесённые Райэллом. – Приказ о взятии столицы вражеского государства. Конечно, это лишь формальность, но до чего приятно уделять внимание мелочам, когда основная масса работы уже сделана. Проект с захватом Арпсохора практически завершён. Сначала

он, а затем – «Кригард».

– Значит, всё-таки вы планируете избавиться и от военного концерна? – старик насторожился.

– Его помощь была весьма кстати, но больше я не позволю помыкать собой ни Коби Ацфелу, ни его скрягам – директорам.

Ричард помолчал и продолжил:

– Раньше я не мог подступиться к концерну из-за внешней поддержки, которую ему оказывали государства с других материков, но как только я получу ресурсную базу Арпсохора, мне достанет сил, чтобы подчинить «Кригард» и его покровителей.

Тито кивнул.

«Сфорце будет доволен», – подумал старик, и его губы расплылись в радостной улыбке.

Вскоре Атерклефер подписал документы, и на весь Дексард прогремела весть: «Столица Арпсохора, великий Вольтат, вскоре будет захвачена!»

VI

«Мне больно смотреть на этот мир. Мне больно осознавать, что человек слаб. Мне больно видеть, что всё, к чему мы прикасаемся, превращается в прах... Мы не умеем любить, мы не умеем укрощать себя, мы не умеем смотреть на звёзды, мы не умеем прощать и быть верными. Всё, на что мы способны сейчас, это возводить искусственные рамки, выстраивать глупые системы и прятаться за бездушной логикой, чтобы хотя бы слегка подчинить внутренний хаос. Мы боимся его, боимся самих себя, но не признаёмся в этом. А, между тем, страх дремлет в каждом, и кого-то он толкает на безумства, преступления, гнев и злобу, а кого-то беспощадно сковывает цепями бездействия, лишь единожды нарисовав образ гипотетического будущего. Но, как бы то ни было, и вседозволенность, и строгие рамки одинаково ломают человека. Нельзя быть счастливым, постоянно ограничивая себя, ровно так же, как нельзя быть счастливым, бездумно погружаясь в бездну страстей и животной дикости. Мы далеки от баланса, а потому слабы и потому главный плод нашего существования – это смерть. Надежды нет... Есть лишь хаос. Однако, это не остановит меня. Я доведу безумие до конца. Я возведу его в абсолют, и пусть зло пожрёт само себя. Люди по-прежнему останутся слабыми и своенравными эго-

истами, но, по крайней мере, я отсрочу их смерть как вида. Надеюсь, после того, что произойдёт, они поймут, насколько я прав».

Раапхорст стоял на балконе центральной башни, и с помощью подзорной установки наблюдал за тем, как у горизонта клубится снег.

– Атерклефер решился, – произнёс черноволосый мужчина. – Этого стоило ожидать. Дексард тянул слишком долго. Интересно, что они предпримут, ведь очевидно – вести бой, как раньше, невозможно. Они уже поняли, что птицы им мало помогут, а значит, их план атаки должен включать в себя и человеческие силы.

Мужчина ухмыльнулся и вернулся в лабораторию. Здесь стало пусто с недавнего времени. Эовраны находились в специальных искусственно созданных зонах, имитирующих природную среду обитания птиц, сотрудников Евгений отпустил, как только завершил проект, а двуглавое чудовище, некогда бывшее заключённым в стеклянную капсулу, было выпущено на свободу.

– Эрез, – промолвил Раапхорст, – как только ты исполнишь свою миссию, я подарю тебе покой. Такое создание не должно жить рядом с людьми. Я призвал тебя лишь для одного – убийства, и после окончания войны ты станешь не нужен...

– С кем-то разговариваешь? – внезапно раздался знакомый голос.

Евгений обернулся и заметил в дверном проёме Коби Ацфела.

– Да так, с последнего ума схожу, – Раапхорст ухмыльнулся. – Думал пойти отдохнуть, но воспоминания не отпускают. Слишком много я натворил здесь. А как ты? Я думал, сегодня у тебя уроки стрельбы...

Коби кивнул.

– Да, Адел уже дал мне пару уроков и констатировал, что я безнадежен. Леон тоже бился, но, увы... Пока что я попадаю куда угодно, кроме мишени, – сказал он.

– Что поделать... – Раапхорст сощурился. – Но, хочу признаться, сам я стрелок ещё хуже. Я могу вскрыть организм, посмотреть, что внутри, зашить его, и никто даже не поймёт, что была проведена операция. Но, сколько бы я ни бился, разобраться с устройством оружия мне не удаётся. А мой брат, напротив, ничего не понимает в биологии и медицине, но просто непревзойдённый стрелок и механик.

Евгений помрачнел и закрыл глаза.

– Не волнуйся. Ты увидишь его, ведь... Ведь мы победим! Иначе и быть не может, – сказал Коби.

– Ты оптимистично настроен, – Раапхорст через силу улыбнулся. – Но ты прав, я сделаю всё, чтобы спасти Максима, чтобы защитить и его, и... И вас тоже. Тебя, Леона, Невелис, Пьера и Адела.

Ацфел улыбнулся.

– Я передам это... – сказал он. – Им будет приятно.

– Только попробуй, – рассмеялся Евгений. – Если они узнают об этом, я сгорю от стыда. Так уж я устроен – излишняя откровенность не для меня. И, кроме того...

– Раапхорст! – неожиданно раздался высокий женский голос. Обернувшись, друзья заметили принцессу.

– Я искала вас! Весь дворец обошла, а вы здесь. Иногда поражаюсь сама себе. Как только я могла не догадаться...

– По-моему места более подходящего для меня нет, – эовин рассмеялся. – Я люблю высоту и одиночество.

– Хамите? – девушка поджала губы. – Не ожидала от вас. А ведь именно я уговорила Грефа принять вас во дворце, когда вы только явились. И после этого вы платите мне такой возмутительной грубостью...

Евгений перестал улыбаться.

– Простите, я не хотел вас обидеть, – сказал он. – И, если вы действительно так помогли нам, то примите мою искреннюю благодарность. Это неоценимая помощь, и клянусь, я не забуду этого.

Мужчина дотронулся до белой девичьей ладони и поцеловал её тыльную сторону.

– Не тревожьтесь, не так уж я и обижена, – девушка усмехнулась. – Скажите, можем ли мы поговорить наедине? Мне было бы приятно, если бы вы уделите мне немного времени.

– Я пойду, – тотчас нашёлся Ацфел. – Надо уговорить кого-нибудь продолжить мои тренировки. Надеюсь, никого не подстрелю...

Юноша поклонился и вскоре скрылся в дверном проёме. Как только входная дверь хлопнула, Алисия вальяжно прошлась по лабораторному залу. Дотронувшись, до одного из секвенц-проекторов, который не успели убрать, она посмотрела на Раапхорста и улыбнулась.

– Быть может, выйдем на балкон? Давно здесь не была и уже забыла, какой отсюда открывается вид, – промолвила она.

– Прошу, – Евгений подошёл к девушке и подал ей руку. Та чуть наклонила голову в знак согласия, приняла помощь и вскоре вместе с эвином шла к балконным дверям.

Их разговор был полон любезностей, приятных слов, лёгких шуток, и потому Раапхорст, расслабленный и спокойный, не сразу смог ответить, когда Альстрайм призналась ему в любви. Сначала мужчина решил, что это очередная шутка принцессы, но позже понял – нет, девушка была серьёзна. Она стояла, у края балкона и внимательно следила за реакцией эвина, а тот молчал, судорожно пытаясь найти ответ. В сознании отчётливо звучал голос совести, кричавшей о брошенной Елене, о разрушенных мечтах и о том, что отречься от них – значит предать не только несчастную девушку, но и себя. Однако, вместе с этим голосом Евгений слышал шёпот самолюбия, который, конечно был тише, но отчего-то именно к нему Раапхорст хотел прислушиваться.

«Возможно, это мой шанс... – подумал мужчина. – Если я не смог построить счастья с Еленой, то, может быть, смогу

сделать это здесь...»

– Ты боишься? – спросила Алисия. – Если причина в моей семье, то можешь не волноваться. Ни отец, ни мать не смогут отказать мне, ведь я единственная их дочь. И, кроме того...

– Это здесь ни при чём, – перебил Раапхорст. – Простите мне мою грубость, но сейчас не время. Враг близко. Ваша страна в огне, каждый день погибают люди, и пока мы не можем думать о личном счастье.

– Это эгоистично? – ничуть не обидевшись, спросила девушка. – Если так, то ты... вы правы. Простите... Простите и забудьте!

Она развернулась и решительно зашагала прочь. Раапхорст закрыл глаза.

– У меня ещё будет время подумать об этом, а пока... Пока мне надо взять себя в руки и сделать то, чего от меня ждёт императорская чета – защитить столицу и остановить чудовищ, притворяющихся людьми.

VII

Сражение продолжалось неделю, но чаша весов не склонялась: ни Дексард, ни Арпсохор не могли одержать победу. Птицы, встретив достойный отпор, гибли тысячами, а потому армия вражеской страны вскоре пустила в ход оружие, купленное у «Кригард, и на поле битвы зазвучал танковый грохот вперемешку с оружейными очередями. Теперь, когда каждый солдат Дексарда подвергался опасности, командование захватчиков стремилось как можно скорее ворваться в Вольтат и разграбить его, чтобы в будущем иметь шанс оправдаться перед правительством и народом за громадные жертвы. И хотя Дексард всеми силами форсировал события, столица Арпсохора держалась неприступно. Объединённые страхом, жители Вольтата явили невероятный пример мужества и самопожертвования. В первые же пару дней большая часть припасов – провизии, одежды, медикаментов – была переведена гражданским населением в распоряжение действующей армии, причём, добровольно. Кроме того, прекратились мелкие и крупные преступления, что немыслимо для военного времени, да ещё и в осаждённом городе. Однако, факт оставался фактом – ни одного заявления о мародёрстве, убийстве или ещё о чём-то подобном за все дни осады.

Так продолжалось полторы недели, но генеральное сраже-

ние так и не было дано. Генеран Альстрайм ежедневно посылал за своими приближёнными, чтобы разработать план контрнаступления, однако, министры не могли дать согласия, в глубине души веря, что дело можно решить без битвы. Император взывал к их здравомыслию, но старики, за исключением Грефа и военного министра, были слишком трусливы, а потому считали, что бездействие или капитуляция – составляющие самого лучшего решения. Потеряв надежду на двенадцатый день осады, император, наконец, решился использовать оружие Евгения Раапхорста.

– Значит, пора?

– Да, Леон, пора. Завтра мы должны дать сражение, которое станет финалом и нынешнего конфликта, и тёмной эпохи Дексарда. Звучит пафосно, но что поделать... В любом случае, мне нужна твоя помощь.

Евгений закрыл глаза и вздохнул.

– Я помогу...

– И я тоже. Вы не заставите меня стоять в стороне, – вмешалась Невелис.

– Ты сможешь императорской чете. Оставайся при них, – ответил Леон.

– И без меня есть, кому их защитить! – воскликнула девушка. – Будет странно, если я предложу свои услуги.

– Тогда попытайся сдружиться с Алисией Альстрайм, –

Евгений улыбнулся. – Эта особа может быть полезной. Да и ты будешь в безопасности.

– Но...

– Невелис, слушайся, – оборвал её Леон. – Я знаю, что ты тоже солдат и желаешь принести пользу, но прошу, не рискуй. Ради меня...

– А что насчёт нас? – поинтересовался Адел. – Мы тоже должны с кем-то подружиться или всё-таки вы доверите нам настоящее дело?

Раапхорст усмехнулся и приблизился к Фриншлайту, Врею и Ацфелу. Они стояли у восточной стены лаборатории.

– Ты можешь поступать так, как пожелаешь, – сказал эовин. – У тебя достаточно навыков, чтобы сражаться, но Пьеру и Коби я советую остаться во дворце. Вы не справитесь с тем, что происходит сейчас за стенами Вольтата, это не в ваших силах. Конечно, вы свободные люди и имеете право выбора, но лучше послушайте меня.

Молодые люди кивнули в знак согласия. Им нечего было возразить. Раапхорст был прав.

Крепостные стены Вольтата дрогнули. Танки, рассредоточившись по равнине, усеянной снегом, обстреливали город, и воздух дрожал от их залпов. То и дело, на землю падали крупные каменные осколки, реже – люди, кричавшие от страха, с искажёнными в предсмертной судороге лицами.

С каждым часом сдерживать наступление становилось всё сложнее – Дексард пустил в ход все свои резервы, невзирая ни на рискованность атаки «в лоб», ни на позднее вечернее время. В этот час солдатам больше хотелось есть и спать, чем штурмовать один из самых неприступных городов континента, но делать было нечего. Им было приказано идти вперёд, и воины, собрав в кулак всю свою волю и злобу, с остервенением шли.

Евгений Раапхорст вновь находился в стенах лаборатории и наблюдал за действиями врага с помощью мощной подзорной трубы. Рядом с мужчиной находился Леон, облачённый в чёрные одежды тайной канцелярии Арпсохора.

– Пора, – сказал он. – Мы должны ударить неожиданно.

– О, иначе и не получится, – усмехнулся Евгений.

Секундой позже раздался псионический голос.

«Эрез, – позвал он. – Пришло твоё время. Отбрось их от городских стен».

Солдаты Дексарда не заметили, как с неба, подсвечиваемого у запада оранжевым заходящим солнцем, на них обрушилось гигантское чёрное тело. Ревя, словно безумное, существо врезалось в средоточие захватчиков, и в воздух взметнулось огромное облако из снега, пыли и огня. Люди пришли в замешательство. Экипажи массивных неповоротливых танков растерялись. Они не видели цель, не понимали, кого следует атаковать, медлили и тем самым обрекли себя на смерть: чудовище Раапхорста было неумолимо. С того

момента, когда его презентовали в лаборатории, оно многократно выросло и стало сильнее. Теперь двуглавый монстр рвал всё вокруг на части в порыве животной ярости. Он слышал голос своего создателя и покорно выполнял его приказы, будто в благодарность за подаренную жизнь. Так танки один за другим были уничтожены. Пехота и офицеры бежали, а оставшиеся эовраны, перестав слушаться даже самых могучих эовинов, летели прочь, поражённые и испуганные мощью своего титанического собрата. Эрез был велик, словно олицетворение ненависти Раапхорста, и не поразиться его могуществу было невозможно. За самый короткий промежуток времени битва за Вольтат была выиграна Арпсохором, и конец войны теперь был как никогда близок.

– Только и всего, – Евгений улыбнулся. – Я рад, что многие бежали. Иначе, Эрезу пришлось бы убить всех и каждого.

Леон нахмурился.

– Этот монстр силён, – сказал он задумчиво.

– Не беспокойся, – догадавшись о мыслях друга, промолвил Раапхорст, – я не собираюсь держать его в этом мире подле себя, как ручного зверя. Рано или поздно, его придётся убрать. К тому же он... Что это?

Что-то почувствовав, Евгений осёкся и снова прильнул к подозрительной трубе. Немного повернув её вправо, мужчина пригляделся и недовольно пробормотал: «Эт-то ещё что такое? Кажется, этого я не планировал».

– Что ты видишь? – спросил Леон.

– Восточные ворота... Только что оттуда выехал странного вида танк. Не похоже, чтобы он принадлежал войскам Вольтата.

– Мне спросить об этом у Тенерана? – предложил Леон. Евгений утвердительно кивнул. Он и сам бы хотел поговорить с императором, но сейчас ситуация на поле боя требовала его ежесекундного внимания.

VIII

Тем временем, танк этот был ни чем иным, как оружием Франца Агелиха, вышедшим из под контроля. Ещё в начале недели, учёный подкупил нескольких стражей Вольтата, для того чтобы те помогли ему вывести танк за пределы города. Для бедного Франца это было непросто, но он готов был пойти на любые жертвы, лишь бы заслужить доверие императорской четы. По разумению Агелиха, вмешавшись в сражение в самый важный момент, он переломит ход битвы в пользу Арпсохора, и тогда его талант заметят. Это не только дало бы учёному возможность дальше проводить свои исследования, но и материальные средства для его самого главного проекта – воскрешения брата в полной мере, ведь монстр, живущий в танке Франца, когда-то был его родным братом, скончавшимся из-за неизлечимой болезни. Употребив весь свой гений, Агелих сумел частично восстановить его мозг, после чего поместил в искусственно выращенное тело. К сожалению, в этом существе более нельзя было разглядеть человеческую личность. Вместо неё Франц сумел вырвать из лап смерти лишь животную дикость и псионический потенциал. Неудача сильно подорвала здоровье Агелиха, но надежда на то, что однажды ему удастся вернуть из небытия родного человека, не дала ему сойти с ума.

Но теперь всё пошло прахом. В самый ответственный момент, когда учёный готов был вступить в бой, вмешалось двуглавое чудовище, и монстр, скрытый в танке, взбесился. Когда Эрез обратил врага в бегство, тварь, созданная Агелихом, вырвалась на свободу. Силой мысли прикончив учёного, оно повело танк на ненавистное создание, так не вовремя спустившееся с небес. Эрез, разозлённый и возбуждённый недавним сражением, тотчас почувствовал приближение угрозы. Его головы, покрытые чёрным длинным пером, встрепенулись и одновременно обратились к грохочущему танку; глаза птицеподобной твари налились кровью. До сих пор Евгений молчал и атаковать не приказывал, желая сначала удостовериться, что незапланированная атака не повредит интересам Арпсохора, но двуглавному монстру было всё равно.

Раскрыв кривые костяные клювы и расправив крылья, так что поле битвы почти наполовину потонуло во мраке, Эрез издал псионический рёв, и земля в паре метров от танка избороздилась и задрожала. Чудовище Агелиха спешно остановило танк. Внутри его металлической утробы монстр уродливой рукой снял с приборной панели нечто, напоминавшее переговорную рацию. Тотчас из башни танка выдвинулось шарообразное устройство, окружённое дисковидными пластинами. Вскоре оно завибрировало, и послышался мерзкий звук, заставивший Эреза отшатнуться. Двуглавое чудовище резко рванулось в сторону и, взмахнув могучими

крыльями, взмыло в небо. На высоте, вражеские пси-вибрации не так беспокоили его. Покружив над Вольтатом и слегка придя в себя, Эрез что-то прокричал на своём птичьём языке, видимо, собираясь вернуться к новому противнику.

– Ну что там? – как только Леон оказался в лаборатории, вскричал Раапхорст. – Что это за танк? Его можно атаковать?

Бывший служащий «Клингенрайс», едва дыша, неопределённо замотал головой.

– Никто ничего не знает об этом... Ни император, ни военный министр. Думаю, это какой-то манёвр Дексарда.

Черноволосый мужчина нахмурился. Он снова взглянул в подзорную трубу и с ужасом заметил, как Эрез мчится навстречу странному танку.

– Стой! – заорал эовин. – Не смей, глупая тварь! Стоять!

В тот же миг двуглавое чудовище изменило траекторию и пролетело в нескольких метрах от монстра Агелиха. То продолжало истошно выть.

– Это очень странно, – сказал Раапхорст. – Это нечто передаёт псиониические сигналы через техническое устройство.

– Невозможно, – прошептал Леон. – Добиться подобного невозможно. Ни одна из машин не способна транслировать пси-вибрации. Так, Раапхорст?

Черноволосый мужчина промолчал. Он внимательно следил за перемещениями своего творения и мысленно пресекал его попытки обрушиться на врага. Евгений понимал, пока нет чёткого плана, атаковать бессмысленно и опасно.

– Ты прав, – промолвил Эовин. – Только если в механическую структуру не интегрирована структура живая, биологическая. Ведь существуют же палачи, объединяющие в себе плоть и металл. Думаю, здесь тот же принцип. Помимо этого, в нашем случае присутствует какое-то хитрое ретранслирующее оборудование и вместо человеческой плоти – плоть Эовина.

– Немыслимо.

– Неважно, – Раапхорст пожал плечами. – Если это не часть армии Арпсохора, его можно нейтрализовать и использовать в своих целях.

– Твой монстр справится? – Леон не отрывал взгляд от Евгения. Тот после короткой паузы ответил: «Мы попробуем. Физические атаки, я думаю, бессмысленны, а потому мы ударим пси-волной».

Раапхорст закрыл глаза и мысленно передал приказ Эрезу. Тот, преодолевая боль, причиняемую вражеской атакой, начал медленно снижаться, и тень от его крыльев и тела становилась всё больше. Вскоре ступив на землю, птицеобразная тварь обратила головы в сторону танка и взвыла так громко, что её вопль перекрыл мерзкие вибрации чудовища Агелиха. Танк вздрогнул и, вдруг оторвавшись от земли и прокрутившись в воздухе, рухнул на правый бок. Ретранслирующее устройство на его башне ударилось о замёрзшую ледяную корку и вышло из строя – мерзкий визг прекратился.

– Не так сложно, – заметил Леон. – Я думал, нам придётся

повозиться. Сегодня всё идёт, на удивление, хорошо.

– Как знать... Ведь это только начало. Помнишь, что я говорил вчера по поводу этого сражения? Так вот, я был неправ. Наш главный враг – не Дексард и не Атерклефер, а тот, кого зовут Эйрих фон Сфорце. Немедленно иди и объяви господину и госпоже Альстрайм, что мы отбываем. Нам предстоит битва гораздо более опасная... Разбить войска Дексарда было несложно, нейтрализовать этот странный танк – ещё проще, но что нас ждёт в «Кригард» мне неизвестно, и думается, победить монстра, засевшего в стенах концерна, будет проблематично. Но мы попытаемся.

IX

– Они уже здесь, – Реза улыбнулась. – Милый Коби предал нас, а ведь ты ему так доверял. Жаль... Теперь к нам явились, по меньшей мере, двадцать хорошо обученных боевых эвинов и... Какая-то милая зверюшка, о происхождении которой я не могу судить до того, как вскрыю её.

– Может быть, так будет даже лучше, – бледный мужчина покачал головой. – Раз уж шпионы доложили о падении сил Дексарда, мы самостоятельно захватим Вольтат. Уничтожив основную силу Арпсохора, самостоятельно явившуюся к нам, мы освободим себе путь. Может быть, даже приобретём друзей.

Головной корпус «Кригард» возвышался над землёй сложной фигурой, напоминавшей нагромождение металлических прямоугольников исполинских размеров. Евгений заметил его издалека, когда самолёт, несший по небу его и двадцать избранных эвинов, достаточно сильных и смелых для предстоящей битвы, вдруг задрожал, влетев в воздушную яму. Черноволосый мужчина слегка толкнул Леона, сидевшего рядом, и мысленно произнёс: «Почти на месте. Если, конечно, Коби ничего не напутал».

– Или не предал нас, – во всю мощь своего горла прокричал Леон. – Быть может, это один большой план того самого... фон Сфорце.

Раапхорст улыбнулся.

– Это был бы весьма смелый ход с его стороны. Впрочем, возможно, ты прав, и всё, что сейчас происходит, было заранее спланировано, а мы лишь играем предназначенную для нас роль, сами того не осознавая.

Самолёт летел всю ночь и только под утро, когда облака рассеялись и солнце поднялось из-за горизонта, достиг цели. Боевые эовины, серьёзные и молчаливые, облачённые в тёмную форму, мрачно поглядывали на приближающуюся громаду логова фон Сфорце. В эти моменты, полные напряжения, Леон был особенно благодарен Раапхорсту за его решение оставить Невелис во дворце Альстрайм. Только сейчас Граф понял, насколько опасное им предстояло дело – даже сейчас в тысячах метрах от страшного здания эовин ощущал мощь тех, кто обитал в нём.

– Итак, – произнёс Евгений, – судя по всему, мы на месте. Всем приготовиться! Если нас попытаются сбить, будем отражать атаки. В случае чего, нам поможет Эрез.

Никто не видел чудовищного орла с момента вылета, но каждый член боевой группы чувствовал – монстр где-то рядом. Летит ли он разительно выше или же несётся в паре метров над землёй, сказать было нельзя, но ни у кого не возникало сомнений в том, что тварь, созданная Раапхорстом,

не отстаёт от самолёта. Мужчины согласно кивнули, не отрывая глаз от странного здания. Атаки можно было ожидать в любой момент, однако, ничего, предвещающего угрозу не происходило. В следующие несколько минут, вопреки всеобщему ожиданию, сирена не взвыла, из стен исполинского строения не выдвинулись стволы орудий, внизу не выстроилась многотысячная армия, словом, казалось, абсолютно ничто не препятствовало вторжению эовинов.

– Нас ждут, – Раапхорст понимающе кивнул. – Если бы я был уверен в своих силах, я бы поступил так же.

Несколькими минутами позже самолёт стал снижаться и вскоре приземлился на площадь, вымощенную серым потрескавшимся камнем, перед центральными воротами «Кригард». Выйдя наружу, Евгений, Леон и боевые эовины короткими перебежками устремились ко входу на территорию офиса. Пока они двигались, в небе, меж облаков, возникло чёрное пятно. Оно перемещалось, увеличивалось в размерах, приближалось, и вскоре Эрез, спустившийся на землю, стоял рядом с покинутым самолётом. Повернувшись в сторону создателя, двуглавый орёл издал мерзкий звук, и Евгению пришлось мысленно приказать ему оставаться на месте – время чудовища ещё не пришло.

Распахнув створки металлических ворот, мужчины оказались в начале странного вида парка, бывшего то ли строительной площадкой, то ли индустриальным полигоном. По обе стороны от каменной тропы располагались глубокие

провалы, чьи края были обшиты проржавевшим железом. Из каждой ямы доносился запах машинного масла, ржавчины и чего-то ещё, прогорклого и кислого. Эвины осторожно заглянули вглубь непонятных дыр, но ничего не увидели. Единственное, что они поняли – дно каждой ямы было залито машинными отходами. Кроме того, чуть поодаль, за каждой дурно пахнущей каверной возвышались установки, напоминавшие металлические башни, во внутренней части которых, сквозь балки спаянного железа, проглядывались массивные прессы.

Впереди, в самом конце безжизненного парка, находился первый, самый низкий из всех корпусов офиса, вход в который соседствовал с прямыми ровными колоннами. Отворив тяжёлую дверь, Раапхорст и его свита вошли внутрь. В холле, где они оказались, царил мягкий полумрак. Слабый свет, проникающий внутрь через окно в южной стене, едва выхватывал из мрака громадную, закрученную под углом деревянную лестницу, книжные шкафы, белые с узорчатой росписью плафоны электрических ламп и балкон второго этажа, нависавший где-то у потолка. Пришельцы не успели оглядеться, как вдруг раздался мягкий голос.

– Невероятно! – Реза улыбалась, сидя на перилах внутреннего балкона. – Вы уже здесь! Как долго мы вас ждали!

Девушка помахала рукой, после чего в пространстве, словно шутливое предупреждение, раздалась подвижная псионическая вибрация, имитирующая струнные переборы.

Боевые эовины, ощутив в этих звуках враждебность, вмиг вскинули руки, и несколько предупредительных тетра-волн взмыли вверх. Тиен играючи слетела с балкона и приземлилась перед атаковавшими воинами.

– Что же вы так неласково? – её глаза лучились весельем. – Ведь я даже не притронулась к вам.

– Назад! – вскричал Леон. – Не подходи, иначе...

Он обернулся к Евгению, желая узнать его мнение. Но черноволосый мужчина ничего не добавил.

– Иначе что? – рассмеялась Реза. В её глазах мелькнул злой огонёк. Сейчас в противовес своему внешнему виду девушка ощущала злобу, смешанную с извращённым чувством юмора, и предвкушение бо́йни раззадоривало её садистскую натуру. Ещё немного, и Тиен, словно обезумевший зверь, напала бы на солдат Арпсохора, но тут случилось нечто неожиданное.

– Как вас зовут? – спросил Раапхорст, и присутствующие поразились его спокойствию. Слова Евгения были почти ласковы, словно эовин говорил не с врагом, а с самым дорогим другом. В холле повисла тишина. Евгений выступил из-за спин солдат и неторопливо подошёл к Резе.

– Моё имя Реза Тиен. Принцесса трансцендентной пропасти, первый советник Эйриха фон Сфорце и та, кто фактически одержал победу в битве при Лайде, – девица шутливо раскланялась. Раапхорст улыбнулся и более внимательно оглядел Резу. Её волосы, завитые в локоны, чёрное платье

с оборками и талия, стянутая корсетом, придавали облику странной особы нечто неестественное, словно та следовала моде иного времени и иного государства. Мужчина подумал, что это хрупкое создание хранит немало секретов, впрочем, узнать о них было не в его власти.

– Евгений Раапхорст, – представился эовин.

– Раапхорст? – протянула Реза. – Не твой ли родственник сейчас сидит в камерах в подвале? Ах, можешь не отвечать, всё и так понятно. Что ж, полагаю, вы явились за ним?

Евгений и Леон переглянулись.

– Нет? Значит, вы пришли за мной и Сфорце? Самонадеянно, но весьма мило.

«Мы задержим её, – мысленно сказал кто-то из боевых эовинов. – Судя по всему, она сильна, но в одиночку против нас она не сможет выстоять. Идите дальше, найдите врага. Уничтожьте его».

Раапхорст безмолвно согласился. Он приблизился к Резе и произнёс: «Мы не можем говорить дольше. Вы имели неосторожность пленить моего брата и диктовать свою злую волю Фраосу в течение десятилетий. Более этого терпеть мы не будем. Прощайте».

Эовин прошёл мимо Резы, следом за ним последовал Леон. Когда мужчины готовы были скрыться в тёмном арочном проёме, девушка ответила: «Ступайте. Представим, что вы победили. Эйрих ждёт вас в зале заседаний, на пятом этаже».

Дальнейший путь почти не отпечатался в сознании Евгения. Мужчина запомнил лишь несколько мрачных коридоров, лестничные пролёты, сломанный лифт, которым нельзя было воспользоваться, и несколько комнат, ни одна из которых не являлась залом заседаний. Как именно эвины нашли нужную дверь, Раапхорст не знал; позже он предположил, что он и Леон попали под действие пси-волн настолько могучих, что почувствовать их было просто невозможно. Именно они и привели мужчин к нужному месту.

Заметив серую металлическую дверь, друзья распахнули её и оказались в просторном зале с куполообразным застеклённым потолком. Придя в себя, они осмотрелись. В середине комнаты находился тёмный протяжённый стол, за которым не единожды собирался совет правления «Кригард». Кресла, в которых сидели жадные старики, теперь были разбросаны по сторонам – некоторые из них чудом продолжали стоять на трёхногих основаниях, другие лежали опрокинутые со сломанными подлокотниками и треснувшими спинками. Судя по всему, здесь случилось что-то ужасное, однако, эвины не долго размышляли над этим. В конце помещения, у панорамного окна в тусклом естественном освещении они заметили молодого светловолосого человека. Тот стоял и разглядывал явившихся мужчин. Казалось, он изучал их, а потому не хотел беспокоить, ожидая, когда те сами смогут его обнаружить. Почувствовав напряжение, смешанное со страхом, эвины отошли на пару шагов. Евгений нахму-

рился, Леон принял боевую стойку по старой памяти. В его глазах сверкнул гнев, и безмолвный человек усмехнулся. Раапхорсту это не понравилось. Какое-то внутреннее чувство подсказывало ему: перед ними стоит не простой человек, а средоточие чудовищного могущества, существо, вместившее в себе столько силы, что довольно было одного лишь его взгляда, и любое противостояние завершится, даже не начавшись.

– Итак, наконец-то вы пришли. Меня зовут...

– Эйрих фон Сфорце, – перебил Леон. Он не спускал глаз с бледного человека, готовый в любой момент отразить внезапную атаку. Однако, тот не думал нападать. После дерзких слов Графа он лишь шире улыбнулся.

– Может быть, теперь вы представитесь? – промолвил он. – Я, конечно, понимаю, сейчас не время для любезностей, но всё же...

Леон промолчал. Черноволосый мужчина же после короткой паузы произнёс:

– Евгений Раапхорст.

Глаза Сфорце блеснули.

– Значит, это ваш родственник уже несколько месяцев гостит у меня? Поистине неслыханная удача!

Сфорце развёл руками и неторопливо зашагал к эовинам. О, как в этот момент они хотели броситься прочь, бежать как можно быстрее, лишь бы не видеть это бледное создание, медленно приближающееся к ним! Однако, ни Евгений,

ни Леон не побежали. Подавив приступы паники, они терпеливо ждали, когда Эйрих подойдёт. Тот же, будто чувствуя страх своих гостей, вышагивал медленно и лениво.

– Где он? – спросил Евгений. – С ним всё в порядке?

Эйрих покачал головой.

– В моих глазах он крайне ценен, потому причинять ему вред мне не с руки. Кстати, вы тоже меня крайне заинтересовали. Мои шпионы в Дексарде доложили о некоем талантливом биологе, создавшем птиц, наделённых силой эовинов. Полагаю, это вы.

– Именно. Но ни Максим, ни я помогать вам не станем!

– О, вы догадливы. Жаль, рубите с плеча... – произнёс Эйрих. – Я вижу, вам кое-что известно обо мне. Откуда?

– От Коби Ацфела. Его рассказы были весьма красочны, – сплюнув на пол, ответил Леон.

– Вот оно что... Теперь всё понятно, – Сфорце улыбнулся. – Против меня вас настроил этот бедный мальчик. Забавно. Но если бы вы только знали, к чему я стремлюсь и какого будущего желаю этому миру... Быть может, вы отнеслись бы ко мне иначе...

– По словам Коби в вашем будущем не может быть ничего хорошего, – пытаюсь звучать, как можно спокойнее, произнёс Евгений. – Он довольно ярко описывал обрывки ваших идей, о которых имел несчастье получить некоторое представление. Думаю, в таком случае его предательство логично.

Сфорце остановился. Он внимательно посмотрел на Евгения, отчего тому стало вдвойне жутко, и предложил сесть. Тотчас к Раапхорсту само по себе придвинулось одно из кресел, и черноволосый мужчина сел.

– Возможно, вы правы, – ответил Эйрих. – Однако, вы сами сказали, что Ацфел уловил лишь обрывки моих идей, а потому мог не совсем правильно понять их и в дальнейшем передать вам. Если вы согласны, может быть, желаете узнать о моих истинных намерениях? Я так понимаю, вы пришли сюда явно не с миром, а скорее даже с желанием стереть меня и «Кригард» с лица земли. Признаюсь, я не терплю насилия. Понимаю, что без него никуда, но не терплю. Поэтому сейчас искренне хочу переубедить вас. Незачем проливать кровь невинных. Я о ваших людях внизу. Реза, наверняка, с большим удовольствием отправит их на тот свет. Так как? Вы будете слушать?

Евгений кивнул.

– Буду. Но сначала пообещайте, что дадите увидеться с братом!

– Всё что угодно, если вы в свой черёд дадите шанс оправдаться, – Эйрих усмехнулся и, заметив, что Раапхорст удовлетворён таким ответом, продолжил:

– Несовершенство нашего мира, полагаю, вы видите не хуже моего. Не так ли?

– Допустим.

– Прекрасно. Пусть вы и совершили глупость, явившись

сюда, но глупым человеком не являетесь. Раз так, с вами можно говорить. Дело в том, что перед вами стоит потомок людей, некогда уничтоживших так много доброго, что становится страшно от одной мысли об этом. Я же в пику своим предкам хочу сохранить то, что ещё можно спасти и более того... Я хочу показать человечеству путь к бессмертию, к вечности, где нам не будет дела до боли, страха, сомнений, страсти, любви и смерти. Вижу, вы настроены скептически, но выслушайте меня и всё поймёте. Скорее всего, юный Коби рассказал вам кое-что о моём происхождении, напомнил о событиях далёких лет. Правда? Ну, я так и знал. Моя семья совершила слишком много преступлений, чтобы их можно было искупить, но дело не в чувстве вины. Мои родичи своими действиями досадили, в первую очередь, мне. Мало хорошего в жизни на обугленной земле, не так ли? Мне не нравится время, в котором я живу: слишком много жестокости, алчности, глупости. Но чем продиктовано такое положение дел? Что всему виной? Может быть, выскажите своё мнение?

Раапхорст, почувствовав досаду, произнёс:

– Люди.

– Теперь я окончательно убедился: вы мало того, что не глупый, но и проницательный человек. Человек, близкий мне по духу.

– Едва ли...

– Возможно, я смогу вас переубедить. Итак, вы сами признали, что проблема в людях. Но что в таком случае

делать? Перевоспитывать, подчинять, может быть, истреблять? Нет... Слишком радикально, глупо и неестественно. Мир, построенный на запугивании и попытках втиснуть богатую на противоречия человеческую натуру в узкие рамки логики одного человека, например, моей логики – это фантазии из разряда книжных антиутопий минувших столетий.

– Так что вы предлагаете? Если нельзя вмешиваться, значит, вы хотите косвенно повлиять на общество.

– Вот! – радостно воскликнул Эйрих. – Ваша ошибка в том, что социум, общность людей, будь то семейная ячейка или целое государство, вы воспринимаете как нечто естественное, нечто правильное и конечное. Будете спорить?

– Вы говорите странные вещи. Существует известная истина: человек – существо социальное. Этот закон диктует природа и стремление к жизни. Отрицать это нельзя.

– Конечно, – Сфорце кивнул. – Но разве вас не посещала мысль о том, что общество и общественное бытие человека, какое мы видим сейчас, лишь путь к чему-то большему? Подумайте, ведь это простая мысль. Миллионы лет мы развивались, совершенствовались, придумывали и улучшали способы коммуникации, устройство совместной жизни, но сейчас попали в тупик. Не будем рассуждать о причинах, это займёт слишком много времени. Очевидно одно: история человечества должна продолжиться, но продолжиться иначе, чем до сего момента. Каким образом? Представьте мир без связей меж людьми, мир, где не будет, ни семей, ни

любовных связей, ни прикосновений, ни каких-либо других контактов. Стерильный, чистый мир одиночества и истинного наслаждения. Мир космических фантазий, мир грёз, где каждый из нас станет подобен богу. Вот к чему я стремлюсь, вот о чём мечтаю.

Евгений побледнел.

«Уж не сошёл ли он с ума?» – подумалось ему, но для сумасшедшего Эйрих был слишком спокоен. В его глазах не мелькало жутких огней, лицо не искажалось при каждом слове, напротив, фон Сфорце производил впечатление адекватного человека, если не брать во внимание его речи.

– Объясните, – попросил Евгений. – Пока что отличить ваши слова от бреда я не могу.

– Простите, если затянул и усложнил свои объяснения. Я человек увлекающийся. Позвольте вкратце описать дальнейшее развитие событий. Это всё прояснит. После того, как мы поговорим, я направлю все подвластные мне силы в Арпсехор. Он, разумеется, падёт. Дексард, потерпевший поражение, тоже станет моим. Далее...

– Мировая экспансия! – вмешался Леон, побагровев от гнева. Он собирался кинуться на Сфорце с кулаками, но Евгений мысленно удержал друга.

– Совершенно верно, – Эйрих щёлкнул пальцами. – Когда моя власть станет неоспорима, я приступлю к воплощению мечты. Вы удивитесь, но произвести мгновенную эволюцию, поставить человека на следующую ступень техниче-

ски проще, чем кажется. В данный момент такая технология почти завершена. Только подумайте, за жалкие доли секунды пси-составляющая человека отделится от его тела, направится в Вайрос, где чистая воля и эго замкнутся сами в себе и образуют субреальность, полностью подвластную личности. Иными словами, материальное потеряет смысл, алчность человека перестанет довлеть над ним, Земля очистится от нашего присутствия и, вместе с тем, никто не погибнет. Никто, кроме тех, кто не сможет выжить в Вайросе. Но те, кто смогут пойти за мной, навеки получат в распоряжение собственный рай. Конечно, многих такая власть испортит, но будет уже поздно – даже став чудовищами, они не смогут навредить другим, ведь однажды замкнувшись в субреальности, они никогда не смогут покинуть её. В этом, собственно, и заключается программа будущего мироустройства.

Сфорце скрестил руки на груди.

– Вижу, мой рассказ взволновал вас. Что ж, это ожидаемо. Придите в себя и ответьте, станете ли вы частью моей мечты? Присоединитесь ли ко мне? Поможете ли запечатать зло само в себе? Решайтесь, я подожду.

Бледный зовин хотел было на время удалиться, но Раапхорст не дал ему этого сделать.

– Но что будет с вами? Едва ли вы захотите стать пленником собственных иллюзий, – сказал он.

– Отнюдь, – Эйрих покачал головой. – Я, как и все, кто вознамерится следовать по этому пути, стану частью соб-

ственного проекта. Не беспокойтесь, меньше всего я хочу обманывать. В моём представлении ложь – не самый лучший инструмент.

– Даже так... – глаза Евгения блеснули. – Даже так я никогда не стану помогать вам. Довольно смертей! Вы рассчитываете достигнуть желаемого, принеся в жертву тысячи и сотни тысяч жизней, но ваша цель неправдоподобна, ваши методы чудовищны! Никогда не будет существовать мир, подобный тому, что вы описали, так и знайте! Он не для людей, он для бесполох, отрешённых ото всего на свете созданий, без чувств и души. И если я помогу вам в его создании, то никогда не смогу простить себя, даже если ваша утопия и утвердится! Да, люди слабы, глупы и жестоки, но не все. Вы высказали свой взгляд на вещи, теперь послушайте, что думаю я. Не бывает ничего бессмысленного, пустого или окончательно негативного, ведь там где заканчивается зло – начинается свет и добро. Даже самый ужасный человек имеет право на существование, так как своим злом он уничтожает не только людей добропорядочных, честных, достойных, но и подобных себе. И, кроме того, рано или поздно люди, одержимые злом, своими действиями вызывают из небытия натуры чертовски сильные и смелые, способные повести слабых против тирании и бесчинств. Возможно, в этом и заключается суть существования Человека – борьба. Не война и кровопролитие, а битва внутри души. Если в человеке верх одерживает добро, он способен заразить своим примером бесчис-

ленное количество людей, поддержать их, зажечь в их сердцах огонь.

Раапхорст говорил и сам не понимал, откуда в нём берутся эти слова, полные надежды. Ещё совсем недавно, стоя на вершине башни дворца в Вольтате, он рассуждал иначе. В его мыслях не было спасения, не было света, но сейчас всё изменилось. Тон Сфорце – уверенный и спокойный, вывел черноволосого мужчину из себя, и теперь он всеми силами пытался зацепиться за давно утерянную веру в человечество.

– Что с того? – Эйрих удивлённо посмотрел на Евгения. – Вы думаете, это хоть чего-то стоит? А не приходило ли вам в голову, что не все люди бывают благодарными и благородными? Ведь бывает так, что самого великого вождя, украшенного всеми известными добродетелями, его же соратники предают и забывают. Они делают это из-за слабости, неспособности возлюбить в ответ. Сколько света ни дай – этой бездне всё мало! Что ответите на это?

Евгений беззлобно усмехнулся.

– Сам факт того, что на миллион чудовищ в людском облики приходится один праведник, уже внушает надежду. Быть может, мои слова лишены смысла, но теперь меня это не волнует. Я знаю только одно и уверен только в одном – нам с вами не по пути.

Эйрих вздохнул. Его глаза наполнились грустью.

– Понятно, – сказал он. – Но раз так... Что будет дальше? Надеюсь, вы понимаете, что просто так я вас не отпущу. Вра-

ги, безусловно, добавляют игре интерес, но далее множить проблемы я не хочу.

– Мы были готовы к этому, – Леон улыбнулся, полный силы и злобы. – Не думай, что напугаешь нас громкими словами. Может, ты чего-то и стоишь, но я поверю рассказам Коби, лишь когда сам увижу твоё могущество!

– Подожди, Леон! – вскричал Раапхорст и подошёл к Сфорце. – Как же мой брат? Вы обещали устроить нашу встречу!

Тот пожал плечами.

– Теперь он единственный способ воздействия на вас. Вы и он не станете частью моего плана по отдельности, но вместе... словно детали одного механизма, вы дополните друг друга и сможете дать мне требуемый результат. Я вижу, вы печётесь о нём, и он, наверняка взволнуется, узнав о том, что вы в моей власти. Крайне удачно.

– Вы... ты не посмеешь! – взгляд Раапхорста стал страшен. – Ты не посмеешь шантажировать ни его, ни меня! Не забывай, что мы не потеряли возможность сопротивляться!

– Что ж, – Эйрих закрыл глаза, – значит, мне нужно лишить вас её. Пусть, я и не люблю насилия, но иногда оно является единственным рычагом воздействия. Реза, ты можешь начать...

Мысленная волна громом пронзила пространство. Тотчас внизу, в холле, где мужчины оставили боевых эовинов, раздались крики. Вопли, полные страха и боли, перемежались

псионическими вибрациями, ударами, из-за которых содрогались стены, и странным смехом. Смехом, который разрывал воздух, который проникал повсюду и был слышен на громадном расстоянии. Смех, явно принадлежавший не человеку, смех, бывший дьявольским, потусторонним свидетельством близости принцессы.

Реза расправилась с солдатами Арпсохора слишком быстро, чтобы удовлетвориться сполна. Краткое сражение, в ходе которого девушка не получила ни одного удара, не подарило Тиен желаемого наслаждения, и та решила икать его вне стен «Кригард». Она ощущала нечто громадное и великое, наполненное первобытной жестокостью и жаждой крови, нечто настолько сильное и могущественное, что близость его заставляла принцессу вздрогнуть от предвкушения – предвкушения скорой бойни. Сфорце был не против, а потому, в последний раз взглянув на трупы поверженных солдат, Реза двинулась прочь. Выйдя из здания, девушка огляделась – впереди простирался уродливый парк, за воротами находился самолёт, покрытый тёмно-зелёной краской, но источника псионических колебаний, которые Тиен ощущала с момента прибытия вражеских солдат, не было. Взглянув на небо, пасмурное и безмолвное, Реза раскинула руки, словно пригвождённая к кресту, и на её запястьях сами собой возникли браслеты из колючей проволоки. Над головой принцессы засиял металлический нимб, и пространство огласилось звуком пробившего колокола: Тиен зывала к чудовищу. В

ответ где-то позади девушки раздался злобный животный крик, столь мощный, что он напомнил Резе на уровне генной памяти об ужасе, какой был испытан не одним поколением людей. Об ужасе кровавом, уродливом, искажённом и смертельном.

– Невероятные ощущения, – прошептала Реза. – Ради этого стоило жить столько лет...

Она неторопливо обернулась и в тот же миг её зрачки расширились, и с уст сорвался возглас удивления. Выглядывая из-за угла центрального корпуса «Кригард», в её сторону были обращены две дьявольские головы на длинных чёрных, покрытых пером, шеях. Четыре тёмных бардовых глаза, казалось, смотрели сквозь принцессу, на её душу или же на тот бездонный провал, что её замещал. А Тиен не шевелилась, замороженная, заинтересованная, раздавленная величием Эреза, его чудовищной красотой.

– Так вот какой ты, – с благоговением проговорила Реза. – Ты прекрасен!

Она не успела продолжить: орёл, невзирая на бездействие Тиен, произвёл резкое движением, и, лапой вырвав, из стены здания крупный каменный обломок с металлической арматурой, метнул его в девушку. Та не уклонилась. Камень размозил её голову, и псионическая вибрация стихла, но не прошло и минуты, как вдруг каменный обломок поднялся в воздух. Тиен, изуродованная, но живая, улыбнулась окровавленным ртом и произнесла:

– Но сколько бы ты ни был прекрасен, я либо подчиню тебя, либо уничтожу.

Орёл взревел от злобы. Взмахнув крыльями и обдав мощной воздушной волной девушку, он взмыл в небо. Реза подняла руку, и на её зов из самых мерзких чертогов безумия явился механизированный ангел. Он возник из ниоткуда и, издав скрежещущий звук, устремился вслед за Эрезом. Пространство исполосовали жирные дымные следы: чем выше поднимался монстр Раапхорста, тем протяжённее становились полосы, оставляемые дьявольским преследователем.

Летая меж облаков на чудовищной высоте и обмениваясь редкими тетра-ударами, демонические создания, казалось, выжидали подходящий момент для серьёзной атаки. Они не сближались, не сталкивались телами, а продолжали бить издалека. Тиен, способная видеть всё в малейших деталях даже на громадном расстоянии, с интересом наблюдала за начавшимся сражением. Её раны затянулись, и теперь, прекрасная и ужасающая, она ждала, чем это спонтанное столкновение продолжится. Но монстры по-прежнему выжидали, и принцесса решила взять инициативу в свои руки. Сосредоточившись, она мысленно произнесла: «Огонь». В тот же миг механизированный демон замедлился, и авиационные двигатели на его крыльях начали видоизменяться. Винты с грохотом отсоединились и рухнули куда-то вниз, на их месте остались черные дыры, из которых вскоре наружу выдвинулись странные металлические вибрирующие горбы. Через пару

секунд они раскрылись, словно бутоны, и внутри них появилось оранжевое свечение.

Эрез продолжал лететь. Неизвестно, что творилось в его разуме, но чудовище не торопилось переходить в открытое наступление. Быть может, им руководил инстинкт самосохранения, или же монстр, в недавнем сражении с чудовищем Агелиха, кое-чему научился. Как бы то ни было, в это мгновение он почувствовал, что позади него происходит что-то неладное. Не сбавляя скорости, двуглавое создание спикировало, надеясь, что это поможет и неизвестная опасность минует, однако, механизированному ангелу было всё равно. Открыв мерзкую пасть, он издал свистящий оглушающий звук, и из его крыльев вырвались две струи ревущего пламени. Был ли то воспламенившийся газ или огонь самой преисподней, он в одно мгновение преодолел расстояние в сотню метров и едва не задел Эреза. Тот спасся только потому, что в самый последний момент снова изменил траекторию полёта. Пламя, гремящее, словно адские жернова, лишь слегка обдало его жаром. Иное существо было бы уничтожено, но Эрез, судя по всему, защитился псионической завесой.

– Он экранируется, – произнесла Тиен. – Этот бой будет интересным. Надеюсь, Сфорце так же весело, как мне.

Немного подождав, девушка снова приказала ангелу атаковать, и небо вновь пронзил ослепительный столб пламени. Эрезу и в этот раз удалось увернуться, но его силы иссякали, так что нельзя было предугадать, сможет ли он повторить

этот манёвр, или же адский огонь бездушного посланника Резы настигнет двуглавого орла. Но девушке наскучили однообразные атаки, и она мысленно повелела ангелу снижаться. Вскоре он застыл в двух метрах над землёй, уродливый, инородный, чужой. Реза, не обращая на него внимания, продолжала следить за Эрезом. Орёл, заметив, что преследователь исчез, немного покружил в облаках и вдруг ринулся к корпусу «Кригард». Сосредоточившись, монстр на лету раскрыл пасти, и, разглядев, Резу и ангела, издал колоссальный псионический рев. Дьявольская волна раскалила воздух и на невероятной скорости устремилась к принцессе. Та, стояла, не двигаясь.

– Что ж, – сказала она, – даже мои зверушки не справятся с этим монстром в одиночку. Раз так, следует объединить усилия.

После этих слов земля рядом с ангелом задрожала, и на свет божий из безымянной каверны показалось омерзительное чудовище с детской безжизненной головой и телом сколопендры, то самое, что Реза использовала в битве с Максимом Раапхорстом. Стремительно перебирая чёрными ножками, оно взгромоздилось на ангела и принялось рвать его на части. Закончив, оно в пару мгновений обвило его тело, и Реза радостно улыбнулась. Она щёлкнула пальцами, и порождения её безумия слились воедино в богомерзкой метаморфозе, но было слишком поздно. Тетра-волна Эреза настигла принцессу, и здание офиса «Кригард», содрогнувшись,

пошло трещинами. Раздался оглушающий взрыв, и на месте, где только что стояла Реза, остался громадный котлован. Ни девушки, ни монстра...

Двуглавый орёл продолжал снижаться, испытывая неутихающую жажду крови, как вдруг что-то тёмное стремительно взмыло в небо. Эрез, едва успев увернуться, взревел от гнева: его враги были живы. Нечто поднималось ввысь невероятно быстро, рассекая пространство своим несуразным, омерзительным телом. Лишь когда оно остановилось, орёл сумел разглядеть его. Это было создание, сбежавшее из закоулков сознания безумца, истинное порождение ночных кошмаров, столь гротескное, столь ужасное, что даже в душе Эреза, на мгновение проснулся страх. Дьявольский гибрид машины и насекомого, демона и ангела с детским лицом, чёрной титанической громадой навис над двуглавым орлом. Тело чудовища – жестокая насмешка над здравым смыслом напоминало тело человека, но было распухшим и кривым, обшитым металлическими листами. Грудной отдел монстра был испещрён крупными дырами, подобными тоннелям, сквозь которые проглядывали провода, трубы и артерии, наполненные чем-то густым и красным. Голова демона напоминала голову насекомого со множеством жвал, выростов, острых зубцов, но была отчего-то красного цвета. Вместо рук из отвратительно туловища свисали длинные металлические трубы с заострёнными концами. За спиной нечто торчали привычные авиационные крылья, и из их двигате-

лей валил густой чёрный дым. Изредка в нём мелькали красные искры. Спина монстра представляла собой нечто, напомиравшее кресло мотоцикла. В нём, держась руками за металлические выросты, сидела Реза Тиен. Она с ликованием смотрела на Эреза, чувствуя его страх.

– Видишь ли, – произнесла она, словно орёл мог понять её, – в моей жизни не было великих желаний и стремлений, ведь я родилась, чтобы служить. Но даже в моём сердце теплились надежды, тайные мечты. Мечта о небе и мечта о ребёнке... Теперь я вспоминаю об этом с усмешкой, но продолжаю призывать своих демонов из тайных уголков разума, чтобы дать им порезвиться и искромсать что-то помимо моей души. Тебе повезло: ты видишь то, что видеть смертному существу не приходилось и не придётся. Смотри внимательно, ведь именно титан моих павших надежд, станет твоим палачом, и его столь чудовищный образ ты заберёшь с собой на тот свет...

Но орёл не стал ждать, когда полумеханический дьявол атакует. Мобилизовав последние силы, Эрез издал вопль, и мощная псионическая волна, вырвавшись из его клювов, взмыла в серое небо. Она ударила в дырявую грудь монстра, и то вскричало голосом, достоверно описать который невозможно: то была смесь из всех доступных частот, визгов, скрежета, животных и человеческих голосов, машинного гула и чёрт знает чего ещё.

Едва совладав со страхом, Эрез атаковал вновь. Казалось,

он понимал, что нужно бить, пока враг не успел оправиться, пока раны на его богомерзком теле не затянулись. Не теряя ни секунды, орёл создавал всё больше тетра-волн, разбивал, дробил, сжигал тело своего ужасающего врага, а тот продолжал кричать и метаться в потемневшем небе. Дым жирными клубами окутал чудовище Резы Тиен, раздалось несколько взрывов, и красная жидкость вязкими ручьями стала вытекать из разорванных труб. Монстр Раапхорста чувствовал, что ещё несколько атак, и с его врагом будет покончено, как вдруг, тот перестал визжать, и его металлические отростки устремились к Эрезу. Тот торопливо взмахнул крыльями, желая увернуться, но механические когти оказались быстрее. Сомкнувшись на теле орла, они щёлкнули, и жвалы на голове чудовища Резы пронзили тело двуглавой птицы.

– Ты неплохо постарался, – заметила девушка, – но этого мало. Ты существуешь в реальном мире, моё же творение балансирует между настоящим и субреальностью, а значит, не подчиняется законам, которым подчиняешься ты. Тебе не победить. Вскоре от тебя останутся лишь изуродованные клочья мяса, и изменить этого ты не в силах. Просто наслаждайся моментом.

Двуглавый орёл с ненавистью смотрел на светловолосую девицу, а та нахально ухмылялась, чувствуя, как жизненные силы покидают Эреза, с удовольствием наблюдала за тем, как он пытается вырваться из металлических объятий, как дёргается его грудь, как когтистые лапы упираются в металли-

ческое тело чудовища, и всё тщетно!

«Сфорце пропустил кончину поистине грандиозного создания. Что ж, надеюсь, он не слишком расстроится. В конце концов, я всегда могу поделиться с ним собственными воспоминаниями», – мелькнуло в сознании Резы. Она поддержала двуглавого орла ещё немного и вскоре приказала монстру отпустить его. Тело титанической птицы, словно камень, рухнуло вниз. Его крылья более не двигались, шеи были сломаны и в глазах, стеклянных и безжизненных, застыло выражение подлинного ужаса.

– Кажется, самое время вернуться к Эйриху, – произнесла принцесса. – Я от души повеселилась, но далее оставаться здесь нет смысла.

Вскоре Реза оказалась на земле, подле трупа птицы, и приказала своему монстру исчезнуть. То пропало в единое мгновение, стоило девушке лишь моргнуть. Она порядком устала и теперь, приняв свой привычный облик, ощутила тяжесть во всём теле.

– Надо же, – ухмыльнулась она, – оказывается, даже для меня такие нагрузки ненормальны. Что ж, если бы у меня было больше практики, возможно, я бы чувствовала себя лучше.

Девушка вздохнула и, отряхнувшись, зашагала к корпусу повреждённого офиса. Её миссия была выполнена, и теперь, когда стихли последние звуки сражения, Тиен ощутила что-то вроде грусти. В её жизни было достаточно насилия, крови

и боли, но столь грандиозные столкновения были чертовски редки.

– Жаль, что всё произошло так быстро. Я бы предпочла более длительную игру, но что поделать... Радует только одно: после того, как Арпсохор станет нашим, Эйрих пойдёт дальше и возьмёт меня с собой. Мы преодолеем все моря и океаны, горы и пустоши, ледники и пустыни, и рано или поздно, я найду соперника, который впечатлит меня ещё больше!

Принцесса продолжала улыбаться. Достигнув дверного проёма и взглянув на разбитую дверь, она усмехнулась и легко перепрыгнула металлические обломки. Ступив на каменный пол, она оглянулась и, бросив последний взгляд на труп птицы, неторопливо двинулась к лестнице. Шаг за шагом, Реза всё дальше отдалялась от поля битвы, как вдруг псионическое поле вздрогнуло от странной, едва слышимой, вибрации. Девушка остановилась и прислушалась. Тишину, наступившую после падения Эреза, ничего не нарушало, и принцесса решила, что ей показалось. Она сделала очередной шаг, и за её спиной раздался грохот, столь ужасный, что Реза поменялась в лице и снова оглянулась.

В её глазах мелькнул страх.

После произнесённых Эйрихом слов двери конференц-зала стремительно захлопнулись.

– Не хочу, чтобы вы сбежали. Вашим друзьям уже не поможешь, но вы, повинувшись своим сомнительным идеалам, можете решить, что идея помочь им весьма хороша. Не заблуждайтесь. Я не позволю вам погибнуть, – после короткой паузы сказал Сфорце.

– Ублюдок! – взорвался Леон. – Да за такое... За наших людей...

Мгновенно псионическое поле напряглось, и в сторону Эйриха устремилась тетра-волна. Она с визгом пронзила пространство и разбилась о грудь бледного эовина. Оконные стёкла позади него вздрогнули, но сам мужчина не пошевельнулся и принял удар с невероятным спокойствием. Его губы искривились в надменной ухмылке. Он чуть наклонил голову и сделал несколько шагов в сторону разгневанного солдата. Тот, невзирая на первую неудачу, ударил снова, но на этот раз Сфорце отразил атаку, и тетра-волна врезалась в южную стену.

– Неужели господин Ацфел не рассказал о том, что так мне нельзя навредить? Или быть может, вы обладаете этим знанием, но отчего-то всё равно хотите проверить его?

Сфорце рассмеялся.

– Как бы то ни было, не советую продолжать. Вы лишь потратите силы, рискуя навлечь на себя мой гнев.

Заметив, что Леон ещё больше разозлился, Евгений приблизился к нему и положил руку ему на плечо.

– Не стоит, – сказал черноволосый эовин. – Мы не знаем,

что он такое... Если ты ударишь ещё раз, он может ответить и тогда...

– Ты сдался? – вскричал Леон. – Ты испугался за себя или за брата? Так? Не смей! Слышишь, не смей!

Евгений молчал. Он понимал, что его недавние слова о сопротивлении были лишь бравадой – последней попыткой сохранить хоть какой-то контроль над ситуацией. Его действительно парализовал страх за Максима, страх перед неизвестностью, страх перед Сфорце, и теперь Раапхорст покорно стоял на месте и ждал, пока Реза Тиен убивала внизу солдат Арпсохора. Так прошло несколько томительных минут.

– Твой друг не так глуп, как ты, – неожиданно усмехнулся Сфорце, обратившись к Леону. – Сопоставив очевидные факты, он понял, что самое лучше в данном случае – ожидание и терпение. Он верит, что всё может измениться, но едва ли это произойдёт. Возможно, он рассчитывает на помощь существа, которое пришло сюда с вами, и могущество которого мы почувствовали издалека, но и это маловероятно. Видите ли, Реза уже столкнулась с ним, а значит, жить ему осталось недолго.

Раапхорст встрепенулся. Он понял, что его творению, его последней козырной карте, угрожает опасность, и мысль эта пошатнула надежды на благополучный исход. В одно мгновение Евгению открылось страшное будущее: гибель Эреза, падение Арпсохора, мировая экспансия, служение Сфорце вместе с Максимом до конца дней, исчезновение челове-

ства и превращение его в колонию галлюцинирующих безумцев. Страх в душе Евгения усилился, но теперь он не парализовывал, а напротив – толкал к действию.

– Ты монстр! – в бешенстве выкрикнул мужчина. – Само твоё существование – ошибка! Ни тебя, ни моих птиц, ни твоей приспешницы – никого не должно быть на свете! Это гнусная насмешка над естественным ходом вещей! Эксперимент истинных чудовищ!

– Ты напоминаешь Коби, – заметил Эйрих. – Тот тоже кричал от бессилия и ненависти. Правда, в отличие от господина Ацфела, тебя я не отпускаю.

Раапхорст поднял руку. Где-то наверху послышался птичий крик, и вскоре, пробив потолок, в зал влетело двое эовранов. Каменные осколки с грохотом упали на пол, а существа, призванные Евгением, немного покружив, сели на плечи своего создателя.

– Ах, как неожиданно, – рассмеялся Эйрих. – Неужели ты думаешь, что птицы оставались незамеченными до нынешнего эффектного появления? Я почувствовал их в тот момент, когда ваш самолёт приземлился. Ты, очевидно, мнишь себя великим стратегом, но просчитываешься на каждом шагу и ход за ходом совершаешь ошибки. Вспомни, твой брат у меня, а значит, сопротивляясь, ты рискуешь его жизнью. Разве это не понятно?

Раапхорст в ответ осклабился.

– Исход может быть разным, но я уверен, что Максим по-

нял бы меня. Самое ужасное – это раболепие и страх перед тем, кто мнит себя сильнейшим существом на планете, но пока никак не подтвердил это. Жизнь брата, безусловно, важна, однако, ни любовь, ни дружба, ни какая-либо иная привязанность не заставит меня свернуть с избранного пути. Пусть, это эгоистично, но таков я есть. Да... Иногда мне кажется, я знаю, что делаю.

Он поднял взгляд на Эйриха и, синхронизировавшись с волнами эовранов, произвёл удар. Леон тоже не остался в стороне. Собрав доступные ему силы, солдат сосредоточился и послал в Сфорце рычащую тетра-волну. Тройная атака сбила эовина с ног. Когда же он встал, друзья ужаснулись: его лицо, грудь и живот представляли из себя сплошную рану – омерзительное кровавое месиво, но с каждой секундой плоть Сфорце восстанавливалась, и вскоре от ужасающих травм не осталось и следа.

– О, это было сильно, – Эйрих внимательно смотрел на Леона и Евгения, и впервые за несколько часов в его глазах мелькала злоба.

– Как это возможно? – прошептал Леон. – Мы ударили изо всех сил!

– Коби не лгал, – так же тихо отозвался Евгений.

Птицы на его плечах готовы были сорваться с места и самостоятельно вступить в сражение с Эйрихом, но черноволосый эовин удерживал их. Потерять сейчас верных эовранов он не мог.

Тут, где-то снаружи, послышалась псионическая вибрация, и здание центрального офиса «Кригард» содрогнулась. Стекланный потолок в зале заседаний чудом выдержал и не обрушился на головы врагов дождём осколков. Лишь в восточной стене образовалось пара неглубоких трещин.

– Хотите ещё раз попробовать? – голос Сфорце звучал, словно сталь – холодно и твёрдо. – Я не стану сопротивляться, можете поверить мне. Даю вам ещё один шанс, правда, сомневаюсь, что у вас что-то получится. Вы бьёте тетра-волнами, быть может, умеете использовать пси-частицы, но едва ли вам доступны манипуляции базисами.

– Базисами? – удивлённо протянул Раапхорст. – Но базисы – лишь теория, как и весь Вайрос!

– Для вас, пещерных людей, выросших в век упадка технологий, так и есть, но истинное положение дел обстоит иначе, – Эйрих пожал плечами. – Вайрос, типы частиц, классификация возможностей эвинов, базисы... Неужели для вас эти слова что-то вроде дефиниций древней алхимии – набор слов, не связанных с истинной наукой? Если так, то мне жаль вас. Но именно из жалости я кое-что расскажу... Научное сообщество былого мира, мира в котором эвинов можно было пересчитать по пальцам, установило существование некоего незримого уровня мироздания, который является основой всего. Дальнейшие исследования, в том числе и мои, подтвердили его наличие. Он – это Бог, всеобъемлющий океан жизни, смерти, сущего и небытия. Он – это краски, которы-

ми написана картина вечности. Он – это холст, на котором эта картина расположена, он – художник, он – всё, что может, могло и будет существовать. Его нельзя объять мыслью, его пределы нельзя покинуть, даже обладая великой фантазией или прибегнув к помощи психотропных веществ. Вайрос, тот самый тайный уровень, одновременно является материей, психикой и их контроллером. Он – это непреложный закон, который определяет мировой порядок: вся совокупность знаний о физике, химии, иных областях науки – лишь крупица того, что он хранит в себе. За видимый осязаемый мир отвечает тетра-уровень, за психику, разум и мысль – пси-уровень, а стержнем, который не позволяет этим кольцам разлететься в бесконечном пространстве сущего, является базисный уровень. Среднестатистический эовин, в чьих генах ещё со времён корпорации «Хатрис» есть нечто особенное, заложенное сотни лет назад гениальными учёными, умеет управляться с одним из первых двух, одарённый – сразу с двумя, но лишь я и Реза способны повелевать базисами. Это истина, друзья мои. Пусть и неполная, так сказать, относительная, но пока другой нет, следует считаться хотя бы с этой. Потому вам не удастся навредить мне, потому ваша битва уже проиграна, и потому самое верное решение – покориться и стать частью моего будущего. Не играйте с силами, которые не подвластны вам, не заставляйте меня избавиться от вас одним движением мысли.

Евгений и Леон стояли, ошарашенные и подавленные. По-

сле увиденного, после того, как на их глазах свершилась поистине фантастическая регенерация, и живое существо выжило после комбинированной атаки эовинов и эовранов, они готовы были поверить любым словами. Сфорце же, заметив произведённый эффект, сардонически ухмыльнулся и проследовал к окну. Прямо на его глазах Эрез пал на землю, поверженный, искалеченный, бездыханный. Обернувшись к замершим друзьям, бледный эовин произнёс:

– Последний этап завершён. Я хотел бы изучить ваше чудовище, ведь оно является уникальным образцом, но времени на это нет. У меня уже есть оружие массового поражения, и ещё одно было бы лишним риском. Впрочем, на досуге я обязательно пороюсь во внутренностях вашего двуглавого орла исключительно в научных целях...

Эйрих закрыл глаза и сдавленно засмеялся, будто в нынешней ситуации было что-то забавное.

– Простите, – через минуту сказал он. – Это создание напомнило мне об одной древней стране, которая подобно ему, до последнего сопротивлялась моему семейству и которая всё-таки сумела помешать нам. Да, с тех пор прошло много лет, и вдруг мне снова мешает орёл с двумя головами. Только теперь вместо золотого он облачён в чёрное перо. Поистине, линии Вайроса способны сотворять занимательные чудеса. Но даже они вам не помогут. Ведь Вайрос – не личность. Он высший контроллер, который обеспечивает сохранность и баланс мироздания, но не обладает сознанием. Он, подоб-

но законам, действующим в природе – безлик, могущественен и непреложен... И эти милые совпадения никаким образом не повлияют на нынешнее положение дел.

Раапхорст не ответил. В его душе по-прежнему боролись страх и решимость, горе и надежда. Он ощутил, что Эрез канул в небытие, что плод его многолетних трудов погиб и лежит, занесённый песком, пожираемый червями распада. И сразу за осознанием поражения и предчувствием скорой развязки безумной драмы, в сознании Евгения замелькали образы былой жизни. То были призраки и миражи, далёкие и прекрасные, словно звёзды в ночном небе. Елена, Александра, отец, мать, брат, отчий дом, радость свершений, опьяняющий вкус побед. Всё по-прежнему было ценно, живо и свято, и Раапхорст ужаснулся, представив, что не за горами день, когда всё человеческое и истинное превратится в искусственный калейдоскоп впечатлений без сотой толики правды. Тогда его дорогие воспоминания, способные одновременно согреть и ранить душу, превратятся в пустой набор образов, быть может, занимательных, а может быть, и нет.

«Значит, – подумал Евгений, – я пожертвую всем, что у меня есть, но не допущу, чтобы планы чудовища, стоящего передо мной, стали реальностью».

– Ты прав, – вслух сказал черноволосый эовин, – действительно, случаются прелюбопытные совпадения, но с твоим мнением о их бессмысленности я не согласен. Раз ты действительно веришь в Вайрос и указываешь на его сход-

ство с законами природы, то должен понимать, что если в естественной среде происходит какое-либо систематическое действие или лучше сказать, воздействие – оно далеко не случайно. Задумайся: может быть, тебе противостоит не сверхличность, а целый мир, целая вселенная? Если так, то ты не победишь, даже уничтожив Эреза – моё лучшее творение.

Сфорце улыбнулся. Он поднял руку, после чего в мрачном помещении раздался оглушительный скрежет разрываемого металла. Ножки сломанных кресел, чёрные и холодные, стали выгибаться, рваться и, словно щупальца, потянулись к лицу Раапхорста. Тот оставался неподвижен. Леон, заметив столь экстравагантную атаку, хотел было вмешаться, но Евгений остановил его кратким жестом. Эйрих неподвижно наблюдал за черноволосым мужчиной. Увидев в нём хоть тень страха, Сфорце тотчас бы прекратил запугивание, но Раапхорст был твёрд. Он решил во что бы то ни стало доказать, что если не сильнее, то хотя бы не слабее бледного эовина.

– Будешь продолжать упираться? – спросил Сфорце. – Быть может, пора остановиться и сдаться?

– Спроси у себя, – Евгений улыбнулся. – Ты и сам знаешь, что эту маленькую битву ты проиграл.

Металлические отростки остановились. Бледный эовин изящно опустил руку, и те упали на пол.

– Пожалуй, ты прав. Так и быть, победу в столь жалком сражении я оставляю за тобой. Можешь радоваться, пока

есть возможность. Вскоре тебе придётся присутствовать при падении Вольтата, и вряд ли хоть что-то в этом действии вызовет в тебе радость, – тон, с которым говорил Сфцоре, был сдержан, но Евгению показалось, что за напускным самообладанием скрывается истинный гнев. Эта мысль приободрила Раапхорста, надежда на победу, пусть и в долгосрочной перспективе, вновь воскресла.

«Он не всемогущ, – подумал Евгений, – Он не смог заставить меня отступить и...».

Мысль Раапхорста прервала странная вибрация, чем-то напоминавшая вибрации Эреза – резкие, жужжащие, колющие. Сфрце прислушался, и его белый лоб перерезала морщина недовольства.

– Реза, – позвал он. – Реза! Разве ты не закончила?

Ему не ответили. Мужчина позвал снова, и тут все присутствующие в зале услышали отдалённый женский крик. Евгений и Леон переглянулись: они оба подумали о том, что девушка, кем бы они ни была, кричит так громко, что её слышно даже за закрытыми дверьми.

– Интересно, – произнёс Эйрих. – Я чувствую нечто необычное. словно кто-то кроме меня или Резы способен проникать в глубинный уровень Вайроса. Надеюсь, мне это лишь кажется...

Крики внизу усиливались, и вскоре последовал новый толчок. Здание содрогнулось, завывало, но не обрушилось в силу совершенства технологий, с помощью которых было

возведено. Где-то раздался оглушительный птичий вопль, и эовраны, не покидавшие Евгения, закричали в ответ. Черно-волосый мужчина встrepенулся – он узнал голос Эреза, голос своего детища, голос последнего создания, которое было способно переломить ход неравного сражения.

– Ах, вот оно что, – сказал Эйрих. – Оно по-прежнему живо... Что ж, может быть, стоит помочь принцессе...

Он силой мысли открыл двери и, обратившись к друзьям, произнёс:

– Идём. Оставаться здесь смысла нет.

– Подожди, – произнёс Евгений. – Что ты хочешь сделать?

– Разумеется, взглянуть на то, из-за чего кричит Реза. Если что-то и могло напугать принцессу, то это нечто обладает разрушительной силой, превосходящей её собственную.

– Зачем тебе мы? – на этот раз спросил Леон.

– О, только для того, чтобы вы не погибли под обломками «Кригард». К тому же, вскоре нам надлежит быть в Вольтате. Мы сильно заболтались, и теперь следует поспешить.

– Стой! А как же мой брат? Ты оставишь его здесь? – вскричал Раапхорст.

– Нет, – Сфорце покачал головой. – Его выведут из здания. Сегодня я милостив: вы сможете увидеться и даже поговорить. Если, разумеется, в следующие несколько часов ты не успеешь впасть в немилость...

После этого трое покинули зал и, спустя несколько минут блуждания по утробе центрального офиса, оказались

в вестибюле. Тот был неузнаваем, покрытый ранами после недавней битвы. Балкон грудой обломков лежал на каменном полу, покрытом трещинами. Трупы солдат Арпсохора были погребены под досками, лишь кое-где из под завала торчали руки или ноги погибших воинов. Окна почти все были выбиты, и лишь в нескольких рамах сверкали стеклянные осколки. Потолок, в нескольких местах пробитый насквозь, казалось, вот-вот рухнет, но тот продолжал держаться, благодаря неизвестным силам.

Резы здесь не оказалось. Крики, совсем недавно звучавшие столь отчётливо, стихли, точно так же, как и вибрации принцессы. Оглядевшись, Эйрих неторопливо зашагал по обломкам к выходу. Евгений и Леон следовали за ним, в сопровождении эовранов, с интересом и ужасом отмечая детали недавнего побоища. Их, как и Сфорце, интересовала судьба кричавшей девушки, но в разы сильнее они желали узнать, что случилось с Эрезом, тела которого никто не видел. Надежда на то, что титанический орёл выжил и справился с настигшей его опасностью, придавала Раапхорсту сил. Кроме того, он верил, что вскоре встретится с братом, и вера эта наделяла его желанием бороться дальше. Леон чувствовал нечто схожее, но не рисковал говорить об этом в присутствии Эйриха. Пока что тот не проникал в их мысли, но отчего-то бывшему солдату «Клингенрайс» казалось, что тот может сделать это так же легко, как и выжить после тройной атаки.

Они продолжали идти и оглядываться до тех пор пока где-то совсем рядом не раздался хриплый голос Резы.

– Эй-рих... По-мо-ги... м-мне. П-пр-рошу...

Тот оглянулся и понял, что зов слышится откуда-то из парка. Он жестом остановил своих врагов, а сам двинулся на голос. Столь странные запинки и тембр, не свойственный Резе, удивили и насторожили его, но ещё больше его насторожил факт, что на протяжении уже нескольких минут он не слышит вибраций Тиен, бывших всегда сильными и отчётливыми.

– Что-то здесь не так, – усмехнулся Сфорце. – Кажется, кто-то желает поиграть со мной. Что ж, я согласен.

Он шёл один по каменной тропе, в окружении странных установок и зловонных каверн, но источник голоса найти не мог. Отчего-то Эйриху казалось, что кто-то наблюдает за ним, но даже его сверхчутьё не было способно определить, кто именно. Такое положение одновременно злило и завораживало Сфорце – впервые он столкнулся с чем-то неизвестным, чем-то таинственным и пугающим, что наконец-то разбавило повседневную серость его жизни.

– Эй-рих... рих... – звучал хриплый голос, лишь отдалённо напоминавший голос Резы. – П-пр-рошу...

– Покажись, – негромко приказал Сфорце, и пространство вокруг завибрировало, заставив друзей, оставшихся у здания «Кригард» вскричать от боли. Эйрих не шутил и этим действием хотел показать неизвестному врагу серьёзность

своих намерений.

Тотчас из чёрной смоляной дыры, справа от бледного эовина, вырвался фонтан машинных отходов, и из глубин мерзкого провала, словно поддерживаемая нитями кукловода, на свет показалась Реза, точнее то, что от неё осталось. Окровавленный труп, покрытый толстым слоем машинного масла, мазута и чего-то ещё, дрожал в пространстве, словно бился в конвульсиях, и из его изуродованного рта механически вырывались слова о помощи.

В глазах Эйриха потемнело. Он огляделся и только сейчас заметил чудовище, наблюдавшее за ним с вершины центрального корпуса. Ни Сфорце, ни его враги не заметили, как он туда забрался, и теперь двуглавый орёл, держась лапами за металлический шпиль, внимательно разглядывал свою новую жертву, вместе с тем, играя с предыдущей.

Вибрации бледного эовина постепенно стихли. Едва оправившись от страха и боли, Леон и Евгений проследили за взглядом Сфорце и ужаснулись, заметив Эреза, мрачного и ужасного в своём безумном величии.

– Я создал это, – прошептал Евгений. – Я создал чудовище, поистине невероятное.

– Не тревожься, – процедил Сфорце, едва сдерживаясь, чтобы не закричать, – вскоре от него ничего не останется...

Он сосредоточил взгляд на двуглавом монстре. Пространство снова наполнилось рычащей механической вибрацией, мгновение, и центральная башня «Кригард», издав оглуши-

тельный треск, лязг и скрежет, разлетелась на тысячи металлических, стеклянных и деревянных обломков. Эрез бесследно исчез, а его мёртвая марионетка, снова провалилась в смоляную яму.

– Не смей! – вскричал Раапхорст. – Там мой брат! Этим ты убьёшь его!

– Едва ли в катакомбах их завалит обломками наивысшей точки, – сдавленно отозвался Сфорце. – Впрочем, теперь, без Резы... Есть ли теперь смысл дорожить крупичами силы, когда основная её масса потеряна?

Орёл возник за спиной Эйриха, не дав тому договорить. Мужчина не успел защититься, и когтистая лапа отбросила его в сторону. Ударившись спиной о металлический остов одной из установок, эовин издал крик и тотчас, словно подерживаемый невидимой рукой, застыл в воздухе, в нескольких метрах над землёй.

– Как же ты добился этого? – ослабившись, прошептал Сфорце. – Что произошло здесь, из-за чего твоя сила так возросла? Я своими глазами видел твою гибель, а раз так, то... Нет!

Осознание чего-то ужасного заставило Эйриха замолчать, и орёл атаковал снова. Он издал вибрацию и та, адской волной, накрыла бледного эовина. Словно вихрь, она закружила Сфорце в невидимой воронке, и тот впервые почувствовал, что ему угрожает опасность. Вскинув руку, он заставил вихрь успокоиться и вскоре полностью нейтрализовал его,

но Эрез продолжал сражение. Его гнев был страшен, и, посмотрев в его глаза, бледный эовин понял, что едва ли чудовище отпустит его живым.

– Перед смертью он успел синхронизироваться с базисным уровнем, – прошептал Эйрих. – Но едва ли это принесёт ему победу.

Пока бледный эовин сдерживал атаки орла и отвечал на них, Евгений заметил, как вдали, из под земли, поднимаются две фигуры. Черноволосый мужчина догадался, что под бетонными плитами парка находится подземный проход, и мысль эта заставила Раапхорста встрепетаться.

– Пойдём, – сказал он, обращаясь к Леону. Тот кивнул, и друзья торопливо зашагали к неизвестным, вышедшим из катакомб. То и дело, эовинам приходилось оглядываться на Сфорце, но тот был так погружён в битву с двуглавым орлом, что, кажется, позабыл о своих пленниках. Вскоре они приблизились к людям, покинувшим подземелье. Их встреча состоялась у восточного корпуса «Кригард», и Евгений, взглядевшись в лица странных людей, испытал страх и счастье одновременно. С одной стороны, теперь он знал – его брат жив, и он не повинен в его смерти. Но с другой... Когда Максим, чертовски удивлённый и обрадованный, хотел было подбежать к брату, его спутник, облачённый в чёрные одежды, остановил его. Враги по-прежнему были рядом, и потому счастье Евгения было условно.

– Инстернис... – злобно прошептал Леон, узнав бывшего

военного Дексарда. – значит, мы не ошиблись. Ты стал рабом этого чудовища!

– О, я не раб, – рассмеялся мужчина. – Я всего лишь захотел возвыситься, и госпожа Тиен любезно согласилась помочь. Сначала я достигну её уровня, а затем... Едва ли вы поймёте, а потому не судите о том, чего не в силах постичь!

– Как был психом, так им и остался, – заметил Граф. – Твоя Тиен мертва. Вон, в яме лежит. Можешь проверить.

Бледное лицо Грауса исказилось гримасой боли. Он пошатнулся и, дрожа от гнева, переспросил:

– Что ты сказал? Г-где она? Что вы с ней сделали?! Я вам не верю! Вы лжёте!

– Убить можно, кого угодно, и я бы не советовал тебе нападать, – произнёс Евгений. – Мне плевать, какой силой ты обладаешь, но ради брата я...

– На убийство пойдёшь? – прорычал Граус. – Думаешь, получится? Думаешь, у тебя есть шансы?! Ко мне!

Инстернис послал взгляд в небеса, серые и холодные, надеясь, что к нему устремятся верные эовраны, но ничего не произошло. Ни единого птичьего крика, не считая Эреза, который по-прежнему сеял хаос, и двух воронов Евгения.

– Не понимаю, – пробормотал Граус. – Почему их нет? Что с ними?

– Ты видишь, что творится в парке? – сказал Раапхорст. – Там твой господин бьётся не на жизнь, а на смерть, с существом, во стократ превосходящим любые возможности эо-

врагов. Они чувствуют их гнев, их силу, а потому не рискуют приближаться. Более того, все живые существа, не обладающие разумом, тоже стремятся покинуть это место: их гонят инстинкты, страх смерти. Тебе никто не поможет. Сейчас даже я не способен повлиять на Эреза... Сдайся и отдай мне брата!

– Не подходите! – пробасил Инстернис. – Одно неверное движение, неверный взгляд, и он распрощается с жизнью!

Послышалась угрожающая вибрация, и друзьям пришлось отступить. Сделав шаг назад, они замерли в ожидании. Граус, казалось, о чём-то раздумывал, не ослабляя потенциальную тетра-волну.

– Значит, это ты тот самый Евгений Раапхорст, с которого всё началось? Интересно... Думаю, ты пригодишься хозяину. Пока он сражается с этим чудовищем, я буду держать тебя здесь. Только попробуй сглупить, и твой брат отправится на тот свет в мгновение ока. Надеюсь, это понятно?

– Вполне, – отозвался Евгений. – Но что будет, если Сфорце погибнет? Едва ли тыпустишь Максима.

– Отпущу, – заверил Граус. – Если господина не станет, всё потеряет смысл... Нет, этого не будет! – вдруг испугавшись своих слов, вскричал Инстернис. – Он победит!

Эрез расправил крылья, и добрая половина парка погрузилась во мрак. Головы чудовища рычали, раскрывая изо-

гнутые клювы. Взгляд его чёрных глаз был прикован к бледному эовину, висевшему в пространстве без какой-либо опоры. Монстр готов был сию же секунду атаковать, но Эйрих оказался быстрее. Он развёл руки в стороны и застыл, словно распятый. По его пальцам пробежали едва различимые электрические разряды и через мгновение устремились к небесам. Оттуда, из мрачных облачных массивов, вниз, из небытия, из самых дальних закоулков безумного сознания Сфорце, устремились гигантские металлические отростки, чем-то напоминавшие те, что использовала Реза. Они выглядели ржавыми и поношенными, на их концах сверкали разветвлённые лезвия, отчасти закрученные в спираль. Щупальца медленно тянулись к своей жертве и, иногда соприкасаясь меж собой, издавали масштабный, хтонический скрежет, низкочастотным гулом отдававшийся во внутренностях эовинов и птиц.

Эрез гневно вскричал. Между ним и дьявольскими отростками вспыхнул фиолетовый свет, и титанический орёл взмыл в небо, готовый сражаться до победного конца. В тот же миг щупальца, до этого лениво спускавшиеся к земле, ускорились стократно и, словно, ураган обрушились на орла. Дьявольская буря поглотила небо. Спиралевидные лезвия, демонические отростки, длина которых достигала нескольких километров, Эрез, превратившийся на их фоне в чёрную точку – всё слилось в единое месиво, единую симфонию хаоса, словно звучащую из врат ада. Эовины пали ниц пред

разразившимся буйством в водах Вайроса, они были поглощены страхом, скованы ужасом, инстинктом самосохранения. Они не смели поднять глаз на ревушие небеса, где среди туч и молний, бились два ирреальных чудовища, два столпа гротеска, два апостола апокалипсиса, призванные в этот мир человеческими существами. Один Эйрих фон Сфорце мог взирать на эту битву, лишь он, избранный результат многочисленных генных экспериментов своей семьи, смел быть её частью. Он ощущал могущество орла, ощущал собственную силу, и с каждой минутой понимал всё отчётливее, что его планы непоправимо испорчены. Реза пала жертвой двуглавого чудовища, у замысла идеального будущего появился ещё один ужасный враг, эффект неожиданности потерян – все преимущества, в том числе и исключительная сила Эйриха, были поставлены под сомнение. Но тот не сдавался и продолжал направлять металлические отростки, в надежде спасти хотя бы малую часть своего плана. Эрез адскими воплями, потрясающими небеса, разрывал щупальца на тысячи частей, но оттого меньше их не становилось. Новые отростки продолжали выходить из мрачных небес и со скоростью звука наносить удары противящемуся им существу.

– Когда же ты остановишься! – вскричал Сфорце. – Ты лишил меня друга, а теперь хочешь лишить весь мир будущего? Но что если я решу лишить тебя кое-чего важного?

После этих слов одно из щупалец рванулось к Раапхорсту, лежавшему на каменной плите рядом с Леоном, Максимом

и Интсернисом, и орёл, заметив это, со всей доступной ему скоростью устремился к своему создателю. Он на лету издал чудовищную по своей силе пси-вибрацию, и отросток растворился в пространстве, словно синеватый дым от сигареты. Так он заблокировал ещё несколько атак, после чего его враг на мгновение остановился.

«Проклятье! – мысленно вскричал Эйрих. – Если бы я не оставил Раапхорста позади, сейчас у меня был бы шанс усмирить этого монстра. И Инстерниса не дозваться, эта тварь блокирует почти все мои мысли. Не понимаю... Граус держит Максима в заложниках, но Евгений даже не думает отозвать орла. В чём дело? Он поставил судьбу человечества выше судьбы родного человека или просто не способен вмешаться в битву? Его зверь перестал слушаться? Что ж, если его не могут остановить даже мои атаки...»

В его разуме, подобном машине, ровным строем пронеслось несколько мыслей. Каждая из них сложилась в единую картину, на которой Сфорце узрел спасительное решение. Он ухмыльнулся и прошептал, не спуская глаз с поля битвы: «Хорошо, пусть будет так. Но сколько бы вы ни упирались, вам не удастся избежать участи, уготованной этому миру. За сотни лет, что я прожил, я научился терпению, вы же непроситительно молоды и горячи. Однажды вас не станет, а я вернусь на эту землю, и в следующий раз ничто не сможет мне помешать».

После этих слов, небо очистилось от дьявольских щупа-

лец, и Сфорце, бледный словно покойник, исчез в мгновение ока. Вместе с ним пропал и Инстернис. Братья Раапхорст и Леон по-прежнему лежали ничком, едва способные поверить, что недавний ад закончился. Они до сих пор слышали вой, лязг металла и все остальные звуки inferнального побоища. Страх парализовал их, и прошло ещё около часа, прежде чем эвины попытались встать. Едва держась на ногах, не произнося ни слова, они посмотрели в небо и увидели, как Эрез, величественный и ужасающий, спускается на землю. Крылья двуглавого орла, казалось, были способны разогнать тучи, но небо по-прежнему было мрачным и неприветливым. Наконец, чудовище спустилось к создателю, и Евгений закрыл глаза, не в силах смотреть на свой ужасный шедевр. Орёл же, словно домашнее животное, склонил головы к творцу и легонько боднул его в плечо.

– Оставь меня, – прошептал Евгений. – Ты... Тебя не должно существовать... Ты...

– Не надо, – промолвил Леон. – Если бы не он, Сфорце сейчас направлялся бы к Вольтату, и будущее человечества оказалось под угрозой. Прошу, не казни ни себя, ни его... Вы единственные, кто смог предотвратить грядущий ужас. Этого довольно, чтобы забыть обо всех разногласиях, даже если они существуют в тебе одном.

– Значит, это действительно твоё творение? – со страхом глядя на Эреза, спросил Максим. – Да, а я думал, что я величайший ум этого столетия...

– Как ты... – побагровев от злости, прохрипел Евгений. – Как ты можешь шутить после всего, что произошло здесь прямо сейчас? Неужели ты не понимаешь, что я призвал на землю демона, который в любой момент может довершить распад человечества? Да, как вы можете быть так спокойны... Вы... Вы...

Удар по лицу заставил черноволосого эовина упасть навзничь. Максим, мрачный и суровый, навис над братом.

– Ты имеешь право бояться, ты имеешь право сомневаться, но сейчас не смей! Ты подумаешь об этом позже, когда падёт тирания Атерклефера, когда наступит мир, которого все мы так желаем. Только после того, когда наступит некое подобие баланса, ты сможешь сесть и подумать о содеянном. Отступить поздно. Прими это и двигайся дальше! – твёрдо сказал он.

Евгений, обескураженный и поражённый силой брата, которую тот проявил, почувствовал его правоту.

– Да, – сказал он, взявшись за руку Максима, когда тот протянул её, чтобы помочь брату встать. – Ты говоришь верные вещи. Я не буду отступать. Ещё слишком много нужно сделать...

– Вот и хорошо, – Леон улыбнулся. – Теперь нам надо возвращаться. Наверняка, господин и госпожа Альстрайм с нетерпением ждут новостей. Как же чудесно, что всё кончилось, вы наконец-то встретились и...

Бывший солдат «Клингенрайс», впервые за долгое вре-

мя испытывавший настоящую радость, вдруг замолк, заметив мрачные выражения лиц братьев Раапхорст.

– О, Леон, ещё ничего не кончилось. Сфорце сбежал, и в его руках по-прежнему находится величайшее оружие в мире. Он найдёт, как его применить, он найдёт новых союзников, и тогда мы снова столкнёмся с ним, а пока... Пока мы должны быть начеку каждый день, каждый час, ведь иначе стерильное будущее этого чудовища может стать настоящим. Мы не имеем права терять бдительность, не имеем права расслабляться... Пока у нас есть отсрочка, мы обязаны стать сильнее и привнести в царство повсеместного хаоса хоть капельку спокойствия.

Сказав так, Евгений посмотрел вдаль, будто желая разглядеть нечто, скрытое за горизонтом. В этот миг мужчина отчётливо почувствовал близость существ, близких с ним по духу: Пьера, Адела, Коби, Леона и Невелис, верного Эреза, и на душе эовина, несмотря на только что произнесенные пророческие слова, стало тепло и светло. Отчего-то он вспомнил Елену, и слабая улыбка появилась на его лице. Он думал о счастье, и мысли эти наполняли его живительной силой, силой, которая в будущем пригодится для неизбежной битвы.

– Мы не можем исправить мир, но это и не нужно, – минутой позже, произнес эовин. – Наравне с белым всегда будет существовать чёрный цвет. Наравне с добром будет существовать зло. Нам нужно лишь привести их к равновесию. И миг, когда это случится, станет мигом нашего триумфа.